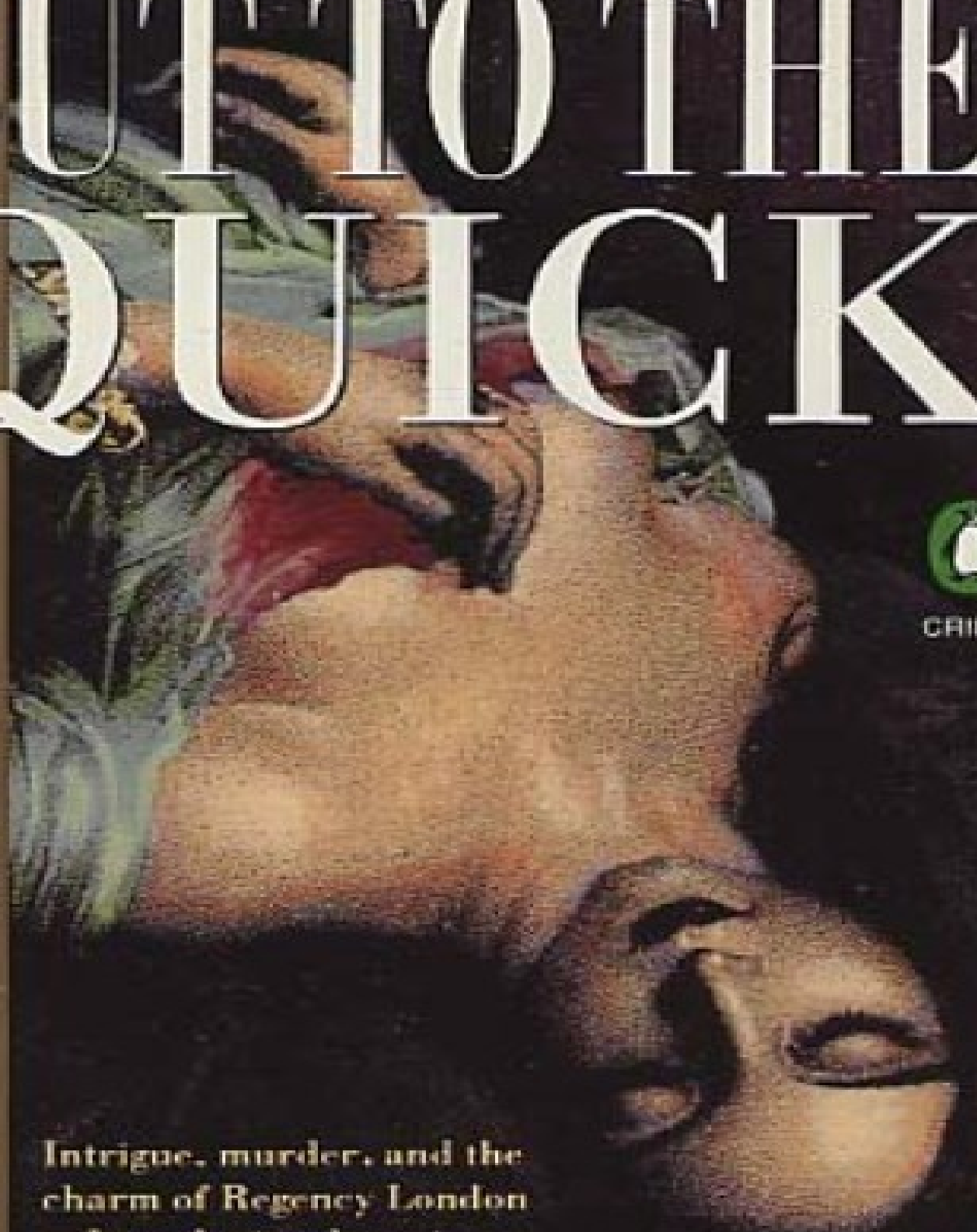

REGENCY + ROMAN + THE 1800S + 1815 + 1830 + 1840 + 1850 + 1860 + 1870 + 1880 + 1890 + 1900 + 1910 + 1920 + 1930 + 1940 + 1950 + 1960 + 1970 + 1980 + 1990 + 2000 + 2010 + 2020

CUT TO THE QUICK

Intrigue, murder, and the charm of Regency London —Introducing detective Julian Kestrel

KATE ROSS

«В самое сердце» – первый роман Кейт Росс о Джулиане Кестреле — детективе-любителе, столь же неотразимом как лорд Питер Уимзи и столь же исторически аутентичном как брат Кадфаэль. Кестрель — лондонский денди эпохи Регентства, блестящий, острый на язык и не думающий ни о чём, кроме модных костюмов.... По крайней мере, он не против, чтобы все так считали. Волей случая Кестрель впутывается в дела знатного семейства Фонтклеров, в загородном доме которых гостит, и сталкивается с убийством. В мире, где ничего не знают об отпечатках пальцев, где ещё не в ходу химический анализ, и нет даже профессиональной полиции, Кестрелю и его верному слуге Брокеру придётся немало постараться, чтобы найти преступника. Версия перевода: 1.02

•

В самое сердце

Глава 1. Нечего праздновать

Глава 2. Грехи юности

Глава 3. Беллегард

Глава 4. Перепалка

Глава 5. Семья по Гэю

Глава 6. Чужие дела

Глава 7. Убийство

Глава 8. Доктор и денди

Глава 9. Сэр Роберт сообщает новости

Глава 10. Медицинские озарения

Глава 11. В разладе лад не явленный земле

Глава 12. Многообещающий подозреваемый

Глава 13. Никому не друг

Глава 14. Деликатное дело для судьи

Глава 15. Леди Тарлтон в западне

Глава 16. План кампании

Глава 17. О ножах и не только

Глава 18. Показания Дика Фелтона

Глава 19. Показания миссис Уоррен

Глава 20. Список подозреваемых

Глава 21. Потерянные и найденные

Глава 22. Джулиан проверяет теорию

Глава 23. Расплата

Глава 24. Манёвры

Глава 25. Старый друг Брокера

Глава 26. Теней воздушных имя и жилище[46]

Глава 27. Подсказка в газете

Глава 28. Бойся своих желаний

Глава 29. Двойная верность

Глава 30. Блеф

Глава 31. Гнездо тайн

Глава 32. Правосудие

Глава 33. Семейная Библия Мод

Глава 34. Последний кусочек мозаики

Примечание о «ты» и «вы» для тех, кому интересно

notes

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52

В самое сердце

Моему отцу

Расследования Джулиана Кестреля – 1

Переводчик: Широхов С. П.

Версия: 1.02

«В самое сердце» – первый роман Кейт Росс о Джулиане Кестреле — детективе-любителе, столь же неотразимом как лорд Питер Уимзи и столь же исторически аутентичном как брат Кадфаэль. Кестрель — лондонский денди эпохи Регентства, блестящий, острый на язык и не думающий ни о чём, кроме модных костюмов... По крайней мере, он не против, чтобы все так считали. Волей случая Кестрель впутывается в дела знатного семейства Фонтклеров, в загородном доме которых гостит, и сталкивается с убийством. В мире, где ничего не знают об отпечатках пальцев, где ещё не в ходу химический анализ, и нет даже профессиональной полиции, Кестрелю и его верному слуге Брокеру придётся немало постараться, чтобы найти преступника.

Глава 1. Нечего праздновать

Марк Крэддок неторопливо прохаживался вдоль письменного стола в своём кабинете. Время от времени от бросал взгляд на инкрустированные часы, что стояли на каминной полке. Молодые люди ещё не пришли ко взаимопониманию, но он не стал их прерывать. Он ждал этого дня больше двадцати лет. Подождёт и ещё немного.

Прислуга Крэддока называла эту комнату «логовом льва» – отчасти, из-за того, что на спинке хозяйского стула была вырезана львиная голова, отчасти потому что сам Крэддок с

его густыми рыжеватыми волосами, плоским носом и свирепым взглядом, которым он окидывал собеседника сквозь стёкла маленьких, круглых, сверкающих очков, походил на льва. Вся комната была подогнана под этого высокого, дородного человека – высокий потолок, массивная мебель красного дерева. Он потратил на него немало денег, и роскошь тут была повсюду – сервские чернильницы, папки в сафьяновой коже, изящная картина, изображающая покойную жену Крэдока, висевшая над мраморным камином.

Сейчас от этого портрета Крэдоку было не по себе. В её глазах будто были скорбь и упрёк. Он изо всех сил пытался не отводить глаз и уже наполовину решился повернуть Сару лицом к стене, как вошёл лакей.

- Мистер Фонтклер хочет видеть вас, сэр.

Крэдок тут же забыл о портрете.

- Пусть войдёт.

И вот он – Хью Фонтклер, сын и наследник сэра Роберта – её племянника. Крэдок смерил его удовлетворённым взглядом. У парня было фонтклерское лицо – высокий лоб и выступающий подбородок, а красивые тёмные глаза достались от матери. Манера держаться у него истинно фонтклеровская – он стоял прямо и глядел дерзко. Юноша остановился, едва зайдя в комнату, будто брезговал приближаться к Крэдоку ближе, чем требовалось.

- Ну? – Спросил Крэдок. – Как всё прошло?

- Я пришёл, чтобы сообщить вам, что ваша дочь согласилась стать моей женой. Теперь, если нам больше нечего обсудить, сэр, позвольте мне откланяться. Все расчёты между нами можно будет уладить через солиситоров^[1].

Крэдок не хотел, чтобы Фонтклер ушёл прямо сейчас. Он не мог отказать себе в удовольствии видеть, как тот кипит от злости и тяготится своим положением.

- Вы всё ей объяснили?

Хью порозовел.

- Если вы имеете в виду, сказал ли я ей, какими бесчестными путями вы устроили это обручение – то нет, сэр, не сказал. Я помню ваши указания о том, что она не должна этого знать. – И он добавил чуть тише. – И это не очень честно по отношению к ней.

- Позвольте мне самому судить, что будет честно по отношению к Мод.

- А вы это знаете, мистер Крэдок? – Взорвался Хью. – Вам до этого есть дело?

- Меня никогда не перестает изумлять как много вы, Фонтклеры, говорите о честности и чести – будто хоть что-то знаете о них! – Крэдок наклонился вперед, его увесистые кулаки упёрлись в столешницу. – Возвращайся к отцу, дяде и тётке и скажи им, что между тобой и Мод всё решено. Скажи им, что пройдет немного времени и на свет появится ребёнок, в чьих жилах будет и их, и моя кровь. Надеюсь, их скорчит, когда они об этом услышат! Я сожалею только, что сам этого не увижу!

Если бы Хью не был бы так удручён, он бы наслаждался пребыванием в Лондоне. Его родители редко приезжали сюда даже во время сезона^[2]. До недавних пор Хью приходилось довольствоваться жизнью в Беллегарде, где он завершал образование и помогал отцу управлять поместьем. Но теперь он уже взрослый – через полмесяца ему будет двадцать один – и желал увидеть мир. Хью хотел попросить отца позволить ему отправиться за границу на год или два. Парижские кафе, римские руины, роскошь Востока – он жаждал

побывать там и увидеть всё своими глазами, а не просто читать в книгах.

Конечно, теперь всё изменилось. Если он и отправится в гранд-тур^[3], это будет свадебное путешествие, не более опасное и будоражащее кровь, чем загородный пикник. Он был просто не готов к женитьбе. Любой, кто читал хоть один роман или бывал в театре, знает, что свадьбой приключения героя заканчиваются, а не начинаются. У него в жизни ещё не было приключений – ни дуэлей на рассвете, ни полночных стычек с разбойниками. Ни, чёрт возьми, женщин.

Он знал, что у множества женатых молодых людей есть любовницы – актриски или танцовщицы. Но это было не для него – пример родителей не позволял пуститься по пути пустых, осуждаемых союзов, что в свете были обычным делом. Его отец, сэр Роберт, сам выбрал себе жену – не прибегая к методам Крэдока. Хью сказал себе, что распутничать было бы нечестно по отношению к мисс Крэдок – в конце концов, в этом обручении не было её вины – но он всё равно не мог не видеть в ней наказание и крушение всех своих надежд и мечтаний. Как может на такой почве вырасти и расцвести супружеская любовь?

Погружённый в мрачные раздумья, Хью остановил экипаж у дверей родительского дома на Керзон-стрит и, бросив поводья конюху, зашёл в дом. Он попытался сделать весёлое лицо.

«Нет никакой заслуги в том, чтобы исполнять свой долг, – сказал себе Хью, – если ты не можешь, хотя бы притвориться, что это тебе в радость».

Лакей Майкл сообщил, что родители сейчас в кабинете сэра Роберта.

- Они одни? – Нерешительно спросил Хью.

- Да, сэр. Леди Тарлтон и полковник Фонтклер сейчас в гостиной.

Леди Тарлтон и полковник Фонтклер были сестрой и братом сэра Роберта. Хью не удивился, что их пригласили – они, должно быть, очень интересуются, что происходит между ним и мисс Крэдок. Но он был рад возможности сперва поговорить с родителями с глазу на глаз. Как им удалось загнать тетушку Кэтрин в гостиную, он не мог и представить. Это, наверняка, потребовало от матери употребить весь её такт, а от отца – авторитет.

Он зашёл в кабинет и рассказал родителям, что мисс Крэдок дала ему согласие. Сэр Роберт задал массу вопросов о невесте. Она хорошо воспитана? Умеет ли она держать себя, хватает ли её достоинства и изящества? Любит ли она книги и что читает? Наконец, ведомо ли ей чувство чести? Свойственна ли ей искренность, прямота, скромность? Отвечать на это было непросто. В первую встречу с мисс Крэдок он так волновался и был так застенчив, а делал предложение в столь деликатных обстоятельствах, что не мог узнать о ней многого. Всё время, что они говорили, Хью не отрывал глаз от китайского дракона, вышитого на ковре, а сейчас запомнил драконью морду лучше, чем лицо невесты.

Леди Фонтклер мягко взяла его лицо в свои руки.

- Дорогой мой, она тебе нравится?

- Да, очень, мама.

- Я должна буду узнать её получше перед свадьбой. Роберт, не можем ли мы пригласить мисс Крэдок в Беллегард на несколько недель? Она сможет увидеть дом и имение, познакомиться с прислугой и арендаторами. Я хочу увериться, что она будет хорошей женой для Хью. Мы совсем ничего о ней не знаем.

- Я не думаю, что вы обнаружите в ней что-то, что не сможете одобрить. – Сказал Хью. – Но если и так, мама, то что вы сделаете? Что хоть кто-то из нас может сделать?

Леди Фонтклер печально улыбнулась и покачала головой.

- Ты знаешь, что даже сейчас ещё не поздно отступить. – Внезапно произнёс сэр Роберт.

– Если ты чувствуешь, что не готов жениться, чтобы исправить чужие ошибки, тебе стоит лишь сказать об этом.

- Но, сэр, я уже сделал признание мисс Крэддок.

- Я понимаю. Но ты сделал это под нажимом. У неё нет права принуждать тебя держать это обещание.

- Боюсь, я не могу согласиться с вами, сэр. Что бы меня не вынудило это сделать, я дал слово. Теперь я не могу отступить. Так или иначе, я не передумаю. Я буду счастлив жениться на мисс Крэддок. Надеюсь, что для спасения нашего имени от бесчестья я смогу сделать и что-то ещё.

Сэр Роберт заговорил вполголоса.

- Когда у человека нашего положения есть лишь один сын, нужно хорошо потрудиться, чтобы этот сын вырос достойным мужчиной, а не просто повесой. Я могу поблагодарить мистера Крэддока лишь за то, что он счёл моего сына достойным своего имени и наследия.

Краска бросилась в лицо Хью.

- Отец, я не более чем... чем человек, которым вы меня вырастили.

Леди Фонтклер переводила взгляд с мужа на сына; её глаза горели. Но видя, что от нахлынувших чувств они оба лишились дара речи, женщина поспешила прервать молчание.

- Так мы можем пригласить мисс Крэддок в Беллегард?

- Мы не можем пригласить её одну, без отца. – Указал сэр Роберт.

- Это и правда будет неловко и неприятно. – Признала его супруга. – Но слуги и все остальные в Беллегарде, рано или поздно, привыкнут к нему.

- Моя дорогая, если ты хочешь пригласить Крэддочков в Беллегард, то, конечно, ты можешь сделать это.

Хью улыбнулся. Конечно, отец согласился. Когда он в чём-то отказывал ей? Но она всегда спрашивала его разрешения, прежде чем взяться за исполнение какого-нибудь важного плана. Это было похоже на куртуазный танец – она подчинялась его мнению, он исполнял её желания.

- Стоит ли мне сказать тетушке Кэтрин и дяде Джеффри, что помолвка с мисс Крэддок улажена? – Спросил Хью.

- О, дорогой мой! – Засмеялась его мать. – Ты уже достаточно натерпелся! Беги и оставь Кэтрин и Джеффри нам.

Хью подчинился, чувствуя одновременно вину и облегчение. Он был уверен, что стоит тётушке Кэтрин узнать об обручении, как будет скандал, а потому спустился по лестнице, собираясь покинуть дом до того, как разразится буря. Но в холле его перехватил Майкл.

- Простите, сэр. Мистер Гэй сейчас в библиотеке. Он хотел видеть вас. Он велел никому, кроме вас, не говорить, что он здесь.

- Дьявол! Что у него за секреты?

- Не могу сказать, сэр.

Хью вздохнул.

- Хорошо. Пойду к нему.

В библиотеке было с полдюжины стульев, но Гэй сидел на переносной лестнице, которую использовали, чтобы доставать книги с верхних полок. Одна из его длинных ног стояла на ступеньке, другая свободно покачивалась в воздухе. Гэй обожал свои ноги и носил

ужасно облегающие брюки. Не меньше он любил свои волнистые каштановые волосы, что ниспадали вокруг ушей в тщательно продуманном романтично-напускном беспорядке. У него были яркие карие глаза, ямочка на подбородке, а на фонтклеровские выступавший подбородок и длинные брови мелькал лишь намёк. Плечи, грудь и талия Гэя были воплощённой мечтой любого портного.

Он вскочил, едва увидев Хью.

- Где тебя черти носили? Я уж думал, ты совсем не придёшь.

- Зачем ты здесь прячешься? Почему велел Майклу никому о себе не сообщать?

- Потому что узнал, что тётушка Кэтрин сейчас в доме, а я скорее дам засолить себя в бочке, чем обменяюсь с ней парой слов. Я всё ещё помню свою последнюю встречу с ней на нашем совершеннолетию в Беллегарде. Ещё одна порция общения с ней меня прикончит. Но мне хотелось увидеть тебя. Скажи – это правда, что ты собрался жениться на дочери Марка Крэдока?

- Откуда ты узнал?

- От полковника. – Под «полковником» разумелся отец Гэя, Джеффри Фонтклер, младший брат сэра Роберта. – Это правда?

- Да. Мы обручились сегодня днём.

- Но Бога ради, почему? Дочь Марка Крэдока! Он ведь...

- Я знаю, кто он.

- Дядя Роберт готов проглотить это?

- Да, он одобрил этот брак.

- Стало быть, одно из двух. Либо вы занимали деньги с гарантией выплатить после получения наследства, а Крэдок держит ваши долговые обязательства, либо дочка Крэдока беременна от тебя.

- Побойся Бога, я встречал её всего один раз!

- Ну, больше могло и не потребоваться.

- Я не это имел в виду! И я должен попросить тебя, не говорить о ней в таком тоне. Она очень уважаемая девушка, девушка, на которой я собираюсь жениться.

- Она хотя бы красива?

- Она не... недурна.

- Боже мой! Всё так плохо? Тогда какого дьявола ты собрался на ней жениться? Дело должно быть в деньгах. Я не думал, что у сэра Роберта такие проблемы.

- У него... Забудь! Больше я тебе ничего не могу сказать.

- Не поверю, что сэр Роберт позволил бы тебе жениться на дочке мещанина – любого мещанина, чего уж говорить о Марке Крэдоке! Что бы сказали наши благородные предки? Весь Беллегард содрогнётся в день твоей свадьбы, а рыцари и герои восстанут из могил. Когда свадьба, кстати?

- В конце июня.

- Господи, всего через два месяца? Что ж, по крайней мере, скоро вы приберёте к рукам денежки Ля Крэдока, и я смогу занимать у тебя. На сколько расщедриться её отец?

- Я не знаю точно.

- Ты обручаешься с девушкой, чей отец богат как Крёз, и даже не интересуешься её приданным? Черт побери, если дело не в её деньгах, зачем ты женишься на ней?

- Я сказал бы тебе, если бы мог, но не могу. Мне не позволено. Так что тебе нет смысла дальше донимать меня.

Глаза Гэя вспыхнули.

- Тогда я найду другой способ. Готов побиться об заклад, полковник знает. Ставлю пятьдесят фунтов, что вытяну из него всё ещё до завтрашнего полудня.

Хью не пожелал принять пари, хотя знал, что выиграл бы его.

- Вот что я скажу. – Снова заговорил Гэй. – Ты и сам не рад обручению. Я понимаю – чтоб мне лопнуть, если бы я сам был рад. Но у меня есть мысль. Один мой друг даёт ужин сегодня вечером для своих товарищей, а потом мы идём играть. Почему бы тебе не присоединиться? Тебе не так уж и долго осталось наслаждаться холостяцкой жизнью.

Хью был раздавлен. Он знал, как весело живут в Лондоне Гэй и его друзья – игорные дома на Пэлл-Мэлл, сомнительные трактиры, «благоразумные» дома на Ковент-Гарден. Сам он никогда не вкушал таких удовольствий, и потому чувствовал одновременно любопытство, опасения и лёгкое отвращение. А настроение у него явно не подходило для пирушки. И всё же Гэй прав – если он хочет предаться грехам юности, то сейчас самое время.

Гэй упал на стул. Его взгляд прикипел к лежавшим на столе коробочке атласного дерева в фут длиной и большому альбому. По его лицу расплылась улыбка.

- Хотелось бы мне увидеть носик сестрицы Изабель.

- Её носик?

- Чтобы посмотреть, как она его сморщит! – Он рассмеялся, вскочил на ноги и зашагал туда-сюда. – Боже мой, хочу увидеть её лицо, когда она узнает, что мисс Крэдок её обскакала! Или я уже опоздал? Она знает, что ты уже обручён?

- Она знает, что я собирался сделать предложение мисс Крэдок. Но она, кажется, не возражала – по крайней мере, не больше, чем кто-либо другой.

- Вздор! Не возражала? Да она бы скорее захотела разорвать мисс Крэдок на мелкие кусочки! Но Изабель – это Изабель, и она никогда не признается в таком. Так и будет жить с непроницаемым лицом и жаждой убийства в душе.

- Я сто раз говорил тебе – мы с Изабель всё равно, что брат и сестра. Она не хочет выходить за меня замуж.

- Чёрта с два! Ты и Изабель может быть и *как* брат и сестра, но между сестрой и троюродной сестрой огромная пропасть, и, поверь мне, Изабель отлично знает это. Кроме того, у нас вся семья годами говорила о том, как бы вас сосватать.

- Это идея тетушки Кэтрин. Ты ведь знаешь, что она об этом думает.

- Знаю, знаю! Никто не может быть достаточно хорош для Фонтклера, кроме другого Фонтклера.

Хью кивнул.

- Я думаю, родители бы тоже хотели, чтобы я женился на Изабель. Они вырастили её, они знают, что она ценит Беллегард, наше имя и традиции не меньше меня. Но они никогда не давили на нас, и я уверен, что Изабель не думает обо мне иначе как о друге и брате.

- А как о будущем сэре Хью Фонтклере?

- Ты ошибаешься насчёт неё, Гэй. Она...

- О, только чёрта помяни! – Прошипел Гэй.

В дверях появилась молодая леди. Она была высокой и худощавой, со светло-каштановыми, почти пепельными, волосами. У неё было фонтклеровское лицо – слишком высокий лоб и выдающийся подбородок, чтобы назвать его красивым. Светло-серые, почти прозрачные глаза, спокойно глядели на двоюродных братьев.

- Добрый день. – Сказала она. – Простите, что прерываю, но думаю, что оставила здесь

свой альбом и карандаши.

- Добрый день, сестрица! – Поприветствовал её Гэй. – У нас для тебя есть новости. Хью теперь обручён.

- Это правда? – Спросила она Хью, ничем не выдав никаких чувств.

- Мисс Крэдок дала мне своё согласие. – С запинкой отозвался Хью, гадая, какую часть их разговора с Гэем она могла слышать.

- Желаю тебе счастья. – Она протянула ему руку. Он сжал её и поцеловал девушку в щёку.

- Может быть, они пригласят тебя как главную подружку невесты. – Сказал Гэй.

- Это будет честью для меня. – Они миновала Гэя и села за стол, на котором лежали её принадлежности для рисования. Вытащив из пенала карандаш, девушка принялась за набросок, что делала с висевшей на стене гравюры со сценой охоты.

Гэй подошёл к ней.

- Думаю, тебе стоит сблизиться с мисс Крэдок. Вокруг неё должно быть увивается немало молодых мещан, что в радость возьмут в жёны девушку, за которой отец не даст ни гроша приданого, если этого отца зовут Фонтклер.

- Спасибо, Гэй. Я обязательно воспользуюсь твоим советом.

- Вот это дух! Вот это смирение, сестрица! Для бедных родственников оно незаменимо.

- Ты лучше всех подходишь для того, чтобы преподать этот урок. Не знаю никого, кто лучше всего показывал бы, к чему приводит отсутствие смирения.

Гэй посмотрел на неё и получил в ответ хладнокровный взгляд.

Хью поспешил вмешаться.

- Мама собирается пригласить мисс Крэдок и её отца в Беллегард.

- Буду рада познакомиться с ней. – Ответила Изабель.

- Я бы ни за что это не пропустил. – Вставил Гэй.

Где-то сверху раздался женский голос. Слов было не разобрать, но перепутать с чем-то этот пронзительный тон было невозможно.

- Тетушка Кэтрин выходит из гостиной. – Сказал Хью.

- Проклятие! – Воскликнул Гэй. – Тогда я сбегу прямо сейчас. Ты придёшь к нам вечером или нет?

- Приду! – Решился Хью.

- Вот и славно! Проводи меня немного, и я скажу, где нас найти. До свидания, сестрица! – Он отправил Изабель воздушный поцелуй. – Не будем докучать тебе нашими планами. Мы собираемся развлекаться, то есть делать то, о чём и ты понятия не имеешь. – Она потащил Хью прочь из комнаты.

- До свидания. – Едва успел сказать Хью, как дверь за ним захлопнулась.

Изабель закрыла глаза.

- О Господи! – Прошептала она, и сломала карандаш, что держала в руке.

Глава 2. Грехи юности

За один ужин с Гэем и его друзьями Хью почувствовал себя так, будто преодолел все этапы «Карьеры распутника»^[4] в одну ночь. Он никогда не думал, что человек может столько выпить и оставаться на ногах. Конечно, хозяин заботился о том, чтобы далеко ходить никому не приходилось – в комнате было в досталь вина и другой выпивки, а в одном

из буфетов нашёлся и ночной горшок.

На пирушку собралось с полдюжины молодых холостяков – в том числе гвардейцев. Гэй рассказал им, что Хью собирается жениться и обычный ужин превратился в чествование будущего жениха. Хью не был уверен, что такой повод хоть как-то повлиял на количество выпитого – они просто продолжали произносить подходящие случаю здравицы, что постепенно становились всё более и более непристойными. Хью без удержу смеялся над остротами – он был уже так пьян, что ему всё казалось смешным.

Наконец, кто-то крикнул, что пора попытать удачу за игорным столом. Хью это захватило врасплох. Он знал, что они собираются пойти играть, но было уже за полночь, и все были настолько пьяны, что он не представлял, как в таком состоянии можно играть во что-то, требующее хоть немного думать или хотя бы держать в руках карты. Но предложение было встречено одобрительно, и Хью решил не упускать шанс увидеть на что похож игорный ад Лондона. Так что вся компания набилась в экипаж и покатила по Пэлл-Мэлл.

Снаружи игорный дом выглядел скромно и не бросался в глаза, но внутри был обставлен роскошно – алые диваны и ковры, льняные шторы и огромные хрустальные люстры. Ливрейные лакеи предлагали Хью кларет и шампанское – он знал, что ему больше нельзя пить, но всё равно пил. С ним происходило что-то ужасное. Его будто несла вперёд неостановимая волна – что бы не делали остальные, он тоже делал. Так он оказался в толпе, что окружила стол для хэзарда^[5].

Ещё ни одна игра не сбивала его с толку так, как хэзард. Хью не был уверен, что разобрался бы, что в ней к чему, даже будучи трезвым. Как игроки понимали, в чём суть, и каковы их шансы в разных раундах, и что означали все остальные броски? И сколько он проигрывает? Сам Хью не смог считать – он вообще не мог думать. Свет сотен свечей слепил его и без того затуманенное зрение, разговоры и смех громом отдавались в ушах. С ужасом и восхищением он смотрел на белые кости, скачущие по зелёному столу, на руки крупье, сгребаящего проигрыши, игроков в тёмно-синих, зелёных и сливовых сюртуках, делающих ставки и затаив дыхание ожидающих нового броска. Некоторых из них глядели на Хью, а потом смеялись или перешёптывались друг с другом, веселясь его неловкости и растерянности.

- Не слишком ли я ошибусь, если предположу, что вы не могли бы знать об этой игре меньше, даже если бы родились и выросли в монастыре? – Проговорил молодой человек в чёрном на ухо Хью.

- Я увяз с головой. – Слабым голосом признал Хью.

- О да, ещё немного и нам придётся осушить всё болото, чтобы вытащить вас.

- Я бы перестал играть, но, кажется, просто не могу. И – по правде говоря – мне кажется, что если я перестану опираться на стол, то тут свалюсь!

Джентльмен в чёрном вздохнул.

- Ну что же. Позвольте мне.

Он обхватил Хью рукой за плечи – как будто хотел с ним о чём-то тайком поболтать – и оттащил его от стола. Хью был так пьян, что едва сделав несколько шагов, вцепился в джентльмена в чёрном, ища поддержки. Комната принялась неистово кружиться, превращаясь в калейдоскоп цветов и оттенков.

Хью почувствовал, как его сажают в кресло. Комната всё ещё кружилась. Он схватился руками за голову и так сумел её остановить. Когда молодой Фонтклер немного пришёл в себя, джентльмен в чёрном уже исчез.

Хью закрыл глаза и не вставал ещё час или два. Он даже задремал, забыв о шуме и свете. Проснувшись, он нашёл место, где можно было вдали от чужих глаз прекратить сдерживать рвоту, после чего приполз обратно. В голове прояснилось, хотя она начала болеть.

В соседнее кресло бухнулся Гэй.

- А я-то думал, ты уже улизнул домой.

- Я пойду, скоро пойду.

- Ради Бога, вся ночь ещё впереди.

- Впереди? Мне кажется, что это уже продолжается вечность. Я гадаю, сколько проиграл за тем проклятым столом для хэзарда.

- О, думаю, тогда ещё играли по маленькой. Ты убежал слишком рано, что успеть много спустить. Кстати, как раз вспомнил! Как ты успел подружиться с Джулианом Кестрелем?

- О ком ты говоришь?

- Я видел, как ты отходил от стола с ним в обнимку. Знаешь, сколько людей глаз бы отдали за то, чтобы Кестрель обратил на них внимание? Что ты такого сказанул, чтобы он тебя выделил?

- Так тот джентльмен в чёрном – это Джулиан Кестрель?

- Господи, ну ты и молокосос. Само собой, это Кестрель. Он всегда носит чёрное на вечеринках – чего удивляться, что такой страшный франт одним из первых подцепил эту моду?^[6] Ты правда не знал, кто он такой?

- Нет. Впервые его вижу.

- О чём вы говорили?

Хью отвёл взгляд.

- Ни о чём особенном.

Гэй пожал плечами, встал и нетвёрдым шагом отправился играть в «двадцать одно». Хью же сидел и думал о своём спасителе. Джулиан Кестрель появился в лондонском обществе год или два назад. О нём почти никто ничего не знал, хотя говорили, что он каким-то тёмным образом связан с землевладельческой семьёй с севера. Будь он кем угодно, кроме денди, такая туманная родословная была для него приговором, но самые эффектные из последователей Красавчика Браммела были избавлены от обычных для света пересудов об их рождении и воспитании.

Хью поглощала мысль о том, что перед тем как уйти домой, он должен поговорить с Кестрелем. Этот человек помог ему выпутаться из сетей игры, и было бы грубо не поблагодарить его. Собственное намерение пугало Фонтклера – выставив себя таким болваном, было унижительно снова встречаться с Кестрелем. А теперь Хью знал, кто таков Кестрель и не ждал милосердия – говорят, что денди хлебом не корми, а дай посмеяться над такими юнцами как молодой Фонтклер.

Он обошёл столы, держась от них на почтительном расстоянии и рассматривая игроков. Если ему хоть немного повезёт, Кестрель будет погружён в игру, и беспокоить его окажется невежливо. Но нет, чёрт возьми, он стоял у оконной ниши, о чём-то беседуя с несколькими будто бы скучающими франтами. Хью собрался с духом и, подойдя к ним, спросил, чуть повысив голос:

- Мистер Кестрель?

Все повернулись к нему и смерили с ног до головы насмешливыми или критическими взглядами. Один и вовсе глядел на Хью через монокль – круглое увеличительное стекло на чёрной ленте, вставленное в глаз. Хью почувствовал себя лошадью, которую выставили на

торги.

Кестрель чуть улыбнулся и поднял брови. У него были самые устрашающие брови, что Хью доводилось видеть.

- Я... – У Хью пересохло в горле. – Не могу ли я поговорить с вами минуту?

Улыбка Кестреля чуть искривилась. Но один из собеседников отпустил смешок и, кажется, именно это переубедило человека в чёрном.

- Вы извините меня? – Обратился он к своим спутникам. Впрочем, было очевидно, что ему совершенно не важно, извинят его или нет.

Он отошёл в сторону вместе с Хью.

- Итак, чем могу служить, мистер...?

- Фонтклер. Хью Фонтклер. Рад знакомству, сэр. Я... Вы сегодня были так добры, что оказали мне услугу.

- В самом деле? – Хладнокровно спросил Кестрель. – Простите – это было уже давно.

Хью в лицо бросилась краска.

- Возможно, вы этого и не запомнили этого, но я помню и благодарен вам, сэр. Я был в затруднительном положении, и все вокруг видели это, но никто кроме вас не пришёл на помощь. Быть может, вы считаете это пустяком, но для я – нет, и я хотел лишь поблагодарить вас перед тем, как идти домой. Доброй ночи, сэр. – Он поклонился и пошёл прочь.

- Мистер Фонтклер. – Кестрель повысил голос лишь настолько, чтобы его можно было услышать в окружающем шуме.

- Да?

- Ваше лицо принимает неприличный зелёный оттенок. Вы доберетесь до дома или стоит вызвать носилки и доставить вас туда, как раненого воина?

- Я пришёл сюда с кузеном, но не думаю, что он захочет уйти так скоро. Я пройду до дома пешком – хотя бы часть пути, чтобы освежить голову.

- И какой-нибудь услужливый разбойник освежит вам её дубинкой, если вздумаете в одиночку бродить по Лондону в такой час. Выхода нет – я усажу вас в экипаж.

- Я не могу доставлять вам стольких беспокойств.

- Мой дорогой друг, моя совесть не позволит мне принять на себя ответственность за вашу безвременную кончину. А теперь, если вы будете так любезны...

Хью понял, что спорить бессмысленно. Они взяли его шляпу и поговорили с важным наряжённым господином о проигрыше Хью. К облегчению молодого Фонтклера, сумма оказалась куда меньше, чем он боялся. Вдвоём они вышли на улицу, где Кестрель послал мальчишку найти экипаж.

Шёл дождь, да и ночи в апреле стояли не самые тёплые. Хью захлестнула усталость. Он поёжился под сюртуком^[7] и поднял воротник.

- Если вам дурно, – мягко сказал Кестрель, – вам лучше решить эту проблему до того, как вы заберётесь в экипаж. Кучерам это чертовски не нравится.

- Я думаю, всё будет в порядке. Я просто не привык столько пить.

- Такое объяснение приходило мне в голову.

- Мы вроде как праздновали. Я собираюсь жениться меньше чем через два месяца.

Кестрель посмотрел на Хью более внимательно. Хью же уставился себе под ноги, тыча в мостовую носком ботинка.

Подъехал экипаж. Кестрель бросил монетку посыльному, что ловко поймал её одной

рукой. Хью залез внутрь, повернулся окошку и высунул голову.

- Мистер Кестрель, я...

Джулиан понял, что сейчас опять услышит выражения благодарности и поспешил откланяться.

- Доброй ночи, мистер Фонтклер. – Сказал он и отступил, давая экипажу тронуться.

- Какой-то он унылый немного. – Заявил мальчишка, мотнув головой вслед экипажу.

- Более чем немного, я бы сказал. – Согласился Джулиан. Интересно, на ком собрался жениться его новый знакомец, и почему он был так мрачен? Он слишком молод, чтобы жениться. Бога ради, он слишком молод, чтобы выпускать его из дома без няньки.

Кестрель покачал головой, выбрасывая из неё Хью Фонтклера и его заботы.

- Тебе бы пастором быть. – Усмехнулся он сам над собой. – Смог бы укутывать больных и совать нос в чужие дела сколько угодно. – Он пожал плечами и вернулся в игорный дом.

Джулиан Кестрель жил в квартире на втором этаже^[8] на Кларджес-стрит. Здесь были высокие потолки и большие окна, а станы окрашены в цвет слоновой кости. Мебель красного дерева была изящной, но немногочисленной – Джулиан ненавидел беспорядок. Тут и там виднелись напоминания о путешествиях Кестреля – графин венецианского стекла, мавританский коврик для молитв, мраморная голова римской богини, написанные маслом холмы Тосканы. Над камином висели перекрещённые шпаги – на первый взгляд они казались просто украшением, но приглядевшись повнимательнее, можно было понять, что им приходилось бывать в бою^[9]. Почётное место на фортепиано занимал небольшой бюст Моцарта, а под инструментом скрывалась этажерка, забитая потрепанными нотными листами.

Был час пополудни, и Джулиан заканчивал трапезу. Чтобы позавтракать он прервал на полпути сложную процедуру одевания. Сейчас на нём была белая рубашка с высоким вышитым воротничком, казацкие шаровары^[10] в тонкую серую полоску и домашний парчовый халат из бутылочно-зелёного шёлка. Оставшиеся на столе кофейник, чашка и блюдце служили единственным напоминанием о завтраке. Время от времени подходил слуга, чистивший господский сюртук и жилет, и наливал новую чашку, сперва убедившись, что кофейник не успел остыть.

Джулиан разбирал утреннюю почту. Как обычно, это были, в основном, приглашения и счета. Он прошёлся взглядом по первым, отобрав несколько, которые собирался принять. Но одно письмо привлекло его внимание. Он откинулся на спинку стула и не спеша перечитал его.

- Брокер, – обратился он, – что бы ты сделал, если бы человек, которого ты встречал всего один раз и о котором не знаешь решительно ничего, вдруг написал бы тебе и попросил быть шафером на его свадьбе?

Камердинер оторвался от своей работы. Это был маленький, гибкий человек лет двадцати с круглым лицом и ловкими пальцами, а волосы и глаза его цветом напоминали грязную лужу – были такими же неопределённо-коричневыми.

- Звучит довольно странно, сэр.

- Довольно странно. Но всё, что я знаю об этой свадьбе, тоже немного странно. Конечно, не стоит удивляться, человек из такой семьи как Хью Фонтклер вынужден жениться на деньгах. Но Фонтклеры – старая норманнская семья, они горды как сам

Люцифер. *On-dit*^[11], сэра Роберт просто уничтожен этой свадьбой или что он никогда не позволит наследнику жениться на дочери торговца. А ещё никогда ещё не было таких упорных слухов о том, что для Фонтклеров настали тяжёлые времена.

- Возможно, мистери Фонтклеру пришлось по сердцу вовсе не деньги, сэра.

- Романтик! Нет, дело определённо не в девушке. Когда Фонтклер говорил мне, что скоро женится, он выглядел так, будто его ждали не брачные узы, а тюремные кандалы. – Он задумался и добавил. – Я ничего не знаю об этой мисс Крэддок. Отец с неё глаз не спускает – говорят, что боится охотников за приданым. Было бы только справедливо, если бы она помогла какому-нибудь бедному неудачнику поправить свои дела – видит Бог, её отец разорил немало людей. Ты знаешь, он ведь был ростовщиком, но даже среди этих кровопийц заслужил славу безжалостного дельца.

- Так это мистер Фонтклер просит вас быть шафером на его свадьбе, сэра?

- Да, и приглашает провести две недели в поместье его отца в графстве Кембридж. Вот так семейное сборище – невеста, жених, отец невесты да несколько родственников жениха. – Он нахмурился. – Но с какой стати он приглашает в этот узкий семейный круг меня, да ещё так внезапно? Мы встречались всего один раз, в одном игорном притоне пару недель назад. Он явно собирался выставить себя ослом, так что я отправил его домой.

Брокер бросил на хозяина хитрый взгляд. Мистер Кестрель чего-то не договаривал. Никто не приглашает незнакомца быть твоим шафером лишь потому что он помог тебе не проиграть последние штаны. Но если мистер Кестрель и оказал этому малому какую-то услугу, он бы никогда сам об этом не упомянул.

Он принялся начищать пуговицы на сюртуке Кестреля.

- На свадьбах всегда много народу. – Принялся вспоминать камердинер. – Если правильно одеться, то в большой толпе легко затеряться, и никто не узнает, что тебя не пригласили. Стянуть промокашку лучше и не пытаться – все вечно утирают слёзы, а вот луковицу^[12] украсть легко – никто не думает о том, чтобы на неё смотреть. У меня самого никогда не хватало духу работать на свадьбах, сэра. Когда люди счастливы, разве можно подкладывать им такую свинью, сэра?

- Интересно, как с такой чувствительностью, ты вообще мог что-то у кого-то красть.

- Я выбирал своих жертв, сэра, когда мог себе это позволить. Обычно джентов, вроде вас, сэра, что не будут горевать по пропавшей паре-другой квидов.

- Нельзя судить о богатстве лишь по одежде. У некоторых самых впечатляющих модников Лондона самые невпечатляющие кошельки.

- О да, теперь я знаю это, сэра.

- Должно быть, с тех пор как работаешь у меня. – Весело сказал Джулиан и печально посмотрел на стопку счетов на столе. – Ты знаешь, нам и правда не помешало бы провести неделю-другую вдали от Лондона, игорных столов и надоедливых портных. Наши финансы становятся всё более... очевидны. – Он снова посмотрел на письмо Хью и вздохнул. – Дьявольщина в том, что мне и правда придётся стать шафером. Это единственный путь узнать, почему меня пригласили.

Глава 3. Беллегард

Филиппа понимала, что одиннадцатилетней быть нелегко. Она знала, что должна быть послушной, как её сестра – Джоанна – и делать то, что говорят старшие, не задавая вопросов

и не прося объяснений. Но это так трудно, когда ты ничуть не глупее любого знакомого тебе взрослого – кроме матери. Её отец, конечно, был очень важным человеком – сэр Роберт Фонтклер, баронет, землевладелец, мировой судья. Но Филиппа, сложившая воедино всё, что она о знала о своём отце, не могла сказать, что он хорошо понимает людей. В нём, наверное, было чуточку слишком много достоинства и маловато здравого смысла.

Возможно, собственный авторитет давил на него. Филиппа была невысокого мнения об авторитете, и не всегда ему подчинялась. Когда ей запрещали делать что-то, она тщательно всё обдумывала, и если находила запрет несправедливым или необязательным, то нарушала его. Именно поэтому, хотя гувернантка сказала Филиппе, что та не сможет увидеть мистера Кестреля до завтра, она решила улизнуть из классной комнаты и повидаться с ним вечером.

- Мы подождём в коридоре, пока он будет переодеваться к ужину. – Сказала она Джоанне. – Все остальные познакомятся с ним сегодня вечером. Чем мы хуже?

Но Джоанна, конечно же, не захотела участвовать. Это неподобающе – мистер Кестрель сочтёт их парочкой вульгарных молодых особ. Джоанне было тринадцать, и она стала кошмарно мнительной, когда дело касалось джентльменов – Филиппа не могла взять в толк, почему. Что же, если Джоанна не пойдёт с ней, она пойдёт одна.

Мистер Кестрель прибыл в Беллегард как раз, когда подали первый звонок, что призывал всех взрослых переодеваться к ужину. Джоанна и Филиппа уже поужинали в классной комнате вместе с мисс Притчард, своей гувернанткой. Младшая сестра дождалась, пока Джоанна и Притчи не уйдут с головой в вышивку и выскользнула из комнаты. Добравшись до нужного коридора, она подбежала к двери мистера Кестреля и встала на страже.

Наконец, она отворилась, и оттуда вышел джентльмен, весь в чёрном. Филиппа уставилась на него во все глаза – она впервые видела настоящего лондонского денди!

Он оглядел её и поднял бровь.

- Кажется, мы не были представлены друг другу. Я – Джулиан Кестрель.

- Да, я знаю! – Выдохнула она.

- Могу я спросить, почему вы смотрите на меня, как на праздничный фейерверк?

- Вы лучше, чем фейерверк. Он вспыхивает и гаснет, а вы останетесь на две недели. А ещё фейерверки шумные и от них много дыму.

- Я очень тихий. – Заверил девочку Кестрель. – И я никогда не дымлю в присутствии дам.

- Я – Филиппа Фонтклер. – Она смотрела на него одобрительно. Кестрель оказался куда лучше тех скучных красавчиков, что так обожает Джоанна. У него было смуглое, неправильное лицо и тёмно-каштановые волосы, цветом похожие на красное дерево. Глаза у гостя были карие, но когда он улыбался или пристально смотрел на тебя, в них появлялся зеленоватый блеск. Кестрель был худощав и не выделялся ростом – но был очень представительным и внушительным – наверное, такими же были короли в старые времена, когда они ещё не были толстыми, суевливыми, да ещё немцами. Он был великолепен в своём костюме, в которого не было ничего вычурного и показного – кроме ослепительно белого белья – но который сидел на нём безупречно.

«Суть денди не в том, что он носит, – решила Филиппа, – а в том, как он это носит».

Она на миг задумалась, а потом весело сказала:

- Этот дом такой большой, что я боялась, вдруг вы не найдёте гостиную, и решила показать вам дорогу.

- Это было очень предусмотрительно с вашей стороны.

«Он не поверил мне, – подумала она. – Он умён».

- Вы уже успели осмотреть дом?

- Нет. Я приехал только что.

- А заблудиться тут трудно, правда-правда. Надо только помнить, что он делится на три части. Мы сейчас в средней. Я люблю её больше всего. Её построили при королеве Елизавете, а некоторые комнаты с тех пор и не меняли. Ваша – одна из таких. Комнаты дальше по коридору совсем новые и потому скучные – всё равно, что жить в веджвудовском чайнике. Это всё гостевые комнаты, но сейчас там никто не живёт. Весь коридор всё равно что ваш. Красивая тут резьба на стенах, правда?

Джулиан кивнул.

- Очень красивая. – Он бросил взгляд по сторонам, чтобы знать, о чём говорит. Его комната была в конце тупикового коридора. Здесь стоял стол с корзиной цветов. На одной стороне с его комнатой было ещё две двери, что явно вели в осовремененные гостевые комнаты, что Филиппа так презирала. В противоположной стене дверь была всего одна.

- Там зал. – Объяснила Филиппа. – Через него мы можем попасть на лестницу.

Она открыла дверь, и они вошли.

- Эта комната – одна из тех, что остались со времён Елизаветы. Мы нечасто её используем. Она для того, чтобы любоваться.

- И она того стоит. – Оценил Джулиан. Здесь повсюду было резное и позолоченное дерево, геральдические узоры и красочные гобелены. Оштукатуренный потолок захвачен птицами, цветами, свитками и листьями аканта. Джулиан, что больше ценит свет, простоту и свободное пространство, с удивлением осознал, что очарован этой комнатой. Она была такой безыскусно полной. Ему подумалось, как хорошо она отражает дух той эпохи, когда открывали континенты, когда разгромили Армаду, когда творили великие английские поэты и драматурги. Эпоху, подумал он, когда человечеству казалось, что для него нет ничего невозможного.

- Я всегда думала, что в этом зале должен бродить призрак. – Говорила Филиппа. – Она такая старая, никто в ней не живёт – именно в таких местах и бывают призраки. Из Оливье Фонтклера получилось бы отличное привидение. Это наш предок, что жил при королеве Елизавете, и был как-то замешан в заговоре Бабингтона^[13], так что ему пришлось бежать из страны. Мама говорит, что на самом деле призраков здесь нет. Но, если просто представить, что они есть – представить, что души плохих людей не находят покоя в могилах – вы не думаете, что человек, замысливший предать свою королеву, может стать привидением в фамильном особняке? Особенно, если он не был пойман и наказан при жизни?

- Если бы каждый, кто умирает с грехами на совести, возвращался бы призраком, живым бы не осталось домов во всей Англии.

- Вы циник. Я думала, что вы именно такой. Вы умеете насмешничать?

- С ужасными последствиями.

- О, пожалуйста! Я хочу это увидеть!

- Боюсь, вы ещё слишком молоды, чтобы это выдержать. Меня можно будет обвинить в том, что я вас испорчу.

- Меня не испортить. Я крепкая. Моя гувернантка так говорит. Но пойдёмте же. Я не хочу, чтобы вы опоздали на ужин.

Они спустились по исполинской лестнице со старинными перилами, увенчанных

грифонами.

- Так вот, – продолжила Филиппа, – я говорила вам, что дом делится на три части – главный дом, новое крыло и крыло прислуги. Мы сейчас в главном. Столовая и библиотека у нас на первом этаже. Наверху только гостевые комнаты и зал. Комнаты мистера и мисс Крэдок недалеко от вашей, за углом. Вы познакомились с ними?

- Нет, ещё нет.

- Мне не нравится мистер Крэдок. Он грубый и неотёсанный. А мисс Крэдок очень милая. Она часто приходит в классную проведать нас с Джоанной. Она нам нравится.

Это выразительное «нам» означало – она нравится нам с Джоанной, даже если всем остальным мисс Крэдок совсем не по душе.

Гость и его проводница прошли через большой холл, потолок которого пересекали балки, а в окнах были цветные стёкла.

- Эти двери под музыкальной галереей ведут в служебный коридор^[14]. – Сказала Филиппа. – По нему можно попасть в крыло прислуги. Все три части дома идут в ряд – крыло для слуг, главный дом и новое крыло. Мы сейчас идём в новое.

Джулиан представил фасад дома, который хорошо разглядел, когда подъезжал. Филиппа, должно быть, вела его в правое крыло, что было длиннее остальных. Его выстроили из того же сурового камня, но со всем изяществом классического стиля, что порождал резкий контраст с зубчатыми стенами и многостворчатыми окнами остальной части дома.

Внутри этот контраст был столь же разителен. Прямые коридоры и углы сменились извилистыми. Вместо дубовых панелей с замысловатой резьбой появились стены, окрашенные в пастельные тона с целомудренной белой лепниной. Здесь всё было устроено изящно, спокойно и с хорошим вкусом – но всё же Филиппа была права – после того, что они уже видели, эта часть дома казалась пресной.

Филиппа вдруг подскочила.

- Какой ужас! Тут и мисс Притчард, и Хью и Джози. Давайте убежим, пока нас не заметили!

- Боюсь, они уже видели нас.

- Притчи меня так выберит за то, что я пошла познакомиться с вами! – Она сложила руки и потупила глаза. – Добрый вечер, мисс Притчард.

Гувернантка, которой было между тридцатью и сорока, оказалась болезненно худой, с измождённым костлявым лицом и подслеповатыми глазами. Она поспешила вперед, чтобы забрать свою подопечную.

- Мне ужасно жаль, сэр! – Взволнованно обратилась она к Джулиану. – Я и не знала, что она ушла!

- Всё в порядке. Я очень обязан мисс Фонтклер, что показала мне путь в гостиную. Думаю, без неё я бы заблудился.

Филиппа вскинула голову и победно улыbnулась сестре. Джоанна очаровательно надулась. Она была темноволосой и превосходила Филиппу красотой. Ещё несколько лет, и она будет разбивать сердца всего Вест-Энда.

- Послушай, Пиппа, – сказал Хью, – тебе вовсе необязательно выглядеть такой самодовольной. Мистер Кестрель был очень любезен, но тебе не стоило докучать ему.

- Я и не докучала. Я помогала. И это из-за тебя я захотела с ним познакомиться. Ты ведь говорил, что мистер Кестрель – самый завидный кавалер во всём Лондоне!

Хью покраснел до корней волос. У Джулиана в глазах были смешинки, но ему хватило такта отвести взгляд.

- Пиппа, ты всех смущаешь! – Прошипела Джоанна.

- Не вижу, поче... – Начала Пиппа, но мисс Притчард поспешно пожелала всем доброй ночи и увела своих подопечных прочь.

- Прошу прощения за это. – Пробормотал Хью. – Я не думал, что в Беллегарде мои сёстры задразнят вас до смерти.

- О, я не против. Мне нравится водить дружбу с женщинами до того, как они достаточно подрастут, чтобы стать опасными.

Всё остальное общество уже собралось в гостиной. С сэром Робертом и леди Фонтклер Джулиан уже успел познакомиться – они приветствовали его сразу по прибытии. Он был немного знаком с полковником Фонтклером, братом сэра Роберта – тот входил в один-два клуба, членом которых был Джулиан. Сестру сэра Роберта, леди Тарлтон, он знал в лицо, но они никогда не были представлены друг другу. Мистер же Крэддок оставался для него незнакомцем, так же, как и Мод Крэддок и Изабель Фонтклер.

Изабель была всего на несколько лет старше, но на шесть дюймов выше чем Мод. У неё была именно такая фигура, что Джулиану нравились больше всего – худощавая, статная и полная бессознательного изящества. Голос у неё был низкий, плавный и мягкий – Джулиан всегда обращал внимание на голос, и этот очень его порадовал. Но куда больше его поразила её безмятежность. Немногие люди способны держать себя так спокойно, но при этом естественно и расслабленно.

По сравнению с Изабель, Мод проигрывала. У неё было бледное и нездоровое лицо, а под глазами залегали тени. Фигурой она напоминала дрезденскую пастушку^[15] – тонкая талия, заметные округлости выше и ниже. Волосы мисс Крэддок были того светлого, непостоянного оттенка, что не позволял назвать её ни брюнеткой, ни блондинкой. Носик у неё был маленький, приплюснутый и усыпанный веснушками, а вот глаза поражали – большие, широко расставленные, ярко-бирюзового цвета. Она редко поднимала их на собеседников – лишь для того, чтобы прошептать ответ на фразу, с которой кто-нибудь к ней обращался. Но один раз Джулиан поймал Мод на том, что она рассматривает его лицо. Стоило ему посмотреть в ответ, как она виновато вздрогнула и отвела взгляд.

Полковник Фонтклер сидел у огня, а его правая рука покоилась на набалдашнике трости. Трость была ему необходима – он был ранен в ногу с десяток лет назад, когда под началом герцога Веллингтона сражался в Испании. Джулиан никогда не видел этого человека таким удручённым как сегодня. В лондонском свете он слыл бонвиваном – весёлым и беспечным любителем очень старых вин и очень молодых женщин. Полковник был красив, как и его сын Гэй, хотя сидячая жизнь и обильная еда с выпивкой уже начали сказываться на нём. Румяное лицо и брюшко скрадывало сходство с сэром Робертом, что был высок, сухопар и худощав, а через десять-двадцать лет с него можно было бы писать отличного дона Кихота.

Гэя не было – ужинать с семьёй он сегодня не собирался.

- Ты же не хочешь сказать, что он опять где-то развлекается! – Возмутилась леди Тарлтон.

- Ты же знаешь, у него много друзей вокруг. – Ответила леди Фонтклер. – И он не так часто здесь бывает – конечно, ему хочется навестить их всех, пока есть такая возможность.

- Ты знаешь не хуже меня, что Гэй занят отнюдь не визитами вежливости! Не иначе как отправился развлекаться в деревню, где будет творить Бог знает, что и выставлять нас на посмешище своими выходками. Как мы сможем сохранять достоинство, если Гэй вечно ведёт себя как обычный мастеровой или ремесленник! Впрочем, не знаю, почему меня это беспокоит – наше положение уже невозможно скомпрометировать сильнее! – Она бросила презрительный взгляд на Крэдкоков.

- Гэй просто очень весёлый. – Вступилась леди Фонтклер. – Я уверена, он не хочет причинять никому вреда. Но, если ты хочешь, я попрошу его ужинать сегодня дома. Это тебя устроит?

- Устроит меня! Как будто что-то может устроить меня, пока... Что ж, полагаю, мне нужно с этим смириться.

Леди Фонтклер перехватила взгляд Джулиана и печально улыбнулась, будто просила простить вспышку леди Тарлтон и, одновременно, взывала к его чувству юмора. Он улыбнулся в ответ, подумав о том, как красива эта женщина – изящная и темноволосая, с мягкими карими глазами. Джоанна очень походила на свою мать, а вот у Филиппы было длинное и худощавое фонтклеровское лицо.

За ужином он сидел по правую руку от неё. Зная, что леди Фонтклер круглый год живёт в Беллегарде, он был вынужден ограничивать разговоры детьми и садом, но быстро понял, что был несправедлив к собеседнице. У неё оказался широкий круг интересов, самым неожиданным из которых оказалась медицина.

- Доктор МакГрегор кое-чему научил меня. – Пояснила она. – Это наш местный врач – на самом деле он хирург, но мы все равно называем его «доктором»^[16]. Я сказала ему, что мне не нравится, что в Беллегарде может вспыхнуть какое-нибудь заболевание или произойти несчастный случай, а рядом не будет никого, кто смог бы помочь. Я попросила его научить меня простым вещам – как вынуть осколки, перевязать рану, сбить лихорадку и тому подобному. Доктор был так любезен. Он дал мне несколько книг по медицине и рассказам всё о перевязках – не говоря уже обо всём остальном. Да, эта тема не особенно подходит для застольной беседы! В любом случае, я смогу лечить мою семью и прислугу, но, конечно, советуюсь с доктором МакГрегором, когда случай может оказаться серьёзным. Вы познакомьтесь с ним завтра – он всегда обедает у нас по пятницам.

- Буду ждать этой встречи.

- Я боюсь, он покажется вам резким, но мы все очень ценим его. В остальном у нас будет семейный праздник. Я надеюсь, он не покажется скучным вам, что приехали из Лондона в самый пик сезона.

- Порой, самый пик сезона, как и другие величественные высоты, лучше созерцать издали.

Она улыбнулась.

- Вы очаровательны, мистер Кестрель. – И, внезапно посерьезнев, добавила. – Я рада, очень рада, что вы мне нравитесь. Это очень важно, каких друзей заводит себе мужчина в таком возрасте, как Хью. Молодые люди так впечатлительны и так легко поддаются влиянию друзей, если те чуть-чуть превосходят их возрастом или опытом жизни в свете. Я уверена, что могу верить – ведь могу? – в том, что вы думаете о благе Хью и помните, как он молод.

- Леди Фонтклер, я даю слово никогда не испортить то, что сделали вы.

- Мой дорогой мистер Кестрель, вы ведь не расскажете ему про этот разговор?

- Какой разговор? – Непонимающе спросил он.

Они обменялись улыбками.

Леди Фонтклер обернулась к Крэдоку, что сидел с другой стороны от неё. Джулиан подметил, как изменились её манеры. Она оставалась безукоризненно вежливой, но всякая теплота из голоса пропала.

- Вы собираетесь побывать на конской ярмарке завтра, мистер Крэдок?

- Нет, не собираюсь. – Резко ответил он. – Прошло уже несколько лет с тех как я проявлял профессиональный интерес к лошадям.

Джулиан был удивлён. Почему одно упоминание конской ярмарки так его задело? Говорили, что он низкого происхождения – быть может, торговал лошадьми раньше? Если там, то намеренно ли леди Фонтклер коснулась этой темы? Это на неё не похоже. Если она хотела задеть человека, она бы сделала его прямо и с глазу на глаз, а не в обществе и не намёками.

Крэдок, выразив своё неудовольствие, оставил его позади, и принялся горячо, но толково рассуждать о каких-то местных выборах. Стоит отдать ему должное – была в нём и храбрость и грубоватое достоинство. Ни презрение леди Тарлтон, ни щепетильная вежливость сэра Роберта и леди Фонтклер не запугали его. Должно быть, он не всегда мог сдерживать свой характер, но сохранял самоуважение, а это уже было достижением в таком вражеском лагере, каким для него был Беллегард. Даже прислуга не жаловала его – обращаясь к Крэдоку, лакеи делали едва заметное саркастичное ударение на «мистере», что ставился перед фамилией, как будто считали необходимость выражать ему уважение злой иронией.

Джулиан посмотрел на другую сторону стола, где рядом с сэром Робертом сидела мисс Крэдок. Как она выносит эту мягкую враждебность вокруг себя? Он подловил миг, когда с ней никто не разговаривал – девушка ушла в свои мысли, а её лицо было отражало их как у ребёнка. Она была ужасно несчастна.

«Дьявол, дьявол, дьявол! – Подумал он. – Я не собираюсь в это вмешиваться. Если она не хочет выходить за Фонтклера, это не моё дело. Но почему она просто не разорвёт помолвку?»

Он снова посмотрел на Крэдока. Не он ли устроит этот брак? Ведь если так, то какие шансы у кроткой восемнадцатилетней девушки против такой воли?

Глава 4. Перепалка

После ужина Джулиан надеялся получше познакомиться с Изабель Фонтклер, но компания в гостиной была склонна распределиться самым безумным образом, и потому он оказался брошен один на один с леди Тарлтон. Она была подчёркнуто холодна. Её очевидно раздражало, что он так мало рассказывал о своей семье. У неё не переводились вопросы и догадки, которые Джулиан парировал или делал вид, что не понимает. Кестрель совершенно не собирался отдавать своих родителей на суд леди Тарлтон. Он не стыдился их и не получал удовольствие, делая из них тайну (как в свете полагало большинство). Он просто чувствовал, что должен оберегать покойных, что не могут говорить за себя сами.

Чтобы перевести тему, Джулиан спросил собеседницу о картине, которая висела над камином. То был портрет мужчины в средневековых доспехах. Он держал шлем на изгибе руки; вторая покоилась на опущенном остриём вниз мече, отчего эфес походил на крест.

Выступающий подбородок и брови выдавали в нём Фонтклера.

Леди Тарлтон слегка оттаяла.

- Это сэръ Роланд Фонтклер, один из наших самых почитаемых предков, герой Азенкура. Конечно, портрет не тех времён. Его писали с моего прадеда – он облачался в доспехи из семейной коллекции. Но меч – это подлинный клинок сэра Роланда. Никто не сражался им после его смерти. – Она пустилась описывать историю ратных подвигов своей семьи. Оказалось, что Фонтклеры сражались при Гастингсе и Креси, участвовали во Втором Гохшдетском сражении и битве при Саратоге. Один из её предков с таким пылом бился на стороне Карла II, что после реставрации Стюартов был удостоен титула баронета. Леди Тарлтон знала о своих предках всё – их лошадей, оруженосцев, полученные раны и заслуженные награды. Казалось, ей уже было неважно, с кем она об этом говорит. Слова вылетали из неё все быстрее и быстрее, она то и дело воздевала руки, а её глаза полыхали лихорадочным огнём.

Скрипнул стул. Джулиан огляделся и увидел, что полковник Фонтклер шагает к дверям так быстро, как позволяет его хромота. Ему так невыносимы разглагольствования леди Тарлтон? Она определённо говорила достаточно громко, чтобы он, сидевший неподалёку, мог слышать каждое слово. Быть может, славословия войне раздражали человека, что своими глазами видел битвы и кровопролитие? По любым меркам, война на Пиренейском полуострове была жестокой – зверства там совершались каждый день, повсюду рыскали шпионы, постоянно не хватало провианта. Человеку, что прошёл через это четырёхлетнее испытание, мог оказаться не по нутру сказочный образ военной жизни, что живописала леди Тарлтон. Особенно, если он с самого начала пребывал в задумчивом настроении, как, по-видимому, с Джеффри и было.

Леди Тарлтон была так захвачена своим повествованием, что не обратила на уход полковника внимания. Но не леди Фонтклер – она беспокойно посмотрела вслед деверю, и Джулиан не удивился, когда чуть позже, она тоже вышла из комнаты. Пошла искать полковника, как подумалось Кестрелю.

Он слишком поздно понял, что отвлёкся от рассказа леди Тарлтон. Когда она спросила: «Хотите увидеть его?» он и представления не имел, о чём речь. Но ответил «да, с удовольствием» и покинул гостиную вслед за ней, готовясь узреть всё, что угодно.

Они пересекли новое крыло и вернулись в старый дом – елизаветинское сердце Беллегарда. Свет канделябров озарял позолоченные деревянные панели на стенах и придавал объём лепнине в виде роз, дубовых листьев и гроздей винограда. Леди Тарлтон провела Джулиана по длинному коридору. Они миновали бильярдную, что здесь выглядела анахронизмом, маленький кабинет, и добрались до двери в конце коридора. Кестрель открыл её, и они вошли.

Комната была полна оружия – мечей, пистолетов, арбалетов, булав. Здесь хватало почитаемых реликвий, разложенных на витринах или развешанных по стенам, но были и современные ружья и ножи, которые, вероятно, использовали постоянно. Нашлись и доспехи – для людей и лошадей – а также стяги, пороховницы и шпоры.

В центре комнаты за столом сидел Джеффри Фонтклер. Леди Фонтклер стояла у него за спиной, положив руки ему на плечи.

- Это глупо и неправильно. – Мягко говорила она ему. – Пообещай, что больше не

будешь думать об этом.

Джеффри заметил стоящих в дверях леди Тарлтон и Джулиана. Он зло посмотрел на них и сжал набалдашник трости. Леди Фонтклер была тоже удивлена, но, видя замешательство деверя, справилась со своим. Она удерживала руки на его плечах всего миг, но Джулиан мог почувствовать, как полковника успокаивает прикосновение этих пальцев.

Улыбаясь, леди Фонтклер обошла вокруг стола.

- Ты хочешь показать мистеру Кестрелю нашу оружейную – как это мило.

- Конечно, я не ожидала, что ты и мой брат ведёте здесь приватный разговор.

- Он не очень приватный. – Отозвалась леди Фонтклер. – Нам не так много нужно было сказать, что вы можете не беспокоиться, что прервали нас.

- Меня это несколько не беспокоит! – Отрезала леди Тарлтон.

Полковник с видимым усилием поднялся на ноги.

- У меня немного заболела голова. – Пробормотал он. – Думаю, мне стоит прилечь.

- Конечно. – Поддержала леди Фонтклер. – Я пожелаю всем спокойной ночи от твоего имени?

- Очень мило с твоей стороны. Спасибо.

Она повернулась к Джулиану, одарив его своей весёлой, приветливой улыбкой.

- Простите, мистер Кестрель, но мне нужно вернуться на мой пост в гостиной, который я так надолго покинула. Я не желаю вам спокойной ночи, ведь уверена, что мы ещё увидимся до того, как отправимся спасать. Кэтрин, до встречи.

Леди Тарлтон с презрением выдохнула. Джеффри невнятно пожелал сестре доброй ночи, не глядя ей в глаза. Она же вовсе ничего ему не сказала.

Наконец, полковник и леди Фонтклер покинули оружейную рука об руку – они шли очень грациозно, несмотря на хромоту Джеффри. Леди Тарлтон проводила их взглядом, её губы кривились в усмешке.

- Трогательно, не правда ли? – Спросила она. – Как они пекутся друг о друге.

Джулиан поспешно сменил тему.

- У вас потрясающая коллекция.

- О да, это так. Вы должны простить меня, мистер Кестрель. Эта очаровательная маленькая сцена, что мы сейчас увидели, почти заставила меня забыть, зачем мы пришли сюда.

Как оказалось, показать она ему хотела оригинал того меча, что держал изображённый на портрете сэра Роланд Фонтклер. С помощью Джулиана леди Тарлтон сняла его со стены.

- Разве он не прекрасен? – Выдохнула она, поворачивая украшенное навершие меча так, чтобы на нём играл свет. – Видите, какой тяжёлый? Сэр Роланд должен был быть очень сильным человеком, чтобы сражаться таким клинком.

Она передала меч Джулиану очень осторожно, будто мать, что даёт незнакомцу подержать своего ребёнка. Кестрель сделал несколько выпадов, рассекая воздух, что вызвало у леди Тарлтон лёгкое возмущение, будто её оскорбило, что не входящий в семейство Фонтклеров может управляться с мечом сэра Роланда. Она взяла его и тоже взмахнула – её руки слегка дрожали под его весом.

Джулиану подумалось, что образ женщины-воительницы очень подходит ей. Она была высокая, как Изабель, и сильная – немногие женщины вообще смогли бы поднять этот меч. Должно быть, в молодости леди Тарлтон была красавицей. Впрочем, и сейчас она выглядела не столько старой, сколько потрепанной жизнью – синевато-стальные глаза потускнели,

скулы резко выпирали, вокруг губ залегли морщины. Но волосы, вместо того, чтобы постепенно терять цвет с возрастом, оставались тёмно-рыжими, с редким проблесками седины.

Леди Тарлтон устроила ему экскурсию по оружейной, с особенной гордостью рассказывая о боевых наградах своих предков. Он заметил и те, что получил Джеффри во время своей службы у Веллингтона в Испании, но его проводница не выказала к ним интереса. Казалось, её волнуют только герои далёкого прошлого.

- Когда я была девочкой, – сказала она, – это оружие висело по всему дому. Но после того, как Роберт женился на Сесилии, его всё собрали в одну комнату. Она сказала, что не хочет, чтобы её детей окружали опасные предметы. Опасные! Я в её возрасте всё время играла с кинжалами и шпагами! Это наполняло меня гордостью за военные традиции своей семьи. А она даже не позволяет своим дочерям одним бывать в этой комнате. Я удивлена, что она не повесила на дверь замок.

Джулиан подумал, какими могут быть дети леди Тарлтон, если они у неё есть. Маленькие девочки-амазонки с колчанами за плечами и копьями в руках? Впрочем, он был рад, что она привела его в оружейную. Он легко мог провести здесь несколько часов, пробуя хват разных мечей или изучая путь, что прошло огнестрельное оружие от мушкетов семнадцатого века до новейших мэнтоновских охотничьих ружей^[17].

Когда они покидали оружейную, леди Тарлтон соизволила опереться на его руку. Они вернулись в гостиную – и там она застыла на пороге, издав тихий, сдавленный тон и вцепившись в локоть Кестреля.

Все собравшиеся сгрудились вокруг Марка Крэдока, что сидел на диване рядом с Мод. Изабель оставалась с противоположной стороны стола и делала набросок Крэдока. Хью стоял рядом с кухней, наблюдая как её карандаш скользит по листу, а сэр Роберт и леди Фонтклер наблюдали за всем издали.

Леди Тарлтон бросилась к Изабель. Вырвав альбом из её рук, она выдрала оттуда лист со свежим наброском, разорвала его в клочки и отшвырнула их прочь. Крэдок вскочил на ноги и смерил её взглядом. Все остальные были слишком ошарашены, чтобы хоть сдвинуться с места.

Изабель поднялась, не выказав ни страха, ни беспокойства.

- У мистера Крэдока интересное лицо, тётя. Он сказал, что я могла бы нарисовать его.

- А я говорю, что ты не будешь этого делать! Ты считаешь этого человека будто бы... будто бы членом семьи, будто одним из нас! А он никогда им не будет! Он может вытолкнуть свою дочь замуж за Хью, но она никогда не будет Фонтклером. А он никогда не перестанет быть тем, кто он есть – мещанином, лживым торговцем и...

- Не говорите этого! – Прогремел Крэдок. – Не говорите этого, я предупреждаю вас! Ещё одно слово, и я заберу свою дочь, и мы покинем этот дом, и это станет концом всему. Всему! – Выдавил он, приблизил своё лицо к ней.

Она, тяжело дыша, смотрела на него в ответ, не желая отступить, но ничего не сказала. Сэр Роберта застыл, сохраняя мрачное и непроницаемое выражение. Мод Крэдок тихо и незаметно спрятала лицо в ладонях.

Изабель собрала обрывки своего наброска и сложила их в альбом. Как всегда, её движения были полны изящества и уверенности. Джулиан подумал, что она всегда двигается так, будто танцует балет.

- Почему бы нам не пойти спать? – Тихо предложила леди Фонтклер.

Она взяла леди Тарлтон за плечи и повела её к двери. Остальные пошли следом. Джулиан подошёл к Изабель.

- Могу я вам помочь? – Спросил он, показывая на пенал.

- Очень любезно с вашей стороны, но он совсем не тяжёлый. Я ношу его с собой всё время.

- Тем больше причин мне облегчить ваше бремя в этот раз.

Она легко пожала плечами и передала ему пенал и альбом. Они шагали чуть позади остальных и взбирались по винтовой лестнице нового крыла.

- Вы покажете мне ваши работы? – Спросил Кестрель.

- Если вы хотите.

- Вы рисуете акварели?

- Нет. Линии и тени кажутся мне интереснее цветов, так что я работаю карандашом или пером и чернилами. Быть может, вы окажетесь любезны и захотите позировать мне.

- Я не могу придумать, чего бы мне хотелось больше.

Она бросила на него холодный, отстранённый взгляд.

- Я рисую большинство гостей Беллегарда.

- Не хотите, чтобы эта честь ударила мне в голову?

- Не хочу, что вы думали, что я флиртую с вами, мистер Кестрель. Я лишь хочу добиться похожего портрета.

- А я не могу хотеть добиться вашей благосклонности?

- Я думаю, вам не стоит. Я не шучу. – Она остановилась перед дверью. – Здесь моя комната.

Он вернул девушке альбом и пенал, одновременно встретившись с ней взглядом.

- Я думаю, будет честно предупредить вас, что я очарован.

- Если вы говорите искренне, мистер Кестрель, то я польщена вашим вниманием, но прошу вас – не преследуйте меня. Предоставьте меня самой себе. Если же вы просто развлекаетесь, то я должна сказать вам, что мало найдётся вещей более утомительных, чем джентльмен, считающий меня просто добычей. Доброй ночи, мистер Кестрель.

- Как видишь, – сказал Джулиан Брокеру тем же вечером, – если вдруг случится крестьянское восстание, нам будет чем себя защитить – от рыцарских копий до дуэльных пистолетов. Я никогда ещё не видел такого вооружённого до зубов дома. Теперь, когда я думаю об этом, Беллегард скорее напоминает мне крепость. Посмотри, какие тут толстые стены.

Он подошёл к окну. Оно располагалось в эркере и формой походило на половинку шестиугольника. Некоторые свинцовые стеклышки были раскрашены в багровый, зелёный и золотой цвета. На стенных панелях были резные украшения в виде животных и предметов. Джулиан заметил, что резьба состояла из священных символов – сосуд с благовониями Марии Магдалины, лилия Антония, скрещённые ключи святого Петра, ягнёнок святой Агнессы. Он помнил этих святых, ведь провёл несколько лет в Италии. Должно быть, при королеве Елизавете Англия была похожа на Италию, где религиозные и светские украшения легко смешивались.

Из окна открывался приятный вид на внутренний двор, засаженный липами и ограниченный справа новым крылом с его колоннами и перилами. В лунном свете верхушки

деревьев были чётко видны на фоне серого камня. В окнах на верхних этажах тут и там горели свечи. Окно в дальнем конце крыла, где свет едва мерцал, скрытый белыми портьерами, должно быть, принадлежало Изабель.

Джулиан резко отошёл от окна.

- Этот дом похож на крепость. Сейчас люди делают в особняках стеклянные двери, сама Природа окружает их со всех сторон, а каждая комната будто пытается выползти в сад. Здесь ни одной стеклянной двери, кроме как в оранжерее, да и обычные едва найдёшь. Окажись здесь меланхолик, он бы почувствовал себя как в тюрьме.

Брокер искусно подавил зевок, но Джулиана обмануть не смог.

- Тебе лучше идти спать.

- Я не против остаться, сэр.

- Я против. Ты мешаешь моим размышлениям. Я буду всё время хотеть резко обернуться, чтобы увидеть, не заснул ли ты.

Брокер ухмыльнулся.

- Когда вас разбудить, сэр?

- Хью Фонтклер приглашал меня на конскую ярмарку утром, так что тебе придётся поднять меня в безбожно раннее время. Думаю, семь утра достаточно безбожно. Если я не проснусь, возьми копьё из оружейной и тычь в меня, пока я не встану.

- Да, сэр. Доброй ночи, сэр. – Брокер вышел.

Джулиан пристально оглядел свою комнату. Она была красива – Фонтклеры по праву гордились своим домом. Стены от пола до потолка отделаны полированным дубом, и каждая панель вдоль делилась на три квадрата, в каждый из которых был вписан ромб. На каминной полке стояли четыре мраморные девушки-статуэтки, олицетворявших времена года, а вокруг роились русалки, сатиры, купидоны и мифические звери. Лепнина на потолке изображала сцены охоты елизаветинских времён. Герб Фонтклеров из цветного и позолоченного дерева через равные промежутки красовался на потолочных балках и, к весёлому удивлению Джулиана, даже на двери в туалет. Большая часть мебели здесь была современной, но массивная кровать с толстыми колоннами и багряным пологом, могла принадлежать только эпохе Тюдоров.

Были здесь и иные елизаветинские приметы – оловянные подсвечники, резной сундук и портрет некой дамы в прямом платье с огромным воротником вокруг шеи. Рядом с дверью видело зеркало. Умывальник, которому полагалось собственное маленькое зеркальце, был сделан из красного дерева с раковиной из белого фарфора, золоченой мыльницей и двумя хрустальными стаканами. Там же на стене висело белое полотенце, а на полочке внизу стоял позолоченный кувшин.

Ночи в начале июня холодны, и камин не слишком-то обогревал комнату. Ни одно из улучшений Румфорда не коснулось этого причудливого и безнадёжно неэффективного камина^[18]. Холод пробудил в Джулиане жажду действий, и он решил написать письмо. Кестрель сел за небольшой столик в оконной нише. В этом алькове перед витражом, он чувствовал себя святым Августином на какой-нибудь картине времён Возрождения.

Какое-то время он писал, но что-то не давало ему покоя. Гробовая тишина – внезапно осознал Джулиан. Ужасная тишина деревенской ночи, столь пугающая для уха городского жителя. Не слышно ни стука колёс по мостовой, ни цокота копыт, ни сторожей, выкрикивающих, который час, ни гуляк на улицах.

Конечно, здесь и должно быть тихо. Филиппа говорила, что это единственная занятая

комната в этой части дома. Если, конечно, предок-заговорщик и правда не обретается в большом зале. Джулиан представил его танцующим какую-нибудь елизаветинскую гальярдю в окружении призрачных спутников с пышными воротниками. Быть может, если прислушаться получше, он бы различил, как играют их менестрели.

Но услышал он стук в дверь. Этот внезапный звук заставил его вздрогнуть куда сильнее, чем придуманный бал привидений. Он мгновенно взял себя в руки и сказал «Войдите».

Глава 5. Семья по Гэю

Фигура, что появилась на пороге с её длинными волосами, повязанным узлом красным шейным платком и сапогами, могла сойти за капера елизаветинских времён, что собрался поучаствовать в веселье своего собрата-призрака из большой залы. Но это был Гэй Фонтклер с раскрасневшимся лицом и нетвёрдой походкой. Джулиан не очень хорошо знал Гэя, но был рад, что нашёлся кто-то, с кем можно было бы скоротать время – даже если при этом придётся созерцать красный шейный платок.

- Привет, Кестрель! Пережили первый вечер здесь, я смотрю?

- А вы думали, я могу его не пережить?

- Меня всегда удивляет, когда кто-то в Беллегарде встаёт из-за стола, не получив заметных ран. Но это началось недавно. Мы не всегда были милосердны друг к другу, но с тех пор, как тут появился Крэдок, всё пошло кувырком. Бьюсь об заклад, вы уже повидали пару вспышек.

- Одну или две.

- Ну вот, а я что говорил? – Гэй пододвинул стул ближе к огню и принялся сушить промокшие сапоги. – Каждый вечер я раздумываю, то ли ужинать дома и наблюдать за боевыми действиями, то ли бежать в деревню, чтобы не встречаться с тетушкой Кэтрин. Обычно побеждает слепой страх перед ней – он и все местные соблазны. Некоторые девушки тут очень приветливы – особенно с тем, кого зовут Фонтклером. Благослови Бог старые феодальные традиции!

- Леди Тарлтон спрашивала о вас этим вечером.

- О боже! Я нужен ей дома, чтобы она могла оторвать мне голову, когда у неё будет для этого настроение. А вот тот, кого она и правда хотела бы разорвать на кусочки – это Марк Крэдок, но всем велело быть с ним приветливыми или хотя бы делать вид. Проклятущая свадьба! Ума не приложу, к чему она. Если дядя Роберт просто хочет, благодаря Хью, получить жирное приданое для семьи, неужели нет других коров, из которых можно выдоить деньги? Почему именно дочь Крэдока?

- Что такого в Крэдоке, что заставляет всех так его ненавидеть?

- Дьявол, вам нужно знать. Всё равно рано или поздно выйдет наружу. – Он наклонился ближе. – Как вы думаете, чем жил Крэдок до того, как сколотил себе состояние в Лондоне?

- Чем-то связанным с лошадьми?

- Откуда вы знаете?

- Просто догадка.

- Да, но есть кое-что, о чём легко не догадаться. Он был конюхом. Он работал в стойлах! И каких вы думаете? наших – беллегардских!

Брови Джулиана взлетели вверх. Это было необычно. Что, во имя всего святого, могло подвигнуть Хью обручиться с дочерью бывшего конюха своей семьи? Теперь понятно, почему этот брак уязвляет фамильную гордость леди Тарлтон почти до безумия. Теперь понятно, почему остальные Фонтклеры выказывают такое неприятие грядущей свадьбе. И понятно, почему Гэю ничего не понятно.

- Конюхом он был, должно быть, очень давно. – Наконец, сказал Кестрель.

- Ещё до того, как я родился, может чуть позже. Как бы то ни было, уже больше двадцати лет как. Он ушёл совсем не мирно – дядя Роберт вышвырнул его, хотя я думаю, что это устроила тетушка Кэтрин. Полжизни бы отдал, чтобы узнать, что тогда случилось^[19]. Я хотел бы думать, что Крэдок попытался завалить её на сеновал, но трудно поверить, что он бы на такое осмелился. Хотя в молодости она была хороша. Вы бы никогда не поверили в

это. Но полковник клянётся в этом, а его стоит послушать, когда речь идёт о женских чарах.

- Я бы не удивился, если бы в юности она была привлекательна.

- Да, наверное, если вам по душе такие тигрицы. Она была из тех девушек, что носятся верхом как амазонки и всегда говорят людям в лицо то, что думают о них. Вы знаете, когда её было чуть за двадцать, она поехала на континент – устроила себе нечто вроде женского гранд-тура. С ней не было никого, кто мог бы дать ей укорот, кроме дуэньи, из которой она могла верёвки вить. Дядя Роберт пытался остановить её, но ничто не может удержать тетушку Кэтрин сделать то, что она решила сделать. Боже мой, я не выношу таких женщин! Мне нравятся покорные женщины, которые меня слушаются, а если не будут – я заставлю их пожалеть об этом!

- Я думаю, вам лучше держать спаниелей. Это намного легче и дешевле.

Гэй уставился на него, не поняв этого совета. Джулиан нахмурился.

- Как же леди Тарлтон могла поехать на континент, если была так молода? Разве тогда не шли войны с Францией?

- Это было во время мира, что продлился год или около того. Когда бои возобновились, она вернулась в Англию и вскоре вышла за Тарлтона, один Бог знает почему. Впрочем, его семья такая же старинная как наша, и он ровня дяде Роберту. Для тётушки Кэтрин только это всегда имело значение. Конечно, эта пара была сплошным несчастьем. В конце концов, её придирки и вспышки прогнали его из Англии. Он живёт на континенте, и, я уверен, трясётся в ужасе от того, что однажды тетушка Кэтрин может за ним прийти. Но её, кажется, устраивает то, что она никогда больше его не увидит. Она предпочитает жить в Беллегарде, помыкать тетей Сесилией и высказывать своё мнение по любому поводу, хотя люди его слышать или нет. Ей стоило бы выйти за человека, что колотил бы её всякий раз, когда она без спроса открывает рот. Если вы спросите меня, то она не переваривает Крэддока именно потому, что он не пресмыкается перед ней, а это уже больше того, на что был способен бедный старый Тарлтон.

- Быть может, именно поэтому она и добилась того, чтобы сэр Роберт прогнал его со службы.

- Может быть. К несчастью, никто этого не знает. В Беллегарде уже не осталось никого, кто бы помнил те времена – разве что дворецкий Трэвис, но он молчит как рыба. Само собой, дядя Роберт и тетушка Кэтрин тоже ничего не расскажут. Полковник был в армии, когда Крэддока вытолкали вназад, и он говорил, что ничего об этом не знает. Я не совсем в это верю – он просто не хочет мне рассказывать. Я неделями осаждал его, выпытывая что-нибудь о браке Хью, и получил ли что-то в ответ? Ни единого слова!

- Быть может, он не знает.

- О, он знает, всё знает. Он с самого начала был в этом замешан. Все началось в прошлом апреле с совершеннолетия Хью. Дядя Роберт закатил тогда отменный праздник с танцами, угощением для слуг и всем этим феодальным вздором. На следующее утро, помню, зарядил дождь, и мы все кисли в библиотеке, думая, как бы развлечься, пока не выглянет солнце. И вот, ни с того, ни с чего, входит Трэвис с таким видом, будто его по голове чем огрели, и говорит, что пришёл Марк Крэддок и хочет видеть дядю Роберта. Нас это застало врасплох – мы знали, что у Крэддока водятся деньги и что он давно отряхнул прах Беллегарда с ног своих, так что угадать, зачем он вернулся, нечего было и думать. Но, Боже мой, если бы вы видели тогда тётушку Кэтрин! У неё ноги подкосились – полковнику пришлось её поддержать. Вы знаете, иногда я думаю, что тетушка Кэтрин немного

сумасшедшая. Она тут же принялась говорить о том, что со стороны Крэддока очень нагло являться сюда. Она сказала, что дядя Роберт не обязан с ним встречаться и что Крэддока стоит вышвырнуть вон, как и двадцать лет назад. Но дядя Роберт захотел узнать, что нужно такому гостю и потому велел Трэвису привести его. Крэддок вошёл – у него и тогда был этот стальной взгляд и умение вести себя так, что любая комната будто становилась мала для него. Он не тратил время на расшаркивание – просто сказал, что у него дело к дяде Роберту, тётке Сесилии, тётушке Кэтрин и полковнику, и он хочет поговорить с ними без лишних ушей. Клянусь, дяде Роберту это не понравилось, но он согласился, и все старшие остались, а я, Хью и Изабель ушли, ломая головы на том, что там происходит.

Прошло немало времени – не меньше нескольких часов – и мне всё это так надоело, что как только дождь перестал, я поехал прокатиться верхом. Вернулся уже днём и, Богом клянусь, можно было подумать, что в доме кто-то умер – вокруг тишина и мрачные лица. Крэддок уехал, Хью и его родители ничего не рассказывали, а полковник сказал, что мне лучше вернуться в Лондон. Сперва, конечно, я встал на дыбы. Я хотел узнать, что к чему, но потом всё же уехал. Было ясно, что мне никто ни полслова не скажет, а кто захочет оставаться в доме, что стал похож на склеп? Кроме того, – добавил он уже спокойнее, – полковник и правда выглядел потрясённым. Я решил хоть раз сделать то, что он хочет.

- И именно после этого Хью сделал предложение мисс Крэддок?

- Кажется, через две недели, да. Не слишком завидный куш, а? Серая мышка, чертовски скучная и безжизненная.

- Возможно, нежеланное обручение с молодым человеком, чья семья точит на неё зубы, несколько подкосило её дух.

- Так вы думаете, что в ней что-то есть?

- Друг мой, откуда мне знать?

«Опять эта девчонка. – Подумал Кестрель. – Почему она меня так волнует? Она, наверное, рада выйти за Фонтклера, а дуется только потому что портниха слишком долго возится с её приданым. А если тут и кроется нечто больше – если она выходит на него против своей воли – то что я могу сделать? Кроме как самому лезть в эту неразбериху».

- Хью к ней равнодушен. – Произнёс Гэй. – Если бы он её любил, все бы это знали. Он бы ходил как во сне, смотрел бы на неё бараньими глазами и дрался бы на дуэли с каждым, кто посмеет не признать, что мисс Крэддок – все три грации в одном лице. Бедняга Хью – романтик. Видели бы вы, что он читает. Байрон, Вальтер Скотт и прочий вздор. Что ж, могло быть и хуже. Он мог оказаться прикован к Изабель.

- А это было возможно? – Джулиан принялся со всем тщанием разглаживать манжеты.

- Об этом говорили годами – в основном, говорила тетушка Кэтрин, что стремится переженить всех Фонтклеров на самих себе. Изабель – наша с Хью троюродная сестра. Её родители умерли, оставив её без гроша, ещё когда она была ребёнком, так что дядя Роберт и тётка Сесилия взяли её под крыло. Кстати, дядя Роберт обещал дать за ней приданое, если вы соберётесь приволокнуться. Впрочем, не хочу вас поощрять – Изабель обдавала холодом каждого беднягу, что увивался вокруг неё. Ей нужен Хью. Она так же сходит с ума по семье, как тетушка Кэтрин. Подцепила это от неё как простуду. Когда Хью подрос, она, должно быть, думала, что сейчас-то ухватит его. И тут появляется невзрачная девчушка, от чьего отца разит конюшней, и Изабель остаётся позади. Боже, как она, должно быть, ненавидит Крэддочков!

Он поднялся.

- Что ж, у меня просохли сапоги, и я отправляюсь спать. Один, к сожалению. Горничные тети Сесилии такие пуританки. Послушайте, прежде чем я уйду, скажите мне одну вещь – хотя будь я проклят, если знаю, почему вы должны отвечать мне. Мне в этом доме не суждено докопаться ни до одной тайны.

- О какой же местной тайне я могу знать больше вас?

- Тайна того, какого чёрта здесь делаете вы. Вы ведь даже не были знакомы с Хью до того, как я увидел вас в игорном доме, а теперь вы его шафер.

Джулиан задумался.

- Думаю, что я просто хор.

- Что?

- Хор, как в классических пьесах. Я вижу, что происходит и комментирую это, но сам не участвую.

- Чтоб мне лопнуть, если я знаю, почему вы захотели торчать тут и играть роль хора в дурацкой семейной драме.

Джулиан и сам толком не знал ответа.

- Есть места и похуже. – Задумчиво сказал он, оглядывая комнату.

- Комната неплоха, да? Раньше была моей, знаете ли.

- Нет, я не знал.

- Когда я был мальчишкой, то полжизни проводил в Беллегарде. Моя мать умерла ещё когда я не выбрался из коротких штанишек, а полковник вечно где-то пропадал со своим полком, так что меня оставалось только расквартировать у дяди Роберта. Не думаю, что ему это нравилось – я дурно влиял на Хью – но с этим он ничего поделать не мог. Семейная преданность – мы, Фонтклеры, все её рабы, а дядя Роберт – самый покорный из рабов.

Гэй подошёл к окну, что-то вспоминая и улыбаясь.

- Я тогда тратил уйму времени на то, чтобы найти способ тихо выбраться из дома ночью. У меня хорошо получалось вылезать из окна и спускаться по дереву, но садовники заметили сломанные ветки и следы и заложили меня дяде Роберту. – Он озорно улыбнулся. – Да, давно это было. Сейчас я могу входить и выходить без лазанья через окна. Могу использовать для этого заднюю дверь в крыле прислуги. Собак на ночь спускают с цепи, но меня-то они знают, так что не трогают. – Он зевнул.

- Ладно, лучше мне несколько часов поспать. Вы собираетесь на конскую ярмарку утром?

- Я думаю, Хью захочет пригласить меня.

- Хорошо. Мы сможем поехать вместе – вы вдвоём, полковник и я. По крайней мере, сможете быть вне Беллегарда до самого обеда. Сейчас утро – самое дьявольское время суток. Наши бледнолицые дамы призывают посмотреть на мисс Крэддок и прикинуть, сколько её папочка-денежный мешок потратит на свадьбу. Бедняга Хью!

- Пора вставать, сэр. – Отважился сказать Брокер.

- А сколько времени? – Раздался из-под одеяла замогильный голос.

- Семь утра, сэр.

- Боже мой. – Джулиан с трудом выбрался из-под одеяла.

- Не на... – Начал он, но Брокер уже раздвинул портьеры на окнах. Джулиан снова нырнул под одеяло, чтобы спастись от света.

- Это ужасно. – Простонал он. – Просто ужасно думать, что кто-то был настолько слеп, что мог поклоняться солнцу. Брокер, если я когда-нибудь скажу тебе, что хочу занять дом в деревне, брось меня в холодную ванну и облепляй горчичиками до тех пор, пока ко мне не вернется рассудок.

Брокер был рад, что его господин в благодушном настроении. Когда мистер Кестрель действительно бывал не в духе, он не издевался и не жаловался, а просто пребывал в напряжённом молчании, что пугало больше всякого гнева.

К восьми Джулиан спустился, безупречно одетый для верховой езды. Завтрак прошёл натянутом спокойствии – каждый старался вести себя предельно вежливо. Наконец, Гэй, Хью, Джулиан и полковник Фонтклер отправились на ярмарку.

- Я так рада, что выдался хороший день. – Сказала леди Фонтклер им на прощание. – Хью, ты не хочешь показать мистеру Кестрелю поместье сегодня днём, если вы не слишком устанете после ярмарки?

- Отличная идея. – Согласился Хью.

- Тогда хорошо повеселитесь и, умоляю вас, не стойте под солнцем без шляп. Когда вернетесь, вас будет ждать окорок и сельтерская вода. До свидания!

День и правда стоял отличный – такой, что покажется отличным даже столь убеждённому городскому жителю как Джулиан. Здесь его повсюду окружало деревенское многоцветье, тогда как Лондон мог похвастаться лишь мириадами оттенков серого. Дубы и вязы раскидывали свои необъятные кроны под васильково-синим небом. Пятнистые коровы паслись на ярко-зелёных лугах, окаймлённых тропинками насыщенно-коричневого цвета. Тут и там, в стороне от дороги, виднелись коттеджи с побеленными кирпичными стенами с увитыми плющом заборчиками и крутыми крышами.

Джулиан и Хью ехали рядом. В какой-то миг Хью сбавил аллюр, позволив Гэю и Джеффри ехать впереди.

- Я хотел сказать, как сожалею о том, что произошло вчера вечером. – Сказал он Джулиану. – Вы не обязаны были смотреть на вспышки, что позволяет себе тетушка Кэтрин. Осмелюсь сказать, что мне вовсе не стоило приглашать вас в Беллегард. Сейчас всё так неловко и произойти может всё, что угодно.

- Это такой деликатный способ попросить меня придумать причину для неожиданного отъезда в Лондон?

- О, нет! Нет, я надеюсь, что вы остаетесь. Это очень эгоистично с моей стороны, конечно. Кроме того, что ваше пребывание доставляет много веселья, вы оказываете на людей успокаивающее воздействие. Возможно, после прошлого вечера вы уже так не думаете, но поверьте мне, если бы вас тут не было, всё было бы куда хуже.

- Вы поэтому меня пригласили?

- Да. – Признал Хью. – Я не верил, что вы действительно приедете. Мне просто подумалось, что вы такой... не знаю, собранный и разумный и можете сохранять ясную голову. А ещё вы тут посторонний, поэтому всем придётся вести себя прилично в вашем присутствии. Ужасно говорить такое о своей семье, но они теперь сами не свои. Никто из нас сам не свой. Хотел бы я знать, чем всё это кончится. Это ожидание хуже всего. Похоже на ночной кошмар, в котором вы знаете, что вот-вот произойдёт нечто ужасное, но вы не знаете, что, но знаете, что ничего не можете сделать, чтобы предотвратить это.

Глава 6. Чужие дела

Главная дорога на Уитфорд проходила через ближайшую к Беллеграду деревню – Олдертон. Там хвалились своим старым постоялым двором – «Синим львом», с нижним, выложенным из выкрашенного в розовый кирпича этажом и нависающим на нем деревянным верхним. У домов здесь были белые, синие или жёлтые фасады, украшенные узорами, что наносили на ещё влажную штукатурку. Висячие знаки указывали на лавки книготорговца, зеленщика, портного и кузницу. Деревня была очень тихой – здесь встречались женщины и дети, но на улицах почти не было мужчин. Хью объяснил, что многие из них должно быть, отправились в Уитфорд, на конскую ярмарку.

В Уитфорде торговцы лошадьми обустроили себе место на лугу и громко расхваливали товар. Наивные с готовностью внимали им, более опытные цинично покачивали головами. Возможные покупатели толпились вокруг коней, осматривая их зубы, копыта и шерсть.

Компания из Беллегарда отдала своих коней груму и осматривала ярмарку пешком. Они быстро пришли в выводу, что покупать здесь нечего, но решили прогуляться и послушать панегирики лошадям. Джулиан, знавший уловки, на которые пускаются эти хитрецы, заметил, что колени одного из коней были окрашены, чтобы скрыть огрехи, а у другого десны обожжены дочерна, чтобы лошадь выглядела моложе.

Вскоре полковник Фонтклер оставил их, сказав, что должен дать отдохнуть своей ноге. Гэй, Хью и Джулиан пили купленный в ближайшей палатке эль, как позади раздался пронзительный голос.

- Не хотите ли купить свисток, джентльмены? Чтобы созывать ваших собак?

Они повернулись и увидели ссохшегося старика, что обращался к ним. У него было тёмное, морщинистое лицо, похожее на изюм, и длинные, свалывшиеся седые волосы, все в грязи. Старик наносил запятнанные, мешковатые штаны и бурюю куртку, застёгнутую не на те пуговицы. Шляпа, больше похожая по побитый жизнью уютю, криво сидела у него на голове. Огромный мешок, что этот человек носил с собой, совсем не походил на его тусклый костюм – он был сшит из сотен лоскутов самого разного цвета и формы, покрытых самыми разными узорами.

- Привет, Блосс. – Сказал Хью. – Я не знал, что ты здесь.

- Заглянул по пути, как всегда, сэр, заглянул по пути. Как поживает ваша мать?

- Моя мать в добром здравии. – Ответил Хью с улыбкой. – Если ты наведаешься в Беллегард, уверен, она не отпустит тебя с пустыми руками.

Тот, кого называли Блоссом, ухмыльнулся, сощурился глазами, так что они стали похожи на щёлочки.

- О, сэр, я собираюсь, я собираюсь. Но пока что – не хотите купить куклу для ваших младших сестрёнок? – Он покопался в мешке и извлёк оттуда грубо вырезанную деревянную фигурку в ситцевом платье. – Или вы, такой красавец, – он дёрнул головой в сторону Джулиана, – захотите купить гребень или щётку для сюртука. А как насчёт вас, сэр? – Его взгляд скользнул по Гэю. – Быть может, флейту, чтобы играть вашим подругам?

- Да ладно тебе, чёрт бы побрал твою наглость! – Гэй разрывался между смехом и негодованием.

Хью дал Блоссу монету.

- Благословит вас Бог, молодой господин! – Крикнул он. Несколько прохожих

обернулось и засмеялось, отчего Хью сильно покраснел. Блосс не обратил на них внимания. – Вы делаете честь своей почтенной матери, у которой всегда было доброе слово и что-нибудь для старика, что сам пробивает себе путь в этом мире. Не то что леди Тарлтон, которая говорит, что меня надо отправить в работный дом! Когда-нибудь ей воздаться!

- Хотя бы я увидеть человека, что может ей «воздать». – Сказал Гэй.

- Всех нас ждёт суд, рано или поздно. – Лукаво ответил старик. – Вам тоже стоит помнить это, мастер Гэй.

- Какой же ты проклятый... – Начал Гэй, но Хью ухватил его за руку и оттащил в сторону. Джулиан пошёл за ними, оглянувшись и увидев, что старик пристально глядит на них. Он не отрывал взгляд, пока молодых людей не заслонила толпа.

- Что толку ругаться с ним? – Говорил Хью. – Он просто слабый старик, да и слегка сумасшедший вдобавок.

- Я не поверю в это ни на секунду. – Ответил Гэй. – Он тот ещё плут. Он бы перерезал глотку нашей бабушке за два пенса, если бы думал, что это сойдёт ему с рук.

- Какой любопытный у него мешок. – Вставил Джулиан.

- И правда. – Согласился Хью. – Он сам его шил. Люди говорят, что раньше это был самый обычный мешок, но каждый раз, когда в нём появлялась дыра, он ставил заплату из ткани, что выпрашивал у торговцев или женщин из деревни. Он уже столько лет с ним ходит, что этот мешок теперь из одних заплат и состоит. Он очень мастеровитый, этот Блосс. Он сам делает всё, что продаёт – кукол, свистки, трубки, корзины. Я думаю, он больше зарабатывает попрошайничеством, хотя всегда предлагает своих товары. Иногда он ещё выполняет всякие мелкие поручения – он ведь легок на подъём, хотя стар как Мафусаил.

- А Блосс – это его фамилия или такое имя?

- Не думаю, что кто-то это помнит. Это просто имя, под которым мы всегда его знали. Он бродил по этой части страны столько, сколько я могу вспомнить. И каждые несколько месяцев появляется в окрестностях Беллегарда. Мать всегда добра к нему. Я думаю, он правда ценит её – но мама всегда видит в каждом лучшее. А ещё они с тетушкой Кэтрин друг друга не любят, но вы это уже поняли.

К полудню Хью собрал разрозненных членов своей компании, и они отправились домой. Гэй был в удивительно бодром расположении духа. Полковник оставался молчаливым и сдержанным. Джулиан подумал, что было очень легко забыть, что Фонтклер вообще ездил с ними.

В Беллегарде перед обедом они наведались в гостиную за окороком и сельтерской водой. Появились мисс Джоанна и мисс Филиппа, которых церемонно вела гувернантка, а мать смотрела любящими, но встревоженными глазами. Обе дочери скромно сделали перед Джулианом реверанс, а Филиппа вдобавок бросила беспокойный взгляд, будто гадая, не выдаст ли он то, что они уже знакомы. Ей не стоило тревожиться – Кестрель и не думал напоминать о учинённом девочкой нарушении этикета.

Филиппа забросала его вопросами о Лондоне. Девочка слышала, что Джулиан – городской житель, а потому была поражена, как много есть в столице мест, о которых он ничего не знает. Он никогда не бывал на выступлениях у Астлея^[20], и не мог с уверенностью сказать, стоял ли он на том самом месте, где Анна Болейн и Катерина Ховард лишились голов.

- Тогда королям было проще избавляться от жён. – Заметила Филиппа. – Вжик-вжик топором и можно жениться снова.

- Должно быть, это было пугающе удобно.

- История – это ведь так увлекательно. Вы знаете, я ведь и сама пишу историю.

- Нет, я не знал. Историю чего?

- Моей семьи – всех битв, в которых мы сражались, обо всех наследницах, с которыми Фонтклеры сбегали – вот такую. Хотя мы не так много знаем о наших предках, что жили до семнадцатого века. Во время гражданской войны был страшный пожар, и много бумаг сгорело.

- Должно быть, это сильно осложнило вашу работу.

- Нет, не очень. Я много выдумала. Никто не отличит.

Объявили обед, и Джоанна с Филиппой вернулись в классную комнату. После трапезы, что была подана на веранде, с которой можно было созерцать английский сад, леди Фонтклер ещё раз предложила сыну показать гостю поместье.

- Вы готовы к экскурсии? – Спросил Хью Джулиана. – Или на сегодня уже достаточно верховых прогулок? У нас славный парк и несколько образцовых ферм. Не знаю, интересуетесь ли вы такими вещами.

- Я пытаюсь интересоваться всем на свете. Я всегда думал, что каждый скучающий сам виноват в своей скуке.

Хью испытал облегчение. Он боялся, что пресыщенного лондонской жизнью человека, вроде Кестреля, будет непросто развлечь.

- Мне сейчас нужно поговорить с родителями и обсудить соглашения, что прислали адвокаты. Я приду через час или два?

Джулиан согласился. Он был рад посвятить час или два себе самому. У Фонтклеров было отличное фортепиано, а он только и ждал, чтобы опробовать его и потому отправился в музыкальную комнату.

Здесь никого не было. С лёгким трепетом предвкушения, Кестрель открыл фортепиано, обнажив клавиши цвета слоновой кости. Он прикоснулся к ним, опробовал и, наконец, извлёк из инструмента радостные звуки сонаты си-бемоль-мажор Моцарта.

Отыграв последние ноты, Кестрель услышал робкие аплодисменты. Посмотрев через плечо, он увидел в дверях Мод Крэдок и встал. Девушка покраснела, перестала хлопать и спрятала руки на спиной.

- Я надеюсь, вы не против, что я слушала. Это было прекрасно.

- Я несколько не против. Наоборот, я польщён, что вы захотели меня послушать.

Она чуть-чуть расслабилась.

- У вас хорошо получается, правда? Я хочу сказать, я не очень разбираюсь в музыке, но мне показалось, что вы играете прямо как настоящие музыканты, что папа приглашает на праздники.

- Спасибо. – Он не смог сдержать улыбку, но смог выдать её за благодарную, а не весёлую.

Она отвела взгляд, прошла в комнату и принялась разглядывать арфу, что стояла с противоположной стороны комнаты.

- Мистер Фонтклер очень любит музыку. Я... осмелюсь сказать, что это – то небольшое, в чём вы с ним похожи.

«Таких вещей и правда немного. – Подумалось ему. – Конечно, она ведь думает, что раз

я шафер Хью, то мы с ним уже много лет как Дамон и Финтий. Вот только я не могу признать, что мы едва знакомы, не рассказав, как и где встретились – что, конечно, забавно, но не очень честно по отношению к Хью».

- Мы и правда оба интересуемся музыкой. – Позволил он себе согласиться.

Она резко повернулась к нему, чуть дрожа, лицо её было белым как простыня.

- Мистер Кестрель... Могу я поговорить с вами? Я бы не стала спрашивать об этом, если бы тут был кто-то ещё. Я... Я не могу поговорить с отцом – я пыталась, но без всякого толка. И я не могу поговорить ни с кем из Фонтклеров. Они мне не друзья – они никогда не хотели видеть меня здесь, так что я не могу ожидать от них дружбы. Вы друг мистера Фонтклера – вы знаете его. Вы знаете его семью, его мир. Можете вы дать мне совет? Я не знаю, что делать!

- Моя дорогая мисс Крэддок, – Джулиан быстро подошёл к ней на несколько шагов, – я не знаю, как могу помочь вам. Но что бы то ни было, будьте спокойны, я сделаю это.

- Спасибо. – Прошептала она.

Кестрель усадил девушку на диван, и сёл рядом сам. Она встревоженно огляделась по сторонам.

- Наверное, нам стоит закрыть двери или выйти в сад.

Он покачал головой.

- Закрытые двери только привлекут внимание, а в саду никогда не скажешь, кто может прятаться за соседним кустом глициний. А отсюда там ясно виден холл и комнаты по обе стороны. Никто не сможет подойти незамеченным.

Мод невольно подумала, что у её собеседника, должно быть, большой опыт в том, как устроить тет-а-тет с дамой. Её охватило дурное предчувствие. Что же она творит? Встречается наедине с привлекательным джентльменом, которого едва знает! Её отец сказал, что молодые люди в свете сплошь проходимцы, что способны скомпрометировать девушку, едва взглянув на неё.

«Неважно! – Отчаянно подумала она. – Я готова на риск. Хуже, чем сейчас, уже не будет».

Она не отрывала взгляд от коленей, сплетая и расплетая пальцы.

- Я думаю, вы знаете, что брак между мистером Фонтклером и мной... Что он заключается не по нашей воле. Мой отец устроил это. Я не знаю, как. Сперва я думала, что Фонтклеры просто задолжали ему денег. Многие ведь берут займы, а у некоторых положение такое отчаянное... Однажды я заглянула в бухгалтерские книги отца, пока его не было. Я знаю, что не стоило делать этого, не спросив у него, но я должна была знать, как он добился этого от Фонтклеров. Но в книгах не было ни следа их долгов.

- А какие ещё доводы он смог привести?

- Я думаю, он знает о них что-то ужасное. Он должен знать что-то – иначе, они никогда бы не приняли меня как жену мистера Фонтклера. Я думаю, – очень тихо добавила она, – вы знаете, что давно мой отец был здесь слугой.

- Да, я слышал об этом.

Она впервые посмотрела на него прямо.

- Я хочу, чтобы вы знали – я не стыжусь ни происхождения отца, ни своего. Все, что есть у моего отца, он заслужил сам – трудом, дисциплиной, своей волей. Это вызывает во мне гордость. Но Фонтклеры не будут смотреть на меня и него так же. Они ценят совсем другое – происхождение и титулы, что получили их предки со времён Вильгельма

Завоевателя. Отец зря пытается попасть в этот мир и провести в него меня. Я говорила ему это. Я говорила, что мне лучше выйти замуж за такого же выбившегося из низов, как он сам, чем за джентльмена благородного происхождения, которому не нужна такая жена. Но он не слушал – и всё ещё не слушает. Этот брак очень важен для него. Я никогда не видела, чтобы он чего-то так сильно хотел.

- Вы можете предположить, почему?

- Поначалу я думала, это потому что Фонтклеры казались ему могущественными и великими, когда он был ещё мальчиком. Я думала, что мой брак с мистером Фонтклером станет для отца символом всех его достижений. Сейчас я не уверена. С тех пор как мы приехали в Беллегард, я начала думать, что он чем-то обижен на Фонтклеров, а они – на него. Леди Тарлтон ненавидит его. Конечно, это может быть просто из-за этого брака – но я так не думаю. Я чувствую, что она ненавидела его годами. И я думаю, что отец ненавидит всех Фонтклеров и хочет отомстить им. И я – орудие его мести, мистер Кестрель.

Джулиан едва нашёлся что ответить.

- Вы хорошо всё обдумали перед тем как давать согласие Хью Фонтклеру?

- Об этом я и хочу поговорить. Когда мистер Фонтклер делал мне предложение, он сказал, что честь и благополучие его семьи зависят от этого брака. Это было очень честно с его стороны. Он не мог сказать, что... что любит меня. Мы едва ли встречались прежде. Он правильно сделал, что сказал всё прямо, а не делал комплиментов, в которые не верил бы сам. Я спросила, что сделает отец, если Хью не предложит мне выйти замуж или если я откажусь. Он ответил, что не может сказать, и мне лучше спросить отца. Я уверена, он приказал Фонтклерам ничего мне не говорить. Думаю, глубоко в души он очень стыдился себя. Он не плохой человек, хотя вам сейчас, наверное, трудно в это поверить.

- Если судить по его дочери, он должен быть лучшим человеком среди живых.

Рот мисс Крэддок приоткрылся от лёгкого удивления. Он смущённо улыбнулся.

- Это очень мило с вашей стороны. Спасибо.

Внезапно Джулиан осознал, насколько мисс Крэддок очаровательна. Он мог бы придумать тысячу наказаний, куда страшнее, чем необходимость взять её в жёны. Его глаза, должно быть, выразили это восхищение, но вслух он сказал:

- Вы так и не объяснили, чем я могу вам помочь.

- Мне просто нужен совет. Я так запуталась. Что хуже – выйти замуж за мистера Фонтклера, который ко мне равнодушен, или обречь его семью на беды, которых я сама не знаю?

- А как насчёт вашего счастья? О нём вы хоть немного думаете?

Она снова зарделась и опустила голову, позволив локонам закрыть лицо.

- Я хочу сделать то, что будет лучше для него.

«Вот оно что».

- Интересно, сам Хью осознает, какой он счастливеец?

- Что вы имеете в виду?

- Я имею в виду – знает ли он, что вы к нему чувствуете?

- Нет, я так не думаю. Хотела бы я сказать, что скрывала это из гордости. Я знаю, что девушке не подобает выказывать свои чувства напоказ до тех пор, пока мужчина не заговорит о своих. На самом деле я не хочу сделать всё ещё хуже. Он будет чувствовать себя таким виноватым, если узнает. Он добрый, мистер Кестрель. Он ненавидит себя за то, что думает, что причиняет мне боль. Я полюбила его с того как дня, когда он сделал мне

предложение. Вы не представляете, как это было неловко. Да и разве могло быть иначе? Представьте, что вы делаете предложение девушке, которую никогда не встречали прежде, и делаете это лишь потому что её отец угрожает вашей семье! Моё сердце потянулось к нему. Когда он сказал, что не может рассказать, какое влияние у папы есть на его семью, я сказала, что попытаюсь выяснить это сама и сделаю всё, чтобы папа передумал. А он ответил: «Думаете это вам под силу?» и в его глаза была такая надежда! Он ничего не хотел так как избавиться от брака со мной! И всё это время я думала, как счастлива была бы, если он бы правда хотел, чтобы я стала его женой! Я сказала ему, что обручаюсь с ним лишь, чтобы успокоить отца. Я хотела выяснить, чем он угрожает Фонтклерам и как-нибудь его остановить. Но что если у меня не получится, мистер Кестрель? Свадьба уже через несколько недель. Что если я не смогу переубедить отца? Если я выйду за мистера Фонтклера, он окажется с женой, которой он не хотел и которой он... который он, может быть, стыдиться. Но если я не выйду за него, то буду несчастна сама. Он умолял меня дать согласие; он говорит, что честь его семьи и моих руках. Похоже, что выйду я за него или нет – всё равно сделаю его несчастным. Это тяжело, мистер Кестрель, это очень тяжело – ведь его счастье значит для меня больше всего в этом мире!

Последовало долгое молчание. Джулиан взвешивал факты. Он уже не собирался влезать в чужие дела. Он собирался нырнуть в них с головой.

- Как мы можем распутать этот клубок?

- Мы? – С надеждой переспросила она.

- Я думаю, мне стоит примерить роль странствующего рыцаря. Рекомендации предоставлю позже.

- Вы так добры.

- Скажем так, я заинтригован... и немного потрясён. Думаю, вы правы, мисс Крэддок – нам нужно сперва выяснить, чем ваш отец может давить на Фонтклеров. По крайней мере, так вы сможете оценить, насколько он будет в силах навредить им, если брак не состоится. А если он и правда стыдится своих методов и скрывает их от вас, у вас будет возможность убедить его бросить всё.

- Это очень разумно, мистер Кестрель. Я согласен. Но я пыталась что-то узнать, и никто ничего мне не рассказал.

- Значит мы узнаем, ни у кого не спрашивая. – Рассудил Джулиан. – Вы знаете, почему вас отец был уволен со службы у Фонтклеров?

- Я не знала, что он был уволен. Всё, что он рассказывал – что он служил в Беллегарде несколько лет, а потом уехал в Лондон. Вы думаете, он потому так зол на Фонтклеров?

- Я думаю, это может быть связано. То, что я слышал, позволяет предположить, что у него была ссора с леди Тарлтон.

- Это важно, верно?

- Есть два варианта. Либо ваш отец добился некой власти над Фонтклерами многие годы назад, ещё, когда служил у них, или же заполучил её совсем недавно. Скажите, встречался ли он с Фонтклерами после того как покинул Беллегард? Может быть, они присылали ему деньги или как-то ещё помогали?

- О, нет, я так не думаю. Когда он впервые оказался в Лондоне, он был очень беден и много трудился перед тем как у него появились деньги, что он смог вложить в своё дело.

- Стало быть, вряд ли тогда он имел какое-то влияние на Фонтклеров. – Джулиану подумалось, что всё семейство могло ни разу и не вспомнить о нём с тех пор, как он покинул

Беллегард. Это совпадало потрясением, что вызвало его возвращение, если верить Гэю. Впрочем, было ли это возвращение неожиданностью для всех? Гэй говорил, что леди Тарлтон была потрясена. Быть может она уже давно боялась его появления? Вслух он спросил:

- У вашего отца остались друзья или родственники в этих краях – кто-нибудь, с кем мы можем поговорить о его отношениях с Фонтклерами?

- У него нет родственников, кроме меня. И я не знаю ни о каких друзьях, что могли остаться с тех времён.

- Значит, слуги. Слуги знают о жизни своих господ всё. Так всегда получается, когда живёшь бок о бок с людьми, которые не верят, что у тебя тоже есть уши и мозги.

- А сможем ли мы расспрашивать их, не вызвав подозрений?

- Не сможем. Но мой камердинер сможет. Он очень разумен. Он сможет вытянуть сведения так, что никто даже не поймёт, в чём дело.

- Если вы доверяете ему, мистер Кестрель, я тоже готова довериться. Я не могу выразить, как благодарна вам. Думаю, мистеру Фонтклеру очень повезло, что у него есть такой друг.

- Я надеюсь, вы не думаете, что я делаю это лишь ради Хью Фонтклера.

Она ответила своей застенчивой улыбкой, а её щеки заалели.

В дверях появился Хью.

- А вот вы где, Кестрель...

Мисс Крэддок волновалась. Кестрель глуповато улыбнулся. У Хью возникло чувство, будто он вторгается в чужие дела, и он, смутившись, замолк.

- Вы готовы выезжать? – Спросил Джулиан.

- О, да, я потому и пришёл за вами. Мисс Крэддок, я везу мистера Кестреля на экскурсию по поместью. Приглашаю вас к нам присоединиться.

Мод подумала, что он всегда был безукоризненно вежлив с ней – той формальной вежливостью, что заставляла чувствовать себя в лучшем случае случайной знакомой.

- Спасибо, мистер Фонтклер, но я как раз собиралась на пикник с вашими сёстрами и мисс Притчард.

- О. – Хью попытался скрыть облегчение. Он всегда чувствовал себя неловко в присутствии мисс Крэддок. Он не представлял, о чем мог бы говорить с ней так долго. – Надеюсь, это доставит вам удовольствие.

- Спасибо. – Тихо ответила она. Девушка повернулась к Джулиану, её лицо просветлело. – Я так рада, что мы с вами поговорили, мистер Кестрель.

- Вся радость досталась мне.

- О нет!

- Значит, большая её часть. В Лондоне вы каждый день сможете встретить десятки таких как я. Мы ползаем по Вест-Энду, как муравьи по муравейнику. Но вы – вы неповторимы. Во всяком случае, вы разрушили миф о том, что очарование и искренность несовместимы.

Хью кашлянул.

- Если вы готовы, то отправимся прямо сейчас, мистер Кестрель.

Джулиан вышел вместе с ним. И ведь ни на мгновение раньше – сказал обеспокоенный голос у него в голове. Ты должно быть, сошёл с ума – флиртуешь с девушкой под носом у её жениха! И что с того, что она выглядела так, будто ей это нужно? Сколько ещё

неприятностей ты собираешься устроить за двухнедельный визит?

Он поднялся в комнату, чтобы надеть сапоги для верховой езды. Во время поездки на ярмарку их заляпало грязью, и Кестрель отдал их Брокеру в чистку. Тот уже все приготовил, отполировав сапоги до их обычного зеркального блеска. Для Брокера это было ежедневной рутинной – ничего выдающегося. Как позже сказал сам Джулиан, когда он покидал комнату, в ней не было ничего необычного. Он спустился по лестнице и направился в каретному двору, где его ждали Хью и конюх с лошадьми.

Глава 7. Убийство

Хью продолжал говорить себе, что беспокоиться тут не о чем.

«На самом деле, очень славно, что Кестрель и мисс Крэддок так поладили. Что плохого в паре комплиментов? Это просто вежливость, она ничего не значит; должно быть, в Лондоне Кестрель раздавал такие любезности как визитные карточки. Я понимаю это, – продолжал убеждать себя Хью, – но мисс Крэддок? Она так наивна и совсем не знает света. Она могла принять это близко к сердцу. А что если у неё появятся чувства к нему? Боже, ожидать, что человек женится на девушке, которая к нему равнодушна – уже немало, но если она ещё по уши влюбится в его шафера... Но нет причин думать, что это может произойти. Мисс Крэддок разумная и волевая девушка – вспомнить хотя бы как упорно она пыталась отговорить своего отца от этого брака. Уж не будет ли она теперь пытаться ещё усерднее? Если так – это к лучшему. Тогда они вырвутся из этой сети, а если Мод и Кестрель пожелают влюбиться, пусть сделают это, и моя честь не пострадает. Да, я думаю о своей чести, пусть даже моё сердце ничего к ней не чувствует».

Резвая езда по хорошей погоде взбодрила Хью. Он показал Джулиану образцовые фермы, которыми так гордился сэр Роберт. Они остановились в пабе в Олдертоне, где Хью обменялся приветствиями с деревенскими, что возвращались с конской ярмарки. Потом он повёл Джулиана в парк с его извилистыми дорожками, идиллическими рощами и прудами, что окружали ивы. Тут и там виднелись следы вмешательства человека – китайский мостик, куст, подстриженный в форме замка, римский храм Марса.

- Это полковник Фонтклер? – Спросил Джулиан, заметив вдали всадника.

- Похоже на дядю Джеффри. – Согласился Хью.

- Кажется, он сильно спешит.

- Я думаю, он просто выехал размяться. Он скачет верхом куда лучше, чем ходит, и часто выезжает, чтобы не терять формы.

Когда они достигли охотничьих угодий – участка густого леса к северу от Беллегарда – небо сплошь затянулось тучами. Поднялся ветер, и в воздухе стал чувствоваться скорый дождь. Хью и Джулиан вернулись в дом. Было уже около шести вечера – время переодеться к ужину, что подавали в семь.

Джулиан поднялся наверх, а Хью задержался в холле, рассматривая царапину на сапоге. Он как раз балансировал на одной ноге, пытаясь разглядеть другую, когда по главной лестнице спустилась мисс Крэддок. Она тут же побежала к нему.

Мод была так рада видеть его, что это сбило Хью с толку. Она никогда не выражала такой радости. Она никогда не испытывала никаких чувств – кроме сожалений за действия отца. Фонтклер-младший был этим странно польщён и немного взволнован.

- Добрый день. – Поприветствовал он девушку почти смущённо. – Надеюсь, вам

понравился пикник.

- О да, очень, благодарю вас. – Она посмотрела вокруг. – Мистер Кестрель с вами?

Хью изумлённо посмотрел на неё и ответил очень холодно:

- Нет, так уж вышло, что это не так. Думаю, он пошёл наверх.

- Я хотела поговорить с ним! – Она прикусила губу. – Это может подождать и до после ужина. Мне лучше пойти переодеться. Спасибо. – Она рассеянно улыбнулась и начала подниматься обратно.

«Ну что ж, довольно! – Подумал Хью. – Сегодня он зашёл слишком далеко! А как она могла быть такой бесстыдной? Увивается вокруг него, поджидает у самых дверей! А от Кестреля я мог ожидать лучшего. Теперь остаётся только гадать, джентльмен ли он вообще. Она выглядит совсем по-другому с тех пор, как они встретились. Она улыбается и будто бы искренне. Чёрт побери, она такая милая и... неиспорченная, что заслуживает большего, чем интрижки с таким повесой как Кестрель. Хотя ей следовало бы знать, что не стоит так смотреть на мужчину лишь потому что он хорошо одевается и гладко говорит. Я не думал, что она так поверхностна».

Он прошёл к себе, чтобы переодеться, всё ещё пребывая в смятении. В комнате он печально уставился в своё отражение в зеркале. Хью подумал, что ещё никогда не выглядел таким неопрятным и неуклюжим деревенщиной.

Первая странность, что заметил Джулиан, заключалась в том, что дверь в его комнату была заперта. Он постучал, но никто не ответил. Кестрель только подумал, что нужно позвать слугу, как заметил на столике в коридоре ключ. Он пожал плечами и отпер дверь.

Сделав шаг внутрь, Джулиан замер. На стуле с высокой спинкой были аккуратно сложены женская шаль, чепец, ридикюль и перчатки. Он уставился на это странное явление, потом быстро окинул комнату взглядом. Его глаза остановились на кровати. Там лежала молодая женщина, полностью одетая, с одеялом, натянутым почти по плеч. Её золотисто-рыжие волосы были полураспущены и разметались по подушке. Голова повернута к стене. Женщина будто спала.

Несколько мгновений он просто смотрел на неё. А потом закрыл дверь за собой и подошёл к кровати.

Сэр Роберт и леди Фонтклер были в оранжерее. Она шила, он читал вслух:

Заключено в природе мастерство

Хоть неспособен ты постичь его.

В разладе лад, не явленный земле... [21]

В дверях появился Джулиан. Леди Фонтклер подняла глаза от шитья и улыбнулась.

- Добрый вечер, мистер Кестрель. Мы как раз говорили о вас и Хью – гадали, вернулись ли вы уже, и не попали ли под дождь. – Она смотрела сквозь стеклянные стены на тёмные, клубящиеся в небе облака. По саду проносились порывы ветра, терзая цветы и сгибая кроны деревьев.

- Нет, бури мы избежали. – Но лишь буквальной, подумалось ему. – Простите за вторжение, но мне нужно поговорить с вами, сэр Роберт – об одном деле.

- Как пожелаете. Но ужин всего через час, никто из нас ещё не переоделся – это не может подождать?

- Я думаю, будет лучше поговорить сейчас. Простите.

В потемневших глазах леди Фонтклер появилось беспокойство. Она пронизательнее мужа – подумалось Джулиану. Он ещё ничего толком не сказал, а она уже поняла, что произошло что-то ужасное.

Сэр Роберт поднялся. Как раз яростный порыв ветра распахнул стеклянную дверь, что вела на террасу.

- Эти двери вечно открываются. – Сказала леди Фонтклер. – Нам стоит переделать их, так чтобы они открывались наружу, а не внутрь. – Она собралась было закрыть их, но сэр Роберт остановил её.

- Не вставай, дорогая, я сам. – Он надёжно запер двери, после чего вышел из оранжереи вместе с Джулианом.

- Это правда серьёзное дело? – Спросил сэр Роберт. – Если так, я предлагаю пройти в мой кабинет.

- Лучше будет, если мы пойдём в мою комнату. Там... кое-что, что вы должны увидеть.

- Как пожелаете. – С сомнением отозвался сэр Роберт.

Они прошли в комнату Джулиана. Кестрель запер дверь перед тем как уходить – теперь он отпер её и посторонился. Сэр Роберт вошёл внутрь. Увидев девушку в кровати, он на мгновение замер, так что Джулиан успел войти следом за ним.

- Что это? – Воскликнул Фонтклер. – Кто эта женщина?

- Я не знаю. Я нашёл её здесь, когда вернулся с верховой прогулки.

- Я должен знать, что всё это значит, мистер Кестрель. Эта девушка больна?

- Эта девушка мертва.

- Мертва? Вы уверены?

- Она не дышит. У неё нет пульса. Я прикладывал ухо к груди, но не слышал сердцебиения. Я подносил зеркальце к лицу, но оно не запотело. Насколько я знаю, помочь ей уже нечем.

Для самого Джулиана было странно, как холодно и сдержанно звучит его голос. Он совсем не так себя чувствовал, когда тщетно искал признаки жизни, не желая верить, что эта девушка и правда мертва. Но потом он бросил взгляд на умывальник...

- Она остывает. – Сказал сэр Роберт, проверявший пульс на шее.

- Да, только начала. Должно быть, она скончалась недавно. – Ответил Кестрель и добавил. – Я ничего не трогал в комнате. Здесь всё так же, как было, когда я нашёл её. Ведь вы мировой судья, я полагаю?

Лицо сэра Роберта будто застыло. Только глаза оставались живыми и не отрывались от девушки. Джулиану подумалось, что Фонтклер не слышал вопроса. Но он, наконец ответил, не поднимая глаз.

- Да.

- Стало быть, я могу считать, что сообщил о преступлении властям.

- Почему вы думаете, что это преступление? Мы не знаем, как эта девушка умерла.

- Взгляните. – Джулиан обогнул кровать и подошёл к умывальнику. Позолоченный кувшин, что обычно стоял на нижней полке, теперь валялся на полу. Он был почти пуст, но раковина оказалась полна. Вода в ней была красноватого оттенка, а белое полотенце, свисающее с вешалки – всё усеяно красно-коричневыми пятнами.

Сэр Роберт подошёл к кровати и откинул одеяло. Оба мужчины были готовы к жуткому зрелищу – но не увидели на теле жертвы никаких ран. Они долго смотрели на девушку в молчании. Оба была маленькой, худенькой и хрупкой. Волосы её были собраны в узел на затылке, но длинные пряди разметались по подушке – их золотисто-рыжий оттенок казался неестественно ярким. Руки жертвы были вытянуты вдоль тела, пальцы – расслаблены и чуть согнуты. Ноги лежали прямо, но ступни смотрели в разные стороны. Девушка была очень бледна. Голубые жилки виднелись сквозь кожу – в особенности на веках. На покойной было бледно-жёлтое муслиновое платье, простое и скромное, с буфами на рукавах и голубым пояском. Шею украшало янтарное ожерелье.

- Одна из серег пропала. – Заметил Джулиан. Он указал на ту, что ещё оставалась в ухе – в виде золотой капли с аквамаринном. Он провел рукой по голове жертвы, проверил под подушкой, но второй серьги не нашёл.

Кестрель сделал шаг назад. Его взгляд метнулся в изножье кровати, куда они отодвинули тяжёлое багровое покрывало и одеяло. Он осмотрел последнее более пристально и вдруг застыл. На белой ткани виднелось красно-коричневое пятно, формой похожее на розу. Он натянул одеяло девушке до шеи и это пятно оказалось чуть ниже её талии.

Мужчины мрачно переглянулись.

- Мы должны вызвать врача. – Сказал Джулиан.

- Доктор МакГрегор сегодня приглашён на ужин. – Сэр Роберт взглянул на часы. – Сейчас четверть седьмого. Должно быть, он уже в пути. Когда он прибудет, я попрошу его осмотреть девушку. А пока что... – Он оглядел комнату. – Вы заметили ещё что-нибудь необычное, когда вошли?

- Я не приглядывался. Как только я понял, что она мертва, то лишь наскоро проверил, что в комнате никто не прячется – гардероб, туалет, посмотрел на портьерами, но там никого не было. Я нашёл вот это, но думаю это вещи убитой.

Он указал на сложенные на стуле предметы одежды. Это была бело-серо-голубая индийская шаль, соломенный чепец с голубыми лентами и густой вуалью, голубой ридикюль из чистого шёлка и пара бледно-серых перчаток.

- Они так и лежали, когда я их нашёл. – Добавил Джулиан. Он приподнял один конец шали. – С ней обращались довольно небрежно. Смотрите, она запачкана грязью, края обтрепались, торчит много нитей. Перчатки тоже в грязи. Интересно, где же она была сегодня?

Он вернулся к кровати. Наверное, стоит упорядочить свои наблюдения – будет это полезно или нет, это хороший способ занять голову.

– Её платье тоже в земле, а сзади повсюду пятна от травы. Подол слева вытянут и от него оторван кусочек.

Сэр Роберт резко его прервал.

- Когда вы в последний раз были в этой комнате до того, как обнаружили тут девушку?

Его жёсткий формальный тон обдал Джулиана холодом. Он понял, что они больше не говорят, как джентльмен с джентльменом. Теперь это допрос.

- Я заходил сюда надеть сапоги перед тем как отправиться с вашим сыном на верховую прогулку. Я думаю, вышел отсюда в полчетвертого.

- С вами кто-нибудь был?

- Мой слуга. Он помогал мне надевать сапоги.

- Он остался здесь после того, как вы ушли?

- Думаю, да, но не знаю, надолго ли.

- Его расспросят об этом. Когда вы вернулись с прогулки?

- За несколько минут до шести. Я сразу пошёл сюда, и нашёл тут её. И ещё одна странность – дверь была заперта. Ключ лежал снаружи, на столике. Человек, что последним выходил отсюда запер комнату снаружи. Почему? Если девушка была уже мертва?

- Возможно, ещё не была.

- Вы думаете, кто-то хотел запереть её там?

- Я не знаю. – Сказал сэр Роберт. – Но запирают дверь снаружи можно лишь для того, чтобы не дать тому, что находится внутри, выйти, не иначе.

- Но если она была жива, когда он – кто бы это не был – запирает дверь, отчего она умерла потом?

Он склонился над покойной, взгляделся в её лицо, осмотрел волосы и приподнял веки. Голубые глаза были замутнены, а зрачки – ненормально расширены. Кестрель лучше присмотрелся к рукам, по очереди положив каждую на свою ладонь и осмотрел маленькие, детские пальчики. Взгляд Джулиана прошёл по её рукам, задержался на животе и бедрах. Несмотря на зловещее пятно на простыне, на платье не было ни крови, ни разрывов, что могли бы говорить об изнасиловании.

- С вашего позволения, сэр Роберт? – Фонтклер кивнул. Джулиан бережно перевернул девушку на бок.

Мужчины резко выдохнули, пальцы Джулиана невольно впились в тело жертвы. На платье был небольшой разрыв на спине, чуть слева. Нижняя шёлковая сорочка тоже была порвана, а ткань вокруг дыры – липкой от крови. Джулиан осторожно раздвинул разрыв пальцами. В спине у девушки оказалась рана около дюйма длиной, сужавшаяся к обоим концам. Простыня, на которой она лежала, была пропитана кровью на том месте, где к ней прижималась рана.

Он осторожно уложил покойную обратно.

- Думаю, теперь дело за доктором. – Сэр Роберт на мгновение поднёс руку ко лбу и закрыл глаза. Когда он отвёл руку, его лицо вновь было совершенно спокойно.

- Нужно многое сделать. С этим делом нужно разобраться. Сообщить всем домашним и расспросить слуг. В доме может найтись кто-нибудь, кто знал эту девушку и то, откуда она здесь. Если, конечно, этого не знаете вы.

- Нет. Совершенно ничего.

Глаза сэра Роберта на миг сузились.

- Я думаю, вам сейчас лучше пойти со мной, мистер Кестрель. Вы можете мне понадобиться.

Джулиан ясно видел, что сэр Роберт ему не доверяет. Впрочем, это неудивительно – девушку нашли в комнате Кестреля, более того – в его кровати. Но в душе у Кестреля всё восставало против того, что его подозревают в жестоком нападении на женщину.

«Успокойся, Бога ради – увещевал себя Джулиан. – Не пытайся защищаться, пока тебя не обвинят».

Они вышли из комнаты, и Джулиан запер дверь за собой. Обернувшись, он увидел, что сэр Роберт протягивает руку.

- Вам лучше отдать ключ мне. – Кестрель почему-то не хотел этого делать. Но сэр Роберт – судья и хозяин этого дома. Получив требуемое, он спрятал ключ в карман жилета. – Идёмте. – Сказал он. – Ко мне в кабинет.

Кабинет сэра Роберта располагался на верхнем этаже в крыле прислуги. Вместе с Джулианом хозяин прошёл через служебный коридор и людскую. Некоторые слуги сидели там за общим столом, болтали и смеялись после ужина. Среди них был и Брокер, любезничавший с хорошенькой служанкой в домашнем чепчике (и, как показалось Джулиану, вполне преуспевавший в этом). Из-за соседней двери было слышно, как повариха с помощницами готовят ужин для Фонтклеров и гостей. Слуги встали, когда вошли сэр Роберт и Джулиан. Хозяин велел лакею позвать дворецкого к нему в кабинет и вышел, провожаемый любопытными взглядами.

Пока они ждали Трэвиса, Джулиан спросил:

- Вам всегда приходится идти через служебный коридор и людскую, когда идёте в кабинет?

- Да. Из главной части дома в крыло прислуги можно попасть только через неё. Мне не нравится постоянно проходить через их помещение, так же как им, вероятно, не по душе мои неожиданные появления. Но я не хочу заниматься судебскими или финансовыми делами там же, где живёт моя семья. Арендаторы и деревенские могут прийти ко мне или моему секретарю когда угодно с жалобами на ренту, сборы или мелкие преступления. Я не хочу, чтобы моих родных и гостей беспокоили такие дела.

Вошёл Трэвис. Это был пожилой мужчина с лысиной, что пробивалась из-под снежно-седых волос. Его крепкое телосложение и идеальная осанка заставляли подумать, что перед вами отставной военный.

Сэр Роберт отдал череду кратких распоряжений. Трэвис должен собрать всю прислугу в людской. Миссис Кокс, экономка, должна будет поддерживать порядок и не давать никому покидать дом без разрешения сэра Роберта. Любой, кто не подчинится, станет подозреваемым в преступлении. Роулинсон, секретарь сэра Роберта, сейчас отправится в Олдертон и вернётся со Стивеном Синдерби – приходским констеблем.

Объяснений своим приказам сэр Роберт не дал, и Трэвис, явно ими поражённый, ничего не спросил. Сэр Роберт оценивающе посмотрел на своего дворецкого.

- Я знаю, что вы недурно обращаетесь с оружием. Возьмите пистолет из оружейной и зарядите. Я хочу, чтобы вы обыскали весь дом, тщательно, но незаметно. Доложите о любых доказательствах того, что кто-то пробирался внутрь через дверь или окно. Я уверен, что оружие вам не пригодится, но возьмите его на случай, если столкнётесь с посторонним, что может доставить неприятности.

Трэвис вытянулся ещё прямее чем раньше.

- Что за нарушителя я должен искать, сэр?

- Пока что я сам не знаю. Когда я разберусь с этим делом получше, я смогу объяснить, что произошло и к чему эти предосторожности. Но сейчас я полагаюсь на вашу осмотрительность и тщательность – речь идёт о безопасности Беллегарда.

- Так точно, сэр!

- И ещё кое-что. Вы обнаружите, что дверь в комнату мистера Кестреля заперта. Не пытайтесь попасть внутрь. Но очень тщательно осмотрите окно в эту комнату – не влезал ли в него кто-то снаружи.

Что вполне возможно – Джулиану вдруг вспомнились рассказы Гэя о том, как он ещё мальчишкой выбирался из дома через окно и так же возвращался.

После того как дворецкий вышел, сэр Роберт сказал:

- Изю всей прислуги Трэвису я доверяю больше всего. Он служил у моего дяди во времени Американской войны, а в Беллегарде он уже много лет.

- Этот констебль Синдерби – что он за человек?

- Честный и исполнительный. Но не такой решительный, каким следует быть констеблю. Я боюсь, что он не совсем добровольно занял эту должность. Он шорник и сапожник. А теперь, если вы простите меня, я должен рассказать леди Фонтклер о том, что случилось. Хотел бы я избавить её от таких новостей, но думаю, она не хотела бы быть избавленной. Я всегда доверял и буду доверять ей всё, что касается благополучия этого дома.

- Могу я быть как-то для вас полезным?

- Прошу вас просто подождать меня здесь. Я скоро вернусь.

Оставшись один, Джулиан покачал головой, думая о Синдерби. Шорник и сапожник! Есть ли на свете средство, менее подходящее для выполнения своих задач, чем английская правоохранительная система?^[22]

Глава 8. Доктор и денди

Двуколка доктора МакГрегора, скрипя и качаясь, остановилась перед Беллегардом. Уже много лет колёсник из Олдертона порывался сделать ему новую, но МакГрегор ездил в этом шатком экипаже уже больше четверти века и не собирался покупать новый, пока старый отлично служит.

Он выкарабкался из двуколки, не обращая внимание на боль в суставах. Взяв докторскую сумку, что он носил с собой даже, когда шёл в гости, МакГрегор зашагал к парадным дверям. Доктор нисколько не беспокоится, оставляя экипаж на подъезде. Он знал, что кобыла будет смиренно дожидаться его, даже если никто за ней не присмотрит. Выглядела она не очень презентабельно, но была надёжной. Примерно так же МакГрегор думал и о самом себе.

Он позвонил и стоял, барабанил пальцами по косяку, пока не услышал, как дверь отпирают. Это был Трэвис.

- Добрый вечер, сэр.

Это было первой неожиданностью для МакГрегора. Обычно дверь открывал лакей.

- Добрый вечер, Трэвис. Что-то случилось? Вам дурно?

Впустив доктора, Трэвис вновь закрыл дверь и запер на тяжёлый дубовый засов. МакГрегор внимательно за ним следил. Он ужинал в Беллегарде почти каждую пятницу и не мог вспомнить, чтобы парадную дверь хоть раз запирали в такой час.

- У меня всё в порядке, сэр, благодарю вас. – Сказал Трэвис, принимая у доктора шляпу. Он хотел взять и сумку, но какой-то инстинкт заставил МакГрегора оставить её при себе.

- Не будете ли вы добры пройти в кабинет сэра Роберта? Он просил меня привести вас, как только вы прибудете. Я пошлю мальчика из конюшни, чтобы позаботиться о вашей лошади и двуколке.

- В его кабинете? Послушайте, что происходит? Тут что-то нечисто.

- Я не знаю, что происходит, сэр. Я знаю лишь, что сэр Роберт просил меня проводить вас в его кабинет, а потом заняться прочими распоряжениями.

- Так вы хотите, чтобы я пошевеливался, так? Что ж, конечно, если сэру Роберту это угодно – но будет куда лучше, если кто-нибудь объяснит мне, что творится в этом доме!

Трэвис провёл МакГрегора по служебному коридору в людскую, где за большим дубовым столом собралась вся беллегардская прислуга. Они выглядели напряжённо, подумалось МакГрегору. Во главе стола сидела миссис Кокс, экономка, строгая и чопорная в своём платье с воротником под горло того же железно-серого цвета, что и её волосы. Когда вошли МакГрегор и Трэвис, она, уперев руки в бока, сверлила взглядом хорошенькую юную служанку:

- А теперь, Молли Дейл, – говорила она, – ты больше будешь задавать вопросов. Сэр Роберт в своё время расскажет всё, что посчитаешь нужным.

МакГрегор пожелал слугам доброго вечера. Раздалось ответное бормотание, что резко прервал возглас Доркас, помощницы поварихи.

- Кто-то умирает, я знаю, иначе здесь бы не было доктора!

Слуги взволновались больше прежнего. Миссис Кокс рявкнула:

- Не глупи, Доркас! Доктор МакГрегор сегодня приглашён на ужин, как и каждую пятницу.

- Я и сам не знаю, что происходит. – Сказал МакГрегор. – Но что бы то ни было, мы скоро всё исправим, вот увидите.

Они дошли до кабинета сэра Роберта. МакГрегор вошёл, нетерпеливо отыскивая взглядом хозяина. Но вместо него увидел незнакомца – молодого человека в аккуратном костюме для верховой езды. Он стоял, одна его рука покоилась на каминной полке, а одна лодыжка пересекалась с другой под прямым углом. Эффектная поза – слишком эффектная. Франт – про себя охарактеризовал незнакомца МакГрегора.

Трэвис с поклоном вышел. Франт же приблизился и протянул руку.

- Добрый вечер. Я Джулиан Кестрель.

- Дункан МакГрегор.

Они обменялись рукопожатием. Доктор ожидал, что хватка у франта будет слабенькой, но мистер Кестрель сжал его кисть неожиданно крепко.

- Что здесь происходит? – Не вытерпел МакГрегор. – Где сэр Роберт?

- Он пошёл поговорить с леди Фонтклер. Думаю, он вернётся с минуты на минуту.

МакГрегор смерил его взглядом. Похоже, этот парень привык, что на него так смотрят – так и есть, франт. Он стоял непринужденно, слегка приподняв брови и чуть насмешливо улыбаясь.

- Вы шафер Хью, не так ли?

- Да, мне выпала эта честь.

- Может быть, вы расскажете мне, что происходит в этом доме? Как только я ступил на порог, Трэвис запер за мной дверь, будто Беллегард в осаде. Вместо гостиной меня втокнули в кабинет сэра Роберта. Все слуги сидят в людской, сэра Роберта нигде нет, а вы стоите тут как у себя дома, так хладнокровно, как это вам заблагорассудится.

- Прошу прощения, если я показался вам равнодушным. Но я не думаю, что устраивая тут вавилонское столпотворение, я бы принёс какую-то пользу. Я бы всё вам объяснил, но, думаю, сэр Роберт захочет рассказать вам сам. Он скоро придёт.

- Послушайте, если кто-то болен, мне нужно быть с ним, а не стоять тут столбом!

- Никто не болен, доктор. Если вы хотите знать, кое-кто мёртв. Нет, это не знакомый сэра Роберта. – Добавил он, увидев тревогу в глаза МакГрегора.

- Что вы здесь делаете?

- Я нашёл её – тело, я имею в виду.

- Вы уверены, что она мертва?

- Совершенно уверен.

- Кажется, дело дурное.

- Так и есть.

МакГрегор зашагал по кабинету туда и обратно, ероша волосы на затылке. Волосы у него были густые, чёрные и колючие, как и борода. Джулиан подумал, что его новый знакомый похож на одного из шумных пророков Ветхого завета.

- Как она умерла?

- Я думаю, сэра Роберт хочет спросить об этом вас.

- Для этого я должен сперва посмотреть тело! Что толку терять время?

- Мы ждём сэра Роберта. У него ключ от комнаты, где лежит тело.

- Так почему вы не сказали этого с самого начала?

- Представить не могу. Кажется, я был чрезвычайно невнимателен.

- Послушайте, молодой человек, в этих обстоятельствах нет ничего смешного!

- Да, доктор, ничего. Я вдвойне благодарен вам за то, что вы дали мне на мгновение почувствовать обратное.

- Вздор! – Бросил МакГрегор и рухнул на один из стульев. Мгновением позже ему пришлось встать – вошёл сэра Роберт.

- Добрый вечер, доктор. – Сказал он. – Рад вас видеть.

- Этот малый сказал, что в доме произошла смерть.

- Да, боюсь, что так. – Сэр Роберт сел на стол. – Я знал, что вы придёте сегодня вечером, и потому сам осмотрел тело очень бегло. Я хотел бы, чтобы изучили его, если вы не против.

- Конечно, конечно. Но кто умер и как?

- Мы не знаем, кто жертва. Что же до того, как она умерла – по-видимому, от удара ножом в спину, но мы не уверены, что именно это стало причиной смерти. Я надеюсь, вы сможете сделать более точные выводы.

- Вы хотите сказать, что женщина была убита?

- Похожа на то. – Признал сэра Роберт. – Молодая девушка – думаю, ей лет восемнадцать – прилично одетая. Очень хорошенькая. – Добавил он после небольшой паузы.

- Где она? Здесь, в доме?

- В комнате мистера Кестреля – в его кровати, если точнее.

МакГрегор вздрогнул, заморгал и перевёл потрясённый взгляд на Джулиана. Тот поспешил объяснить.

- Я нашёл её там сегодня вечером, когда вернулся с верховой прогулки. У меня нет ни малейшего представления о том, кто она и как попала в мою комнату... и в мою кровать. – Он нахмурился. – Она не могла быть в кровати в тот миг, когда была убита или, по крайней мере, не могла лежать в той же позе. Её ударили в спину, а когда я её нашёл, она лежала именно на спине, укрытая одеялом до самого подбородка.

- Вы хотите сказать, что кто-то убил девушку и потом уложил тело в вашу кровать, как будто она решила вздремнуть?

- Я понимаю, что это звучит странно, но, похоже, всё так и произошло.

МакГрегор бросил на него мрачный взгляд и повернулся к сэру Роберту.

- Лучше я сперва осмотрю тело.

- Если вы пойдёте со мной, я провожу вас в комнату мистера Кестреля. Я запер её,

чтобы никто там ничего не потревожил. Мистер Кестрель, не будете ли добры отправится с нами?

«Боится, что я сбегу на континент». – Подумалось Джулиану.

– Конечно. – Любезно ответил он.

МакГрегор только головой покачал.

«И я счёл его франтом! Боже мой, надеюсь, он всего лишь франт и есть!»

Джулиан знал, что ждёт их в комнате, но всё равно вздрогнул, увидев мёртвую девушку, лежащую на кровати, в которой он сам спал ещё вчера. Одеяло было свернуто в изножье, так же как они с сэром Робертом его оставили. На огромной елизаветинской кровати покойная выглядела совсем крошечной.

МакГрегор печально посмотрел на тело, но тут же призвал свой профессионализм.

- Мне лучше поработать одному. Дайте мне полчаса или около того, и я расскажу всё, что сумею узнать.

- Очень хорошо. – Вздохнул сэр Роберт. – Боюсь, настало время сообщить семье.

- Никто ещё не знает? – Спросил МакГрегор.

- Только мы трое и леди Фонтклер.

- Как она это приняла?

- Конечно, она потрясена, но сохраняет спокойствие – как я и предполагал. Сперва она испугалась за Джоанну и Филиппу. Мы отправились в классную комнату – дочери пили чай с мисс Притчард. Всё было мирно – они не видели и не слышали ничего необычного. Мы велели мисс Притчард запереть комнату, не выходить из неё и не выпускать детей ни по каким предлогом, пока я не позволю. Я боюсь, что мы сильно её напугали. Надеюсь, она не сказала и не сделала чего-нибудь, что расстроило бы детей.

- Всё это дело неминуемо расстроит их. – Заметил МакГрегор. – Но не беспокойтесь об этом чрезмерно. Дети легко могут это пережить и снова взбодриться. А ваши девочки сильнее и здоровее большинства.

- Спасибо. – Искренне сказал сэр Роберт. – Вы очень добры.

МакГрегор пожал плечами.

- Я только задам мистеру Кестрелю пару вопросов и приступлю к делу. Вы сказали, что жертва лежала под одеялом, когда вы нашли её?

- Да. – Ответил Джулиан.

- Только под одеялом или ещё и под покрывалом?

- Да, под обоими.

- Хм-м. – МакГрегор коснулся лица и шеи девушки.

- Она уже остыла, когда вы нашли её?

- Она была холоднее, чем живой человек, но не остыла окончательно. Я помню, как подумал, что она не могла скончаться давно.

- Это не доказательство. Одеяло и покрывало могли не дать ей совсем остыть. Сейчас она совсем холодна. Сколько времени прошло с тех пор, как вы убрали одеяло?

- Когда это было? – Спросил Джулиан сэра Роберта. – В полседьмого?

- Думаю, чуть позже.

- А когда вы нашли её?

- За несколько минут до шести.

МакГрегор посмотрел на часы. Начало восьмого.

- Когда вы вошли, окно было открыто? Холодный воздух мог повлиять на остывание

тела.

- Я помню, что оно было закрыто, потому что проверял, не мог бы кто-то сбежать через окно. В любом случае, оно должно было быть закрыто, потому что оно закрыто сейчас, а ни сэр Роберт, ни я не закрывали его, и никто другой не входил в комнату с того мига, как я нашёл её.

- Что ж, довольно логично, я думаю. – МакГрегор подошёл к окну. – Мог ли кто-то уйти таким путём?

Джулиан проследовал за ним.

- Должно быть, нетрудно будет спуститься по этому дереву до самой земли. Но трудно – вернее, невозможно – вылезти из окна и запереть его снаружи.

Все трое обменялись озадаченными взглядами. Окно было не просто закрыто, но и заперто на задвижки.

- Убийца не мог выбраться из дома этим путём. – Сказал Джулиан. – Если бы я подумал получше, то понял бы это. Кто бы ни был в комнате до меня, ему нужно было выйти через дверь, чтобы запереть её снаружи и оставить ключ на столике. Стало быть, убийца, скорее всего, вышел через дверь, но войти мог, как через дверь, так и через окно.

- А как насчёт девушки? Вы не думаете, что она могла взобраться по дереву?

- Что ж, это вполне возможно – посмотрите на подол её платья. Но признаю – это неправдоподобно.

- Что ж, рад, что вы что-то признаёте. – Проворчал МакГрегор.

- Итак, у нас есть дверь, запертая снаружи, и окно, запертое изнутри. Боже мой, если убийца вышел через дверь, он должен был пересечь весь дом! Как никто мог его не заметить?

Джулиан повернулся к сэру Роберту.

- Когда я пошёл искать вас, то не встретил в главном доме ни одного слуги. Стояла мёртвая тишина. – Он поморщился от этой метафоры. – Прошу прощения. Я хотел сказать, что незаметно улизнуть из дома вполне возможно.

- В главном доме всегда так с полпятого до семи. – Пояснил сэр Роберт. – У прислуги как раз ужин.

- Это всем известно? – Спросил Джулиан.

- Не знаю, кого вы имеете в виду под «всеми». Это известно всем, кто здесь живёт. Мистер Кестрель, вы намекаете, что девушку убил кто-то знакомый с распорядком дня в Беллегарде?

- Такая возможность не даёт мне покоя. Не стоит и говорить, что я не имею в виду никого определённого, и был бы счастлив увериться, что никто из обитателей Беллегарда тут не при чём.

- Благодарю вас. – Тон сэра Роберта был ледяным. – Не сомневаюсь, что мои слуги ни в чём не виновны. Тем не менее, мне нужно опросить их и открыто очистить от подозрений. Вас это устраивает?

- Я никогда не сомневался, что вы сделаете всё, что требует правосудие. – Ответил Джулиан. – Вопрос о том, устраивает ли что-то меня, не стоит.

Сэр Роберт повернулся к МакГрегору.

- Как вы думаете, вы сможете определить, когда она умерла?

- Не слишком точно, к сожалению. Приложу все усилия.

Джулиан показал МакГрегору кровь в раковине и на полотенце. Доктор даже

присвистнул.

– Какой хладнокровный посетитель! Вымыть руки и, вероятно, оружие! Боже мой, если есть на свете справедливость, мы повесим того, кто это сделал!

Сэр Роберт закрыл глаза. Миг спустя он снова их открыл и мрачно произнёс.

- Мы с мистером Кестрелем не будем вам мешать. Прошу вас в мой кабинет, когда вы закончите.

- Да, конечно.

Сэр Роберт дал ему ключ от комнаты, чтобы доктор мог запереть дверь, когда будет уходить.

- А теперь, мистер Кестрель, я думаю, прежде чем сообщать моей семье, там стоит пройти в мой кабинет, и узнать, не прибыл ли Синдерби. Я хочу, чтобы он начал опрашивать слуг как можно скорее.

В кабинете их уже ждало двое мужчин. В одном из них Джулиан узнал Роулинса – секретаря сэра Роберта. Это был скромно, подобно священнику, одетый человек лет тридцати с гладкими тёмными волосами и изящный, как девушка. Он сидел за столом, держа наготове перо, чернильницу и бумагу. Рядом с ним стоял долговязый мужчина чуть за сорок. У него были мягкие соломенные волосы и водянисто-голубые глаза, а передние зубы слегка выдавались вперед, отчего он походил на большого нескладного зайца. Констебль сидел, наклонившись вперед, положив руки на колени и вертя в них шляпу. С собой у стража порядка была небольшая дубинка и пара наручников, висевшие на поясе.

Увидев сэра Роберта, констебль встал.

- Вы посылали за мной, сэр?

- Это Стивен Синдерби, приходской констебль. – Пояснил сэр Роберт Джулиану. – Синдерби, это мистер Джулиан Кестрель, что сообщил о преступлении – я хочу, что вы занялись этим без промедления. Роулинсон, останьтесь на этот вечер и ведите записи.

Сэр Роберт изложил констеблю суть дела – кратко, но ничего не упустил. По мере рассказа, плечи Синдерби все опускались, а шляпу в руках он вертел все неистовее. Время от времени констебль бросал взгляд вокруг, будто искал способ сбежать. Роулинсон, напротив, принялся записывать подробности убийства так старательно и энергично, как будто это были доходы с аренды или величина урожая. Впрочем, Джулиан заметил, что когда сэр Роберт, описывал девушку и сказал, что она была найдена в кровати Кестреля, секретарь сжал губы, а по его гладкой коже разлился румянец.

Сэр Роберт приказал Синдерби описать убитую всей прислуге и узнать, не видели ли они такую девушку в Беллеграде или поблизости. Точнее – не видели ли её сегодня и не знают ли, как она попала в дом.

- Не говорите им, что она уже мертва. – Добавил он. – Просто опишите внешность и одежду. Если кто-то что-то знает, ведите его ко мне в кабинет. Я хочу расспросить его сам.

После этого Синдерби должен будет установить, где находился каждый из слуг во второй половине дня.

- А ещё лучше – заключил сэр Роберт, – выясните, если сможете, кто из слуг был последним в комнате мистера Кестреля и когда её покинул. Затем попытайтесь понять, где был каждый из слуг между этим временем и до шести вечера. Вам понадобятся карандаш и бумага, чтобы записывать ответы.

Роулинсон протянул Синдерби блокнот и карандаш, который со скорбным видом сунул их в карман.

- Я сделаю всё, что в моих силах, сэр. Но, сэр...

- Да?

- Сэр, простите мою вольность, но если слуги спросят, почему я задаю такие вопросы?

- То вы скажете им, что исполняете мои приказы – а мои приказы состоят в том, что вы здесь для того, чтобы задавать вопросы, а не отвечать на них. – Он повернулся к Джулиану – А пока что, не соблаговолите ли пройти вместе со мной в гостиную, мистер Кестрель?

Глава 9. Сэр Роберт сообщает новости

Леди Тарлтон последней из всех Фонтклеров и Крэддоков спустилась к ужину. Марк Крэддок пристально посмотрел на неё, когда та вошла в гостиную. Она же в ответ не удостоила его внимания. Мод покраснела и переводила взгляд с отца на леди Тарлтон и обратно.

- Добрый вечер, Кэтрин. – Сказала леди Фонтклер. – Боюсь, ужин немного задерживается. У Роберта появились дела, которые нельзя было отложить.

- Что за дела? – Резко спросила леди Тарлтон.

- Думаю, что-то, к чему его внимание привлёк мистер Кестрель.

- Что за дела у Роберта могут быть с мистером Кестрелем?

Леди Фонтклер на мгновение заколебалась.

- Я думаю, если это что-то важное, то Роберт нам всем расскажет.

Леди Тарлтон продолжала стоять, постукивая веером по ладони.

- И надолго откладывается ужин?

- Надеюсь, нет! – С улыбкой отозвалась леди Фонтклер. – Я знаю, что джентльмены сегодня ездили кататься верхом и, должно быть, уже голодны как волки^[23].

Вскоре в гостиной появились сэр Роберт и Джулиан. Кестрель пытливо оглядел всех присутствующих, что сами того не зная, наслаждались последними минутами покоя. Леди Фонтклер сидела на диване рядом с Мод. Крэддок восседал на стуле с высокой спинкой, как на троне. Хью и Изабель стояли в оконной нише и сравнивали достоинства «Люсидаса» и «Потерянного рая»^[24]. Леди Тарлтон пребывала у другого окна, в которое смотрела невидящим взором. Полковник сидел чуть в стороне, его лицо было скрыто в тени. Гэй обнаружился за трёхногим столом, на котором увлечённо раскладывал пасьянс.

Когда вошли сэр Роберт и Джулиан, все подняли глаза. Леди Фонтклер подошла к мужу и положила руку ему на предплечье. Во взгляде Крэддока читалось ожидание. Гэй смотрел с любопытством. Кэтрин всем видом требовала объяснений. Казалось, больше никто не проявил интереса к делу, что задержало ужин.

- Мне нужно кое-что вам сообщить. – Начал сэр Роберт. – Я надеюсь, вы не будете встревожены. Уверяю вас, я уже принял все возможные меры, чтобы быстро и надёжно покончить с этим делом. – Его голос начал слабеть, как у музыкальной шкатулки с кончающимся заводом. – Я боюсь... это известие... может вас потрясти...

Все уставились на Фонтклера. Хью поднялся и спешно подошёл к отцу.

- В чём дело, Роберт? – Пробормотал полковник.

- В доме найдена мёртвой молодая женщина. Мы пока что не знаем, кто она.

Раздался шёпот, выдохи, шелест шёлковых платьев и скрип стульев.

- Что? – Взвизгнула леди Тарлтон.

Гэй вскочил на ноги, сбив трёхногий стол и рассыпав карты по полу.

- Мёртвой? Вы сказали, что женщину нашли мёртвой?

- Да. – Ответил сэр Роберт. – Боюсь, что так. Доктор МакГрегор сейчас осматривает её, чтобы определить время и причину смерти. Но очевидно, что смерть была насильственной – это убийство.

Воцарилась полная тишина.

Первым, кто оказался в силах что-то сказать или сделать, была Мод, бросившаяся к отцу. Крэддок обнял дочь за плечи и прижал к себе – как маленькую птичку, которой нужно убежище, подумалось Хью.

- Боже мой, Роберт... – Прошептал Джеффри.

- О чём ты говоришь? – Вскрикнула Кэтрин с силой вцепившись в собственные волосы. – Роберт, что за бессмыслица? Я требую ответа прямо сейчас! Ты хочешь сказать, что какая-то неизвестная женщина умерла – была убита! – здесь, в нашем доме?

- Постарайся успокоиться, Кэтрин. Я должен напомнить, что своим поведением мы должны подавать пример детям и слугам. Если мы не будем сохранять спокойствие, они тоже не будут.

- Как мы можем сохранять спокойствие? Роберт, что же делать? Как мы... мы...

- Я начал расследование. – Сэр Роберт рассказал, как приказал Трэвису осмотреть дом, а Синдерби – расспросить слуг.

- Но ведь ты не подозреваешь никого из прислуги? – Спросила леди Фонтклер.

- Нет, дорогая моя, конечно нет. Это нужно, чтобы формально очистить их от подозрений и избавить их от поспешных и непродуманных обвинений.

- А есть кто-то, кого ты подозреваешь? – Спросил Джеффри.

Глаза сэра Роберта на миг сузились.

- Ещё рано об этом говорить. Пока я ничего не знаю о преступлении и ещё меньше – о жертве. Ей было около восемнадцати лет, у неё золотисто-рыжие волосы и голубые глаза. На ней было жёлтое платье – и шаль, кажется. – Он посмотрел на Кестреля, ища подтверждения.

- Да, шаль с бахромой и индийским сине-жёлтым узором. Кроме того, чепец с длинными голубыми лентами и густой вуалью. Девушка была совсем крошечной, худой и очень красивой.

Стоило ему закончить свою речь, как взоры всех присутствующих вперились в него.

- А откуда знаете столько вы, мистер Кестрель? – Требовательно спросила леди Тарлтон.

- Потому что я нашёл тело.

- Где? – Уточнил Джеффри.

- В моей спальне.

Ответом ему был хор резких судорожных вздохов. Джулиан – ему казалось, что он рассказывает это уже в сотый раз – поведал о том, как нашёл девушку, когда вернулся с верховой прогулки и что не имеет ни малейшего представления, кто она.

- Как она умерла? – Прямо спросил Гэй.

- Доктор МакГрегор скажет точнее. – Ответил сэр Роберт. – Но похоже, что она была заколота в спину.

- Вы собираетесь примерить на себя роль судьи? – Отрывисто спросил Крэдок.

- Я и есть судья, и преступление совершено в моём доме. Думаю, очевидно, что это дело – в моей сфере полномочий^[25].

- Вас не беспокоят возможные обвинения в пристрастности?

- Могу заверить вас, мистер Крэдок, что если бы я хоть на миг усомнился в своей способности мыслить беспристрастно, то немедленно передал бы это дело другому судье. Но таких сомнений у меня нет. Если доказательства укажут на одного из моих слуг или арендаторов, он предстанет перед судом без промедления. Но я думаю, что куда вероятнее в дом проник кто-то посторонний – не могу сказать, зачем – убил девушку и оставил её в комнате мистера Кестреля. Быть может, убийца её там и встретил, а может отнёс туда – я тоже не знаю. Вы слышали описание убитой. Оно вам что-нибудь говорит?

Нет, никто из них не знал такую девушку.

Джулиан метнул взгляд на Изабель. Она была бледна, а её глаза – полны печали, но после того как первое потрясение прошло, она вновь взяла себя в руки. Будто тихий пруд, по поверхности которого могут пробегать волны, но который всегда вновь обретает спокойствие.

Леди Тарлтон вновь набросилась на сэра Роберта.

- Это кошмар! Просто возмутительно! Почему убийству нужно было случиться именно в нашем доме!

- Скорее всего, преступник уже попытался убраться как можно дальше от Беллегарда. Но ради предосторожности, я приказал Трэвису обыскать дом, как я уже говорил.

- Я и шагу не сделаю из этой комнаты, пока его не поймают! – Леди Тарлтон зашагала взад-вперёд, ломая руки. – Как это могло произойти под нашей крышей! Великие небеса, что теперь скажут?

- Надеюсь, к тому времени, когда вести разойдутся, мы уже узнаем, кто эта девушка и задержим её убийцу. – Заверил её сэр Роберт. – Чем скорее преступление будет раскрыто, тем меньше будет огласка.

- Чего нам ждать, Роберт? – Охрипшим голосом спросил Джеффри. – Ищейки с Боу-стрит придут сюда и будут повсюду совать свой нос?^[26]

- Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы избавить нас от огласки. – Холодно сказал сэр Роберт. – Но не могу обещать, что это мне удастся.

- Помешает ли это свадьбе? – Спросил Крэдок. – Потому что я говорю вам, здесь и сейчас, что я не вижу, как это может ей помешать, и совсем не пойму, если помешает.

- Конечно, мистер Крэдок, вы ведь уже всё поняли! – Выкрикнула леди Тарлтон. – Это всё заговор против этой свадьбы! Мы наняли опасного сумасшедшего, попросили его пробраться в Беллегард и расправится с женщиной в комнате мистера Кестреля – всё для того, чтобы не дать вашей дочери выйти за Хью! Признай это, Роберт! Ты знаешь, что мы сделали!

Леди Фонтклер подбежала к ней.

- Присядь, дорогая моя. Я знаю, ты ужасно потрясена. Мы все сейчас потрясены. Позвольте мне позвонить и попросит принести вам воды.

- Я приказал слугам оставаться в людской. – Напомнил сэр Роберт.

- Я принесу вам воды, тетя. – Вызвался Хью.

- Может быть тогда, бутылку вина? – Предложил Гэй. – Или, ещё лучше, бренди. Я пойду с тобой.

Они вышли. Из оконной ниши появилась Изабель и принялась собирать разлетевшиеся карты, что Гэй оставил на полу.

Сэр Роберт попросил всех оставаться в гостиной до самого ужина, что слуги подадут, как только Синдерби закончит их опрашивать.

- Когда поужинаешь ты, Роберт? – Спросила леди Фонтклер.

- Очень поздно, я думаю. Не беспокойся. Я не смогу спокойно сидеть за столом, когда в голове остаётся столько загадок. Сейчас, если ты извинишь меня, я должен пойти к Синдерби и доктору МакГрегору и расспросить их. Мистер Кестрель, боюсь, я должен попросить вас вновь пойти со мной.

Выходя из гостиной Джулиан поймал взгляд мисс Крэддок.

«Всё в порядке?» – спросил он поднятием бровей. Девушка была бледной и очень напуганной, но кивнула и даже оказалась способной на слабую улыбку.

Синдерби чувствовал себя горько неподходящим для своей службы. Он никогда не хотел быть олдертонским констеблем. Соседи выкликнули его, настаивая, что у него больше времени на такую работу, чем у большинства мужчин в приходе. Сапожное дело требовало больших усилий лишь несколько недель в году – сразу после сбора урожая, когда у людей заводились деньги. Ещё он был высок и крепок – разве не таким должен быть настоящий констебль? Но что он знал о допросах слуг и выслеживании убийц? До сих пор он разве что доставлял бродяг в исправительные дома да разнимал драки между местными, что выпили слишком много. Один раз довелось арестовать мелкого воришку, и это уже было довольно неприятно, а тут – убийство! И убийство женщины! И где – в Беллегарде, прямо под носом у сэра Роберта! О, Боже мой, сегодня вечером Синдерби хотел бы быть где угодно и быть кем угодно, кроме себя самого!

Ему предстояло опросить около сорока слуг – а их было именно настолько много, если посчитать всю прислугу Беллегарда, вместе с конюхами и садовниками да прибавить тех, что прибыли вместе с гостями. Сорок их и один Синдерби! Они забрасывали его вопросами и что-то кричали, он мог едва вставить слово.

Миссис Кокс, экономка, пыталась кое-как поддерживать порядок, но она сама была слишком поглощена собственной обидой, чтобы быть полезной.

- Если сэр Роберт не счёл нужным довериться мне, что прослужила у него пятнадцать лет, выказывая верность и сдержанность, каких только можно пожелать, я не понимаю, как вы можете жаловаться на то, что вас оставили в неведении.

Синдерби вздохнул с облегчением, когда из гостиной вернулись сэр Роберт и мистер Кестрель. Они встали рядом с ним, и судья спросил, что констеблю удалось узнать.

- Если угодно, сэр, никто не знает такую девушку, и никто не видел сегодня никого похожего.

- Никто не знает никакой молодой девушки, что подходила бы под описание?

- Никто, насколько они могут вспомнить, сэр. Несколько слуг думали, что знают её, но оказалось, что они имели в виду другого человека. Это всё, сэр. Кроме....

- Кроме чего? – Подстегнул его сэр Роберт.

- Могу я рассказать вам всё, что узнал?

- Если это касается расследования, то да, говорите.

- Ну, сэр... Один из конюхов говорит, что эта девушка, должно быть, очень похожа на знакомую мастера Гэя.

- Почему он так думает?

- Это скорее была просто шутка, сэр, потому что я сказал, что девушка была молодой и хорошенькой, и, ну, сэр, мастер Гэй...

- Довольно. – Сухо ответил сэр Роберт и повернулся к слугам. – Кто-нибудь из вас видел кого-нибудь постороннего сегодня?

Все посмотрели друг на друга, пожали плечами и закачали головами.

- Вы уверены? Это чрезвычайно важно.

Все старательно сделали вид, что ломают головы, но ответ не изменился. Сэр Роберт задумался на мгновение.

- У леди Фонтклер утром были гости. Мог ли кто-то из их слуг задержаться после того как все ушли?

Никто не задерживался. На вопрос о том, что ещё приходил сегодня в Беллегард, назвали нескольких торговцев, что доставляли товары на кухню, кузнеца, что зашёл в конюшни, да двух фермеров, поспоривших о границе и явившихся с этим к Роулинсону. Всех этих людей хорошо знали. Более того – каждого из них видели покидающим Беллегард задолго до вечера.

- Кто из вас последним был в комнате мистера Кестреля? – Спросил после этого сэр Роберт.

Раздался возбуждённый гул. На Джулиана уставилось сорок пар любопытных глаз. Наконец, поднялся Брокер.

- Думаю, это был я, сэр.

- И что ты там делал?

- Прибирался, сэр, и готовил костюм, который мой хозяин собирался надеть к ужину.

- Ты помнишь, когда ушёл из комнаты своего хозяина?

Брокер пошевелил губами. Джулиан давно знал – Брокер всегда так делает, когда волнуется или пытается выиграть время.

- В полпятого или чуть раньше, сэр.

- Как ты можешь помнить так точно?

- Я посмотрел на часы, сэр, чтобы узнать, довольно ли ещё времени до ужина.

- А почему ты хотел это узнать?

Брокер опустил глаза, снова поднял, сглотнул.

- Потому что хотел пойти погулять, сэр. Я был в доме почти весь день.

- Слуги ужинают в полпятого. У тебя немного времени оставалось на прогулку.

- Да, сэр. Я опоздал на ужин.

Служанка в чепчике, Молли Дейл, захихикала. Сэр Роберт бросил на неё взгляд, и та закрыла рот ладонями.

- Итак, ты пошёл прогуляться? – С нажимом переспросил сэр Роберт.

- Да, сэр.

- Куда именно?

- На воздух. Просто пройтись.

- Пройтись вокруг дома, ты хочешь сказать?

- Да, сэр.

- Подумай хорошенько. Ты уверен, что не видел рыжеволосую молодую девушку в жёлтом платье поблизости от комнаты мистера Кестреля или в окрестностях дома?

- Уверен, сэр.

- И ты не видел никаких незнакомцев?

- Нет, сэр. Я бы сграбастал кого угодно, что околачивался бы возле комнаты моего хозяина.

- Это значит, что ты никого не видел?

- Не видел, сэр.

- А во время прогулки? Видел ли ты кого-нибудь незнакомого, что приближался бы к дому – или спешил бы прочь?

- Нет, сэр. – Брокер снова потупил взор.

- Могу я спросить? – Вступил Джулиан.

Сэр Роберт склонил голову.

- Когда ты выходил из моей комнаты, окна были закрыты?

- Да, сэр. Я сам их закрыл.

- И запер на задвижки?

- Да, сэр. Если этого не сделать, от ветра они начинают стучать. Я заметил прошлой ночью.

«Вот тебе и теория, что кто-то залез в окно». – Подумал Джулиан.

- А как насчёт ключа? Ты помнишь, где в последний раз видел его?

- Должно быть, в двери, сэр.

- «Должно быть» или в двери?

- Я точно не помню, сэр. Обычно я оставлял его в замке изнутри, не вынимал и ничего с ним не делал.

- Не мог ли ты запереть дверь перед и оставить ключ на столе в коридоре?

- Зачем мне это делать, сэр? – Спросил Брокер, широко раскрыв глаза.

Джулиан вздохнул и покачал головой.

- Не имею ни малейшего представления.

Глава 10. Медицинские озарения

- Есть у вас причины сомневаться в словах вашего слуги? – Спросил сэр Роберт, когда они с Джулианом поднимались в кабинет.

- Ни единой.

- Вы никогда не ловили его на вранье?

- Он служит у меня два года, и у меня никогда не было причин не доверять ему. – Эти слова были чистой правдой, пусть и не без лукавства.

«Бога ради, чем бы Брокер не промышлял прежде, он стал образцом честности с тех пор как поступил на работу ко мне, и он не заслуживает того, чтобы сейчас таким образом ворошить его прошлое. Сэр Роберт обязательно придал бы этому значение – и, дерзну подумать, у него были бы все основания. Он не знает Брокера, как знаю я, и когда происходит преступление, нет ничего естественнее, чем подозревать закоренелого преступника. Но карманник и убийца – совсем не одно и то же. Я скорее поверю, что сам убил эту девушку, одурманенный галлюцинациями, чем в то, что к её смерти приложил руку

Брокер».

В кабинете сэра Роберта они нашли МакГрегора, ходившего взад и вперёд. Он уже закончил осмотр и предложил всем вернуться к комнате Джулиана, чтобы он мог объяснить всё, что думает о преступлении там, где оно было совершено. Сэр Роберт приказал Роулинсону пойти с ними и записывать.

По пути сэр Роберт поделился с доктором теми крупными сведениями, что удалось получить от слуг. МакГрегор особенно заинтересовался словами Брокера о том, что тот покинул комнату хозяина почти в полпятого.

- Это более или менее совпадает с тем, что я думаю о времени смерти. Я не верю, что она могла быть убита задолго до половины пятого, иначе *rigor mortis*^[27] был бы сильнее.

- Так когда же она могла быть убита? – Спросил сэр Роберт.

- Что ж, очевидно, что она была мертва к шести, когда Кестрель нашёл её, но я предполагаю, что к этому мигу с её смерти прошло от двадцати минут до получаса. Он сказал, что тогда тело ещё не остыло окончательно, значит убийство произошло какое-то время назад – особенно с учётом покрывала и одеяла, что замедляли остывание. Стало быть, можно сказать, что жертва была убита не раньше половины пятого, но не позже чем без двадцати шесть. Это примерная оценка, но лучшего у меня нет.

- Синдерби узнаёт, где находились все слуги между половиной пятого и шестью. – Сообщил сэр Роберт. – Чем скорее мы очистим их от подозрений, тем лучше.

Они вошли в комнату Джулиана. Шаль, чепец и перчатки девушки всё ещё были сложены на стуле, что стоял у стены. Вся остальная одежда, вплоть до нижнего белья, была уложена на кресло. Полог кровати задёрнут. Джулиан постарался не думать о том, что за багровыми занавесями эта девушка лежит обнажённая и холодная.

Опустевший ридикюль нашёлся на столе. Вокруг было разложено его бывшее содержимое – гребень для волос, катушка ниток с воткнутой в неё иголкой, пригоршня монет и белый батистовый носовой платок, перепачканный грязью. Джулиан поднял платок и пробежал по нему глазами.

- Монограммы нет. – Сказал МакГрегор. – Я проверял. Увы, у неё нет ничего, что позволило бы понять, кто она – ни букв на платках, ни бумаг, ничего. В ридикюле нашлись только обычные женские безделушки.

Рядом с ридикюлем лежало янтарное ожерелье и серёжка. Было там и ещё одно украшение – посеребренное, примерно в дюйм шириной, похожее на раковину морского гребешка на голубой ленте. Джулиан взял его в руки.

- Я не помню, чтобы видел это раньше.

- Она носила его на шее, под платьем. – Пояснил МакГрегор. – Я нашёл его, только когда снимал с неё одежду.

- Любопытно. – Протянул Джулиан. – Думаю, оно должно что-то значить для неё. Ценности оно не имеет – серебра тут крохи. Такое скорее мог бы носить ребёнок. Похоже, будто это старый подарок из детских времён – он довольно поношен, хотя хозяйка явно чистила его.

Сэр Роберт, слушая рассуждения Кестреля, нахмурился и повернулся к МакГрегору.

- А теперь, доктор, пожалуйста, будьте добры рассказать нам то, что вы узнали.

Роулинсон сел на стол, что стоял в оконной нише и приготовился писать. Сэр Роберт стоял очень прямо, положив руку на каминную полку, будто позировал для портрета. Джулиан методично осматривал одежду девушки, время от времени бросая взгляд на

доктора, когда тот говорил что-то особенно интересное.

- Девушку ударили острым заточенным орудием. – Начал доктор. – Удар был нанесён в нисходящую часть аорты – это важнейший сосуд, идущий от сердца – и убил жертву почти мгновенно. Рана примерно четыре дюйма в глубину, но орудие убийства могло быть немного короче. На теле лишь одна рана, нет ни царапин, ни порезов – убийца нанёс всего один удар.

- Можно ли сделать вывод, что убийца был знаком с анатомией или просто убивал прежде, и потому знал, куда ударить? – Спросил Джулиан.

- К сожалению, мы почти ничего не можем предположить точно. Вероятно, убийца знал, что делает, но ему могло просто повезти, что единственный удар оказался смертельным. Ясно одно – удар был силён. Вокруг раны образовалась гематома.

- Значит ли это, что убийца должен был быть довольно силён? – Спросил Джулиан.

- Отдаю вам должное, вы задаёте хорошие вопросы. Хотел бы я иметь хорошие ответы. И хотел бы сказать вам, что убийца непременно был шести футов росту и весил не меньше пятнадцати стоунов^[28], но я не могу давать таких оценок, не зная о том, где была и что делала девушка в миг смерти. То, какое воздействие оказывает удар, во многом зависит от положения тела. Если жертва стояла в центре комнаты, а кто-то подкрался к ней сзади с ножом, ему пришлось бы ударить с большой силой, чтобы получилась такая глубокая и ровная рана. Скорее всего, он обхватил её за талию и удерживал перед тем как заколоть. С другой стороны, если жертва стояла у стены или лежала лицом вниз на кровати или полу, большой физической силы бы не потребовалось. Убийцей мог оказаться, и слабый мужчина, и даже женщина.

- Если ли признаки того, что она сопротивлялась? – Спросил сэр Роберт.

- Я таковых не нашёл. Удар в спину – подлое дело, если вы спросите меня. Убийца подкрался к жертве и застал её врасплох. Девушка была убита одним быстрым ударом. Преступник мог толкнуть её на кровать и заколоть, прежде чем она успела бы закричать, не говоря уже о том, чтобы сопротивляться. Она очень маленькая и справиться с ней было достаточно просто.

Повисло молчание.

- Она была изнасилована? – Мрачно спросил Джулиан.

- Никаких признаков этого нет – ни крови, ни разорванной одежды – ничего, что намекало бы на это.

- Там было пятно крови на одеяле, отчего я подумал...

- Я понял, о чём вы, но оно говорит не о том, что вы подумали. Что бы с ней не случилось, я уверен, что изнасилована она не была.

- А если это было не изнасилование?

- Вы имеете в виду, что она могла переспать с убийцей и потом погибнуть от его рук? Здесь трудно сказать что-то с уверенностью, но это не выглядит правдоподобно.

- Она девственница?

- Вы ведёте расспросы в очень неприятную сторону, мистер Кестрель.

- Прошу прощения, сэр Роберт. Я думаю, это довольно важно. Девушка была очень красива, а её тело найдено в кровати. Она могла погибнуть, защищая свою честь. Или, она могла повздорить с ревнивым мужем, с неверным возлюбленным...

- Должен сказать, ваш ум делает прискорбные предположения.

- Более прискорбные, чем это преступление?

Сэр Роберт промолчал.

- Если это не настолько важно, Кестрель, – проговорил МакГрегор, – то я бы предпочёл не высказывать своего мнения о том, девственница она или нет. Я не думаю, что физический осмотр может дать совершенно точный ответ, и не хотел бы бросать тень на эту девушку без веских причин.

- Она могла быть замужем. – Указал Джулиан. – Хотя на ней нет кольца. Впрочем, она могла потерять его или ещё как-то лишиться. Убийца мог забрать его и одну из серег, хотя почему он при этом оставил все остальные украшения – отдельный вопрос.

Он задумался на миг.

- У женщин, что постоянно носят обручальное кольцо, от него остаётся отметина на безымянном пальце^[29] левой руки. Кажется, я не заметил у неё такой.

- Я тоже. – Подтвердил МакГрегор. – Тогда взгляну ещё раз, сейчас.

Роулинсон прочистил горло.

- Простите, сэр Роберт. Стоит ли мне записывать вопросы о том, была ли юная леди...

- Записывайте всё, о чём мы говорим, что касается расследования. В том числе эти вопросы мистера Кестреля и ответы доктора МакГрегора. Наш с ним разговор об этом фиксировать нет нужды. Боюсь, я немного утомлён, мистер Кестрель. Прошу меня простить. Конечно, мы должны обдумать каждый из возможных мотивов этого преступления.

- Я не в обиде. Прошу вас больше не вспоминать об этом.

- Сама мысль о том, что такое отвратительное и невыразимое преступление совершено под моей крышей... Но я прервал вас, доктор. Пожалуйста, продолжайте.

МакГрегор кивнул.

- Я не могу сказать, где точно была убита девушка, но уверен, что после смерти тело двигали. Кестрель нашёл её лежащей на спине под одеялом и покрывалом, а она ведь была убита ударом в спину. Да и зачем ложиться в кровать полностью одетой? Она ведь даже не сняла туфли.

- Я всё ещё пытаюсь понять, что она вообще делает в моей комнате. – Сказал Джулиан.

- Взгляните на неё. – Призвал МакГрегор. – Вы уверены, что ничего не знаете об этой девушке?

- Совершенно уверен, что никогда прежде её не видел. Я не смог бы знать о ней меньше, даже прибудь она сегодня с той стороны света.

МакГрегор, к своему собственному неудовольствию, начинал верить Кестрелю.

- Хорошо. Продолжим. Вот почему я уверен, что убийца передвигал тело. Хм-мм. Будет проще, если я покажу вам, что имею в виду.

Он рывком отодвинул полог. Джулиан, сэр Роберт и Роулинсон вздрогнули как марионетки, которых дернули за одну из нитей. Впрочем, они была избавлены от необходимости видеть обнажённый труп – МакГрегор полностью закрыл покойную покрывалом, и что всё они могли видеть – это очертания тела, лежащего лицом вниз.

Все сгрудились вокруг МакГрегора, что сказал:

- Я думаю, что после того как убийца нанёс удар, он положил труп на кровать лицом вверх, на покрывало. Вот почему я так думаю. Такие раны обычно кровоточат внутрь – скорее всего, в перикард. Это значит, что на убийцу кровь, скорее всего, почти на попала. Сильное открытое кровотечение из такой раны возможно, только если жертва лежит на спине, что заставило бы кровь течь вниз и изливаться из тела. А теперь взгляните на покрывало.

Сперва они не поняли, на что смотреть – обычная бордовая парча, такая же, как на

занавесях. Но, приглядевшись, можно было рассмотреть более тёмные пятна.

- Это кровь? – Спросил сэр Роберт.

- Насколько я могу судить, да.

- Можно я присяду на минуту? – Попросил Роулинсон, что немного пошатывался

- С вами всё в порядке, приятель? – Спросил МакГрегор.

- Да. Я очень извиняюсь. Да. – Он рухнул на стул и обхватил голову руками.

- Подурнело? – Поинтересовался доктор. – Это пройдёт через минуту или две. На некоторых людей вид крови так действует. Просто сидите спокойно и не пытайтесь ничего записывать, пока вам не полегчает. Хотите воды? Тут в кувшине ещё осталась.

Роулинсон бросил взгляд на умывальник и вздрогнул.

- Н-нет, спасибо. Ещё немного, и я приду в себя.

Джулиан всё смотрел на отметину на покрывале.

- Пятно крови, что мы нашли на одеяле было на этом же месте.

- Именно так. – Согласился МакГрегор. – Я думаю, нанеся удар, убийца положил жертву здесь, на спину. Быть может, он хотел увериться, что она мертва или решил что-то ещё сделать с телом. Во всяком случае, кровь стекала на покрывало и пропитала его насквозь и оставила пятно даже на одеяле. Она лежала тут на спине минуту или две, судя по количеству крови. Потом убийца немного подвинул её и укрыл – один Бог знает, зачем.

- Мы можем быть уверены, что вся кровь здесь – её? – Спросил Джулиан. – Убийца тоже мог быть ранен.

- Хорошее замечание. Кровь одного человека от крови другого не отличишь. Но если бы была борьба, разве их бы не услышали?

Джулиан покачал головой.

- В этой комнате, в такой час они могли поднять дьявольский шум, и никто бы не услышал. На самом деле, если убийца знал распорядок дня в доме, он не мог найти лучшего места для убийства, чем моя комната. Меня бы он там точно не встретил, ваша семья, сэр Роберт, живёт в совершенно другом крыле, все слуги тогда собрались в людской на ужин. Окна здесь выходят на тихий задний двор, да ещё так скрыты деревьями, что убийца мог даже не задёргивать шторы – его бы всё равно не заметили.

- Кажется, вы, мистер Кестрель, совершенно уверены, что это преступление совершил кто-то из моих слуг.

- Я ни в чем не уверен, клянусь вам. Я просто подумал – любопытно, что убийца выбрал идеальное время и место.

- Две соседние комнаты – гостевые и пустуют. Если уж преступник знал дом, почему бы ему не убить девушку в одной из них? Его бы также никто не услышал, и ему не пришлось бы рисковать, используя комнату, в которой живут. Да, вас не было, но вы могли вернуться в любой миг.

- Эти гостевые комнаты ближе к новому крылу. – Возразил Джулиан. – И к коридору, где расположены комнаты Крэдкоков. А я всё равно оставался опасен – даже если бы убийца и жертва были бы не в моей комнате, я бы услышал, что в соседней что-то происходит...

Он замер. По спине пробежал холодок. Была и ещё одна, очень веская причина, совершить убийство здесь, а не в одной из пустующих комнат – чтобы бросить подозрение на самого Джулиана или Брокера.

- Если убийца хотел расправится с жертвой в уединённом месте. – Сказал сэр Роберт. – Он мог просто не приводить её в Беллегард. Ему могла подойти какая-нибудь безлюдная

часть леса, или заброшенный коттедж, или иное подобное место.

- Никогда не знаешь, кто забредёт в лес или заброшенный коттедж. А в доме, вроде этого, чёткий распорядок. Самые толковые дома – а ваш кажется именно таким, сэр Роберт – очень подходят для преступлений, ведь всегда можно предсказать, где и когда нужно очутиться, чтобы оставаться незамеченным.

- Кошмар. – Тихо сказал сэр Роберт.

- Будет вам, Кестрель. – Посоветовал МакГрегор. – Я не хочу сказать, что вы говорите глупости, но сейчас не время. Дайте мне закончить рассказывать то, что я узнал после осмотра. Итак, девушке не меньше шестнадцати лет, но я бы сказал, что ближе к двадцати. Хотя она мала ростом и худа, это женщина, а не подросток. На теле нет никаких особых примет или шрамов, что помогли бы нам узнать, кто она. Насколько я могу судить, она была здорова. Чистая, ухоженная, непривычная к тяжёлой работе. Ах да – на её ступнях были мозоли. Как будто она в своих тонких шёлковых туфельках очень много шла.

- Это всё, что вы можете рассказать о ней? – Спросил сэр Роберт.

- С врачебной точки зрения – да. Но я думаю, будет несложно найти кого-то, кто знает её. Не выскочила же она из ниоткуда – если вы, конечно, не верите в фей – я не верю. Впрочем, эта девушка как раз походит на фею, как я их себе представляю – такая же маленькая и изящная. Забудьте. Я хочу сказать, что кто-то должен знать её или хотя бы видеть – не в Беллегарде, так в Олдертоне или где-то ещё в округе. Люди всегда замечают, как другие приходят и уходят. Таковую девушку бы заметили. Женщины бы приметили её наряд, а мужчины – ну, можете быть уверены, что тоже обратили бы на неё внимание!

- Я думаю, она могла приложить усилия, чтобы оставаться незамеченной. – Проговорил Джулиан.

- Отчего же? – Спросил МакГрегор.

- В Беллегард она прибыла с какой-то необычной целью. Иначе зачем пробираться внутрь исподтишка? Да, я исхожу из того, что она оказалась тут по своей воле – но как же иначе? Уму непостижимо, как можно затащить в дом не желающую того или бесчувственную юную леди так, чтобы никто не увидел и не услышал решительно ничего. Во всякой случае, если бы она замышляла что-то незаконное – ограбление, скажем, или убийство – она бы попыталась привлечь к себе как меньше внимания посторонних. Кроме того, у неё был чепец с вуалью. Посмотрите, какая она густая. Женщины не носят такие вуали для красоты или даже из скромности – лишь для чтобы полностью скрыть лицо.

- Она была очень хорошо одета для девушки, которая хочет избежать внимания. – Указал МакГрегор.

- Это правда. Быть может, она боялась не того, что её увидят, а того, что узнают?

- Кто узнает? – Спросил доктор.

- Не знаю. Но это значит, что у неё был по меньшей мере, один враг.

Глава 11. В разладе лад не явленный земле

В гостиной Фонтклеры и Крэддоки в напряжении дожидались новостей.

- Я много думала об этом. – Сказала леди Фонтклер. – Я уверена, что никто из слуг не имеет отношения к смерти бедной девушки. Убийца, должно быть, был взломщиком или одним из тех радикалов, что творят насилие, чтобы начать беспорядки в провинции. Но я думаю, что это скорее вор. Мы не сталкивались с анонимными угрозами или политическими

волнениями. Я уверена, что Роберта любят и уважают и в деревне, и в поместье.

- А вас все просто обожают. – Вставил Хью, что сидел на оттоманке в ногах у матери.

- А ты очень глупый мальчик. – Она улыбнулась сыну и легко провела рукой по его волосам. – И ты перебил меня, когда я хотела сказать кое-что серьёзное. Теперь я думаю, что этот человек, кто бы он не был, как-то вломился в дом вместе с девушкой. У некоторых грабителей бывают поделницы. Кажется, они называют их канарейками.

Полковник Фонтклер невольно рассмеялся.

- Откуда ты это знаешь?

- Из газет. И однажды читала ньюгейтский роман^[30]. Кажется, это была книга Гэя. Помнишь Гэй, ты часто читал такие, когда был ребёнком?

- И, только подумать, сейчас я как раз на середине ещё одного. – Губы Гэя искривились в улыбке. Он откинулся на спинку стула, его пальцы сжимали пустой стакан. Хью подумал, не успел ли кузен напиться, но решил, что нет. Да, лицо Гэя покраснелось, а в глазах был нездоровый блеск. Но выпивший Гэй всегда становился шумным, а сейчас он был тихим и до странного серьёзным.

- Если спросите меня, – сказала леди Тарлтон, – то скажу, что мистер Кестрель знает об этом преступлении больше, чем признаёт. Девушку нашли в его комнате. Я не удивлюсь, если окажется, что существовала некая... связь между ними, и что девушка приехала за ним из Лондона.

- Вы же не хотите сказать, что это мистер Кестрель убил её? – Потрясённо спросил Хью.

- Почему нет? Мы ничего не знаем о нём, кроме того, что он умеет танцевать, хорошо одеваться и вписываться в компанию. Никогда не скажешь, кем на самом деле окажутся такие парвеню.

- Тетушка, это просто нечестно. Кестрель был со мной на верховой прогулке с полчетвёртого до шести. Мы вернулись домой вместе, и я видел, как он поднимался наверх один. Я знаю, что он не мог привести эту девушку в дом.

- И почти сразу после того как пробило шесть, он нашёл нас с Робертом и рассказал, что нашёл тело. – Добавила леди Фонтклер. – У него просто не было времени убить её.

- На это и не нужно много времени! – Парировала леди Тарлтон. – Полминуты было бы достаточно.

- Я бы так не сказал, тетушка! – Вставил Гэй. – А откуда вы знаете?

- Не будь таким противным, Гэй. – Устало одернул его отец.

- Тетушка говорит об этом так уверенно. Я просто задумался, откуда она такое знает. Думал, может быть, проверяла на горничных, как Клеопатра испытывала змеиные яды на рабынях.

- Как ты смеешь! – Выкрикнула леди Тарлтон. – Джефффри, твой сын просто чудовище! Если кто-то в этом доме и способен хладнокровно убить женщину, то это он!

Глаза Гэя вспыхнули, он поднялся со стула.

- Кэтрин, как ты можешь так говорить? – Леди Фонтклер поспешила к Гэю и ласково, но твёрдо удержала его. – Твоя тётя сказала это не подумав, в гневе – который ты намеренно вызвал, что было дурно с твоей стороны. Сейчас мы все потрясены и взвинчены. Не нужно делать всё ещё хуже. Кэтрин, ты не хочешь присесть? Ты ходишь взад и вперед уже почти час, с тех пор как Роберт вернулся с новостями.

- Спасибо, я не устала. Да и зачем тебе тратить свою любезность на меня, когда есть

джентльмены, что оценят её?

- Послушайте, тётушка... – Возмущённо начал Хью.

- Не обращай внимания, дорогой мой. – Сказала леди Фонтклер.

- Роберт не должен держать нас в таком напряжении! – Взорвался Джеффри. – Он уже должен был что-то узнать. Я пойду перекинусь с ним парой слов. – Он начал вставать.

- О, нет, дорогой мой, не нужно. – Леди Фонтклер подошла к нему и убедила сесть обратно. – Хорошо, что ты хочешь помочь, но Роберт просил нас пока что не покидать гостиную. Ты должен оставаться здесь и помогать мне приглядывать за всеми, пока он не вернётся.

«Не помогает он тебе, никто из нас не помогает. – Подумал Хью. – Ты все делаешь сама, как всегда».

Юноша пристальнее пригляделся к её лицу – бледные щеки, слабые морщины, прочертившие лоб и появившиеся в уголках глаз. Он встал и обнял мать.

- Давайте сядем.

И произошло то, чего прежде не бывало. Она правда опёрлась о сына, ища у него поддержки. Чувствовать её невеликий вес было трогательно и немного страшно. Его мать – опора и утешение для всех – теперь искала силы у него.

- Быть может, я зажгу свечи, тетя Сесилия? – Спросила Изабель. Ответом её было общее нетерпеливое согласие. До этого никто и не замечал, что солнце уже садится. Слуг всё ещё спрашивали, и никто, кроме Изабель и не подумал взяться за это простое дело в их отсутствие.

Девушка нашла коробочку с трупом и зажгла свечи на серебряном канделябре, осторожно прикрывая каждый огонёк ладонями, пока он не разгорелся достаточно. Хью смотрел на троюродную сестру со смесью обожания и жалости. Да, подумалось ему, Изабель не нужна ничья поддержка. У неё железное самообладание. Если ей и нужно плечо, на которое можно опереться, она никогда в этом не признается. Он перевёл взгляд на Мод, что сидела рядом с отцом. Она глядела в пол, её брови были сдвинуты. Хью ещё никогда не встречал девушку, чья внешность так зависела от настроения. Сейчас она выглядела почти дурнушкой, но это тронуло его сердце больше, чем любая красота, что он видел прежде. Все это неправильно, вдруг решил Хью. Он её жених. Она напугана и несчастна, и он должен быть рядом с ней.

Осознание этого подтолкнуло Хью к невесте.

- Мисс Крэддок, мне очень жаль, что всё это произошло.

- Мне тоже. – «Но я так рада, что ты пришёл поговорить со мной. Я бы хотела, чтобы ты остался, взял меня за руку и... Хватит! – Приказала она себе. – Ты же обещала освободить его от этого брака. Ты не можешь мечтать о нём, лишь потому что в доме кого-то убили или потому что ты сама опечалена и смущена перепалкой папы с леди Тарлтон». – Она замолчала, не зная, что ещё сказать – подошло бы что угодно, чтобы отвлечься от собственных мыслей.

- Вы ведь не подозреваете мистера Кестреля, верно? Я знаю, он не мог быть замешан в таком ужасном преступлении.

«Так вот почему она так волнуется». – подумал Хью.

- Молюсь, чтобы это было так, мисс Крэддок. Уверен, никто всерьёз не верит, что Кестрель как-то связан с этим убийством.

«Теперь он раздражён. – подумала Мод. – Он пытается быть добрым, но через силу – я

ему совсем не нравлюсь».

- А что будет если убийцу не найдут сейчас? – Спросил Гэй.

- Дела пойдут своим чередом, я думаю. – Ответила леди Фонтклер. – Приход сообщит о преступлении и предложит награду каждому, кто поможет правосудию.

- И большую награду?

- Ты что, думаешь стать ловцом воров, Гэй? – Спросил отец.

Тот рассмеялся.

- Кто знает. Мне бы никогда не помешала сотня-другая фунтов. Я нашёл бы им применение.

- Когда у Браунлоу в прошлом году сожгли сено, приход предлагал сотню гиней тому, кто знает что-то о поджигателях.

- Поджоги всегда очень беспокоят фермеров, ты же знаешь. – Сказала леди Фонтклер.

- А убийство очень беспокоит всех до единого. – Тихо добавила Изабель.

- В этом приходе ни у кого нет ни времени, ни способностей, чтобы вести долгое расследование. – Сказал Крэдок. – Если дело окажется сложным, сэр Роберт должен будет попросить помощи в Лондоне. То есть на Боу-стрит.

Мод удивилась внезапно усилившемуся напряжению. Она знала, что ищейки с Боу-стрит были лучшими – и практически единственными профессиональными – полицейскими в Англии. Они часто бывали продажными, порой – недобросовестными, но наверняка очень хорошо умели ловить преступников, иначе эта малочисленная, отборная группа осталась бы не у дел. Мод переводила взгляд с одного лица на другое и подумала, никто не боится нового убийства. Всех беспокоит какой-то ужасный секрет, что знают все, кроме неё. Они не хотят расследования. Они не хотят, чтобы полицейские задавали вопросы. Может вскрыться что-то, никак не связанное с убийством – что-то, что все всеми силами пытаются скрыть. Внезапно девушка резко выдохнула. Откуда знать, что эта тайна действительно не связана с убийством?

- Роберт никогда не позволит лондонским полицейским явиться сюда, задавать вопросы и совать свой нос не в свои дела! – Воскликнула леди Тарлтон.

- Им это и не понадобится. – Джефффри попытался её урезонить. – Зачем им расспрашивать нас? Мы ничего не знаем. Ищейки с Боу-стрит обычно рыскают по окрестностям, ищут воров и браконьеров.

- Не обманывайте себя, думая, что нам не придётся отвечать на вопросы. – Возразил Крэдок. – Если убийство ещё не раскрыто, нас все расспросят, где мы были в этот день, что делали да кто это видел и слышал.

- Ну что же, я не видела и не слышала ничего связанного с убийством. – Заявила леди Тарлтон. – Я весь день была в своей комнате. Я не выходила оттуда до самого ужина.

Крэдок посмотрел на неё, сузив глаза, на что получил вызывающий ответный взгляд.

- Тогда не думаю, что полиция будет сильно беспокоиться насчёт вас. – Наконец, сказал он.

Мод почувствовала, что задыхается. Она вцепилась в отцовский рукав и зашептала.

- Отец, мне нужно поговорить с вами, пожалуйста! Можем мы поговорить где-нибудь одни?

Миновав широкие двойные двери, они вышли в музыкальную комнату. Мод показалось,

что с Кестрелем она здесь разговаривала целую вечность назад.

- Итак, что случилось? – Спросил Крэддок.

- Отец, вы... – Она с трудом сглотнула. – Вы думаете, стоит позволять леди Тарлтон говорить неправду?

- О чём ты? – Резко спросил отец.

- Она сказала, что не выходила из своей комнаты до самого ужина, но я знаю, что это не так.

- Что ты знаешь? Где по-твоему леди Тарлтон была сегодня днём?

- Я знаю только то, что ближе к вечеру она была не в своей комнате, папа. Она была в вашей.

Крэддок набрал воздуха в грудь, будто собираясь кричать, но сдержался. Его голос не поднялся выше пронзительного шёпота.

- Откуда ты знаешь?

- Я... я сегодня днем я была на пикнике с Джози, Пиппой и мисс Притчард. Мы с мисс Притчард говорили, и я подумала, какая у неё тяжелая работа и тоскливая жизнь. А ведь она ещё не старая. Наверное, она была рада пойти с нами и немного повеселиться, пока...

- Это как-то связано с тем, о чём я тебя спросил?

- Да, отец. Потому что я думала, что если сэр Роберт и леди Фонтклер не возражают, я бы пригласила мисс Притчард в Лондон на несколько дней. Она бы помогла со всеми приготовлениями к свадьбе. Она с таким удовольствием слушала о приданом, о праздничном завтраке и всём остальном. – Мод заторопилась, видя, что терпение отца истощается. – И когда мы шли домой, я зашла в вашу комнату, чтобы спросить, всё ли у вас в порядке. Я только постучалась в дверь, как услышала изнутри голос леди Тарлтон. Я так удивилась, что просто застыла на месте.

Крэддок уставился на дочь, его дыхание участилось.

- И что было потом?

- Я поступила дурно. Я... я подслушивала. Простите. Это только потому, что ваш разговор был очень странным. Он напугал меня. Я – о, отец, не смотрите на меня так!

- Боже мой, много ты услышала? Что ты узнала?

У Мод перехватило дыхание, и она не ответила.

- Говори же, чёрт побери! – Он сделал несколько шагов к дочери.

- Я... Я была там всего пару минут! Я ничего не услышала! А что услышала, то не поняла.

- Для начала расскажи то, что услышала.

Мод повторила всё, как смогла.

- А потом я услышала шаги. – Закончила девушка. – Я подумала, что леди Тарлтон сейчас выйдет, и побежала в свою комнату. Я не могла столкнуться с ней. Я была так потрясена и изумлена.

- Ты говоришь правду? Ты действительно всё это слышала?

- Да, папа, клянусь.

Крэддок пытливо посмотрел в глаза дочери.

- Хорошо, я верю тебе. Теперь слушай меня внимательно. Ты не будешь никому рассказывать о леди Тарлтон в моей комнате, и не будешь повторять ни слова из тех, что слышала. Ты понимаешь?

- Но... но если кто-то спросит, что я делала сегодня днём? Вы же говорили, что нас

будут расспрашивать сэра Роберт или ищейки с Боу-стрит.

- И ты скажешь им, что сперва была на пикнике с девицами Фонтклер, а когда вернулась домой, то пошла в свою комнату. Тебе не придётся лгать – просто умолчать обо всём, что касается леди Тарлтон и меня. Это не имеет отношения к убийству.

- Вы уверены?

- О чём ты говоришь? Конечно, я уверен!

- Но то, о чём говорили вы с леди Тарлтон звучало так странно. А ещё у тебя и Фонтклеров есть какой-то секрет, который я никак не могу...

- Нечего тут мочь! У меня с Фонтклерами свои дела, ты тут не при чём. И я предупреждаю тебя — если ты выдашь хоть слово о том, что подслушала наш с леди Тарлтон разговор, ты принесёшь этим куда больше вреда, чем можешь представить. Ты не понимаешь, во что можешь впутаться. За такое ни Фонтклеры, ни я тебя не поблагодарим.

- Но если это может помочь найти убийцу...

- Не может. Не будь дурочкой, Мод. Скоро ты станешь частью этой семьи. Ты не хочешь её позорить.

«Только не семью Хью – это последнее, чего я хочу. – Подумала она. – Хотела бы я знать, что делать. Если бы я увиделась с мистером Кестрелем наедине до ужина, я бы спросила его, что он думает о разговоре между отцом и леди Тарлтон. Но теперь я не могу поговорить с ним об этом. Как я могу рисковать, не зная, как могу навредить?»

Сэр Роберт разделял версию своей жены.

- Я думаю, что в дом пробрался преступник – скорее всего, грабитель. Он привёл девушку с собой, они поссорились, он убил её и скрылся. Роулинсон, отметьте, что понадобится обыскать дом. Нужно удостовериться, что ничего не пропало.

- Да, сэр. – Отозвался секретарь, что сидел за столом у окна. Он зажжёт масляную лампу, чтобы разогнать наступающие сумерки, и её красноватое сияние озаряло разноцветное стекло у него за спиной, отбрасывая на стены фантастические тени.

- Я думаю, вам стоило бы обыскать дом в любом случае. – Сказал Джулиан. – Быть может, удастся найти какие-то следы этой девушки или её убийцы где-то, кроме этой комнаты. Я думаю, мы не можем с уверенностью сказать, что она была убита именно здесь, верно? Сюда преступник мог принести уже труп.

- Я не могу себе представить убийцу, что гуляет по дому с покойницей на руках. – Возразил МакГрегор.

- Да. – Признал Джулиан. – Как и я. Но всё же нам стоит осмотреть все комнаты и поискать пятна крови или следы борьбы.

- Запишите и это, Роулинсон. – Устало распорядился сэр Роберт.

- Кроме того, я не уверен, что эта комната раскрыла нам все свои тайны. – Джулиан зажег от масляной лампы свечу и склонился на ковре. – Здесь есть грязь, но она не с моих сапог. Я помню, что они были грязными, когда я вернулся с конской ярмарки, а Брокер тогда сразу забрал их, чтобы почистить. – Он придирчиво осмотрел обувь трёх соратников по расследованию. – Кажется, ни у кого из нас на обуви нет такой грязи. А вот у девушки туфли очень грязные, хотя она явно пыталась привести их в порядок.

Он поднял обувь убитой. Это были бледно-голубые туфли из шёлковой парчи, ныне разорванной, помятой и очень грязной. На подошвах виднелись пятна от травы. Джулиан

указал на неровные линии, что тянулись по нижней части туфель – очевидно, хозяйка пыталась счистить грязь.

- Если обувь убитой – а значит, возможно и убийцы – выпачкана в такой грязи, мы можем вычислить, в какой части комнаты они были, и что делали. Проблема в том, что на туфле слишком мало грязи, чтобы оставались хоть сколько-то чёткие следы. – Он тщательно осмотрел ковёр, не выпуская свечу из рук. – Большая часть будто бы с той стороны кровати, что ближе к дверям. Кое-что есть у изножья – но ни пятнышка возле умывальника, а ведь мы знаем, что убийца подходил к нему, чтобы смыть кровь. Интересно, значит ли это, что его обувь была чистой? Если тут и есть что-то вроде следов, то они ведут сюда... – Кестрель отошёл от двери, миновал кровать и повернул налево. Остановившись у стены, Джулиан принялся разглядывать деревянные панели. – Доктор МакГрегор? – Позвал он, не оборачиваясь.

Все присоединились к Кестрелю. В свете его свечи стали видны тёмные пятна на стене – различить их можно было ли с близкого расстояния. Пятна были небольшими – одного-двух дюймов в длину каждое. Три выстроились в горизонтальную линию на уровне глаз в дюйме друг от друга. Ещё два, не такие яркие, были футом ниже и правее.

- Что вы думаете об этом? – Спросил Джулиан, хотя был уверен, что уже знает ответ.

МакГрегор поскреб одно из пятен ногтем.

- Скажу, что это почти совершенно точно кровь.

Джулиан отступил на несколько шагов и посмотрел вокруг. Справа стена изгибалась под прямым углом, уступая место окну. Слева был камин. Часть стены, где нашлись пятна, была около ярда шириной. И почти прямо перед ней стоял тот стул, на котором нашлись шаль и чепец девушки.

- Как вы считаете, могла она быть убита здесь? – Спросил Кестрель.

- Могла. – Ответил МакГрегор. – Это вполне вероятно. Быть может, она как раз укладывала вещи на стул, когда появился убийца, прижал её к стене и заколол.

- Или, быть может, она решила уйти, и потому пришла сюда за шалью и всем остальным. – Дополнил Джулиан. – На спинке стула есть царапина – возможно, его ударили о стену во время борьбы. Да, посмотрите, на стене тоже есть царапина на том же уровне. И обе царапины свежие.

Сэр Роберт нахмурился.

- Если девушку прижали лицом к стене и ударили ножом в спину, как кровь могла попасть на эту стену?

- Убийца мог прикоснуться к стене пальцами, запачканными в крови. – Предположил МакГрегор. – Это может объяснить то, что пятна такие маленькие и многочисленные.

Джулиан приложил ладонь к стене и обнаружил, что три отпечатка на уровне глаз располагаются как раз так, будто их оставили слегка расставленные пальцы одной руки.

- Думаю, вы правы. – Сказал он. – Похоже, кто-то прижал её к стене. Кровь смазана сверху вниз слева направо. Каждое пятно чуть темнее с левой стороны, видите? Мы знаем, какой рукой был нанесён удар?

- Правой. – Ответил МакГрегор.

- Стало быть, он был правой, и скорее всего кровь могла попасть ему на правую руку, чем на левую, так?

- Да, я это и хотел сказать.

- Тогда, вероятно, эти пятна остались от того, что он провёл правой рукой слева

направо. – Джулиан задумался. – Вы знаете, тут что-то не сходится. Убивать девушку у этой стены? Это ведь самое заметное место в комнате. – Он указал на окно, за которым виднелось новое крыло Беллегарда. – Кто угодно мог выглянуть в окно нового крыла, и место убийства было бы для него как на ладони. Конечно, есть деревья, что частично перекрывают обзор, но совершать убийство прямо здесь всё равно очень рискованно.

- Быть может, убийца задёрнул шторы. – Предположил МакГрегор. – Или же, черт побери, он просто не успел подумать об этом! Он мог быть в гневе или панике и потому забыть о том, что с такого угла его могут заметить!

- Это возможно. – Сказал Джулиан так мягко, что доктору стало немного стыдно за свою горячность.

- Хм... Есть другие предположения? – Спросил он.

- Да, пожалуй. Если бы я силой прижал женщину к стене и ударил ножом – хотя мне никогда и близко не приходило в голову такое делать, – добавил он, заметив, как на него посмотрели сэр Роберт и МакГрегор, – но если бы я это сделал, она бы, скорее всего обмякла и начала падать, а мне пришлось подхватить её рукой. Или я мог бы отступить на пару шагов, позволив телу упасть на пол – но в любом случае, у меня не было при причин дотрагиваться до стены и пачкать её кровью.

- Чертовщина какая! – Воскликнул доктор. – Вы знаете, как сделать всё втрое сложнее! Я не знаю, что вам ответить. Может быть, убийца потерял равновесие после того как убил её, или просто был так потрясен содеянным, что ему пришлось опереться о стену.

- Я думаю, он мог бы подхватить тело девушки одной рукой и опереться о стену другой. – Задумчиво произнёс Джулиан. – Хотя не думаю, он при этом он был поставил руку так высоко, чтобы оставить эти три пятна. Хотя, конечно, он мог быть очень высок. – Джулиан невольно бросил взгляд на сэра Роберта, что, как и все Фонтклеры, не был обделён ростом. – А потом он опустил руку чуть ниже. Это объясняет то, что пятна ниже и правее не так густы – вся кровь с пальцев ушла на первые три.

- Джентльмены, – вмешался сэр Роберт, – вы не думаете, что мы удаляемся от главного? Где именно в комнате была убита девушка, как именно убийца прислонился к стене – всё это не приближает нас ни к тому, чтобы понять, кто был убийцей, ни к тому, как его поймать.

- Как мы сейчас можем говорить о том, что важно, а что нет? – Возразил Джулиан. – Мы окружены массой бессмысленных на вид фактов и событий. Пятна крови на стене, тот факт, что убитую накрыли одеялом и покрывалом, запертая снаружи дверь, само появление девушки в доме – у каждого из этих фактов должно быть объяснение, и если мы найдём их, то сможем и понять, кто убийца. Это напоминает мне строчки Поупа, что вы читали леди Фонтклер – что-то о ладе, что царит в разладе, не явленном земле.

- Когда мистер Поуп писал о ладе и разладе, – сухо ответил сэр Роберт, – он говорил о непостижимых замыслах Господа.

- Причины и последствия – тоже часть этого замысла. У каждого из последствий есть своя причина, и если мы найдём её...

- Я понял вас, мистер Кестрель. Спасибо. Теперь, думаю, нам стоит вернуться в людскую и узнать, чего добился от них Синдерби. А Трэвис уже должен был закончить осмотр дома – быть может, он нашёл какие-нибудь следы проникновения.

- А что делать с телом? – Спросил МакГрегор.

- Его заберет гробовщик из Олдертона. Если у девушки не найдётся ни семьи, ни друзей,

я позабочусь о похоронах. Но сперва, боюсь придётся попросить всех, кто присутствует в доме, взглянуть на не. Хотел бы я освободить их от такого испытания. Но поскольку никто не узнал её по словесному портрету, нам придётся явить её во плоти.

- Мы могли бы показать всем это. – Джулиан поднял серебряную раковину, что носила девушка. – Если это был талисман, что она явно ценила, это поможет опознать её.

- Думаю, это никому не причинит вреда. – Согласился МакГрегор.

- Хорошо. – Сэр Роберт положил украшение в карман жилета.

Когда они выходили, доктор остановился.

- Минуту. Если вы не возражаете, сэр Роберт, я бы ответил на один из сотен вопросов, которыми задаётся Кестрель, прямо сейчас. – Он вернулся к крови, и вытащил из-под покрывала уже почти полностью побелевшую руку убитой. Быстро осмотрев руку, доктор убрал её обратно. – Ни следа обручального кольца. – Он задёрнул полог на кроватью, и все четверо в молчании покинули комнату.

Оказавшись в коридоре, Джулиан устался на пол и нахмурился.

- Что теперь? – Спросил МакГрегор.

- Здесь почти нет грязи. Впрочем, думаю, к ковру в комнате она липла гораздо лучше, чем в голому полу. Как многое зависит от места.

- А ещё ваш слуга мог ошибиться, когда говорил, что окна была закрыты и заперты. – Сказал сэр Роберт. – Если девушка и убийца проникли в дом через окно, это объясняет, почему они наследили в комнате, но не в коридоре.

«Но убийце всё равно нужно было выйти в коридор, чтобы покинуть дом, оставив окна закрытыми, а дверь в комнату – запертой снаружи – Подумал Кестрель. – Сэр Роберт явно не хочет признавать этот факт».

Они спустились вниз. Из столовой тянулся аромат еды и слышался звон тарелок. Джулиану показалось, что он различил мелодичный голос леди Фонтклер, тогда как все остальные молчали. Похоже, Фонтклерам и Крэддокам было нечего сказать – по крайней мере, в присутствии слуг.

- Хорошо, что мы, наконец, можем поужинать. – Отметил сэр Роберт.

Джулиан вытащил часы. Только что пробило девять – почти ровно три часа с того мига, как он нашёл тело. Кажется, это время прошло так быстро... или медленно? Весь вечер был похож на сон, который не измеряется часами или минутами. События просто происходят в своем непостижимом и торжественном ритме.

- Едва ли мне нужно говорить, джентльмены, как я благодарен вам за помощь. – Произнёс сэр Роберт. – Ваше участие в этом неприятном деле должно вскоре прекратиться – хотя вам нужно будет дать показания на дознании и в суде.

Джулиан почувствовал укол сожаления. Конечно, у него нет никакого права расследовать убийства. И, Бога ради, джентльмену не пристало бегать туда-сюда за уликами как ищейке с Боу-стрит. Но всё же такая «охота» заинтриговала его, и отставлять её очень жаль.

Кое-что ещё волновало Кестреля. Это он нашёл эту девушку в своей комнате, в своей кровати. Он чувствовал некую ответственность. Он вновь и вновь видел её маленькую, почти детскую руку – руку, на которой никогда не было обручального кольца, и уже никогда не будет.

Глава 12. Многообещающий подозреваемый

Пройдя по служебному коридору, сэр Роберт и его спутники попали в крыло прислуги, где встретили Трэвиса, как раз входившего в дом с фонарем в руке. Его пальто и шапка были забрызганы дождем.

- Какие новости? – Спросил сэр Роберт. – Вы осмотрели дом и окрестности?

- Да, сэр. Но ничего не нашёл.

- Никаких следов взлома и проникновения?

- Нет, сэр. Я осмотрел весь дом и обошёл его вокруг, но не обнаружил никаких признаков того, что в него могли пробраться снаружи. Некоторые окна были закрыты, но ни одно не выбито. Некоторые были открыты, но я не думаю, что через них мог кто-то пролезть. Дождь только начался, и земля была мягкой. Если бы кто-то лез через окно, на земле остались бы следы, а цветы были бы потоптаны.

- А окно в комнате мистера Кестреля тоже цело, как и все остальные?

- Да, сэр.

- Отличная работа. – Сказал сэр Роберт, но вид у него был недовольный.

- Сколько есть дверей, что ведут в дом? – Спросил Джулиан.

- Не так много для дома таких размеров. – Ответил сэр Роберт. – Вот парадная дверь. – Он указал рукой в её направлении. – В крыле прислуги есть задняя дверь, что ведёт в маленькую приёмную для торговцев и всех, кто приходит по таким делам. Наконец, есть застеклённые двери в оранжерею. Они выходят на веранду, с которой можно спуститься в сад и парк.

- Если никто не влезал или не вылезал через окно, – заговорил МакГрегор, – значит он сбежал из дома в период, скажем с половины пятого до настоящего времени – через одну из этих дверей.

- Никто не смог бы уйти через оранжерею до шести вечера. – Возразил сэр Роберт. – Мы с леди Фонтклер были там примерно с четырёх до шести, пока я не ушёл с мистером Кестрелем. Не знаю, насколько там после этого задержалась леди Фонтклер.

- И вы заперли застеклённые двери перед тем как уйти. – Вспомнил Джулиан.

- Вы запомнили, да? Ветер распахнул их. – Хозяин повернулся к Трэвису. – Вы не заметили, двери с оранжерею были заперты?

- Да, были, сэр.

- Стало быть, никто не мог бы уйти этим путём и после шести, ведь ему пришлось бы оставить двери незапертыми.

- Я тоже так думаю, сэр.

У Джулиана появился новый вопрос.

- Скажите, а вы и леди Фонтклер покидали оранжерею между четырьмя и шестью часами? Хотя бы на минуту?

Сэр Роберт открыл рот, чтобы ответить, но задумался.

- Я выходил, должно быть, минут на десять. – Медленно произнёс он. – Самое большее, на четверть часа. Я читал вслух, а леди Фонтклер любит послушать Поупа. Я ходил в библиотеку за книгой его стихов.

- А леди Фонтклер не выходила из оранжереи в ваше отсутствие?

- Я не знаю, мистер Кестрель. – Холодно ответил сэр Роберт. – Мне не приходило в голову спрашивать её.

- Стало быть, нам остаются парадная и задняя двери. – Заключил МакГрегор.

- При всём уважении, сэра, – вмешался Трэвис, – я не думаю, что кто-то мог бы войти или выйти через парадную дверь.

- Почему? – Спросил Джулиан.

- Потому что она была заперта с половины пятого, сэра. Её всегда закрывают, когда слуги садятся ужинать, как и ночью.

- Можем мы быть уверены, что сегодня дверь тоже была заперта? – Спросил сэра Роберт.

- Я спрашивал Майкла, сэра. – Майкл был одним из лакеев. – Он сказал, что запер дверь на засов в половине пятого, как всегда.

- Но, конечно же отпер, когда ужин слуг закончился. – Сказал сэра Роберт.

- Да, сэра, отпер примерно в без четверти шесть. Но он говорит, что после этого он сам оставался у двери, чтобы открывать их гостям, что придут к ужину. Когда я по вашему приказу собирал прислугу в людской в полседьмого, то застал его с Питером. – Питером был второй лакей. – Думаю, они играли в кости, сэра, но оказались очень проворны, и я не смог поймать их за этим. Я послал обоих в людскую и запер дверь. Я решил, что это будет лучше – мне казалось, что в доме что-то не так. С того мига дверь была заперта всё время, кроме того, что я обходил дом снаружи – я следил за этим.

- Стало быть, – проговорил Джулиан, – с половины пятого парадная дверь постоянно была или заперта или находилась под присмотром лакея.

- Да, сэра.

- Значит, никто не мог войти или выйти через неё незаметно для нас.

- Именно так, сэра. Если бы кто-то уходил, он бы не смог запереть дверь за собой. – Трэвис беспокойно посмотрел на сэра Роберта. Казалось, что вопросы мистера Кестреля совсем не радуют его. Дворецкий сжал губы и выпятил подбородок. Джулиан понял, что просто так он вытянет из Трэвиса больше ни слова.

«Неважно. – Подумал Кестрель. – Он уже рассказал немало беспокоящего. Если убийца был грабителем, что проник в дом вместе с девушкой, он должен был как-то уйти после того как расправился с ней. Кажется, он не мог сбежать ни через парадную дверь, ни через оранжерею, ни через окно. Остаётся лишь задняя дверь, но чтобы пройти от моей комнаты до задней двери, нужно пересечь людскую. Мог бы он проскользнуть там незамеченным? Потому что если не мог, значит он не воспользовался единственной возможностью покинуть дом. А значит, нам придётся признать, что никакого загадочного незнакомца не было – убийца либо кто-то из слуг, либо кто-то из нас».

Сэра Роберт послал Трэвиса за Синдерби. Когда констебль явился, судья спросил, что тому удалось узнать о том, что слуги делали и где были между половиной пятого и шестью. Синдерби потребовалось время, чтобы разобраться со своими записями – ни чтение, ни письмо не были его сильными сторонами – но суть собранных сведений состояла в том, что все слуги могли дать убедительный ответ на вопросы о том, где они были и что делали в этом время. Роулинсон, миссис Кокс и Трэвис ужинали в собственных комнатах. Остальные сидели на ужине в людской – все, кроме мальчишек с конюшни, что присматривали за лошадьми. У каждого нашёлся хотя бы один свидетель.

Сэра Роберт мрачнел с каждой минутой, и Джулиан отлично понимал, почему. Теперь, когда слуги чисты от подозрений, а шансов на то, что убийство совершил неизвестный всё меньше и меньше, сеть подозрений будет сплетаться вокруг семьи самого сэра Роберта. Каждая новая подробность становилась ещё одной нитью в этой паутине.

Но нашлось и ещё одно осложнение. Джулиан вздрогнул, когда услышал слова

Синдерби:

- Так что единственный слуга, что оставался в одиночестве больше, чем на минуту или две – это камердинер мистера Кестреля, что выходил прогуляться как раз перед половиной пятого.

- Да, я помню. – Кивнул сэр Роберт. – Когда он вернулся?

Констебль забарахтался в своих записях.

- Я не помню, сэр, но горничная, Молли Дейл, знает. Она сказала, что он напугал её, ворвавшись в людскую. Она тогда упрекнула его, что он опоздал к ужину. Тогда она посмотрела на часы, чтобы узнать, насколько он опоздал, и на часах было без десяти пять.

- Стало быть, он прогуливался один около двадцати минут. – Заключил сэр Роберт.

Джулиан почувствовал, как по спине забегали мурашки.

«Чёрт бы побрал Брокера! – Подумал он. – Урождённый кокни, кокни до мозга костей, дитя лондонских улиц именно в этот день и час захотел подышать свежим воздухом и вдохнуть аромат цветов! Ну и что с того? Нет никаких оснований подозревать его. Да, он был последним, кто заходил в комнату, где нашли тело, но у него были все права и причины зайти туда в этот час».

Джентльмены прошли в людскую. Большая часть прислуги всё ещё пребывала за длинным столом. Сэр Роберт начал с того, что показал посеребренную раковину и спросил, не знакома ли кому-то эта вещь. Украшение переходило из рук в руки, его с любопытством разглядывали, но никто не узнал.

Затем сэр Роберт спросил, мог ли посторонний попасть в главный дом через заднюю дверь в половину пятого или позже. В ответе слуги были уверены – нет. Комната тогда была всё время полна людей. Никакой незнакомец не мог бы пройти незамеченным.

- Я хочу задать несколько вопросов Майклу. – Сказал сэр Роберт. Все глаза повернулись в высокому блондину-лакею с круглым лицом и светлой, усыпанной веснушками кожей. Он явно заволновался.

- Да, сэр?

Майкл подтвердил, что закрывал парадную дверь в половине пятого и отпер в без четверти шести.

- Я открывал её примерно в двадцать минут шестого, – вспомнил он, – как раз, чтобы впустить мистера Крэдока. Он выходил проехаться на лошади и вернулся, когда мы ужинали. Я впустил его, посмотрел на часы в холле, понял, что ещё рано, и запер её снова.

Без четверти шесть с пикника вернулись мисс Притчард, мисс Крэдок и девицы Фонтклер. Майкл отпер для них дверь.

- А потом я и Питер уселись там у дверей... поболтать. – Торопливо закончил он.

- Скорее поиграть в кости. – Пробормотал Трэвис.

Майкл покраснел.

- Так вот, сэр, как бы то ни было, где-то около шести вернулись мастер Хью и мистер Кестрель, а потом полковник Фонтклер. А потом пришёл мистер Трэвис и велел всем собраться в людской, а дверь мы снова заперли.

МакГрегор потряс головой.

«Он тоже это понимает. – Подумал Джулиан. – Сеть затягивается вокруг Фонтклеров. Вокруг Крэдока, правда, тоже – он вернулся в Беллегард достаточно рано, чтобы совершить убийство; мисс Крэдок я никак подозревать не могу. Но как же дьявольски трудно вообразить в роли убийцы кого-то из остальных. Зачем это делать? И почему в моей

комнате? И ещё тысяча других «почему». Впрочем, не думаю, что у сэра Роберта есть какой-то иной выбор – ему придется признать, что кто-то из его семьи или Марк Крэдок совершил убийство между половиной пятого и без двадцати шесть сего дня».

- Когда вернулся полковник Фонтклер? – Спросил сэр Роберт.

- Я не помню точно, сэр. Думаю, он уезжал почти на час или около того.

- Откуда ты знаешь, когда он уехал?

- Он приходил сюда, сэр, когда мы ужинали, и спрашивал, если ли сейчас кто в конюшнях, чтобы оседлать ему лошадь. Кто-то сказал, что да, и полковник ушёл, очень беспокойный.

- Беспокойный? Почему? – Резко спросил сэр Роберт.

- Ну, он... он выглядел так, сэр. – Майкл заколебался. – Он торопился, не пожелал доброго вечера, не спросил о здоровье, как обычно делает. А когда мы сказали, что в конюшне сейчас есть мальчишки, что могут оседлать ему лошадь, он тут же вышел, да так, будто сам дьявол за ним гнался... Я хотел сказать, будто он очень спешил куда-то.

Другие слуги закивали, подтверждая история. Сэр Роберт сильно побледнел. Он стоял неподвижно – лишь слегка вздымалась и опускалась грудь. Как-то ему удалось сохранить спокойный голос.

- Нам нужно собрать все сведения, все, даже о самых обычных событиях – вы понимаете это? Кто-нибудь может точно вспомнить, когда полковник Фонтклер отправился проехать?

Слуги посоветовались друг с другом и пришли к выводу, что это было уже после пяти – быть может, в пять или десять минут шестого, и совершенно точно, не раньше пяти.

Сэр Роберт стал белым как мел и неподвижным как статуя. Болезненное молчание нарушил высокий, чистый голос. Это была Молли Дейл – милая горничная в чепце.

- Я не понимаю. Мистер Брокер, а как вы вернулись в дом?

Брокер вздрогнул, облизнул губы и не ответил.

- Что ты имеешь в виду? – Спросил сэр Роберт.

- Ну, парадная дверь была заперта, сэр, всё время, что мы ужинали, вот я и не пойму, как мистер Брокер мог вернуться со своей прогулки. – Она озадаченно посмотрела на Брокера, наклонив голову набок, как птичка.

Миссис Кокс погрозила девушке пальцем.

- Тебе что, слишком мало говорили о том, что ты впутываешься не в свои дела?

- Спасибо, миссис Кокс. – Остановил экономку сэр Роберт. – Но я хотел бы услышать, что хочет сказать Молли. Почему ты думаешь, что мистер Брокер не мог вернуться через заднюю дверь?

Брокер сидел, уставившись на стол, будто собирался запомнить каждую трещинку в нём. Молли закусила губу, а в её глазах появилась боль.

- Я жду ответа, Молли. – Не отступал сэр Роберт.

- Я... Я не знаю, что ответить, сэр! Я навредила мистеру Брокеру?

- Послушай меня очень внимательно, Молли. Сейчас ты говоришь не только с хозяином этого дома, но с мировым судьёй, что защищает закон его величества. Ты обязана полно и правдиво отвечать на вопросы, что я задаю.

- Д... Да, сэр.

- Теперь я спрошу ещё раз. Откуда ты знаешь, что мистер Брокер не возвращался домой через заднюю дверь в крыле слуг?

- Потому что я видела его, сэр. Я была вон там. – Она указала на большой ореховый шкаф, стоявший у дверей, ведущих в служебный коридор. – Я встала из-за стола, потому что Питер пролил эль на скатерть, и тот затёк под мой стул, а тут мистер Брокер появился из той двери и извинился, что опоздал на ужин. Я не слышала, как он подходил и испугалась – подпрыгнула и сказала «Боже мой, мистер Брокер, как вам не стыдно так пугать девушку». Я немного подразнила его за то, что он опоздал. Так что он пришёл в людскую из главного дома. Это всё, что я помню, сэр, честно.

- Отлично, Молли. Спасибо. – К щекам сэра Роберта вновь прилила кровь, а голос стал звучать ясно и громко. – Брокер, твои слова вызывают проблему. Ты сказал, что вышел прогуляться вскоре после половины пятого. Молли говорит, что ты пришёл на ужин со стороны главного дома через двадцать минут. Я бы хотел, чтобы ты объяснил, как ты попал в главный дом снаружи. Мы знаем, что ты не проходил ни через парадную дверь, которая была закрыта, ни через оранжерею, где были мы с леди Фонтклер.

Брокер встал и посмотрел в глаза сэру Роберту.

- Я не ходил гулять, сэр.

Остальные слуги уставились на камердинера, затаив дыхание.

- Тогда где ты был, когда покинул комнату мистера Кестреля сегодня днём?

Брокер бросил полный раскаяния взгляд на хозяина и выпалил:

- Я ходил в комнату, где хранят ножи и пистолеты!

Слуги вздрогнули, раздались вздохи, перешёптывания и толчки.

- Синдерби, ведите его в мой кабинет для допроса. – Оживлённо распорядился сэр Роберт. – Роулинсон, вы будете записывать показания. Мистер Кестрель, вы также можете присутствовать – это ведь ваш слуга.

Синдерби осторожно приблизился к Брокеру. Ростом и телосложением констебль превосходил маленького, гибкого камердинера – со стороны это выглядело, будто трусоватый лев подкрадывается к мышке. Но откуда Синдерби знать, на что способен этот малый? Он никогда прежде не имел дела с убийцами.

Но Брокер позволил себя увести. Сэр Роберт сказал, что последует за ними, только сперва скажет несколько слов Трэвису и миссис Кокс. МакГрегор гадал, что теперь делать ему. Он мог бы остаться здесь и помочь унять волнующихся слуг. Он мог присоединиться к Фонтклерам и Крэддокам за тем, что осталось от ужина. Или же, он мог пойти в кабинет сэра Роберта и послушать, что кестрелев слуга скажет в своё оправдание. Доктор стоял и размышлял, как вдруг кто-то схватил его за руку. МакГрегор повернулся и увидел искренние, горящие глаза Кестреля.

- Он не делал этого. – Прошептал молодой человек. – Он не мог сделать этого! Я знаю его.

МакГрегор напомнил себе, что он не доверял Джулиану Кестрелю. Тем меньше причин доверять ему сейчас – когда открылось, что его слуга был лжецом, а быть может, ещё и убийцей. Но доверие МакГрегора к людям часто бывало основано скорее на инстинкте, чем на разуме, а инстинкт сейчас подсказывал, что Кестрель совершенно сбит с толку. МакГрегор знал – он не может просто посмотреть этому парню в глаза и заявить, что уходит по своим делам. Вместо этого он сказал:

- Если ваш слуга невиновен, сэр Роберт быстро это поймёт.

- Почему же, когда есть столько причин признать его виновным?

- Послушайте, сэр Роберт – честнейший человек и мировой судья! Не думаете же вы, что

он может обвинить человека в убийстве без веских причин?

- Не знаю, что значит «веские причины». Я лишь знаю, что Брокер чист от подозрений. Сэру Роберту придётся искать убийцу в своей семье. Как, Бога ради, он может быть беспристрастен? Сами подумайте, какой из Брокера получается убедительный преступник – лондонец, чужак, слуга, да ещё не фонтклеровский. Сэру Роберту остаётся только продержат его под замком до суда и закрыть расследование, больше не интересуясь, кто ещё мог совершить убийство!

- Я знаю сэра Роберта много лет – возможно, не меньше, чем вы живёте на свете – и я скажу вам, что он — честнейший из всех людей на свете. Он даст вашему слуге возможность объясниться, а если доказательств не будет, он отпустит его и продолжит расследование, чего бы это не стоило ему и его семье. Он такой человек.

- Молю Бога, чтобы вы были правы.

МакГрегор посмотрел вслед уходящему Кестрелю и неожиданно ухмыльнулся.

- Рад видеть, что вы можете из-за чего-то взволноваться. Я-то уж начал думать, что вас просто вырезали из какого-то лондонского журнала о моде.

- Вы идёте, мистер Кестрель? – Позвал сэр Роберт.

- А вы? – Спросил Джулиан доктора.

- Думаю, мне стоит. – Проворчал МакГрегор. – Вы сейчас в таком состоянии, что можете сказать, что угодно, если я вас не придержу.

- О, я не потеряю голову. Я не могу позволить себе это. Мне надо держать себя и свой характер в узде, иначе я ничего не смогу сделать для Брокера. – Его лицо расслабилось, на нём появилась улыбка. – Вы вряд ли поверите, что в Лондоне я знаменит своей невозмутимостью.

- Я не уверен, что вы не нравитесь мне и без него. Но вы правы – сейчас вам как никогда нужна холодная голова.

Глава 13. Никому не друг

В кабинете сэра Роберта зажгли две лампы – одну на его столе, другую – на стоявшем в углу письменном, за который сел Роулинсон. Брокер стоял в центре комнаты под пристальным взглядом сэра Роберта. Джулиан занял стратегическую позицию на стуле рядом с камердинером, так что мог видеть обоих участников грядущего допроса. В комнату вошёл и МакГрегор, за которым колыхалась тень. Ветер снаружи задувал всё сильнее, свирепо гоняя капли дождя по оконным стёклам.

Сэр Роберт обратился к Брокеру.

- Я должен сразу предупредить вас, что вы не обязаны отвечать на мои вопросы. Я не могу требовать от вас свидетельствовать против себя. Но я настоятельно рекомендую поделиться сведениями, если они могут оправдать или объяснить ваши действия. В ином случае я буду вынужден сделать неблагоприятные для вас выводы. Вы меня понимаете?

- Думаю да, сэр.

- Как ваше полное имя?

- Томас Стоукс, сэр.

Сэр Роберт резко поднял голову.

- Я думал, ваше имя – Брокер.

- Брокер – это прозвище, сэр.

- Вы знали, что Брокер – это не настоящее имя? – Спросил сэр Роберт.

Прозвище, насколько знал Джулиан, было дано Брокеру за что он ловко служил «посредником» между содержимым чужих карманов и скупщиком краденого^[31].

- Брокер сообщил своё настоящее имя, когда я нанимал его. Но он сказал, что привык откликаться на «Брокер», и я подумал, что ему это подходит и стал звать его так. – Он с нажимом добавил. – Не имею ни малейшего представления, откуда это прозвище взялось.

У Брокера отвалилась челюсть, и он затряс головой в знак протеста. Джулиан метнул в него предостерегающий взгляд, что говорил: «Не будь ослом. Я наврал ради тебя и буду врать дальше. Если ты меня остановишь, навредишь обоим».

- Что значит это прозвище? – Спросил сэр Роберт.

- Не знаю, сэр. Отец так меня звал, когда я был мальцом.

- Сколько вам лет?

- Двадцать, сэр.

- Давно вы служите у мистера Кестреля?

- Думаю, около двух лет, сэр.

Сэр Роберт повернулся к Джулиану.

- Вы наняли его камердинером, когда ему было всего восемнадцать? У него уже был какой-то опыт?

- Ни малейшего. Настоящий *tabula rasa*^[32]. Я смог сделать из него такого слугу, какого хотел.

- Чем вы занимались перед тем, как поступить к мистеру Кестрелю?

- Я меня не было работы, сэр.

- Как же вы жили?

- Не очень хорошо, сэр.

- У вас есть семья?

- Нет, сэр. Родители умерли, а где братья-сестры, я не знаю.

- Как же вы попали в услужение к мистеру Кестрелю?

Брокер заколебался на миг или два.

- Я нашёл его луковицу... его часы, сэр. И вернул ему.

МакГрегору подумалось, что это один из самых забавных способов нанять слугу. Особенно для парня, что так печётся о своей внешности, как Кестрель. Черт возьми, этот человек становится всё загадочнее с каждой минутой.

- Расскажите о том, что вы делали сегодня днём. – Сказал сэр Роберт. – Вы всё ещё утверждаете, что были в комнате мистера Кестреля и вышли оттуда незадолго до половины пятого?

- Да, сэр.

- Всё это время вы были один?

- Да, сэр.

- Я уже спрашивал вас о этом, но вы солгали, так что я обязан повторить мои вопросы. Надеюсь, в этот раз я услышу правду?

- Да, сэр. Но, сэр, я не врал ни о чём, кроме того, что ходил прогуляться.

- Скоро мы до этого дойдём. Видели ли вы сегодня молодую женщину с золотисторыжими волосами и голубыми глазами в жёлтом платье?

- Нет, сэр.

- Знаете ли вы кого-нибудь, кто подходил бы под такое описание?

- Не припоминаю никого похожего, сэр.

- У вас были в прошлом проблемы с законом, Стоукс?

Брокер облизал губы.

- Нет, сэр.

- Почему вы солгали о том, что пошли прогуляться, когда я спрашивал вас в прошлый раз?

- Да не крал я ничего, сэр! – Выпалил Брокер.

- Не крал чего?

- Ничего сэр. Что бы у вас не пропало, это был не я, клянусь!

- А ничего и не пропало, насколько мы знаем. Речь идёт о убийстве.

- Боже мой! – Брокер посмотрел на Джулиана. – Они думают, что это я, сэр?

- Ты вызвал кое-какие подозрения, когда сказал, что ходил совершать моцион, а вместо этого был в комнате, полной потенциальных орудий убийства.

- О, сэр, я не... Я... Поверьте, сэр, я ничего не делал!

- Почему ты сказал, что был на улице, когда на самом деле пошёл в оружейную? – Спокойно спросил Джулиан.

- Я испугался, сэр. Мне ничего было не надо, просто хотел взглянуть. Вы рассказывали мне об оружейной прошлым вечером, помните? О том, что там полная комната шпалеров^[33], и карт и флагов, и железа, что рыцари надевали на коней. Мне захотелось самому посмотреть, и у меня было немного времени до ужина, так что я пошёл взглянуть. Потрясающее место, сэр – никогда прежде не видел ничего похожего. Я хотел посмотреть всё и совсем забыл про ужин, а когда на часы глянул, то увидел, что опоздал, так что припустил в людскую.

- Послушай-ка, парень, – вступил МакГрегор, – непохоже это на правду. Если ты не замыслил ничего дурного, то почему сразу не сказал, что был в оружейной? Ты ведь просто смотрел и не мог предугадать неприятности.

- Дело не в этом, сэр. Я струхнул, когда увидел, что пришёл легавый... то есть констебль. Я думал, может кто-то чему-то ноги приделал, и не хотел в это впутываться. Я подумал, что если скажу, что был в оружейной, все будут недовольны, и решил соврать, что выходил на улицу. Я не знал, что парадная дверь заперта. Просто не подумал об этом. – Он посмотрел на Джулиана. – Простите, сэр.

Заговорил сэр Роберт.

- Я думаю, будет справедливо предупредить вас, Стоукс, что вы в очень серьёзном положении. Вы лгали, отвечая мировому судье и не признались бы в этом, если бы не Молли. Я не могу быть уверен, что в ваших словах теперь нет лжи. Вы признали, что были последним, кто был в комнате мистера Кестреля перед тем, как обнаружили тело. И вы признали, что примерно в то время, когда жертва была заколота, вы тайно побывали в комнате, где было множество ножей.

- А тело нашли в комнате моего господина, сэр?

- Да.

- Ну, сэр, если я чего и не сделал бы никогда, так это не подрезал бы фитиль какому-то малому и не оставил бы коченеть в комнате хозяина! Чтобы отравить моего господина в такие неприятности? Да ни за что, сэр!^[34]

- Жертва – не мужчина. – Сказал сэр Роберт. – Это молодая леди, что я вам уже описывал.

- Так... Стало быть, убита рыжая деваха в жёлтом платье? Кто она, сэр?

- Этого мы пока не определили. Если вы всё же знаете её, я даю вам ещё одну возможность ответить.

- Хотел бы помочь вам, сэр, но не знаю, кто она.

- Очень хорошо. Синдерби, проверьте, есть ли у него оружие или ещё-то краденое.

Брокер принял расслабленную позу. Джулиан бы предпочёл, чтобы его слуга не вёл себя так, будто привычен к обыскам. Синдерби ошупал подозреваемому пальто и вывернул карманы. Там нашлась лишь пригоршня монет, перочинный нож, носовой платок, маленькая щётка для одежды, нитка с иголкой, листок с булавками да пара леденцов.

- В какой комнате вы живёте? – Спросил сэр Роберт.

- Вместе с лакеями, сэр, Майклом и Питером.

Сэр Роберт приказал Синдерби обыскать комнату Брокера. А пока что самого Брокера предстоит запереть в кабинете Роулинсона, что был рядом с кабинетом сэра Роберта.

- Это действительно необходимо? – Спросил Джулиан.

- Это подозреваемый. – Ответил сэр Роберт. – Его нужно держать под замком, пока я не решу, если ли причины для ареста. Роулинсон, будьте добры показать Синдерби, где ваш кабинет. Потом скажите Трэвису осмотреть оружейную и проверить, не брали ли недавно оттуда какой-нибудь нож или не пропал ли один из них.

Роулинсон и Синдерби вышли, уводя Брокера. Тот бросил на Кестреля покаянный взгляд. Джулиан в ответ подмигнул. Брокер улыбнулся и подмигнул в ответ.

- Что ж, мистер Кестрель, – вновь заговорил сэр Роберт, – можете вы сказать что-то в защиту своего слуги?

- Я не могу оправдать его неискренность. Ему стоило сразу говорить правду. Но его ложь – ещё не доказательство того, что он кого-то убил. Он врал, чтобы отвести внимание от себя, потому что испугался того, что за него может взяться констебль. Для людей того класса, к которому принадлежит Брокер, констебль – это очень опасный зверь. Уличный торговец или подметальщик перекрёстков не может твёрдо верить в то, что закон – его друг.

- Как и я. – Сказал сэр Роберт. – Закон беспристрастен. Он никому не друг и друг всем сразу.

- Что же, может и так, но люди, подобные Брокеру, стараются держаться подальше от слуг закона, к добру ли, к худу ли.

- Вы знаете что-нибудь о его жизни до службы у вас? Его речь пестрит воровским жаргоном.

- Я думаю, это не такая уж редкость в Ист-Энде. Если на то пошло, это не такая уж и редкость среди юных отпрысков благородных семейств. В этом отношении Брокер прыгает выше головы.

- А что вы скажете, доктор МакГрегор?

- Я думаю, что добрая половина того, что наболтал этот парень, может быть вздором, но в одно я верю. Когда он клялся, что никогда бы не втянул бы своего хозяина в неприятности, оставив труп в его комнате, он звучал очень искренне.

- Он когда-нибудь выказывал склонность к насилию или нервным расстройствам? – Спросил сэр Роберт у Джулиана.

- Простите меня, сэр Роберт, я не хотел смеяться, но когда я вспоминаю, что мы

говорим о Брокере... Сэр Роберт, у него самое мягкое из всех христианских сердец. Он даже пауков не убивает. Он собирает их и выводит через окно, как королей. Возможно, он способен на убийство – возможно, мы все на это способны в определённых обстоятельствах – но в случае Брокера это не было и не могло быть именно такое убийство. Хладнокровно зарезать молодую женщину, уложить его на кровать, а потом беззаботно пойти ужинать, будто ничего не случилось – нет, сэр Роберт, даю голову на отсечение, Брокер на это не способен.

- Могу я задать вам прямой вопрос, Кестрель?

- Кажется, вы раньше не колебались с такими вопросами, доктор, и не хотел бы, чтобы вы это делали.

- Ну так вот он. Этот человек кажется очень предан вам и, если вы правда сделали для него всё, что он сказал, у него на то есть причины.

- Всё, что я делаю для него – это плачу недостаточно много, чтобы он всегда был у меня под рукой в любое время дня и ночи.

- Вздор! Он не сказал этого прямо, но я понял. Он жил в Лондоне в нищете, а вам вздумалось взять его камердинером, несмотря на то, что он говорит, как завсегдатай притона и не знал, как гладить рубашки или что он там для вас делает. О, да, я думаю, что всё правильно понимаю, иначе бы вы смотрели мне в глаза, а не в окно. Он верен вам, и это правильно. Но я хотел бы знать, как далеко он готов пойти, чтобы услужить вам? Сможет ли он убрать с дороги человека, если сочтёт, что вам это нужно?

- Не знаю. Я знаю, что он дьявольски умел и умён, и если задумал бы кого-то убить ради моего блага, думаю, он справился бы лучше. Но мне очень трудно поверить, что он мог ударить женщину ножом в спину, какова бы не была причина. Кроме того, как он мог помочь мне, убив девушку, которую я никогда не встречал и не знаю?

- Нам нужно опознать её. – Сказал сэр Роберт. – От этого зависит всё расследование. Только узнав, кто она, мы поймём, у кого могли быть причины убить её.

Джулиан собрался с духом.

- Вы хотите дальше допрашивать всех, кто был в доме?

- Я думаю, я с этим закончил, мистер Кестрель.

- Вы не расспросили никого из членов вашей семьи и мистера Крэддока.

- Вы хотите сказать, что я должен угрожать моей семье и гостям подозрениями в убийстве?

- Я – один из ваших гостей, сэр Роберт, и я был под подозрением с того мига, как мы узнали о преступлении. Поверьте мне, это не очень приятный опыт. Я могу понять ваше нежелание впутывать собственную семью. Но разве можно честно и тщательно расследовать убийство, если каждый из тех, кто находится в доме, пусть и находящийся вне подозрений, не будет допрошен о том, что он или она делал, в то время, когда жертва была убита?

- Вы не можете хотеть, чтобы я допрашивал свою жену... свою сестру... по подозрению в убийстве!

- Закон беспристрастен. – Тихо ответил Джулиан. – И он никому не друг и друг всем сразу.

Сэр Роберт сделал глубокий вдох.

- Да будет так, мистер Кестрель. Если вы пойдёте со мной, джентльмены, мы расспросим всех членов моей семьи и мистера Крэддока о том, где они был и что делали между половиной пятого и без двадцати минут шесть.

Глава 14. Деликатное дело для судьи

Перед тем как возвращаться в гостиную и расспрашивать членов семьи, сэр Роберт, наконец, рассказал об убийстве прислуге. К тому мигу все строили такие предположения, что правду восприняли скорее с облегчением. Услышав, что камердинер мистера Кестреля задержан для допроса, все уверили друг друга, что Брокер был паршивой овцой. Взгляд у него был недобрый – это каждый замечал.

- Только подумай об этом. – Сказала Доркас Молли Дейл. – Он сидел рядом с нами весь вечер с кровью на руках, а мы ничего и не подозревали! – Но Молли лишь горько плакала и потому ничего не ответила.

Вернулся осмотревший оружейную Трэвис и доложил, что ни одного ножа не пропало и на ни одном нет следов того, что его недавно брали и пускали в дело. Джулиан испытал огромное облегчение – любой намёк на то, что жертва была убита чем-то из оружейной бросал на Брокера ещё более мрачную тень. К сожалению, отсутствие такого доказательства не клонило чашу весов пользу его слуги. Как осознал Джулиан, доказать невиновность куда сложнее, чем вину.

Сэр Роберт велел Трэвису перенести тело девушки вниз, в небольшую комнату, куда слуги смогут заходить по одному. Дворецкий и миссис Кокс должны будут наблюдать за прислугой и сообщить хозяину, если кто-то опознает жертву. Комнату Джулиана заперли до завтра – потом, в утреннем свете предстоит провести более тщательный обыск.

Кестрелю, конечно же, пришлось перебраться в другую комнату. Он спросил сэра Роберта, нельзя ли занять одну из соседних гостевых комнат. Тот согласился.

- Что, черт возьми, вы задумали? – МакГрегор очень хотел это знать.

- Хотел бы я продвинуться так далеко, чтобы что-то задумывать. Это просто предчувствие. Думаю, если мы сможем ответить на вопрос «Почему здесь?», то ответим и на «Кто?» и «Зачем?»

- Хотите сказать, вы ждёте, что мы будем давать отчёт о том, что делали во время убийства? А этот человек будет все записывать? – Леди Тарлтон указала затянутой в элегантную перчатку пальцем на Роулинсона. Тот наклонил голову и сделал вид, что поглощён своими бумагами.

- Я собираю сведения от каждого, кто был в Беллегарде или поблизости в то время, когда девушка была убита. – Подтвердил сэр Роберт. – В случае со всеми присутствующими это скорее формальность. Но, если я воздержусь от расспросов в знак уважения к вашему происхождению, положению в обществе или характеру, в этом можно будет усмотреть совершенно бесчестные мотивы. Уверен, вы не хотите, чтобы я боялся задавать членам своей семьи те же вопросы, которые уже задавал прислуге?

- Но нет никаких причин также нас унижать, – Возразила леди Тарлтон, – когда совершенно очевидно, кто был убийцей. То существо, что привёз с собой мистер Кестрель. А что иначе он делал в оружейной и почему лгал об этом?

- Признаю, некоторые обстоятельства вынуждают подозревать слугу мистера Кестреля. Но до тех пор, пока мы не найдём доказательств, расследование будет продолжаться. Как вы это не было мне неприятно, я должен узнать, что каждый из вас делал и где был между

половиной пятого и без двадцати минут шесть сего дня. Скажу прямо – если вы не будете добры отвечать на мои вопросы, мне придётся передать это расследование другому судье, чья беспристрастность не будет ставиться под сомнение.

Этого не хотел никто из Фонтклеров – Джулиан видел это в тревожном молчании, что последовало за словами сэра Роберта. Испугались ли они того, что посторонний может наткнуться на ту тайну, благодаря которой Крэддок держит их в руках? Или у них есть более зловещие причины бояться настоящего и беспристрастного расследования?

Встал Хью.

- Если вы позволите сэр, я бы хотел дать отчёт первым.

Мать тепло улыбнулась ему. Улыбка сэра Роберта была более сдержанной, но в глазах читалась гордость и одобрение.

- Пожалуйста, говори.

- На самом деле, я не так много могу рассказать. Мы с мистером Кестрелем поехали на прогулку... должно быть около половины четвёртого. Я показывал ему парк и образцовые фермы. Мы вернулись домой без пяти или без десяти минут шесть, не раньше. Мне продолжать?

- Ты не рассказал о том, где был в шесть, когда мистер Кестрель нашёл тело. Скажи, вы с мистером Кестрелем были вместе все время прогулки?

- Да. Да, я уверен.

- Ты не замечал никаких незнакомцев, ничего необычного в окрестностях?

- Нет, сэр.

- И что произошло, когда вы вернулись?

- Майкл нас впустил, и мы прошли в холл. Там сказали друг другу пару вежливых слов о том, как нам понравилась прогулка или нечто вроде этого – а потом мистер Кестрель пошёл наверх. Я остался в холле, а потом спустилась мисс Крэддок и спросила.... – «О, дьявол! – Подумал он. – Я не хочу говорить, что она спрашивала о Кестреле. Это прозвучит ужасно смешно и поставит её в неловкое положение – ведь убийство совершено в комнате Кестреля!» – Она спросила о том, как прошла поездка. – Неловко закончил он.

Мод уставилась на него. Почему он скрывает, что она искала мистера Кестредя? Он думает, что видеться с ним было неправильно с её стороны? Это очень, очень несправедливо! Разве у неё в Беллегарде есть иные друзья? Сам Хью никогда не доверял её и не просил довериться ему. Внезапно, Мод поняла, что сэр Роберт обращается к ней.

- Мисс Крэддок, не будете ли вы добры продолжить?

Она неуверенно поднялась, чувствуя тяжёлый, пристальный взгляд отца. Мод казалось, что она стоит под ярким, испепеляющим светом. Голосом, столь тихим, что сэру Роберту пришлось несколько раз просить её повторить, она описала пикник с мисс Притчард и дочерьми Фонтклеров.

- Мы вернулись домой примерно без четверти шесть. И я... Я пошла к себе переодеться к ужину.

- Почему вы спустились вниз примерно десятью или пятнадцать минутами позже, когда мой сын встретил вас в холле?

- Я... Я думала, что забыла там зонтик от солнца. Но это было не так. Я глупо ошиблась. Он всё время был у меня в комнате.

Мод подумала: «Теперь я лгу ради отца и ради того, чтобы не противоречить лжи Хью. Сама не знаю, почему я готова на нечто столь неправильное ради них обоих».

Хью подумал: «Как же ловко она подыграла мне, когда я дал ей возможность скрыть то, что она искала Кестреля. Если бы в её чувствах к нему не было ничего предосудительного, неужели она бы сразу не признала, что искала его?»

Джулиан подумал: «Проклятие. Это невыносимо. Каждый из этих чертовски невинных людей что-то скрывает, и никто не скажет, имеет это касательство к убийству или просто их романтическая ерунда».

- Могу я быть следующей? – Предложила леди Фонтклер. Она улыбнулась мужу, в её тёмных глазах читалась уверенность в Роберте. – Всё время, о котором мы говорим, я была в оранжерее. Я ухаживала за цветами, шила и слушала, как ты читаешь мне вслух. Я не видела никаких незнакомцев и не заметила ничего необычного.

- Один раз, – напомнил сэр Роберт, – я выходил из комнаты.

Она впервые отвела взгляд.

- Да. Да, это правда. Я думаю, ты пошёл в библиотеку за книгой – стихами Поупа. Через несколько минут с веранды вошла Изабель. Это было двадцать минут шестого – я запомнила, потому что она сама спросила меня, сколько времени. Ты вернулся через пять или десять минут после этого. Ты выходил не больше чем на четверть часа.

- Спасибо, дорогая. Изабель, ты продолжишь?

Изабель изящно поднялась на ноги.

- Я была в саду, в своей любимой розовой беседке. Не могу вспомнить точно, когда я пошла туда, но это было ближе к трём, чем к четырём пополудни. Я взяла альбом и пенал, чтобы набросать эскиз туфель для мисс Крэддок. Я хотела вышить их для неё – сделать подарок к свадьбе. Закончив с этим, я подумала, что уже время переодеться к ужину, так что вернулась в дом через оранжерею. Тетя Сесилия была там. Я спросила её, который час, и она ответила – двадцать минут пятого. Я поблагодарила её и поднялась наверх. Я хотела найти мисс Крэддок и показать свои наброски, так что пошла в её комнату и постучала, но её там не было. Так что я отправилась к себе и снова села за наброски. Потом позвонила горничной и оделась к ужину.

- Мисс Фонтклер, если вы прошли с первого этажа нового крыла в комнату мисс Крэддок, что расположена в главном доме, вы должны были пройти по коридору, что ведёт в мою комнату. – Заметил Джулиан.

- Я не прошла его целиком, только до поворота налево, что вёл к комнате мисс Крэддок.

Джулиан мысленно представил её путь. Его комната была в конце коридора. Изабель подошла к коридору с противоположной стороны – тогда ей нужно было пройти мимо пары-тройки дверей и повернуть налево. Стоит ли надеяться, что она могла что-то видеть и слышать в те несколько мгновений, что занял у неё путь до поворота? Конечно, когда она вернулась домой – в двадцать минут шестого – убийца мог уже давно расправиться с жертвой и сбежать. Но всё же...

Похоже, сэра Роберта посетили же те мысли.

- Ты была поблизости от комнаты мистера Кестреля во время убийства или чуть позже. Я не хочу пугать тебя этим, просто напоминаю, что всё, что ты тогда видела, может оказаться очень важным.

Изабель немного подумала.

- Боюсь, я ничего не видела. Я шагала быстро и была погружена в мысли о том, что нужно поговорить с мисс Крэддок. Узнав, что её в комнате нет, я пошла в свою. Я не задерживалась и не оглядывалась. Всё вокруг выглядело как обычно.

- И ты нет слышала ничего странного?

- Нет, дядя Роберт, ничего.

- Если ты вспомнишь что-нибудь – любую подробность, даже самую мелкую, что-нибудь странное – пожалуйста, сообщи мне.

- Да.

- Джеффри? – Сэр Роберт повернулся к брату.

- Боюсь, я немного могу рассказать. На фоне рассказа Изабель мой скучноват. Я поехал прокатиться, вернуся после шести и пошёл переодеваться. Вот и всё.

Сэр Роберт не спускал с полковника испытующего взгляда.

- Ну, – Джеффри забеспокоился, – что ты ещё хочешь знать?

- Слуги говорят, что ты отправился проехаться только после пяти. Чтобы получить полную картину, я должен попросить тебя рассказать, где бы был между половиной пятого и пятью.

- Бога ради, Роберт! Мы дошли до того, что ты расспрашиваешь слуг обо мне у меня за спиной?

- Я расспрашиваю слуг обо всех, кто приходил и уходил сегодня днём. А теперь, не будешь ли ты так добр, чтобы рассказать?

- Я был у себя в комнате! Ты доволен? Сидел, ничего не делал, а потом одел сапоги и вышел.

- Твой слуга помогал тебе одеть сапоги?

- Боже мой, тебе нужен свидетель? Нет, он ужинал. Я решил его не дергать. Уж, наверное, я в состоянии натянуть сапоги! – Он откинулся на спинку стула. – Боюсь, я не запомнил, какой надел первым. Прошу прощения.

Сэр Роберт сохранял спокойствие. Джулиан не сразу понял, что тот просто пытается справиться со своим голосом. Наконец, у него получилось.

- Слуги думают, что ты бы чем-то обеспокоен, когда выезжал.

- Обеспокоен я был не мертвой женщиной в комнате Кестреля.

- Я и не говорю, что это так. Я лишь пытаюсь составить полную картинку.

- Ну что же, мне нечего добавить.

- Очень хорошо. Кэтрин, могу я попросить выступить тебя?

- О, разумеется. Поскольку все здесь оказались готовы пройти через это бессмысленное унижение, и мне не пристало ускользать от своей доли. Меня утешает только что, что рассказ будет короток. Я не покидала своих комнат – спальни и будуара – вскоре после обеда и до самого ужина. Моя горничная помогла мне переодеться после шести. Все остальное время я была одна.

- Могу я спросить, что ты делала всё это время?

- Я считаю этот вопрос оскорбительным, но думаю, что обязана отвечать. Я вышивала. Ты хочешь узнать что-то ещё?

- Этого достаточно. Спасибо. Гэй?

- Между половиной четвертого и половиной шестого я спал. Потом проснулся, позвонил камердинеру и переоделся к ужину. Я спустился вниз где-то между шестью и половиной седьмого.

- Ты спал у себя в комнате?

- Да, сэр. Днём я страшно вымотался – был на ногах львиную долю прошлой ночи, потом рано встал и ездил на конскую ярмарку. Мне было нечего больше делать, так что я

вздремнул пару часов. Полко... мой отец подтвердит. Я видел его прямо перед тем как пойти к себе в комнату.

Джеффри кивнул.

- Я спросил Гэя, не хочет ли он сыграть роббер в пикет, а он ответил, что его клонит в сон, и он лучше поднимется наверх и вздремнёт.

- Когда это было? – Спросил сэр Роберт.

- Я точно не помню. – Ответил Джеффри.

- Прямо перед тем, как я пошёл спать. – Помог Гэй. – В полчетвертого.

- А где вы говорили об этом?

- Я нашёл Гэя в библиотеке. – Сказал Джеффри. – Он ушел, а я остался.

- После этого вы виделись друг с другом до ужина?

- Мы и не могли. – Ответил полковник.

- Я же говорил, дядя, я спал. – Добавил Гэй.

- Мистер Крэддок, остаётесь вы. Не будете ли добры..?

- Днём я выезжал, чтобы дать лошади размяться. Когда я вернулся, до ужина было ещё далеко – не то половина пятого, не то без четверти шесть. Я отдал лошадь конюху и решил пройтись. Я вернулся в двадцать минут шестого – я помню, потому что посмотрел на свои часы. Потом поднялся к себе и переоделся. Вот и всё.

- Все это время вы были одни?

- Да.

- Куда вы ходили пройтись?

- По угодьям. Там есть небольшая поляна, которую я хотел увидеть ещё раз.

Леди Тарлтон резко обернулась к Крэддоку и впиалась в него горящими глазами. Он даже не взглянул на неё. Сэр Роберт этой реакции не заметил.

- Вас видел кто-нибудь во время прогулки? – Спросил он Крэддока.

- Нет.

- Майкл сказал, что впустил вас через парадную дверь примерно в двадцать минут шестого.

- Так и есть.

- Вы встретили кого-нибудь по пути в свою комнату?

- Нет. И никто не видел меня, насколько я знаю. Ко мне поднялся камердинер, помог мне переодеться, но это было уже после шести. Так что у меня нет того, что адвокаты называют «алиби». Так что же – кто из нас убийца?

Глава 15. Леди Тарлтон в западне

- Поскольку мы заговорили об алиби, – холодно сказал сэр Роберт, – позвольте мне указать, что леди Фонтклер была со мной весь обсуждаемый промежуток времени, кроме нескольких минут, когда я выходил в библиотеку. Мой сын, мистер Кестрель и мисс Крэддок также свободны от подозрений – если доктор МакГрегор не ошибся, девушка была убита не позднее, чем без двадцати шесть. Их рассказ, который подтверждается словами Майкла, говорит, что никого из них во время убийства ещё не было дома.

- Если я правильно поняла доктора МакГрегора, – вступила леди Тарлтон, – единственная причина, по которой он считает, что девушка была мертва в без двадцати шесть состоит в том, что, по словам мистера Кестреля, тело уже остыло, когда он нашёл его.

А это подтверждается лишь словами мистера Кестреля.

- Я тоже притрагивался к нему и обнаружил, что оно остыло. Это было всего через несколько минут, после того как мистер Кестрель нашёл его. – Заметил сэр Роберт.

- Кроме того, есть и иные факторы, на которые я опирался, когда определял время смерти. – Добавил МакГрегор. – Исходя из степени окоченения и потери крови, я установил, что скорее всего она была убита между половиной пятого и половиной шестого.

Леди Тарлтон потрясла головой.

- Раз уж мы все отвечаем на вопросы, я бы спросила мистера Кестреля, не может ли быть, что он захотел избавиться от... кого-нибудь, с кем имел некоторую связь, поручив своего слуге убить этого «кого-нибудь» в нашем доме, чтобы бросить подозрения на нас.

- Я надеюсь, что вы сами в это не верите, леди Тарлтон – так же как я не верю в то, что любой из присутствующих способен убить девушку в моей комнате, чтобы бросить подозрения на меня.

- Никто из нас не под подозрением. – Сказал сэр Роберт. – Я не могу не посоветовать вам прекратить усложнять обстановку, обвиняя друг друга.

- Роберт, ты ведь охрипнешь. – Сказала леди Фонтклер. – И ты ничего не ел, а ведь уже почти полночь. Почему бы тебе, доктору МакГрегору и мистеру Кестрелю не поужинать? Мы ведь уже закончили давать показания. Сегодня ты уже не сможешь продвинуться дальше.

- Боюсь, есть ещё несколько дел. – Он слегка и немного скованно улыбнулся жене. – И одно из них – попросить каждого из вас взглянуть на это и сказать, не знакома ли вам эта вещь. – Он достал из жилетного кармана серебряную раковину, заблестевшую в свечном свете.

- Что это? – Спросил Хью.

- Украшение, что носила на шее та юная леди.

- Возмутительно! – Леди Тарлтон подалась назад. – Ты ведь не думаешь, что мы будем прикасаться к ней?

- Всё, что я прошу – взглянуть на неё и сказать, не видели ли вы эту вещь прежде.

Леди Фонтклер протянула руку.

- Можно мне? – Мягко просила она.

Муж протянул её раковину на голубой ленточке. Леди Фонтклер тщательно осмотрела её, но покачала головой и передала Хью. С грустью и лёгким трепетом он медленно осмотрел её украшение с обеих сторон и с извиняющимся взглядом передал Изабель, как если бы был рад оградить её от этого испытания. Но девушка взяла раковину недрогнувшей рукой и осмотрела её так тщательно, будто её спросили, что она думает о той как художник.

Похоже, украшение должно было сделать по комнате полный круг. Следующим был полковник Фонтклер. Но стоило Изабель протянуть раковину ему, как тот слегка вздрогнул, глядя на серебро, блестевшее в руке девушки. Он медленно протянул ладонь и взял вещицу, взглянул на неё и передал сыну. Гэй отделался самым кратким из возможных взглядом и почти ткнул украшение в лицо следующему – это оказалась Мод. Девушка озадаченно посмотрела на раковину и передала отцу.

Крэдок адресовал вещице твёрдый взгляд своих сузившихся глаз, а потом подошёл к леди Тарлтон и передал украшение ей. Казалось, он нависал над женщиной, делая её высокую, гордую фигуру удивительно маленькой и уязвимой.

- Хотите, чтобы я подержал её или возьмёте в руки?

Она высокомерно протянула руку. Крэдок вложил в неё раковину. Леди Тарлтон

осмотрела вещь со обеих сторон.

- Она ничего мне не говорит. Вот, Роберт. Возьми обратно.

Сэр Роберт уставился на её протянутую руку. Леди Фонтклер и Джулиан, стоявшие по обе стороны от него, также не отрывали от неё взгляда.

На белой перчатке леди Тарлтон расплывалось красное пятно у указательного и большого пальцев. Увидев это, женщина бросила раковину на стол и отдёрнула руку.

- Дорогая, ты поранилась! – Воскликнула леди Фонтклер.

- Пустяк. Я думала, кровь уже давно перестала идти. Я перевязала порез и мне показалось, что этого достаточно.

Приблизился МакГрегор.

- Дайте взглянуть.

Леди Тарлтон прижала обе руки к груди, левую поверх правой.

- Не стоит, уверяю вас!

- Это мне судить. Вашу руку, мадам, будьте любезны.

Она не то вздохнула, не то фыркнула и протянула правую руку. МакГрегор осторожно стянул с неё длинную перчатку и снял тонкие полоски ткани, которыми был обёрнут палец.

- Ничего серьёзного, лишь очень неприятный порез. Где вы его получили?

- Порезалась ножницами, когда вышивала у себя сегодня днём. Не знаю, почему сейчас он снова начал кровоточить.

- Он начал кровоточить, потому не был перевязан как нужно. Вам следовало бы обратиться к леди Фонтклер. Она знает, что делать в таких случаях.

Доктор промокнул кровь носовым платком. Джулиан, наблюдавший из-за плеча МакГрегора, обратил внимание, что порез тянется от основания указательного пальца через всю фалангу. Он попытался припомнить, левша леди Тарлтон или правша. Да – он вспомнил, какой рукой она вчера держала меч сэра Роланда Фонтклера в оружейной. Правой, он был уверен.

- Я не очень понял, как вы могли порезать палец, леди Тарлтон. – Сказал он.

- А я не понимаю, почему это вас беспокоит!

- Прошу прощения. Я просто пытаюсь понять, как правша может порезать палец на правой руке. Если вы порезались ножницами, ваш указательный палец не мог быть около их лезвий.

- Эти бесстыдные расспросы просто невыносимы! Как вы смеете задавать мне такие вопросы? А сейчас вы скажете, что я порезалась, когда убивала эту проклятую девицу? Скажете всё, чтобы отвести вину от своего слуги! А вы! – Она обвела взглядом своих родственников. – Вы можете все стоять здесь и смотреть как этот повеса со своими манерами и показной учтивостью публично сомневается в моей честности и подвергает сомнению моё слово! Если кто-то из вас достоин своего имени, вы должны потребовать удовлетворения! Он бы так и сделал! – Она бросила требовательный взгляд на портрет сэра Роланда.

Повисло потрясённое молчание. Фонтклеры-мужчины неуверенно переглядывались друг с другом. Джулиан гадал, прихватил ли Брокер его дуэльные пистолеты.

- Послушайте, – вступил МакГрегор, – никто не будет никому давать удовлетворение! Я не собираюсь препятствовать сэру Роберту, но дуэли – это варварский, языческий обычай, и я уверен, сэр Роберт, мировой судья, согласится со мной, что честные англичане не улаживают ссоры таким образом. Кроме того, в вопросе, что задал Кестрель, не было ничего

оскорбительного, леди Тарлтон. Мне всё равно нужно будет узнать, как вы порезались, чтобы не ошибиться с лечением. Так что вы можете рассказать нам и покончим с этим.

Сэр Роберт позволил себе выдохнуть. Хью и Гэй откинулись на спинки стульев. Джулиан сделал движение рукой, будто снимал перед МакГрегором воображаемую шляпу. Доктор бросил взгляд в ответ.

- Если здесь все против меня, – заговорила леди Тарлтон, – если с должна подвергаться перекрёстному допросу, как обычная преступница, мне придётся смириться. Мне нечего скрывать. Хотя я боюсь, то, что я скажу не стоит тех усилий, что вы приложили, чтобы это услышать. Я уронила ножницы на пол. Они сломались. Я подняла их слишком резко и порезалась. Всё очень просто.

«Это можно назвать как угодно, кроме «просто». – Подумалось Джулиану. – Как можно поднять сломанные ножницы с пола, неважно, несколько неосторожно, и оставить на пальце такой порез? О нет, леди Тарлтон, всё было не так».

Слуги осмотрели тело убитой. Сэр Роберт нашёл их взбудораженными – происходящее одновременно ужасало их, притягивало и позволяло почувствовать свою значимость. Они в центре преступления, что может стать таким же знаменитым, как убийства в Ратклиффе!^[35] Большинство слуг жалели девушку, но некоторые говорили, что она была не лучше, чем кажется, но никто не имел ни малейшего представления о том, кто она.

Сэру Роберту было нечего делать, кроме как вернуться в гостиную и попросить Фонтклеров и Крэддоков взглянуть на тело. К ним присоединилась дрожащая мисс Притчард, что уже уложила Джоанну и Филиппу и надёжно заперла двери. Все согласились, что сэр Роберт и леди Фонтклер расскажут им об убийстве завтра рано утром, чтобы новости не дошли до дочерей с досужими сплетнями слуг.

Тем временем Джулиан отвёл МакГрегора чуть в сторону.

- Я хочу поблагодарить вас за то, что вы не дали развиться очень неприятной ссоре между мной и Фонтклерами. Дело чести сейчас было бы весьма неприятным.

- До него бы не дошло. Сэр Роберт – разумный человек. Он бы не допустил того, что вы, юноши, так опрометчиво называете «делом чести». Всё, что я сделал – дал ему возможность подумать, чтобы совесть возобладала над фамильной гордыней. Это родовое проклятие Фонтклеров – они все хоть чуть-чуть подвластны этому греху. Леди Тарлтон, конечно, хуже всех – она считает, что может так вести себя со всеми лишь потому что она из Фонтклеров. Полковник слишком ленив, а его никчёмный сын – слишком самовлюблён, чтобы подумать о семейной чести. Но не допустите ошибки – если бы их доброе имя действительно было под угрозой, эти двое не стали бы мешкать, и были бы куда опаснее леди Тарлтон – у неё может быть и есть совесть, а у них – нет. Сэр Роберт другой – он действительно пытается делать всё правильно и не поставит свою честь превыше законов, божьих и английских. Но для него это тяжело – он глава семьи и самый гордый из всех. Вы не представляете, чего ему стоило спокойно выслушивать, как вы намекаете на то, что кто-то из его родственников может быть замешан в убийстве.

- А как насчёт мисс Фонтклер? Она столь же фанатично горда?

- Изабель? Она – просто загадка. Но если бы мне пришлось гадать, я бы сказал, что она дорожит фамильной честью не меньше леди Тарлтон. Но у неё есть самообладание, которого последняя лишена. Она умеет владеть собой, как сэр Роберт. Есть у неё его принципы –

другой вопрос.

Покойница лежала лицом вверх в небольшом помещении. Она была укрыта одеялом до шеи. В молчании Фонтклеры и Крэддоки проходили мимо убитой. Каждый подносил свечу к её лицу, всматривался, отдавал свечу следующему – и пропадал в тени.

Джулиан незаметно встал у изголовья кушетки так, чтобы видеть всех проходящих. Он отчаянно надеялся прочитывать что-то в их лицах. Все сильнее и сильнее он убеждался, что убийца – один из них. Леди Тарлтон, Крэддок, полковник Фонтклер, Гэй, Изабель – ни у кого из них не было полного алиби на время смерти, а их показания местами были сомнительными, а местами – просто рассыпались. Даже сэр Роберт и леди Фонтклер оставляли друг друга в одиночестве на четверть часа между половиной пятого и шестью – достаточно, чтобы заколоть девушку в комнате Джулиана и вернуться в оранжерею.

Наблюдать за происходящим со спокойной отрешённостью оказалось непросто. Предположить, что среди этих людей кроется убийца, было просто и очень логично. Но смотреть как они медленно проходят мимо жертвы один за другим и представлять, как каждый из них вгоняет нож в живую плоть – совсем другое. Нет, он не должен позволять чувствам затмевать суждения. Сострадание – это очень хорошо, ужас – только естественен, но ни то, ни другое сейчас не поможет этой девушке. Единственное, что имеет значение – правосудие. Это ещё одна причина – как будто переплёта, в который угодил Брокер недостаточно! – почему он должен сделать всё, чтобы раскрыть это преступление.

Никто не признался, что узнал девушку. Они хорошо её рассматривали – кроме Гэя, что поднёс ко рту платок и выбежал из комнаты. Это могло что-то значить, а могло и не значить – и то же можно было сказать о том, что выказывали остальные подозреваемые. Мрачность Крэддока, отвращение леди Тарлтон, ужас полковника – всё это могло быть проявлениями вины или просто естественными реакциями невиновных людей при взгляде на жертву убийства. Впрочем, Джулиан не торопился записывать этих трёх в невиновные. Быть может, среди них нет убийцы, но каждый из них что-то утаивает.

К слову, об утаивании. Кестрелю придётся выяснить, почему Хью и мисс Крэддок лгали сэру Роберту, что расспрашивал их. Теперь, увидев убитую девушку своими глазами, они, возможно, более охотно раскроют всё, что может пролить свет на это дело. Мод было особенно тяжело – по её щекам катились слёзы. К удивлению Джулиана, она избегала общества, как Хью, так и своего отца – молодой Фонтклер предложил ей платок, а Крэддок попытался обнять. Единственной, от кого она смогла принять утешение, оказалась леди Фонтклер, но на миг она бросила взгляд на Джулиана и прошептала:

- Я просто хотела сказать вам. Мне очень жаль, что люди говорят, будто вы имеете к этому какое-то отношение. Я знаю, вы ни в чём не виновны. – Кестрель мог лишь порадоваться, что ему не нужно включать мисс Крэддок в список подозреваемых.

Изабель была потрясена намного сильнее, чем Джулиану когда-либо доводилось видеть. Посмотрев на убитую, она села в углу, стиснула руки в замок, борясь с собой. Кестрель подошёл к ней и мягко сказал:

- Вам больше не нужно здесь оставаться. Скоро придут, чтобы забрать тело.

Она глубоко вздохнула и поднялась. Джулиан предложил ей руку, но Изабель покачала головой.

- Нет, благодарю вас, я справлюсь.

Они вышли вместе.

- Вы подозреваете тетушку Кэтрин? – Спросила она.

- Я не знаю, что думать. Я бы хотел, чтобы она сказала правду о том, как порезалась.

- А вы уверены, что можете распознавать ложь и правду?

- Нет, но иногда бывает очевидно, что кто-то... заблуждается.

- Странно, что вы не заметили этого, когда ваш слуга... заблуждался, рассказывая, что вышел прогуляться.

- Людям, которым вы верите, проще обмануть вас. Вы же не ожидаете лжи. Вот почему лучше не доверять слишком многим людям.

- Я думаю, доверять кому-то из нас не так опасно.

- Да, но я могу ли я позволить себе такое доверие?

Она одарила его одним из своих холодных, прямых взглядов.

- Будь я вами, я бы не стала.

Глава 16. План кампании

За ужин сэра Роберт, МакГрегор и Джулиан сели только во втором часу ночи. Почти все в доме уже спали, хотя несколько слуг осталось, чтобы прислуживать за столом. Роулинсон и Синдерби уехали в Олдертон за деревенским гробовщиком, которому предстояло прибыть в Беллегард и забрать тело. Сэр Роберт счёл, что лучше послать их в деревню ночью, чтобы новости об убийстве не вызвали в Олдертоне преждевременного ажиотажа.

Роулинсону и Синдерби также поручили привести из деревни плотника и торговца канцелярскими принадлежностями. Им предстояло стать особыми констеблями – помощниками Синдерби в расследовании. Мысль о том, что он будет расталкивать соседей посреди ночи и вербовать на службу своими заместителями, немного радовала Синдерби. Все олдертонцы так упорно сосватали ему пост констебля! Посмотрит он теперь, как им самим понравится досаждать людям вопросами, обыскивать комнаты и постоянно чувствовать спиной взгляд сэра Роберта Фонтклера.

Осталось лишь решить судьбу Брокера. Синдерби обыскал его комнату и вещи, но не нашёл ничего интересного. Камердинер сидел под замком в кабинете Роулинсона уже несколько часов, но не оставишь же его там на всю ночь. После ужина, когда слуги ушли, сэр Роберт объявил МакГрегору и Джулиану своё решение.

- Я собираюсь передать его в тюрьму – не в настоящую, а просто посадить под замок в Олдертоне. Я пока не собираюсь предъявлять обвинение в убийстве. У меня почти нет свидетельств, я ничего не знаю о личности жертвы, чтобы судить его. Но у меня хватает полномочий удерживать его три дня, после чего придётся отпустить, если не вскрыются какие-то новые обстоятельства, говорящие против заключённого.

- А не позволите ли вы мне поручиться за него? – Спросил Джулиан. – Назовите сумму залога, и я его внесу.

- Боюсь, когда речь идёт о столь серьёзном преступлении, меньше чем заключением обойтись нельзя.

- Если бы Брокер сбежал, это бы было всё равно что признанием вины. Да и не смог бы он уйти далеко.

- Вы вынуждаете меня говорить прямо, мистер Кестрель. Я не могу позволить вам поручиться за Стоукса, потому что пока не уверен, что вы сами не имеете касательства к

преступлению.

- Понимаю. – Тихо сказал Джулиан. – В таком случае, сэр Роберт, у меня есть другая просьба. Я бы хотел принимать участие в этом расследовании.

- Что именно вы хотите делать?

- Я бы хотел знать всё, что вы узнаете, и наводить справки сам.

- Вы сомневаетесь в том, что я справлюсь с расследованием?

- Вовсе нет. Я лишь хочу помочь вам. Мне часто говорили, что содействовать правосудию – долг каждого англичанина. Считается, что именно поэтому нам не нужна полиция, и потому же судья может призвать любого человека в помощники.

- Я не призывал вас помогать мне, мистер Кестрель.

- Я вызываюсь сам, сэр Роберт. Думаю, для меня это не просто обязанность, а право. Мой слуга обвиняется в убийстве, и хотя я ни на миг не верю, что вы найдёте какие-то доказательства, уличающие его, я знаю, что присяжные, сталкиваясь с такими зверскими убийствами, любят находить виновных. Мне совсем не нравится, что Брокера могут повесить лишь потому что не нашлось более подходящего подозреваемого. Кроме того, я уже слышал намёки и более чем намёки, что сам приложил руку к этому преступлению. Моя честь поставлена под сомнение. Со всем уважением, я думаю, вы не можете отказать мне.

- Признаю, в ваших словах есть смысл. Хорошо. Вы сможете участвовать в расследовании и наводить справки – уверен, вы сможете делать это со всем тактом и сдержанностью.

- Спасибо, сэр Роберт.

- Не обманывайтесь – я понимаю, что вы прежде всего хотите выяснить, не виновен ли кто-то из членов моей семьи. То, что вы или кто угодно другой, мог такое предположить, причиняет мне боль и оскорбляет больше, чем я могу выразить. Но я признаю, что такую возможность нужно изучить, и я предпочту, чтобы этим осторожно и неформально занялись вы, чем приглашать из Лондона полицейского, что будет мучить вопросами моих родных и гостей. Но если за неделю мы не приблизимся к разгадке, я буду вынужден обратиться на Боу-стрит. Надеюсь и верю, что с Божьей помощью, мы раскроем это дело сами. – Поднявшись, он извинился, сказав, что должен проверить, не вернулись ли ещё Роулинсон и Синдерби с особыми констеблями.

Когда сэр Роберт вышел, Джулиан обратился к МакГрегору.

- Он мог бы освободить себя от большей части мучений, передав дело другому судье.

- Это его корабль, и он здесь капитан. Он сойдёт с мостика, только убедившись, что кто-то из близких ему людей замешан в убийстве.

- И он пригласил меня найти такие свидетельства. Что за дьявольская задача. Я хочу поверить, что убийцей оказался взломщик или какой-нибудь озлобленный на землевладельцев работник. Но всё противоречит такому предположению.

Он поделился с доктором своими наблюдениями о входах и выходах и прежде всего – о том, что никто посторонний не мог покинуть дом незамеченным или заперев за собой дверь.

- Звучит веско. – Признал МакГрегор. – Не понимаю, как он вышел, но войти мог вместе с девушкой. Она ведь как-то попала сюда днём. Если в доме незаметно появился один человек, почему не могли появиться два?

- Если исходить из того, что попала в дом почти прямо перед тем как была убита – тогда да. Но мы ведь не знаем этого точно. Она могла пробыть в доме несколько часов, даже дней.

- И никто не заметил её?

- Это очень большой дом. Он могла прятаться в какой-нибудь пустующей комнате – или кто-то мог прятать её.

- Черт побери, Кестрель, это уважаемый английский дом, а не замок из «Удольфских тайн»!^[36]

- Не знаю. Я уже начинаю чувствовать себя как один из персонажей миссис Радклифф. Хорошо, предположим, что девушка попала в дом не более чем за сутки до смерти. Как она могла пролезть незамеченной? Трэвис уверен, что в окна никто не влезал. Стало быть, остаются парадная дверь, задняя дверь и оранжерея. Большую часть времени они были или закрыты или под присмотром, но мог выдаться краткий промежуток, в который она могла успеть проскользнуть. Вот только откуда ей про это знать? Она шла на колоссальный риск, если проходила в дом через одну из этих дверей, надеясь, что там не будет никого, кто бы заметил её.

- Но, Боже мой, попала же она как-то внутрь!

- О, бесспорно. Но я думаю, она была в сговоре с кем-то из обитателей дома – кем-то, кто следил за ней и позволил ей войти, когда на горизонте стало чисто. Наверное, это легче сделать ночью, чем днём... Впрочем, нет. Гэй говорил, что ночью с цепи спускают собак. Она бы не смогла и приблизиться, не переполюшив всю округу.

- Смогла бы, если бы с ней был кто-то знакомый псам. – С сомнением указал МакГрегор.

- Верно. – Задумчиво ответил Джулиан. – Гэй прошлой ночью вернулся в час или два пополудни. Я знаю это, потому что он заходил ко мне в комнату. Он был навеселе, но ещё соображал. Он сказал, что пользуется задней дверью, чтобы выходить из дома и возвращаться в неурочные часы.

- Думаете, это он привёл девушку?

- Той ночью он как раз жаловался на отсутствие женского общества. Впрочем, эти слова могли быть просто отвлекающим манёвром.

- Я думаю, он на такое способен. Привести девушку в дом по худшей из причин прямо под носом сэра Роберта – от Гэя можно такого ждать!

- По худшей из причин? Вы имеете в виду интрижку... или убийство?

- Я имею в виду то, что вы называете интрижкой, а я – прелюбодеянием. Но убийство... он мог совершить и его.

- Но зачем? И почему в моей комнате?

- Должно быть, чтобы отвести подозрения от себя. Скажем, он всю ночь держал девушку у себя в комнате, весь следующий день она тоже была с ним – в то время, когда он сказал, что лёг спать. Она могла из-за чего-то разозлиться или угрожать ему... угрожать... да, угрожать, что пойдёт к сэру Роберту и леди Фонтклер и расскажет им, как он её сюда притащил.

- Мне не верится, что Гэй убил бы человека, только чтобы не сердить дядю.

- Не знаю. Хорошие отношения с сэром Робертом в его интересах. Гэй вечно по уши в долгах, а сэр Роберт уже не раз выручал его. Неважно – просто предположим, что он решил избавиться от девушки по какой-то причине. Выдумал какой-то предлог, что заманить её в вашу комнату между половиной пятого и половиной шестого, зная, что в той части дома в это время никого не бывает. Раздобыл где-то нож и убил её. Потом уложил её на кровать, укутал – Бог знает зачем, если только это не извращённое чувство юмора. А когда тело нашли, притворился, что ничего об этом не знает.

- Неплохая теория. Видит Бог, его рассказ о том, что он прилёт поспать днём, шит белыми нитками. А оставить труп в моей постели и посмотреть, что я буду делать – вполне похоже на Гэя. Но остаётся ещё легион вопросов. Если он привёл эту девушку прошлой ночью, то зачем заходил ко мне и сидел у меня, будто ему больше было нечем заняться? И почему утром поехал на конскую ярмарку? Ещё остаётся то, как он воспринял новость об убийстве. Он был в таком же ужасе, как все мы. Конечно, он может оказаться удивительно искусным актёром, но... – Джулиан пожал плечами и покачал головой.

- Быть может, на него давило чувство вины или страх быть раскрытым.

- Может быть. Тогда ещё труднее поверить, что один и тот же человек способен убить девушку и подложить её тело в чужую кровать и в тот же день чувствовать такое раскаяние.

- Чем больше мы говорим об этом, тем больше всё запутывается. Я уже не знаю, как вы заставили меня подозревать Гэя. Я знаю Фонтклеров уже тридцать лет, и не поверю, что кто-то из них способен на это преступление. Скажу начистоту – я скорее соглашусь, что виновен ваш слуга, чем кто-то связанный с сэром Робертом или леди Фонтклер.

- Я понимаю. Удивительно, что вы остаётесь беспристрастным. Вы легко могли убедить себя, что убийцей был Брокер и отмахнуться от любых улик против Фонтклеров.

- Поверьте, мне бы очень этого хотелось. Но дело в том, что я не считаю вашего слугу убийцей. В нём есть что-то – лицо, манера говорить, его... приятность что ли, хотя такое слово смешно звучит по адресу молодого человека.

- Я понимаю, что вы имеете в виду. Я так же воспринял Брокера, когда мы впервые встретились – а ведь тогда он был таким же чумазым и невзрачным, как и все выкарабкавшиеся из Ист-Энда. Но у него есть дар быть превыше обстоятельств. Кажется, что в какие бы неурядицы он не угодил, это лишь ошибка, которая скоро будет исправлена. Он служит у меня два года и доказывал свою ценность уже сотню раз. Проще говоря, Брокер похож на ангела больше всех, кого я знаю.

МакГрегор задумчиво посмотрел на собеседника.

- Вы загадка, Джулиан Кестрель.

- Я думал, мы говорим о Брокере.

- Так и есть. Но когда мы говорите о нём или об убийстве, вы искренни. Когда же вы говорите о себе, то отделяетесь пустой болтовней. Если бы я просто встретил вас за ужином, и не было бы никого убийства или иного печального происшествия, я бы думал о вас так же, как в первый миг знакомства – просто франт, тщеславный, легкомысленный и на беду себе и окружающим чрезмерно умный.

- А теперь? – Спросил Джулиан, почти смущённо.

- Теперь я не уверен. – Ухмыльнулся МакГрегор. – Но если я составлю мнение о вас, я вам сообщу. К слову – как вы собираетесь вести своё расследование?

- Я собираюсь найти ответ на маленькие загадки, надеюсь, что они прольют свет на большую. Я хочу спросить мистера Крэдока, почему его упоминание о лесной поляне так расстроило леди Тарлтон. Я хочу поговорить с мисс Фонтклер, потому что не верю, что её глаз художницы мог быть так слеп, когда она проходила мимо моей комнаты. И я должен спросить Гэя – о множестве разных вещей. Но больше всего я хочу знать, как леди Тарлтон порезала руку, но будь я проклят, если знаю, как к этому подступиться, не спровоцировав её. Ещё мне нужно узнать, как убитая запачкала своё платье и обувь. Думаю, завтра я пройду по окрестностям и поищу следы. Где-то ведь лежит тот кусочек жёлтого муслина, что оторвался от её юбки. Шансы невелики – но кто знает?

- Она могла порвать юбку хоть неделю назад.

- Сомневаюсь. Я думаю, она заботилась о своей внешности. Она была очень привлекательна, а её одежда стоила немалых денег. Кроме того, у неё в ридикюле была иголка и нитка. Она могла бы заштопать подол за пять минут – женщины умеют делать это даже с завязанными глазами. Но если она порвала его незадолго по гибели, то у неё не было возможности привести себя в порядок.

- Не хочу оскорбить вас, Кестрель, но мне кажется, что из вас вышел бы очень недурной адвокат.

- Я бы не смог носить парик. Когда я вижу барристера^[37], то не могу не думать, что он выглядит так, будто ему на голову посадили жесткошёрстного терьера.

МакГрегор усмехнулся и встал.

- Что же, желаю удачи в затеянной вами охоте. Думаю, мы увидимся на дознании, если не раньше.

- На самом деле, я бы хотел встретиться уже завтра.

- Зачем?

- Чтобы ещё раз с вами поспорить, это очень бодрит. На самом деле, я хочу поговорить об убийстве, расследовании и Фонтклерах в целом.

- Послушайте, вы не заставите меня выступить против Фонтклеров!

- Я не хочу, чтобы вы против кого-то выступали. Я больше всего ценю вашу беспристрастность. Здесь каждому есть или что скрывать или кого защищать. Это дом был настоящим клубком интриг ещё до того, как я сюда приехал – у Фонтклеров есть какая-то тайна, которую знает Крэддок и давит этим на них, чтобы устроить брак своей дочери с Хью. Не знаю, связан ли этот секрет с убийством, но не удивлюсь, если это так. Но я знаю, что мои шансы раскрыть убийство зависят от того, что я буду знать о Фонтклерах – их прошлое, характеры, связи. Вы знаете их уже очень долго и, кажется, хорошо понимаете. Ваша помощь будет неоценима.

- Дайте мне вескую причину помогать вам против моих давних друзей и соседей.

- Им ваша помощь не нужна. – Просто ответил Джулиан. – А мне – очень.

МакГрегор сердито на него посмотрел.

- Тогда приходите вечером. Я закончу с пациентами, если не случится чего-то из ряда вон. Помните, то не значит, что я теперь доверяю вам. На самом деле, я просто хочу не спускать с вас глаз, потому что не знаю, чего вы можете натворить сами по себе.

- Спасибо, доктор. Я пока что постараюсь не сеять слишком много хаоса.

- Хаос! Вздор какой-то! И не смотрите так самодовольно!

Вернулись Роулинсон и Синдерби с особыми констеблями. Сэр Роберт раздал им приказы. Им предстояло выяснить, знали ли на землях Беллегарда или в соседних деревнях убитую девушку или хотя бы не видели ли её. Первым делом предстояло расспрашивать в местных трактирах и постоянных дворах. Наконец, констеблям предстояло узнать, не появлялось ли по соседству посторонних в последние несколько дней. Синдерби должен напечатать объявления, где бы давалось описание девушки и предлагалось сообщать всё известное о ней или её убийстве. Сэр Роберт собирался предложить сто фунтов любому, кроме соучастника преступления, кто предоставит сведения, которые помогут добиться приговора преступнику.

Прибыл и гробовщик. Пока он с сэром Робертом обсуждали будущие похороны, Джулиану позволили поговорить с Брокером. Вместе с Синдерби он прошёл в кабинет Роулинсона, где всё ещё сидел его камердинер. По пути Кестрель спросил:

- Он знает, что его собираются перевести в тюрьму?

- Я сказал ему, сэр. Он спокойно это принял.

- А что из себя представляет эта тюрьма?

- Не так плоха, как другие сэр. Темновата, окна там маленькие и высоко. Затхловата, может быть. Холодновата, но в это время года это неважно.

Джулиан, что слышал, какими клоповниками бывают деревенские тюрьмы, предположил худшее. Он остановил Синдерби в коридоре.

- Так. Проследи, чтобы у него была удобная камера, хорошая кормёжка и обогрев, если потребуется. Об этом разговоре ему знать незачем.

- Тут слишком много денег, сэр... Я не знаю, что с ними со всеми делать.

- Делай, что хочешь. Пой его шампанским и корми салатом из креветок и сам угощайся, мне всё равно. Но проследи, чтобы Брокер ни в чём не нуждался. Я приду к нему завтра, и если увижу, что этим пренебрегли или плохо с ним обращались, с тем, кто окажется в этом виноват я буду очень неприветлив. Ты понимаешь?

- Да, сэр.

Они вошли в кабинет Роулинсона – тесную нору. Большую часть помещения занимал дубовый письменный стол, вокруг него гнездились полки со старыми книгами и стопки пергамента.

Брокер спал прямо за столом. Когда вошли Джулиан и Синдерби, он поднял голову и заморгал. Тут его лицо просияло.

- Сэр!

Джулиан почувствовал, что его уже незаслуженно считают спасителем и бросил острый взгляд на Синдерби.

- Нам нужно поговорить.

- Сэр Роберт не говорил, что мне можно оставлять вас один на один.

- А он велел тебе оставаться с нами?

- Ну... нет, он такого не говорил, нет.

- Тогда выйди. Если ты боишься, что я помогу Брокеру сбежать, запрети нас снаружи.

Синдерби развернулся к двери, лишь бы не видеть этого требовательного взгляда.

- Всё в порядке, сэр, я... я не буду этого делать.

Он выскользнул из комнаты. Джулиан проводил его взглядом, чтобы убедиться, что никто из не подслушивает. Стоило ему закрыть дверь, как Брокер выпалил:

- Не могу сказать, сэр, как мне жаль, что врал сэру Роберту. Это всё из-за того, что когда тебя допрашивают, а со мной это бывало, ещё до того, как я встретил вас, сэр, ты никогда не говоришь всё, как есть, даже если тебя спросят, садится ли вечером солнце, и не в Лондоне ли стоит Лондонский мост. У меня такое последний раз было давно, но стоило сэру Роберту начать спрашивать, как всё будто вернулось. Я подумал, что что-то свистнули из вашей комнаты, а вы, может быть, сказали сэру Роберту, что я раньше был на руку нечист, а он и подумал, что я виноват, а то и что вы думаете, что я виноват. А если бы вы когда-нибудь подумали, что я мог вас обобрать, сэр... я бы просто лёг и умер. Так что я сказал, что выходил из дома погулять до самого ужина. Я не знал, что они могут понять, что я вру. А теперь они думают, это я пристукнул ту деваху в вашей комнате, а это совсем дурно для вас,

сэр.

- Похоже, это действительно может умерить энтузиазм тех, кто приглашает меня к себе в загородный дом на праздники. Есть только один способ очистить наши имена – я должен найти настоящего убийцу.

- Как же вы это сделаете, сэр?

- Буду очень пытливым. Буду ходить за всеми хвостом, подслушивать у замочных скважин, прятаться за шторами. Будь уверен, я сделаю это. Ты не успеешь привыкнуть к новой камере, как снова окажешься на свободе. Даже если убийцу не найдут быстро, сэр Роберт не сможет держать тебя в тюрьме дольше трёх дней без обвинения, а если не найдёт новых доказательств против тебя, ему придётся тебя отпустить.

- Хорошо, сэр. Но сидеть в каменном мешке не так плохо. Я много раз бывал в городских тюрьмах, а теперь посмотрю на что они похожи в таких милых деревнях. Это как получать образование.

- Ты говоришь, как выразился бы мой дорогой друг доктор МакГрегор, просто вздор. И это дерзко – успокаивать меня, когда я пытаюсь успокоить тебя.

- Простите, сэр. Сэр?

- Да?

- Вы прощаете меня, сэр? За то, что пытался обмануть сэр Роберта, я имею в виду?

- Я прощаю тебе всё на свете, если ты больше не будет выглядеть как печальный ягнёнок. Надеюсь, что когда судья в следующий раз задаст тебе вопрос, ты сможешь вспомнить, что теперь ты законопослушный гражданин и не будешь врать?

- Я смогу сэр, лопни мои глаза!

- Меня больше тревожит то, что если дело не удастся решить за неделю, сэр Роберт пойдёт в Лондон за подмогой. Последнее, что нам нужно – это чтобы ищейки с Боу-стрит узнали в тебе пресловутого вора.

- Не знал, что я пре-сло-вутый. – Скромно ответил Брокер. – Но многие малиновки^[38] узнают меня, если увидят.

- Стало быть, нам надо докопаться до сути, как можно быстрее, до тех пор, пока твои красногрудые друзья на слетелись в Олдертон.

Он представил себе людей с Боу-стрит – крепких, задиристых мужчин с большими пальцами в проймах красных жилетов.

- Ты уверен, что днём не видел ничего необычного – неважно, насколько мелкого и незначительного – в моей комнате или рядом с ней?

- Я всё думал и думал, сэр. Нет, не видел и не слышал ничего.

В дверь просунул голову Синдерби.

- Сэр Роберт говорит, что я должен увести мистера Стоукса.

Брокер повернулся к Джулиану.

- Ваша одежда в полном порядке, сэр. Майкл сможет начистить ваши ботинки. До свидания и хорошей охоты, сэр.

- До свидания. Не сомневайся ни на минуту – я поймаю нашу лису.

Больше делать этой ночью было нечего. Джулиан отправился спать в соседнюю со своей старой гостевую комнату. Он вспомнил, как Филиппа сказала о ремонте в этих комнатах: «всё равно, что жить в веджвудовском чайнике». Отличное описание для комнаты с окрашенными в пастельные тона стенами и изящной лепниной в виде лент и роз.

Когда он лёг, было уже почти три часа.

«Наконец-то я у меня есть время всё обдумать от начала и до конца». – Подумал он и тут же заснул.

Глава 17. О ножах и не только

Джулиан слышал во сне женские крики, а проснувшись, понял, что это не сон. Кричали откуда-то со стороны крыла прислуги. Вскочив с кровати, он натянул брюки, накинул рубашку и халат. Кестрель пронёсся по коридору через зал вниз по главной лестнице. У подножья лестницы он остановился, взглядом наткнувшись на Гэя Фонтклера. Тот пересекал холл, и двигался он со стороны служебного коридора. На Гэе был костюм для верховой езды, а в руках – промокшее под дождём пальто с капюшоном. Сапоги были в грязи, а волнистые волосы завитушками липли ко лбу. От Фонтклера тянуло запахом мокрой шерсти.

Он вздрогнул, увидев Джулиана.

- Я мог бы догадаться, что вы бродите по дому, как призрак Гамлета или Макбета или кого бы то ни было.

- Я слышал женский крик.

- Это Доркас – глупая кляча! Можно подумать, она никогда прежде не видела человека в капюшоне.

- Так она кричала из-за вас.

- Не говорите так, будто я подкрался к ней сзади с ножом в руках! Я просто зашёл через заднюю дверь и прошёл в людскую, где столкнулся с Доркас. У меня был накинут капюшон – накрылся от дождя – так что она не видела, кто перед ней. Она принялась кричать – могла бы поднять на ноги весь дом. Пришлось встряхнуть её, чтобы она замолчала. И, конечно, со всех сторон появились слуги и уставились на нас как на спектакль Панча и Джуди, черт побери их глаза!

- Вы не можете винить её – сейчас все взвинчены.

- Да, но у неё не было повода так драть глотку. Ночью я всегда хожу через заднюю дверь.

- Должно быть, она не ожидала, что вы куда-то пойдёте в такую ночь как эта.

- Погода меня никогда не останавливала. Я не чья-то бабушка!

- Как и я, но мне бы понадобилась чертовски веская причина, чтобы выйти наружу в такую бурю.

- У меня была веская причина. Я хотел вырваться из того дома. Я не мог заснуть, все думал, как мы проходили мимо тела этой девушки со свечой и глядели на неё.

- Кажется, вас это тронуло.

- У меня был почти припадок, если вы это имеете в виду. Мне не нравится смотреть на мертвецов. Впрочем, я не так много их видел – говорю это на тот случай, если вы считаете, что я порой брожу по дому и подбрасываю трупы в чужие постели.

Он подошёл к Кестрелю и устало опустился на ступени. Джулиан сел рядом.

- Это и есть причина, по которой я не поступил в армию, – продолжил Гэй, – хотя, думаю, полковник был хотел видеть меня в своих полковых цветах, да и семейная традиция требует хотя бы одного Фонтклера в мундире каждое поколение. Это не значит, что я трус! Я люблю хорошую драку не меньше других. Но смерть – другое дело.

«Может ли он притворяться? – Думал Джулиан. Слова Гэя звучали совершенно искренне. – Но не это же самое говорил бы убийца, чтобы оправдать свою реакцию на то,

что оказался в одной комнате с телом своей жертвы?»

Он сказал:

- А смерть женщины – совершенно другое. Мне тоже больно видеть, какой юной и хрупкой она была и какой красивой.

Гэй резко встал и отошёл на несколько шагов.

- Это очень дурное дело. – Пробормотал он. – Убийцу нужно найти.

- Я знаю это! Все знают. Сэр Роберт позволил мне тоже вести расследование. Мой слуга сейчас в тюрьме, его могут обвинить в убийстве – у меня веские причины найти настоящего преступника. Вы не ответите на вопрос?

- Какой?

- Вы говорили, что комната, где нашли убитую, раньше была вашей.

- Какое это, чёрт возьми, имеет значение?

- Я думал, у вас могут быть какие-то мысли о том, почему девушка и убийца оказались там. Быть может, искали что-то?

- Будь я проклят, если знаю. Сейчас слишком рано для загадок. Я разбит, и я иду спать.

- У меня остался всего один вопрос. Хотел бы я, чтобы был способ задать его поделикатнее, но все же – есть у вас привычка носить с собой нож?

- Нет, её нет! Я меня есть складной карманный нож, но я не таскаю его с собой по Беллегарду! Я могу доказать это, если нужно.

Джулиан встал.

- Спасибо за ответы. Если вы вспомните что-нибудь странное или примечательное о той комнате, вы сообщите мне?

- Да что вы заладили об этой комнате?

- Потому что я думаю, что мы не знаем чего-то важного. – Он зевнул. – Что за безотрадное время суток. Темнейшая ночь светлее, чем дождливый рассвет в Англии.

Он вернулся к своей комнате. В доме было очень тихо. Кажется, крик Доркас не поднял никого из Фонтклеров или Крэддоков. Неудивительно – комната Джулиана была ближе всего к крылу слуг. Его старая комната ещё ближе – насколько он мог представить, она была рядом с кабинетом Роулинсона, что располагался в крыле прислуги на верхнем этаже. Кестрель подумал, что ему нужен план дома, чтобы понять, как расположены комнаты. Быть может, Роулинсон достанет ему такой.

Он лёг в кровать, уже не надеясь уснуть. Но усталость пришла на помощь – вновь открыв глаза, Джулиан понял, что уже девять утра.

Мисс Крэддок спустилась к завтраку вместе со всеми, но ничего не ела. Как только позволили приличия, она вышла из-за стола и направилась в библиотеку. Джулиан последовал за ней. Хью, заметив, что эти двое пропали один за другим, почувствовал себя так, будто кто-то резко дёрнул его за воротник.

«Чёрт бы побрал этого человека! Зачем я только пригласил его?»

- О! – Воскликнула Мод. – Мистер Кестрель.

- Я побеспокоил вас?

- Нет.

- За завтраком вы выглядели очень обеспокоенной. И, думаю, эта тревога не прошла.

- Да, конечно, я тревожусь. Как и все.

- Но никто – больше меня. Впрочем, мне хотя бы удалось вчера немного поспать. – Его взгляд остановился на тенях, что залегли у неё под глазами. Он всё равно что протянул руку и провел под ними пальцами.

- Я волновалась! – Девушка заколебалась. – Но... я не могу сказать почему. Я бы хотела!

- Вчера вы будто бы доверяли мне. Вы приняли меня на службу внештатным кавалером.

- Вчера ещё не было убийства, вчера всего ещё не произошло.

- Мисс Крэддок, если вы что-то знаете – что угодно – что может пролить свет на убийство, я не могу выразить, как настоятельно я советую вам этим поделиться. Человек, которого я всей душой считаю невиновным, под подозрением. Виновный же может остаться на свободе.

Она сжала руки в замок и зашагала туда-сюда.

- Я бы ни за что на свете не стала скрывать что-то, что может доказать невиновность вашего слуги или помочь схватить настоящего преступника. Но это может не иметь никакого отношения к убийству. И это не моя тайна. Если бы это было так, я бы доверилась вам, не задумываясь. Я доверяю вам, мистер Кестрель, по-настоящему.

- Быть может, вы хорошо подумаете о том, стоит ли хранить этот секрет? В расследовании, вроде этого, даже самые неясные и неважные вещи могут иметь значение, о котором мы и не догадываемся.

Она покачала головой.

- Если я скажу, я не смогу заставить вас забыть. Вы не сможете сделать вид, что ничего не знаете. Если я совершу ошибку...

- Сейчас проявлять скрытность опасно. Мой слуга в тюрьме, потому что кое-что утаил, думая, что это ему повредит. В итоге ему куда больше повредило то, что он скрывал правду, чем сама правда.

- Я просто не знаю. Мне нужно подумать. Я подумаю. – Она решительно кивнула. – Я обещаю.

Ближе в полудню небо расчистилось, и дом наполнился солнечным светом. Сэр Роберт приказал Трэвису и одному из особых констеблей прочесать старую комнату Джулиана, коридор и соседние комнаты в поисках улики, что могли пропустить прошлым вечером. Кестрель немного понаблюдал за поисками, но решив, что это методичное занятие не принесёт никаких откровений, отправился поговорить с Роулинсоном в его тесном кабинете.

Секретарь был измождён. Джулиан подумал, что Роулинсон, должно быть, из тех людей, которым по душе постоянство и рутинность. Убийство было чужеродным вторжением в его уютный мирок, которым секретарь был сбит с толку, обеспокоен и немного возмущён.

- Что я могу сделать для вас, мистер Кестрель?

- Не будете ли добры одолжить мне записи, что делали во время вчерашних расспросов?

- Это официальные документы. Я не думаю, что имею право передавать их кому-либо.

- Тогда может мы прийти к компромиссу – не выносить бумаги из этого кабинета? Я бы мог взглянуть на них здесь.

- Что же... Думаю, это возможно. Сэр Роберт сказал, что вы тоже ведёте расследование.

- Именно так. Благодарю. И ещё кое-что. Я был бы очень благодарен, если вы достали мне план дома – чем подробнее, тем лучше.

- Я думаю, найдутся чертежи, что сделали, когда строили новое крыло. Я попробую их

отыскать.

- Благодарю вас.

Джулиан сел за стол Роулинсона, а секретарь передал ему свои заметки.

- Вот перо и бумага. – Добавил он. – Если вы захотите записать что-то сами. – Он кашлянул. – Вы не простив, если я покину вас? Есть много других дел, что требуют внимания. Это убийство отнимает удивительно количество времени.

- О, конечно. – С готовностью ответил Джулиан. Эта комната всё равно была слишком тесной для двух человек. Роулинсон должен был обладать телосложением крота, чтобы с удобством работать здесь.

Секретарь вышел. Джулиан взял ножик, чтобы очинить перо, но пригляделся к нему повнимательнее. Конечно, лезвие, как и у любого перочинного ножа, было слишком коротким, чтобы нанести смертельный удар. Но чёрт побели, сколько же ножей постоянно бывает вокруг нас. Должно быть, в Беллегарде их десятки. Ножи есть на кухне, есть в конюшнях, где ими режут верёвки и пускают кровь, садовые ножи можно найти в оранжерее, охотничьи – в оружейной. Мужчины порой носят складные ножи – хотя Гэй очень уж горячо отрицал, что взял такой с собой в Беллегард. У женщин скорее найдутся ножницы – как у леди Тарлтон – и такой инструмент для рукоделия может обладать дьявольски тонкими и острыми лезвиями. Кроме того, доктор МакГрегор обучал леди Фонтклер медицине – вероятно, у неё есть нож для того, чтобы извлекать осколки или вскрывать фурункулы. А художнице нож пригодиться, чтобы затачивать карандаши, хотя, конечно, Изабель может пользоваться обычным перочинным.

Кестрель решил пока забыть о ножах. Обмакнув перо в чернила, он вывел на листе заголовок: «День убийства: хронология». Потом он писал несколько минут, освежая память записями Роулинсона.

Утро

Хью, Гэй, полковник Фонтклер и я на конской ярмарке.

Леди Фонтклер принимает утренних посетителей.

Местонахождение сэра Роберта, мисс Фонтклер, леди Тарлтон, мистера и мисс Крэддок неизвестно.

1.00

Обед.

2.00 (Примерно)

Мисс Крэддок и я беседуем в музыкальной комнате.

Сэр Роберт, леди Фонтклер и Хью просматривают юридические документы.

Леди Тарлтон вышивает в своей комнате весь день.

Местонахождение мисс Фонтклер, Гэя, полковника Фонтклера и мистера Крэддока неизвестно.

3.00 (Примерно)

Мисс Фонтклер отправляется в розовую беседку, чтобы сделать эскиз.

Мистер Крэддок выезжает прокатиться – время отбытия неизвестно.

3.30 (Примерно)

Хью и я поехали прокатиться.

Брокер принёс сапоги в мою комнату и остаётся там, после того как я уехал с Хью.

Мисс Крэддок отправляется на пикник с мисс Притчард и девицами Фонтклер.

Полковник Фонтклер находит Гэя в библиотеке.

Гэй уходит в свою комнату и ложиться вздремнуть.

Полковник в это время идёт в свою комнату.

4.00 (Примерно)

Сэр Роберт и леди Фонтклер уходят в оранжерею.

4.25 (Примерно)

Брокер выходит из моей комнаты и идёт в оружейную.

4.30 (Примерно)

Майкл запирает парадную дверь.

Слуги садятся ужинать.

Между 4.30 и 4.45

Мистер Крэддок идёт на поляну в лесу.

4.50 (Примерно)

Брокер приходит в людскую.

Вскоре после 5.00

Полковник Фонтклер выходит из своей комнаты и приходит в зал слуг в возбуждённом состоянии и спрашивает, есть ли к конюшне кто-то, кто оседлал бы ему лошадь, после чего выходит через заднюю дверь и выезжает верхом.

Между 5.15 и 5.30

Сэр Роберт отлучается из оранжереи и библиотеку, где берёт книгу стихов Поупа.

Леди Фонтклер остаётся в оранжерее.

5.20 (Примерно)

Мисс Фонтклер покидает сад через оранжерею, спрашивает леди Фонтклер, который час, поднимается вверх нового крыла и идёт в главный дом к мисс Крэддок. Она проходит по коридору, что ведёт в мою комнату, поворачивает в комнату мисс Крэддок, обнаруживает, что её там нет, и возвращается к себе.

Мистер Крэддок звонит у парадной двери, Майкл впускает его и снова запирает дверь. Мистер Крэддок проходит по главной лестнице в свою комнату, где остаётся до шести часов.

5.30 (Примерно)

Сэр Роберт возвращается в оранжерею.

Гэй просыпается и звонит своему камердинеру.

5.45 (Примерно)

Мисс Крэддок возвращается с пикника и идёт в свою комнату.

5.55 (Примерно)

Хью и я возвращаемся с прогулки, я иду в свою комнату и нахожу тело.

Мисс Крэддок спускается вниз, говорит с Хью с холле и возвращается к себе.

Что же, очень гладко и упорядоченно, но не очень полезно. Эта хронология предполагает, что все Фонтклеры и Крэддоки говорили правду, при том, что Кестрель был уверен – кто-то, если не большинство, лгали. Впрочем, составить эту таблицу всё равно стоило – так будет проще заметить противоречия.

Джулиан немного поразмыслил о том, как убийца мог быть одет. Все Фонтклеры и Крэддоки, кроме сэра Роберта были переодеты к ужину. Стало быть, если кто-то из них – преступник, он успел переодеться после убийства девушки или хотя бы смыть кровь с костюма или платья. Одежда жертвы была в грязи – значит, мог испачкаться и убийца. Кроме того, около умывальника не было следов – стало быть, по меньшей мере, обувь убийцы осталась чистой. Если вчерашняя одежда кого-то из подозреваемых окажется испачкана, они могли привести совершенно невинное объяснение. Джеффри и Крэддок перед ужином ездили верхом. Изабель была в саду. Гэй ночью сменил вечерний костюм на одежду для верховой езды и бродил под жестоким ливнем.

В целом, Джулиан не считал, что осмотр одежды принесёт какие-то плоды – и это к лучшему, так как сэр Роберт мог и отказать в его проведении. Если на чьём-то костюме и сохранились улики, они могли обнаружиться и без обыска. У каждого из подозреваемых была горничная или камердинер, что заметили бы пятна, разрывы или таинственное исчезновение части гардероба. И любой слуга, обладающий такими сведениями, может ими поделиться – из чувства долга или страха, желая похвастаться своей важностью или просто соблазнившись объявленной наградой. Если, конечно, верность Фонтклерам не возобладает над этими соображениями. Верность – настоящее проклятие для любого расследования. Поди разбери, кто тут лжёт, чтобы защитить другого от суда, а кто спасает честь семьи от поругания!

Возможно, именно эта верность и вынуждала местную прислугу так сдержанно разговаривать с Джулианом, когда сэра Роберта не было поблизости. Либо это, либо они считали его самого убийцей или подстрекателем, что толкнул на это Брокера. Простейший вопрос, что Кестрель задал Майклу, заставил лакея встревожиться.

- Ты знаешь, где сейчас мисс Фонтклер? – Спросил Джулиан.

- Нет, сэр.

- Ты не знаешь, она сейчас в доме?

- Нет, сэр.

- Ты не знаешь, или она не в доме?

- Не в доме, сэр.

- Дело сдвинулось с мёртвой точки. Ты знаешь, куда она ушла?

- Нет, сэр.

- Она уехала на лошади или в экипаже или ушла пешком?

- Пешком, сэр.

- Я заметил, что она часто бывает в розовой беседке.

- Я не знаю, сэр. Мои обязанности не приводят меня в сад.

- Где в саду находится розовая беседка?

- Не могу сказать, сэр. Мои обязанности....

- Не приводят в сад, да. Не запирайся, Майкл. Я буду спрашивать, пока от кого-нибудь это не узнаю.

Лакей посмотрел на Кестреля с высоты своего немалого роста. На его лице читалось беспокойство и недовольство. Наконец, он вздохнул и сдался.

- Выйдите через оранжерею, сэр, и спуститесь по лестницу. Идите по главной дорожке, пока не дойдёте до дикого сада. Розовая беседка там.

- Премного благодарен.

Прихватив трость, Джулиан спустился в сад и зашагал по главной дорожке. Она вела мимо правильных цветочных клумб, через фигурно стриженные кусты-арки и мимо маленьких фонтанов, украшенными тритонами и наядами. Но за высокой живой изгородью, Природа сбрасывала ограничения, что наложили на неё ножницы садовников. Здесь в чарующем беспорядке цвели рододендроны, яблони предлагали птицам свои маленькие, дикие плоды, магнолии трепетали в сени строгих берёз и повсюду цвели маки. Джулиан прикрыл глаза и обернулся вокруг, пытаясь уловить аромат роз.

Наконец он почти случайно нашёл розовую беседку. Она внезапно показалась из-за угла – изящное плетёное сооружение с мраморной скамьёй внутри. Красные, розовые и белые розы увивали арки, свисали с крыши и гнездились в железных решётках. Среди цветов сидела Изабель – на её серо-голубом платье играли пятна солнечного цвета, а на коленях лежал открытый альбом. Чепец девушки лежал на земле неподалёку. Должно быть, она слышала приближение Джулиана, так как встретила его ожидающим взглядом. Он подумал, что не так-то просто захватить Изабель Фонтклер врасплох.

- Доброе утро. – Сказал Кестрель. – Я пришёл сюда, надеясь найти вас.

- У вас, должно быть, есть ко мне вопросы.

- Есть. Но увидев вас здесь, среди роз и с солнечными зайчиками в волосах, я почти забыл зачем пришёл.

- Может быть, вы начнёте сначала, мистер Кестрель?

- Прошу прощения. Я знаю, вы бы хотите, чтобы я этого говорил. Но неужели, пребывая в самом живописном месте сада с солнечной короной вместо шляпки, вы думаете, что я сохраню холодную голову? Поэта такое место привело бы в восторг – а любой мужчина, в ком есть горячая кровь, должен приложить огромные усилия, чтобы не броситься к вашим ногам. Я думаю, моё поведение – образец сдержанности.

- Я думаю, вы в силах сдерживаться и дальше. Вы не подадите мне чепец? Я сняла его лишь для работы.

- Если у вас и правда душа художницы, вы не будете наносить пейзажу такого урона, закрывая волосы и бросая тень от чепца на своё лицо.

- Это моё любимое место, мистер Кестрель. Пожалуйста, не будьте жестоки и не заставляйте меня покидать его.

- Боже упаси, если я мог быть к вам жесток. Я бы был самой добротой, если бы вы мне это позволили.

- Дадите вы мне чепец или я должна сама за ним наклониться?

Джулиан подал девушке её убор, и та надела его. Обрамлённое полями чепца, её лицо

формой стало походить на сердце.

- Спасибо.

Кестрель опустил глаза на альбом.

- Это тот самый эскиз туфель для мисс Крэддок?

- Да. Я показывала это ей сегодня утром. Кажется, она одобрила. Хотите взглянуть? –

Она протянула ему альбом. – Белая вышивка шёлком по атласу.

Узор состоял из цветов в форме звёзд – должно быть, мирта. Они выглядели удивительно живыми, хоть и были расположены с изящной симметрией. Как она может тратить столько усилий и стараний на часть свадебного наряда, которую едва ли кто-то заметит? Тут Кестрель вспомнил слова Гэя – тот был убеждён, что Изабель хочет выйти за Хью сама. Если это правда так, что же она должна чувствовать, готовя свадебный подарок счастливой сопернице?

- Я хочу начать работать на ними как можно раньше. – Сказала Изабель. – Иначе не успею закончить. Свадьба ведь не будет отложена из-за убийства?

- Не могу сказать. Это возможно.

Она хотела забрать альбом, но Джулиан опередил её:

- Могу я взглянуть на другие ваши работы?

Девушка кивнула. Кестрель был бы не против сесть рядом с ней на скамью, но Изабель не оставила для него места, так что приходилось стоять. Он открыл альбом на первой странице и принялся листать.

Её рисунки были на диво хороши. Она умела передавать игру света и тени на пейзажах, даже не прибегая к цвету. Архитектурные изыски Беллегарда были переданы и с искусностью и пониманием. Людей, особенно родственников, она изображала лёгкими, умелыми штрихами. Джулиану особенно понравился один из набросков, где Фонтклеры были запечатлены в своей гостиной – сэр Роберт читает, леди Фонтклер улыбается полковнику, с которым играет в карты, леди Тарлтон шьёт с мрачной сосредоточенностью на лице. Хью о чём-то мечтает, Джоанна рассматривает изображения модных нарядов, а Филиппа строит карточный домик. Кажется, Изабель хотела изобразить каждого за типичным для него занятием. Были в альбоме и портреты, показывающие, как по-разному отражаются в Фонтклерах их семейные черты лица – строгий сэр Роберт, суровая и драматичная леди Тарлтон, беспечный и немного слабый полковник, открытый и серьёзный Хью. Ещё художница без всякого сочувствия передала разницу между классической красотой Джоанны и худым, непримечательным, но живым личиком Филиппы.

Джулиан открыл рот, чтобы задавать вопрос – но передумал. Вместо этого похвалил её работы, и они немного поговорили о том, как она этому училась.

- Но вы пришли говорить не об искусстве. – Заметила наконец Изабель. – Если вы хотели спросить что-то об убийстве, давайте поскорее покончим с этим.

- Конечно. Мисс Фонтклер, вы художница, и по вашим работам я вижу, как вы умеете подмечать детали – те, которые большинство из нас пропускают. Я запомнил, что вы прошли близко от моей комнаты примерно в двадцать минут шестого. Конечно, убийство могло произойти почти на час раньше. Но оно могло случиться и на четверть часа позже – в таком случае и девушка и убийца могли находиться в моей комнате как раз тогда, когда вы проходили совсем рядом.

- А не рассматриваете ли вы возможность, что убийца – я?

Это застало его врасплох.

- Полагаю, что да. А вы убийца?

- Нет. Но я не могу придумать ни одной причины, по которой вам стоило бы мне поверить.

- Вы удивительная женщина.

- Опять, мистер Кестрель?

- Я не флиртую с вами – не сейчас, по крайней мере. Я впечатлён, вот и всё.

- Спасибо. Так в чём именно заключается ваш вопрос?

- Вы уверены, что не видели и не слышали ничего необычного с того мига, как вернулись в дом через оранжерею и до того, как вернулись к себе в комнату?

- Я думала об этом с прошлого вечера, но не могу ничего вспомнить. Я полагаю, всё было как обычно – иначе я бы заметила. Я наблюдательна и хорошо знаю дом. Насчёт звуков... к ним я не прислушивалась. Если из вашей комнаты и доносился какой-то шум, я не обратила внимания. Хотя повышенные голоса или борьбу я бы услышала.

- У меня есть ещё один вопрос. Боюсь, он не очень приятен.

- Кажется, все ваши вопросы такие. Каков же он?

- Как вы затачиваете карандаши?

Её глаза расширились.

- Вы очень скрупулёзны, не так ли?

- Что же, это может помочь определить оружие убийства, но я не слишком на это надеюсь. Будь я убийцей, то выбросил бы нож в колодец или спрятал под камнем на дороге или как-то ещё избавился бы от него. Но сейчас я пытаюсь, понять, не пропало ли в доме какого-нибудь ножа.

- Мой нож не пропал. Вот он.

Девушка открыла пенал. Внутри были аккуратно уложены карандаши и индийская стирательная резинка. На своём месте нашёлся и нож с перламутровой рукоятью. Изабель протянула инструмент Джулиану.

- Вы им точите карандаши? – Он вытащил нож из чёрного бархатного чехла. Лезвие было трёх-четырёх дюймов в длину.

- Это не очень удобно. – Признала она. – Перочинный нож был бы удобнее и безопаснее. Тетушка Кэтрин всегда говорит, что этим я порежусь. Но этот нож принадлежал моему отцу. Это одна из немногих вещей, что остались от него – куда больше продали, когда он умер. У него были страшные долги.

- Кто был вашими родителями?

- Мой отец – Саймон Фонтклер. Его отец и отец дяди Роберта – братья, так что дядя Роберт мне не родной дядя, а двоюродный. Родители умерли от инфлюэнцы, когда мне было три года, и дядя Роберт с тётёй Сесилией взяли меня к себе. Они были очень добры. Отец не оставил мне не гроша. У него были все возможности разбогатеть – наполовину законченное изобретение, плантация на Барбадосе – но от них не было никакого толка. Это был слабый человек. – Лаконично закончила она. – Но он был Фонтклером.

Джулиан вернул ей нож.

- Вчера вы не оставляли этот пенал без присмотра между половиной пятого и шестью вечера?

- Нет. Он был при мне, когда я была в саду, и когда вернулась в дом. Никто не смог бы воспользоваться моим ножом, чтобы убить эту девушку. Кроме меня, конечно.

- Мисс Фонтклер, если вы видели или слышали что-то, из-за чего кого-то из членов

вашей семьи можно было бы заподозрить в убийстве, вы бы рассказали об этом? – Прямо спросил Джулиан.

Изабель стойко выдержала его взгляд.

- Нет, мистер Кестрель, не рассказала бы.

Глава 18. Показания Дика Фелтона

Вернувшегося в дом Джулиана позвали в кабинет сэра Роберта. Судья рассказал, что поиски в комнате, где нашли тело и вокруг, не дали ничего интересного – не было следов борьбы, ничего не украдено, не нашлось никакого намёка на то, как девушка или убийца попали в Беллегард. Сейчас поиски расширили на весь дом.

- Есть новости от Синдерби? – Спросил Джулиан.

- Нет, но он скоро должен вернуться и доложить, узнал ли что-нибудь от соседей. Наш пастор и его супруга недавно были у меня. Они сказали, что новости уже разнеслись по Олдертону и, конечно же, вызвали огромный переполох. Дай Бог, чтобы мы сумели быстро найти преступника и положить конец панике и этому болезненному любопытству.

«В искренность этой молитвы я верю. – Подумалось Джулиану. – Он и правда не может поверить, что виновным может оказаться кто-то из близких».

Сэр Роберт протянул Кестрелю большой лист пергамента.

- Роулинсон сказал, что вы хотели получить план дома. Вот чертежи нового крыла, что построили при моём отце. Архитектор сделал наброски и главного дома, и крыла прислуги, хотя их тогда не обновляли.

Джулиан разложил на столе планы первых этажей всех частей дома – главного дома, крыла прислуги, что примыкало к нему, и нового крыла, что отходило от угла главного дома. Точно же так Кестрель уложил чертежи вторых этажей. С высоты птичьего полёта Беллегард выглядел странно и непривычно. Большие и внушительные помещения, вроде холла и зала казались маленькими квадратиками, а комнатушки, вроде секретарского кабинета, напротив, будто были больше положенного.

- Я не могу представить, как кто-либо мог пройти через парадные двери и остаться незамеченным. – Сказал Джулиан. – Здесь негде прятаться – каретный двор, дорога, лужайка перед домом. На пути через сад и оранжерею больше мест, где можно укрыться, но лучше всего тайно проникнуть в дом через двор с липами или огород. – Он указал на небольшое пространство у задней двери. – Я думаю, эту комнату используют как приёмную для торговцев.

- Да. Торговцев и всех, кто приходит по какому-то делу в крыло прислуги.

- Кажется, она расположена прямо под кабинетом Роулинсона, что совсем рядом с моей старой комнатой. Так близко и так далеко.

Сэр Роберт кивнул.

- Любой, кто стоит у задней двери, может поднять глаза и увидеть вашу комнату, но чтобы попасть в неё, ему придётся либо вскарабкаться на стену и влезть через окно, либо пройти через заднюю дверь, преодолеть всё крыло прислуги, служебный коридор, пересечь холл и подняться по главной лестнице.

- Вскарabкаться по стене – это интересная мысль. Непохоже, чтобы кто-нибудь забирался на дерево, что растёт у окна – на земле там ни единого следа. Но под окном, в нескольких футах от стены – мощёная дорожка, на которой не останется ли следов, ни

отметин от лестницы. Конечно, трудно представить себе преступника, что оказался настолько дерзок, что принёс с собой лестницу среди бела дня, даже когда все слуги ужинали, а члены семьи были кто в доме, кто в округе. Кроме того, если лестница была, то куда она пропала? Убийца не мог слезть по ней обратно, ведь окно было заперто изнутри.

«Вы можете думать об этом, что угодно. – Подумал он. – Но вывод напрашивается один. Убийца был кем-то из обитателей дома – кем-то, кто мог тайком впустить девушку, привести в мою комнату и убить, а потом заняться своими делами, как ни в чём не бывало. Чтобы попасть в дом извне, совершить убийство и раствориться без следа, нужно быть или акробатом или фокусником».

- Мистер Кестрель!

- Да, леди Тарлтон?

- Я хотела поговорить с вами. Пойдёмте в библиотеку.

Внутри она повернулась к Джулиану лицом – голова высоко поднята, голубые глаза сверкают.

- Мой брат рассказал мне, что вы собираетесь играть в полицейского, вторгаться в нашу жизнь и задавать оскорбительные, возмутительные вопросы. Я не знаю, в каком притоне вы могли нахвататься таких манер, но воспитанные люди, пребывая в гостях в чужом доме не будут обвинять хозяев во лжи и совершении чудовищных преступлений.

- Я никого не обвинял. Я просто задаю вопросы. Некоторые ответы, что я получаю, делают общую картину менее ясной. Из-за этого я вынужден задавать больше вопросов – и я знаю, что тем самым рискую стяжать себе репутацию очень неприятного гостя.

- Вы не просто задаёте вопросы, мистер Кестрель! Прошлым вечером вы практически обвинили меня в прямой лжи.

- Я был озадачен тем, что вы рассказали. Это не хочу сказать, что вы лжесвидетельствовали.

- Лжесвидетельствовала! Как вы смеете!

- Леди Тарлтон, прошу прощения, если оскорбил вас. Поверьте, если бы на кону не стояли жизнь моего слуги и моя честь, я бы с радостью поверил вам на слово и не посмел бы грубо задевать ваши чувства.

- Вы льстите себе, мистер Кестрель. Уверяю вас, мои чувства вне власти такого надменного выскочки как вы. Я не знаю почему вы решили, что должны вмешаться в расследование. Почему вы не дадите Синдерби и особым констеблям заниматься им? Ради чего мы вообще назначаем их, как не для того, чтобы они делали необходимую, но неподобающую работу, до которой джентльмену и в голову не придёт опускаться?

- Если я вижу, как человек тонет или гибнет под копытами лошадей, я не спрашиваю себя, подобает ли джентльмену прыгнуть в реку или отогнать лошадей.

- О, я понимаю! Мы, стало быть, должны почитать вас как героя.

- Я не это имел в виду! – Кестрель был уязвлён. Он собрался, унял гнев и улыбнулся.

«Туше^[39], леди Тарлтон. – Признал он. – Но поединок ещё не окончен! Защищайтесь!»

Когда Джулиан снова повернулся к своей собеседнице, его взгляд задержался на цепочках, что та носила на поясе. Кестрель вспомнил, что они были у леди Тарлтон и вчера – ещё до того, как она переделалась к ужину. Пять тонких цепочек, каждая оканчивается кольцом, на котором видит какая-нибудь мелочь – сумочка, коробочка для напёрстков,

подушечка для булавок, изящная записная книжка.

- На что вы смотрите? – Требовательно спросила она.

- Я только что заметил, что одна из ваших цепочек пуста. Это та, на которой вы носите ножницы для вышивания?

- Опять ножницы! Неужели уронить ножницы и порезать палец, поднимая их – это преступление или поступок, что вызывает праведный гнев, мистер Кестрель?

- Один из нас и правда охвачен гневом, леди Тарлтон, но это не я.

- Вы ждёте, что я покажу свои сломанные ножницы. Если я пойду и принесу их, вы убедитесь, что я говорю правду?

- Это было бы очень любезно с вашей стороны. Благодарю вас.

Она изумлённо уставилась на него. Она вложила в эти слова столько сарказма, что не предполагала, что Кестрелю достанет наглости и правда послать её за ними. Но взять свои слова назад леди Тарлтон уже не могла. МакГрегор говорил, что у неё есть совесть, и он был прав.

- Очень хорошо, мистер Кестрель! Я не могу выразить, каким мелочным я вас нахожу – требовать у леди доказательств её честности! Но, если я должна своими руками вложить ножницы в ваши, чтобы вы поверили – да будет так. Подождите меня. – Она вышла.

Когда леди Тарлтон вышла, Джулиан принялся мерить библиотеку шагами, крутить два стоящих здесь глобуса (один изображал Землю, второй – звёздное небо) и блуждать взглядом по книгам. Они были расставлены по полкам в строгом порядке – по авторам и темам. Тот самый томик со стихами уже занимал подобающее ему место, среди других сочинений Поупа. Интересно, как сэр Роберт мог потратить четверть часа на то, чтобы найти его.

- Вот, мистер Кестрель. – Леди Тарлтон положила ножницы на один из длинных, отполированных столов и толкнула их в его сторону. – Если у вас есть ещё какие-нибудь поручения, по котором мне нужно будет сбегать, не стесняйтесь.

- Спасибо. – Он взял ножницы. Они были сломаны – разбиты на две части, а сами тонкие и острые лезвия – погнуты и поцарапаны. Кроме того, на них виднелись тёмные пятна, похожие на кровь. Скорее всего, кровь леди Тарлтон, но, как сказал МакГрегор, способа выяснить это нет. Таким маленьким, но острым лезвием можно было убить ту девушку. Но колющий удар, неважно, сколь жестокий, не мог оставить на металле царапин. С другой стороны, простое падение на пол на это тоже неспособно.

- Вы всё ещё что-то подозреваете, не так ли? – Спросила леди Тарлтон. – Вы собираетесь следить за нами всеми и допрашивать всех, в то время как настоящий, очевидный убийца уже сидит в тюрьме! Я с величайшим удовлетворением посмотрю, как его повесят!

- Я так не думаю, леди Тарлтон. Клянусь, чтобы предотвратить это, я переверну этот дом вверх дном и вытрясу душу изо всех и каждого, чтобы найти настоящего убийцу.

Она закрыла рот ладонью.

- И что же... что вы собираетесь делать дальше?

- Среди всего прочего, я буду расспрашивать мистера Крэдока. Я хочу больше узнать о той полянке в лесу, куда он ездил вчера.

Леди Тарлтон вся дрожала. Её кулаки сжимались и разжимались.

- В Беллегарде есть то, во что вы не должны вмешиваться.

- Должно быть. Но есть и то, во что я обязан вмешаться, и вся дьявольщина в том, что я не знаю, где что.

- Вы даже не догадываетесь, сколько вреда причините! Но вас это не заботит, верно? – Она горько рассмеялась. – У воронов ведь чёрное оперение? Тогда у вас, мистер Кестрель, подходящего цвета костюм для того, чтобы пировать на чужих бедах!^[40]

Обед подали ещё до того, как Джулиан смог поговорить с Крэдкоком. Во время перемены блюд слуга доложил, что вернулся Синдерби. Сэр Роберт и Джулиан поспешно извинились и отправились в кабинет судьи.

Синдерби привёл с собой двух человек. Первым был курносый парень лет семнадцати-восемнадцати с румяным лицом и непослушными каштановыми волосами. На нём были короткая куртка, запачканные штаны и башмаки. Второй оказалась женщина средних лет в выцветшем платье из коричневого ситца с рукавами, закатанными выше костлявых локтей. Седящие волосы были зачёсаны назад и покрыты соломенным чепцом.

- Вы знаете миссис Уоррен, сэр, – сказал Синдерби сэру Роберту, – и Дика Фелтона из «Синего льва». Это единственные, кого я нашёл, что хоть что-то слышали об убитой девушке.

Миссис Уоррен комкала в руках передник. Казалось, она ждёт, что её в любой миг обвинят. Фелтона же происходящее, кажется, забавляло. Он стоял, чуть покачиваясь на каблуках и бросая вокруг пронизательные заинтересованные взгляды.

Сэр Роберт заговорил:

- Вы здесь для того, чтобы рассказать мне всё, что вам известно о молодой женщине, что вчера вечером нашли убитой в этом доме. Мой секретарь – он показал на Роулинсона, – запишет ваши показания и попросит подписать. Я прошу вас рассказывать всё насколько возможно точно, подробно и, конечно, правдиво. Это очень тяжкое преступление, но я уверен, что с помощью добросовестных свидетелей, как вы, мы скоро предадим убийцу правосудию. – Он сел за стол. – Фелтон, начнём с вас. Прежде всего – ваше имя Ричард Фелтон, и вы конюх в постоялом дворе «Синий лев» в Олдертоне. Верно?

- Да, сэр. – Парень с готовностью шагнул вперёд. Лёгкий толчок от Синдерби заставил его вытащить руки из карманов.

- Когда вы впервые видели девушку, о которой идёт речь?

- Позавчера. Она приехала во «Льва» в жёлтой почтовой колымаге.

- То есть, в наёмном фаэтоне с парой лошадей.

- Да, сэр. Она наняла его в Хаммерсли. Я узнал кучера и лошадей.

- Хаммерсли – это деревня в десяти милях в югу от Олдертона. – Пояснил Джулиану сэр Роберт.

- Да, я помню. Сам менял там лошадей на пути из Лондона.

- Эта девушка приехала из Лондона? – Спросил сэр Роберт.

- Знать не знаю, откуда, сэр. Скажу только, что лошадей после Хаммерсли она уже не меняла.

- Вы видели её прежде?

- Я и в этот-то раз толком её не разглядел. У неё была вуаль на лице. Но мне уже показали тело – это точно та самая леди, как пить дать.

- У неё был багаж?

- Вот эта сумка. – Он указал на камвольную дорожную сумку с деревянными ручками, что стояла на столе позади него.

- Вы уже заглядывали туда? – Спросил Джулиан у Синдерби.

- Да, сэр. Я составил список того, что нашёл. – Констебль порылся в карманах, извлёк лист бумаги и сбивчиво зачитал. – Одно голубое платье, один носовой платок, одна расчёска, одно зеркальце, одна ночная сорочка, одна шляпка, одна... перемена дамского белья, одна нить с деревянными шариками и крестом.

- Чётки? – Удивился Джулиан.

- Должно быть, они, сэр. Я прежде не видел чёток.

- Да многие иностранцы таскают с собой чётки и бормочут, перебирая их. – Заявил Фелтон. – Будто так молитв не помнят.

- А девушка была иностранкой? – Спросил сэр Роберт.

- Да, сэр.

- Откуда вы знаете?

- Поговору, сэр.

- Хотите сказать, у неё был акцент? – Спросил Джулиан.

- В точку, сэр.

- Что за акцент?

- Иностранный акцент. – Нетерпеливо ответил Фелтон.

- Я имею в виду – какой страны?

- Я не знаю, сэр.

- А кто-нибудь знает? – Обратился сэр Роберт к Синдерби.

- Нет, сэр. – Признался констебль. – Она никому даже не назвала своего имени и почти ничего не рассказывала о себе.

- На вещах из сумки её имя тоже не указано? – Спросил Джулиан.

- Не указано, сэр.

- А как насчёт документов, ключей, ярлычков на одежде?

- Ничего, сэр.

Сэр Роберт и Джулиан обменялись озадаченными взглядами. Кестрель попытался изобразить лёгкий французский, итальянский и немецкий акцент, но Фелтон забраковал их, сказав, что ни один не похож на тот, с которыми говорила убитая. Сэр Роберт попросил его продолжить рассказ.

- Я помог ей выйти из фаэтона и вытащил её сумку. Она дала славные чаевые, и я покрутился немного вокруг, думая заработать ещё. Да и любопытно было. Она была незнакомой иностранкой, и одета шикарно. Лицо я не очень разглядел, но фигурка была такая, что лучшего и не пожелаешь.

- Это джентльменам выслушивать необязательно. – Проворчал Синдерби.

- Сэр Роберт велел быть рассказывать подробно и правдиво. – Парировал Дик. – Ну вот, я сказал, что если она пойдёт внутрь, я занесу её сумку. Но она за неё схватилась и давай озираться, воровато так. Сказала, что хочет остановиться в местечке потише, а не вроде нашего «Льва». Спросила меня, не знаю ли я такого рядом. Я сказал ей про миссис Уоррен – что у неё есть комната в коттедже, которую она сдаёт. Предупредил, что место простецкое – не по мерке таким как она, уж простите, миссис У. Но она сказала, что это неважно, если место приличное. Она так это подчеркнула, что я тогда и подумал, что это леди, а не – он подмигнул – не чья-то приятельница, если вы понимаете, о чём я. В общем, она решила, что остановится там, и спросила, далеко ли. Я сказал: «Да в двух шагах, мисс, отвезу вас в два счёта», но она тут же давай мяться и говорит, мол, спасибо, но она не хочет докучать мне, и

лучше если я ей просто скажу, куда идти. Я и сказал. Она дала мне ещё на чай – денег, должно быть, куры не клюют – взяла свою сумку и пошла. Я хотел было пойти ей вслед и узнать, что она делать собирается, да тут как раз подъехал «Безукоризненный» и надо было позаботиться о лошадях, пассажирам и всём прочем. Так что это был последний раз, когда я видел её... живой. – Мрачно закончил он.

- В котором часу это было? – Спросил Джулиан.

- Если «Безукоризненный» тогда не запоздал, стало быть, юная леди приехала чуть-чуть раньше семи.

- Если она шла по Олдертону пешком, её могли видеть деревенские. – Заметил сэр Роберт.

- Большинство местных были у себя дома. – Ответил Синдерби. – Либо так, либо встречали «Безукоризненного». Когда дилижанс подъезжает, никто не обращает внимания ни на что другое. Пара человек видела, как она сворачивает с главной улицы на дорожку, что ведёт в домику миссис Уоррен. Но после этого её не видел никто, кроме миссис Уоррен – до тех, пор пока её не нашли тут мёртвой.

Глава 19. Показания миссис Уоррен

Настала очередь миссис Уоррен. Первые вопросы судьи прошли без неожиданностей – её имя Дебора Уоррен, она живёт одна в коттедже в полумиле от Олдертона, её муж умер несколько лет назад, и теперь она зарабатывает, выращивая овощи и занимаясь вышивкой для свадеб и крестин. Коттедж, который она снимала у сэра Роберта, располагал свободной комнатой, которую миссис Уоррен могла сдавать квартирантам.

- И, о, сэр, у меня уже несколько недель как не было квартиранток, и мне нужны были деньги, иначе я бы нипочём её не пустила. Я прямо с порога подумала, что она не лучше, чем кажется – иностранка, да ещё ездит одна. Хороша собой, одета изящно – и без кольца на пальце! Но по ней было видно, что она сможет платить за комнату и стол, так что я не смогла дать её от ворот поворот. А она даже не заплатила! – Голос Миссис Уоррен превратился почти в завывания. – Это кара мне за то, что приютила эту девчонку под своей крышей! Прости меня, Господи, что говорю дурно о покойнице, но должно же быть с ней что-то неладно, иначе бы её так не убили!

- Сколько она вам должна? – Спросил сэр Роберт.

Миссис Уоррен, что утирала слезы передником, подняла глаза и заморгала в надежде.

- Я рассчитывала на два шиллинга, десять пенсов, сэр.

- Я выплачу долг. Роулинсон, будьте добры, рассчитайтесь с миссис Уоррен, когда она будет уходить.

- О, благослови вас Бог, сэр, спасибо! – Она шмыгнула носом. – Честно говоря, я не могу сказать, что она вовсе не собиралась платить – просто ушла вчера утром, оставив в доме сумку со всеми вещами, будто собиралась вернуться, но... но... – Её голос затих.

- Когда вы с ней впервые встретились? – Спросил сэр Роберт.

- Она постучалась в мою дверь примерно в полвосьмого позавчера. Не назвала своего имени, а я не спросила. Кажется, она и не хотела много о себе рассказывать, а я не стала спрашивать, потому что, как я говорила вам, сэр, я хотела, чтобы она осталась, и я не хотела знать о ней больше, чем нужно. Я называла её просто «мисс». Показала комнату, и она сказала, что ей подходит. Даже не стала спрашивать о цене. – Миссис Уоррен нахмурилась.

– Не знаю, что ещё вам рассказать. Я спросила, хочет ли она есть, и она сказала, что хочет.

- Она не говорила, почему приехала в Олдертон? – Спросил сэр Роберт.

- Нет, сэр.

- Вы не спрашивали, надолго ли она собиралась остаться? – Спросил Джулиан.

- О, сэр, теперь, когда вы упомянули об этом, я вспомнила, что спрашивала, и она сказала... Она сказала... Так сложно вспомнить точно! Я так потрясена всем, что произошло. Никогда в жизни меня ни в чём не обвиняли.

- Вас и сейчас ни в чём не обвиняют. – Заверил её Джулиан. – Вы помогаете закону разрешить очень запутанное дело, а мы все вам благодарны.

Она робко посмотрела на него.

- Я знаю, я хочу исполнить свой долг, сэр. Просто это очень трудно. Это... это был тяжёлый день.

«Мы делаем всё неправильно. – Подумал Джулиан. – Констебль притащил её в дом её арендодателя, Роулинсон записывает каждое её слово, и всё величие закона обрушивается на неё – неудивительно, что она сбита с толку и напугана. Нам стоило самим прийти в её коттедж, где она бы чувствовала себя спокойнее и увереннее. Думаю, мне стоит так и сделать, и посмотреть, не узнаю ли что-то новое».

Миссис Уоррен всё пыталась вспомнить, долго ли постоялица планировала у неё жить.

- Я думаю, она сказала, что сама не знает. Мы решили, что она переночует, а наутро даст мне знать, нужна ли ей ещё эта комната.

- Что она делала остаток вечера? – Спросил сэр Роберт.

- Она приходила на кухню ужинать – только поклевала, на самом-то деле. Потом вернулась в свою комнату и больше не выходила оттуда до утра.

- Откуда вы знаете?

- Моя комната прямо напротив её, а я сплю очень чутко, сэр. Я бы услышала, если бы ночью она выходила.

- Что произошло утром?

- Она вышла позавтракать – часов в семь, я думаю. Потом надела большую шаль и чепец с вуалью и ушла. И... И... Это последний раз, когда я видела её.

- Она сказала, куда идёт или когда вернётся?

- Нет, сэр?

- Какой дорогой она пошла?

- В сторону деревни. Но когда повернула за угол, я уже не могла её видеть.

- Но в Олдертоне она не появлялась. – Вставил Синдерби. – По крайней мере, я не нашёл никого, кто бы видел её. В общем, никто не видел её с тех пор, как она ушла от миссис Уоррен и до того, как её тело нашли здесь.

- Куда, кроме деревни ведёт та дорожка, по которой она пошла? – Спросил его Джулиан.

- Там есть ответвление, что идёт в главной дороге к Уитфорду, это к западу от Олдертона. Если она пошла по ней, её могли заметить. Тем утром была конская ярмарка – в Уитфорд должны было ехать много народу.

- Вы должны навести справки. – Распорядился сэр Роберт и добавил, несколько секунд спустя. – Ещё эта дорога ведёт на юго-восток через Олдертон в Беллегард.

Миссис Уоррен кивнула.

- Так я ей и сказала, сэр.

Все резко обернулись в ней.

- Почему вы сказали ей об этом? – Спросил сэр Роберт.

- Она... Она спросила меня, сэр. – Сглотнула миссис Уоррен.

- Она спросила вас, в какой стороне Беллегард?

- Да, сэр.

- Почему вы не говорили об этом раньше?

- Я забыла, сэр! – Её лицо сморщилось, и она поднесла ко рту носовой платок.

- Почему она упомянула Беллегард? – Мягко спросил Джулиан.

- Я показала ей комнату, а он выглянула в окно и сказала, а говорит она так смешно:

«Пожалуйста, а не можете вы мне сказать, где найти дом, который называется Беллегардом?» Я сказала, что это в одной-двух милях к юго-востоку. Я спросила: «А что вам нужно в Беллегарде, мисс?» И она будто бы испугалась немного и говорит, что ничего, просто слышала, что это очень красивый дом, и она, наверное, хотела бы увидеть его. Но, должна признаться, сэр, я... я почувствовала, что это неправда. Я решила, что она это только что придумала. О Боже мой, я должна была выставить её за дверь, я знала! Если кто спит у вас под крышей, а вы не можете ему доверять...

- Она больше ничего не рассказала вам о том, почему приехала в Олдертон или почему интересуется Беллегардом? – Голос сэра Роберта дрожал на грани отчаяния.

- Нет, сэр.

- Подумайте хорошенько. – Сэр Роберт наклонился к ней, нависнув над столом. – Упомянула ли эта девушка Беллегард или кого-нибудь из Беллегарда, когда была у вас в доме?

- Я так не думаю, сэр. Нет... нет, я уверена, что нет.

- Вы рассказали нам обо всем, что говорилось между вами и этой девушкой, как вечером, так и следующим утром?

- Ну да, я думаю, да, сэр... Но это трудно точно вспомнить.

Джулиан подумал: «Учитывая, что кто-то убил девушку в Беллегарде, мог ли он знать о том, что она приехала в Олдертон? Или её появление в особняке стало для будущего убийцы неприятным сюрпризом?» – и спросил миссис Уоррен:

- Для девушки приходили какие-нибудь письма?

- Нет, насколько я знаю, сэр.

- Кто-нибудь приходил к ней?

Миссис Уоррен покачала головой.

- У вашего дома не появлялись никакие посторонние в день, когда она приехала или на следующий?

- Нет, сэр. Я зорко слежу за незнакомцами. Когда живёшь одна, как я, да ещё немного на отшибе, всегда боишься воров.

Сэр Роберт поблагодарил Фелтона и миссис Уоррен, и Роулинсон проводил их. Дик уходил неохотно, женщина – с почти осязаемым облегчением.

Судья поднялся и обошёл вокруг стола.

- Это расследование очень необычно во всех отношениях. Обычно семья жертвы или друзья больше всего стремятся предать убийцу правосудию. Но поскольку мы всё ещё не знаем никого из близких этой девушки, мне придётся и дальше в одиночку нести ответственность за следствие. – Он повернулся к Синдерби. – Вы должны удвоить усилия и найти ещё кого-нибудь, кто видел её или говорил с ней. И ещё раз опросите моих слуг.

Теперь мы знаем, что у неё был акцент – может быть, это освежит кому-нибудь память.

- Ещё мы узнали, что она меняла лошадей в Хаммерсли по дороге из Лондона. – Напомнил Джулиан. – Если она приехала из Лондона, то должна была сменить лошадей хотя бы дважды. Конюхи и кучеры могли её запомнить. Должна же она была хоть парой слов перебраться с хозяевами постоянных дворов или попутчиками. Кроме того, её могли запомнить у платных ворот^[41].

Сэр Роберт кивнул.

- Один из особых констеблей должен будет проследить её путь до самого начала. Он должен заезжать на каждый постоянный двор и платные ворота, через которые она проезжала, и узнать всё возможное о том, кто она, зачем сюда ехала и были ли у неё спутники. В конце концов, узнав, откуда она прибыла, мы сможем навести справки там.

Джулиан не надеялся, что по пути девушка рассыпала за собой хлебные крошки. Она явно хотела скрыть свою личность и своё путешествие в тайне. Она даже не назвалась никому в Олдертоне, переночевала в удалённом коттедже, а на следующий день покинула его ранним утром, чтобы появиться в Беллегарде будто по волшебству уже к вечеру. С другой стороны, у неё была приметная и привлекательная внешность. Кто-то где-то мог подметить что-то важное. Конечно, если она приехала из Лондона, найти её следы там будет под силу лишь дьяволу. Придётся давать объявления, обещать награду. И полицейские с Боу-стрит почти наверняка за это возьмутся.

Пока что Кестрель решил отрешиться от этих мыслей. Теперь ему нужно поехать в Олдертон и посмотреть, как устроили Брокера. Он решил оставить миссис Уоррен в покое до завтра – ей нужно немного отойти от сегодняшнего допроса. Кроме того, он решил выполнить обещание, что дал доктору МакГрегору. Ему нужен был долгий и обстоятельный разговор о Фонтклерах.

Джулиан решил не ехать в деревню по главной дороге, а прогуляться через уголья – густой лес к северу и северо-западу. Возможно, именно этим путем девушка и добралась до Беллегарда. Если идти по главной дороге, не миновать самого центра Олдертона, где её точно бы заметили. Конечно, она могла обойти деревню с юга и попасть в Беллегард через парк, английский сад и оранжерею. Но в лесу было меньше людей, там проще спрятаться, а потому он явно больше бы привлёк девушку, что так заботилась о секретности.

Интересно, откуда она могла знать путь, который выбрала – каким бы он не был. Она ведь спрашивала миссис Уоррен, в какой стороне Беллегард, как будто вовсе не знала этих мест. Быть может, это убийца встретил её, показал дорогу? Или она сама спросила у кого-то, в какую сторону идти? Но если последнее окажется правдой, то где искать этого «кого-то»?

Дорога до Олдертона через уголья заняла почти час, но Кестрель шёл медленно, изучая места, мимо которых проходил. К счастью, погода оставалась хорошей, и солнце помогало Джулиану находить нужную дорогу в лабиринте извилистых тропинок. Тут и там виднелись сломанные ветки и примятые листья – это позволяло предположить, что недавно кто-то здесь проходил, но ночной дождь смыл все следы. Время от времени деревья расступались, образуя полянки. Должно быть, на одной из таковых и побывал вчера Крэддок.

Он вышел из угодий около ручья, что бежал вдоль главной дороги. Рядом со старым, заброшенным зданием, что в прошлом явно служило мельницей, нашёлся мостик. Джулиан пересёк его и прошагал четверть мили по дороге, повернул на юго-восток, и вскоре оказался

в Олдертоне.

Здесь уже появились любопытствующие. Люди появлялись из домов и прекращали работу, чтобы поглазеть на него с безопасного расстояния – видимо, на тот случай, если он окажется драчливым или сумасшедшим – ведь вся деревня знала, что убитую девушку нашли в его кровати, и что его камердинер брошен в тюрьму по подозрению в убийстве. Стараясь на обращать внимания на наблюдателей, Кестрель добрался до сапожной мастерской Синдерби и сказал ему, что хочет повидаться с Брокером.

Брокеру выделили отдельную камеру – и это к лучшему, ибо камеры здесь едва ли составляли десять футов в ширину. Камера походила на улей с небольшой сводчатой крышей и дверьми, запёртыми на замок. Единственным источником света служили две маленькие щели высоко в кирпичной стене. У одной стены лежал соломенный тюфяк, с другой – импровизированная уборная. Запах стоял отвратительный.

- Вам не стоило сюда приходить, сэр. – Поприветствовал Джулиана Брокер.

- Ни одному человеку не стоило оказываться здесь. Но если ты провёл тут ночь и день, дерзну предположить, что вынесу пару минут.

- Тут не так плохо, сэр. Бывали у меня гнёздышки и похуже. Вчера был обогрев. – Он указал на маленькое прогоревшее кострище. – И кормёжка отличная. – Добавил он. – Думаю, вам нужно будет вычесть это из моего жалованья, сэр.

- Вычесть что? – Невозмутимо переспросил Джулиан.

- То, на что вы раскошелились за меня. Я же не олух какой, сэр, в холодной с детства бывал, и знаю, что там не живут так шикарно, если только кто тюремщика не подмаслил. И вот что я скажу – вам стоит удержать это из моего жалованья, сэр, потому что если бы я не попытался облапошить сэра Роберта, то не попал бы сюда.

- Мне неважно, как именно ты проложил себе путь в этот Эдемский сад. Я не хочу, чтобы ты вышел отсюда больным или бесполезным. А значит, я должен позаботиться о том, чтобы ты здесь жил получше сточной крысы.

- Но это не значит, что я не должен заплатить за это, сэр.

- Я отказываюсь с тобой спорить. Это глупо, недостойно, и я больше не желаю об этом слышать.

Брокер сдался.

- Как ваша охота, сэр?

Джулиан рассказал всё, что узнал об убитой девушке.

- И она говорила с иностранным акцентом. – Закончил он. – Но, конечно, это лишь предположение. Если уж она скрывала лицо вуалью, то почему бы не изменить и голос?

- Это старый трюк, сэр. – Согласился Брокер.

Появился Синдерби и сказал, что должен запереть тюрьму, чтобы вернуться к расследованию.

- Я зайду завтра. – Пообещал Джулиан.

- Я думаю, не стоит, сэр. Иначе потом мне придётся стирать и сушить ваш костюм несколько дней.

- Думаю та девица, Молли, будет счастлива помочь тебе. С тех пор, как тебя увели сюда, она столько плачет, что её стило бы просушить саму.

Выйдя из тюрьмы, Кестрель заморгал – во тьме глаза отвыкли от солнца. Неподалёку собралась небольшая толпа. Джулиан снял шёлковый цилиндр и ответил зрителям поклон, отчего они в смущении разошлись. Криво улыбнувшись, он обернулся к Синдерби и спросил,

где живёт доктор МакГрегор.

Глава 20. Список подозреваемых

- Ну что же, начнём. – Сказал МакГрегор, рухнув в уютное мягкое кресло. – Кого из Фонтклеров вы уже записали в хладнокровные убийцы?

Они с Джулианом сидели в задней гостиной. Это была холостяцкая комната, маленькая и уютная, с мебелью достаточно старой, чтобы можно было безнаказанно обращаться с ней без лишней осторожности. Джулиан, вытянув ноги, устроился в кресле-качалке.

- Я ещё не решил. Пока что я совершенно открыт и беспристрастен в своих подозрениях. Суть в том, что обвинить можно любого из Фонтклеров, кроме Хью.

- Вы понимаете, что говорите? По вашим словам, член чрезвычайно уважаемой старинной семьи – семьи, что породила героев войны, членов парламента, цвет сельского общества – преступник. Более того – не сразивший свою жертву в честном бою, а трусливый вероломный убийца, что бьёт кинжалом в спину и лжёт! Я знаю Фонтклеров около тридцати лет. Сэр Роберт – один из самых честных и совестливых землевладельцев, что вы когда-либо встретите. Леди Фонтклер обожает весь приход. Она знает по именам всех в Олдертоне, а для тех, кто попал в беду, к ней всегда найдётся доброе слово и открытый кошелек. Остальные... Что же, у них есть свои недостатки, но я не верю, что кто-то из них – убийца, и не поверю, пока не увижу веские, неопровержимые доказательства.

- Хотел бы я их иметь. Но то немногое, что мы сегодня узнали, порождает больше вопросов, чем разрешает. – Он рассказал МакГрегору, чем поделились Фелтон и миссис Уоррен.

- Похоже, нам очень мало известно. А вы всё равно убеждены в виновности кого-то из Фонтклеров.

- Или мистера Крэдока.

- Отлично, изложите всё, что у вас есть против каждого из них. Я слушаю.

- Слушаете в очень воинственном расположении духа и готовы вцепиться в каждое слабое место моих измышлений, как разозлённый шотландский терьер.

- Если вы не хотите услышать честного мнения, вам лучше придержать свои измышления при себе.

- Я хочу. Потому и пришёл.

- Ну так начинайте. – Проворчал МакГрегор.

- Думаю, неважно, с кого начинать. Пусть первой будет леди Тарлтон – сомневаюсь, что она бы оценила такую честь, окажись она тут. Никто не может подтвердить, где она была между половиной пятого и шестью. У неё серьёзный порез на руке, который она объясняет тем, что уронила ножницы для вышивания и порезалась, когда поднимала их. Я видел эти ножницы – они погнуты и поцарапаны – чтобы прийти в такое состояние от падения, им нужно было рухнуть в бездну.

- И вы предполагаете, что на самом деле она порезала руку, когда закалывала девушку?

- Я лишь говорю, что это возможно. Вы сами говорили, что убийца мог быть женщиной. И вы сказали, что нет способа определить вся ли кровь на кровати и умывальнике принадлежала жертве.

- Есть у вас предположения, отчего леди Тарлтон настолько потеряла голову, что набросилась на юную девушку с ножницами?

- Мотивы – это ахиллесова пята моих построений. Мы не знаем, кто эта девушка, не знаем ничего о ней – как я могу предположить, почему кто-то захотел убить её? У леди Тарлтон дьявольский характер, она была в ярости от грядущей свадьбы Хью и мисс Крэддок ещё того как я приехал в Беллегард. Я легко могу представить, как она прибегает к насилию, чтобы остановить её – но как убийство посторонней девушки может помочь этому? Разве что отсрочить на время. Не могу представить сэра Роберта, что устраивает свадебные торжества для своего наследника, пока над его домом и деревней витает призрак нераскрытого убийства.

- Это правда, леди Тарлтон как с цепи сорвалась, услышав о свадьбе Хью. Но этого от неё можно было ждать. Крэддок был беллегардским конюхом, много лет назад – думаю, вы знаете. Это не может не раздражать их всех.

- Гэй говорил, что Крэддока уволили именно из-за леди Тарлтон. Вы не знаете почему? Ведь вы живёте в Олдертоне достаточно, чтобы помнить Крэддока-конюха.

- Я помню, что слышал о том, как его прогнали, но никто не называл мне причин, а я не спрашивал. Фонтклеры могут делать в Беллегарде и за его пределами то, что им нравится. С ними нельзя не считаться, Кестрель. Немногие отважатся обвинить одного и них в убийстве. Вы увидите на дознании. Попомните мои слова – коронер будет с них пылинки сдувать. Вы не услышите, как он требует от леди Тарлтон объяснить, откуда у неё порез.

- Вот и правосудие. – Иронично заметил Джулиан.

МакГрегор не мог возразить. Никто не может, не покрывив душой, сказать, что английская Фемида носит повязку на глазах. Если Кестрель хотя бы намекнёт на виновность кого-то из Фонтклеров, ему придётся пробиваться сквозь все возможные сомнения. Малейшая слабость – и высота положения защитит Фонтклеров от возмездия, хотя подозрения и сплетни могут отравлять их жизнь ещё несколько поколений.

Джулиан нарушил молчание.

- Вы знаете что-нибудь о муже леди Тарлтон? Как я понимаю, он живёт за границей.

- Живёт и уже давно. Кажется, она не слишком-то истосковалась по нему. Она получила большое состояние и его дом в Саффолке – хотя никогда не ездит туда. Если вы спросите меня, то она всегда считала себя в первую очередь, одной из Фонтклеров, и только вторую – если не в третью или четвёртую – женой сэра Бертранда. После того как он уехал – а может быть даже до этого – она стала проводить почти всё время в Беллегарде, лишь во время сезона уезжая в Лондон. Думает, что знает, как управлять этим имением лучше, чем леди Фонтклер. Вечно говорит ей, что делать, но леди Фонтклер, добрая душа, хотя бы делает вид, что внимает ей.

- Между леди Тарлтон и сэром Бертрандом были ссоры?

- Постоянно. Она вечно высмеивала его на людях, выставляя его трусом и слабаком. Которым он и был, не могу отрицать, иначе не позволял бы ей вить из себя верёвки. И она была очень расточительной. У Тарлтона был толстый кошелёк, но она постоянно устраивала ему кровопускание, а он не мог понять, на что уходят деньги. Не могу сказать, что она потратила их просто назло ему, но такая неводержанность в тратах водится за Фонтклерами. Вы же видели Гэя. Отец Изабель тоже был таким.

- Саймон?

- Именно. Двоюродный брат сэра Роберта – но они земля и небо. Саймон никогда не жил по средствам. Всегда пытался подражать тем, у кого доход выше в десять раз. Он женился на женщине, у которой ума было не больше чем у него, и вместе они задумали

разбогатеть, благодаря плантации на Барбадосе. Но дело не пошло. Они вернулись домой бедными как церковные мыши и с дочкой на руках. Бог знает, как они справлялись. Жили они в Лондоне, так что я нечасто их видел. Я думал, они занимали у сэра Роберта. Хотя мне жаль об это говорить, я не могу умолчать о том, что Саймон ввязался в дела...

- Не совсем честные?

- Вероятно. Они были не очень щепетильными, Саймон и миссис Саймон. Не хочу говорить плохо о покойных, но хорошо, что Изабель теперь живёт не с ними, а сэром Робертом и леди Фонтклер.

- Интересно, есть ли во всём этом что-то, что поможет пролить свет на убийство?

- Это древняя история по большей части. Я не вижу, как это может быть связано с преступлением, что совершено вчера.

- Корни некоторых преступлений тянутся к событиям, что случились десятки, а то и сотни лет назад. В Италии, где я немного жил, ссоры часто переживают ссорившихся и передаются из поколения в поколение, как фамильное серебро. Не берите в голову, давайте вернёмся к моим соображениям против Фонтклеров. Мы уже заговорили о Гэе. У него нет алиби на интересное нам время. Ещё мальчишкой он жил в той комнате и не раз незаметно покидал её – хотя обычно через окно, а убийца этого сделать не мог. Он очень остро отреагировал, когда увидел тело девушки. И я не знаю, имеет ли это какое-то значение, но он выходил на улицу прошлой ночью, когда был страшный ливень и испугался, когда, вернувшись в дом, столкнулся со мной уже на рассвете. Опять-таки, нет мотива, но очень клонит поразмышлять о любовной ссоре или сорвавшемся соблазнении. Хотя я не знаю, почему мы должны распространять подозрения такого рода лишь на Гэя. Полковник Фонтклер, как известно, тоже питает слабость к молодым пташкам – то есть, совсем юным девушкам.

- Полковник Фонтклер – образцовый офицер, герой Пиренейской войны.

- Иными словами – он отлично умеет убивать.

- Хладнокровно убить женщину – это совсем не то же, что убивать мужчин в бою!

- Я понимаю. Но мужчина, что прошёл долгую и жестокую войну, привычен отнимать человеческую жизнь куда больше тех, кто не испытал того же. Полковник Фонтклер был задумчив и угрюм с того мига, как я приехал в Беллегард. У него нет алиби на время с половины пятого до пяти, когда он уезжал прокатиться. Слуги, что видели, как он уезжает, говорили, что он скакал так, будто за ним гнался дьявол.

- Он калека. – Напомнил МакГрегор.

- Он может ходить. Он легко мог справиться с худенькой, юной девушкой. Помните, как нас интересовало, откуда на стене взялись кровавые следы от пальцев? Калека вполне мог опереться о стену.

МакГрегор встал и зашагал туда-сюда, то и дело запуская руку в волосы.

- Да вы можете убедить меня во всём, что угодно. Но есть тысяча причин, по которым на стене оказались эти отпечатки.

- Есть и ещё кое-что. В день перед убийством, вечером, после ужина леди Тарлтон водила меня в оружейную. Мы встретили там полковника и леди Фонтклер. Она обнимала его за плечи. Она говорила: «Это глупо и неправильно. Пообещай, что больше не будешь думать об этом».

МакГрегор вздрогнул.

- Но... Но это может значить всё, что угодно! Вы не можете думать, что он рассказал ей

о том, что замыслил убийство!

- Я не знаю, о чём он говорил.

- Этому может быть масса объяснений. – Настаивал доктор. – Эти двое всегда держатся вместе. Они большие друзья уже много лет. Когда-то он хотел на ней жениться.

- Вот как?

- Не смотрите на меня так, будто я выкопал вам сундук с сокровищами! Это не тайна. Полковник встретил её и ухаживал за ней ещё до сэра Роберта. Он был молодым красавцем-офицером, и разбил немало сердец. Я не знаю, делал ли он ей предложение. Потом появился сэр Роберт, влюбился в неё по уши и ему сопутствовал успех. Полковник же женился на матери Гэя, которая умерла ещё до того, как Гэй стал носить штаны. Вот и всё.

Джулиан задумался. Он вспомнил полковника и леди Фонтклер, что рука об руку выходили из оружейной. В ушах звучал вкрадчивый голос леди Тарлтон: «Трогательно, не правда ли? Как они пекутся друг о друге».

- Послушайте, – сказал МакГрегор, – когда вы говорили, что убийцей может оказать любой Фонтклер, кроме Хью, вы ведь не имели в виду и леди Фонтклер?

- Нет, имел. Но мы обойдём её, если вы хотите.

- Нет уж, я выслушаю всё, что вы скажете. Лучше сразу узнать худшее.

- Вы же знаете, мне она тоже нравится.

- Вам никто не нравится, и вы всех подозреваете!

- Я не могу себе позволить... Да что толку! – Он поднялся. – Вы хотите прекратить этот разговор и этот визит?

- Да по стойте вы! Разве я просил вас уходить?

- Не прямо.

- Тогда сядьте и успокойтесь! Вам стоит узнать, что не стоит принимать близко к сердцу то, что я говорю в запале.

Джулиан улыбнулся и сел.

- Итак, дело против леди Фонтклер. Оно не очень убедительно. Если сэр Роберт говорил правду, то он оставлял её одну лишь на четверть часа в отрезок между половиной пятого и шестью. Но даже в эту четверть часа она не оставалась одна – через оранжерею проходила мисс Фонтклер и говорила с ней. Возможно, у леди Фонтклер и было достаточно времени, чтобы впустить жертву через оранжерею, проводить в мою комнату и убить. Но даже если допустить, что она имела возможность это сделать, я очень сомневаюсь, что она могла.

- Тогда почему бы не вычеркнуть её из списка?

- Дело в нескольких тревожных фактах. Леди Фонтклер говорила, что вы учили её медицине – как обрабатывать раны, извлекать осколки и тому подобное. Стало быть, она обладала кое-какими познаниями в анатомии и привычнее большинства к тому, чтобы резать людскую плоть. И, конечно, она лучше всех знала дом и распорядок дня в нём. Скорее всего, именно она решила, что я буду жить в той комнате. И она не раз напоминала Хью о том, чтобы он увёз меня осматривать окрестности после обеда.

- Чтобы расчистить себе путь и убить девушку в вашей комнате, пока вас нет? Кестрель, я знаю её так же, как вы знаете своего слугу. Она не могла сделать ничего подобного. Я могу представить её схватившейся за пистолет или нож... ну, скажем, если в дом ворвётся грабитель и будет угрожать её детям. Но она нипочём не стала бы планировать убийство в Беллегарде и рисковать благополучием членов своей семьи или даже своих слуг, на которых может пасть вина.

- Это могло быть и не спланированным преступлением. Но, признаю, ваши слова звучат убедительно.

- А что насчёт сэра Роберта? Он тоже у вас в списке?

- Да, но обрадую вас, шансы, что он не имеет никакого отношения к убийству так высоки, что на это можно ставить всю Ломбард-стрит против одного медячка. У него есть алиби почти на всё интересующее нас время – если только он и леди Фонтклер не лгали, чтобы защитить друг друга. А учитывая его чувство справедливости и совесть, дьявольски трудно представить совершающим такое преступление. Намного проще представить, что сэр Роберт боится того, что виновен кто-то из членов семьи. Вопрос в том, подозревает ли он кого-то определённого? И насколько далеко готов зайти, чтобы защитить этого человека?

- Я не хочу даже думать о том, с какой дилеммой он столкнётся, если решит, что убийца – кто-то из его близких.

- Есть вариант и похуже.

- Что может быть ещё хуже?

- Виновным может быть не один человек. Двое или больше могли спланировать и совершить убийство вместе.

МакГрегор вцепился в свои волосы.

- Послушайте, Кестрель, почему это не может быть делом рук какого-нибудь злобного крестьянина, что решил напасть на местного сквайра? Такое случается, хотя в Олдертоне этого не бывало уже Бог знает сколько лет.

- Я немного знаю о таких случаях, но разве сперва не присылают записки с угрозами и требованиями?

- Да, наверное. – МакГрегор тяжело вздохнул и снова принялся ходить.

- Наконец, есть мисс Фонтклер. Против неё немало свидетельств. Она признала, что проходила близко от моей старой комнаты примерно в двадцать минут шестого. У неё был с собой пенал, в котором есть маленький, но очень острый нож, которым она затачивает карандаши. Этого она и не скрывала – может быть, оттого, что ей нечего скрывать – а может быть, пытаясь обезоружить нас напускной искренностью. Наконец, третья возможность – она пытается увести подозрение от кого-то ещё.

- Кого?

- Не знаю.

Он подумал, что самая очевидная кандидатура – леди Фонтклер, о встрече с которой в оранжерее говорила Изабель. Но что если она лгала? Если леди Фонтклер не было в оранжерее, когда оттуда уходил сэр Роберт? Что если Изабель видела её не там, а чуть позже в комнате Джулиана?

- Конечно, мисс Фонтклер в роли подозреваемой, вызывает некоторые трудности. – Продолжил он. – Она была вне дома большую часть того времени, когда была могла быть убита жертва. Она могла провести девушку через оранжерею – но тогда придётся предположить сговор между ней и леди Фонтклер, которая говорила, что Изабель пришла одна. Она могла впустить девушку через парадную дверь, но как раз в это время Майкл впускал в дом мисс Крэдок. Да, все они могли разминуться, но это слишком неправдоподобно. И опять же, мотив остаётся загадкой. Зачем, чёрт побери, хоть кому-то из них убивать эту девушку?

Теперь мистер Крэдок. Он говорил, что ходил в уголья. Он мог встретить жертву там – случайно или намеренно – и устроить всё так, чтобы она пошла с ним в дом. Он вернулся в

Беллегард, позвонил, Майкл открыл ему дверь, а потом сам пошёл в людскую, а Крэддок – поднялся к себе. Его окно выходит на передний двор – он мог видеть девушку, спуститься вниз и впустить её через парадную дверь. Потом привёл её в мою комнату, зная, что меня нет, и что в этой части дома в этот час вообще никого не бывает. Но опять же...

- Я знаю. – Угрюмо сказал МакГрегор. – Нет мотива.

- Именно. Единственное, что я заметил – когда он сказал, что ездил в уголья, леди Тарлтон очень обеспокоилась. Полжизни бы отдал, чтобы узнать, что у них за история.

- Крэддок последний в вашем списке. Но нравится вам это или нет, ваш слуга всё ещё под подозрением.

- Знаю. Чёрт побери Брокера – зачем было врать?

- Будем надеяться, что ложь – его единственный проступок.

- Так и есть, клянусь вам. Интересно....

- Каждый раз, когда вы говорите «интересно», я понимаю, что назревают неприятности.

Что на этот раз?

- Может ли быть, что я сам вовлечён в убийство неизвестным мне способом? Оно произошло в моей комнате. Я с самого начала думал, что о том, как странно, что я сюда приглашён. Мы с Хью едва знаем друг друга.

- Тогда почему он попросил вас быть его шафером?

- Он сказал, что между его семьей и Крэддоками неминуемы сцены, и надеялся, что моё присутствие всё смягчит. Истина в том, что он принял меня за рыцаря из романов Вальтера Скотта, потому что я один раз вытащил его из игорного притона. Блистать в лондонском свете не так безопасно. Я не возражаю, когда кто-то копирует построй моего сюртука или манеру речи, но ненавижу, когда меня держат за героя.

- Это большая ответственность – оправдывать восхищение юноши. Ведь куда проще дурить людей изысканными манерами и костюмами. Блистать так, чтобы они не доискивались того, что кроется под этим блеском. – Доктор немного смягчился, глядя на ошеломление на лице молодого человека. – Задел за живое, да? Ничего не могу поделать – я должен был сказать то, что думаю. Дело в том, что я ненавижу транжир, а вы, как мне кажется, ведя такую жизнь, транжирите свои дарования. С вашим умом вы могли стать барристером, учёным – доктором, наконец. Разве это не лучшее применение уму, чем изобретение новых способов завязать шейный платок или отполировать пару ботинок?

- Наверное. Но, видите ли, у меня нет образования. Мой отец был джентльменом, но женился на актрисе, и семья отказалась от него, оставив без гроша. У меня нет ни значимых денег, ни связей. В нашей Англии, благослови её Бог, нет профессии для человека, вроде меня. Если бы я не одевался так хорошо, то оставался бы невидимкой.

Кестрель встал. Пора было возвращаться в Беллегард – он мог опоздать на ужин. Он вышел в прихожую, взял шляпу и трость. МакГрегор последовал за ним и схватил гостя за руку, когда тот уже собирался выходить.

- Кестрель?

- Что?

- Ты не чувствуешь себя как Даниил, вышедший невредимым из рва со львами, а потом возвращающийся назад? Если ты правда веришь, что один из Фонклеров – убийца, как ты можешь сидеть с ними за одним столом, спать под их крышей?

- У меня нет выбора. Расследование сосредоточено на Беллегарде, и я хочу быть в центре событий. Кроме того, так проще приглядывать за Фонтклерами. Рано или поздно,

маска соскользнет с убийцы, пусть и всего на дюйм. Я должен быть там, когда это произойдет.

- А ты не думаешь, что человек, достаточно жестокий, чтобы заколоть девушку в спину, не будет долго думать перед тем как сделать то же с тобой, если почувствует, что ты его вот-вот выведешь на чистую воду?

- В таком случае, в Беллегарде мне будет безопаснее чем где бы то ни было. Ещё одно убийство в доме Фонтклеров неотвратимо навлечёт на них подозрения.

- Бога ради, Кестрель! Ты хочешь быть следующим, кого найдут в чьей-то кровати с ножом в спине?

Джулиан осознал, что МакГрегор действительно беспокоится о нём. Он был тронут.

- Мой дорогой друг, не стоит беспокоиться.

- Я не беспокоюсь. – Пробормотал МакГрегор. – Просто думаю, что мёртвым ты доставишь ещё больше хлопот, чем живым.

Глава 21. Потерянные и найденные

На следующее утро обитатели Беллегарда отправились в олдертонскую церковь. Часть Фонтклеров – особенно полковник и леди Тарлтон – вовсе не хотели показываться на людях после убийства, но сэр Роберт настоял. Фонтклеры должны были явить миру своё честное и уверенное лицо – это вопрос гордости семьи и спокойствия деревни. Воскресная служба – отличная возможность появиться в обществе и показать, что им нечего бояться и стыдиться.

В церкви семью встретила волна перешёптываний. Поворачивались головы, родители поспешно укоряли детей за то, что те тычут пальцами. На Фонтклеров и их гостей были устремлены все взоры вплоть до тех пор, пока они не заняли свои места для семейной скамье. Священнику оказалось не так просто привлечь и удержать внимание паствы. Кажется, он сам был не уверен, насколько открыто можно касаться убийства. Призывая прихожан помолиться за упокой души убитой, он бросил неловкий взгляд на Фонтклеров, будто боялся оскорбить их, привлекая внимание в произошедшему в их доме. Определённо, он не хотел ссориться с сэром Робертом – скорее всего, именно от него он и получил олдертонский приход. Впрочем, если бы священник лучше знал своего покровителя, то понимал бы, что никого больше не порадовало бы то, что за жертву молиться вся община. Сэр Роберт и сам бы молился горячее остальных, если бы знал или подозревал, что к смерти девушки приложил руку кто-то из его близких.

Джулиан, что в церкви бывал редко и больше интересовался там музыкой, чем молитвами, был удивлён тем, как служба успокоила его. Старые, звучные слова обладали огромной успокаивающей и вдохновляющей силой. В такие минуты он, столкнувшийся с непростой задачей и устрашающей ответственностью, был рад почувствовать, что кроме собственной воли, его поддерживает нечто иное. Некоторые спутники явно с трудом могли сосредоточиться на службе, постоянно ловя на себе взгляды деревенских и слыша их бормотание. Леди Тарлтон кипела от негодования, хотя и пыталась выглядеть равнодушной. Полковник был задумчив и будто пристыжен. Гэя снесало такое беспокойство, что едва мог усидеть на месте.

Глаза Мод была закрыты, а голова – опущена на тесно сплетённые пальцы. Просила ли она наставления о том, стоит ли раскрывать известный ей секрет? Неожиданно Джулиан понял, что она всё расскажет. Мод Крэддок так честна, так добросовестна, что не сможет

хранить эту тайну. Сэру Роберту понравилась бы такая невестка, если он получше знал её.

После обеда из холодного мяса, желе и бланманже, за которым леди Тарлтон была особенно невыносима, Джулиан отправился навестить миссис Уоррен. Утром он видел её в церкви, и она показалась ему бодрее, чем вчера. После службы женщину окружила толпа деревенских, засыпавших её вопросами о загадочной постоялице. Джулиан, видя, что она тщетно пытается отбиться от любопытствующих, подошёл поближе. Когда собравшиеся повернули к нему восхищённые взгляды, миссис Уоррен успела ретироваться.

В Олдертон Кестрель поехал верхом, объехав парк с юга. Для жертвы это было бы самым лучшим способом добраться до Беллегарда, чем идти через угодья. Там дурная дорога могла замедлить её, а потеряться среди извилистых тропинок ничего не стоило. Да, она могла испачкать обувь и порвать юбку в пути через лес, но зелёные пятна на подоле остались скорее от высокой травы, чем от подлеска.

Миссис Уоррен жила в маленьком, квадратном доме из побелённого кирпича с голубой дверью и наличниками. Краска уже облупилась, в соломенной крыше виднелись прорехи, но огород рядом с домом носил следы тщательного ухода. Вокруг дома и сада стояла белая изгородь.

Когда Джулиан привязал лошадь и приблизился к дверям, в окне между длинных штор показалось лицо миссис Уоррен. Кажется, она была скорее встревожена, чем рада его появлению. Тем не менее, женщина отворила дверь и позволила гостю войти, нервно заправляя под чепец выбившиеся оттуда пряди волос.

- Я бы оставила открытой дверь и такой погожий день, но боюсь, что убийца ещё бродит где-то здесь. Как вы думаете, смогут скоро его поймать, сэр?

- Уверен, что смогут. Чем больше они узнают о жертве, тем лучше это будет – именно поэтому я испытываю ваше терпение, явившись сюда, чтобы задать вам ещё несколько вопросов, надеюсь, что вы вспомните что-нибудь ещё.

- Я бы не замедлила рассказать, если бы что-то ещё помнила. Боже мой, я хотела бы лучше всё запомнить!

- Я думаю, вы сможете вспомнить всё очень ярко, если сосредоточитесь. У меня есть идея. Давайте я постучу в дверь, как та девушка, вы меня впустите, и мы разыграем тот разговор, что бы у вас в тот вечер, когда она приехала.

- Как будто спектакль, сэр?

- Да, но вам не нужно быть миссис Сиддонс^[42]. Просто отведите меня туда, куда отвели её, и попытайтесь вспомнить всё, о чём говорили с ней и что делали.

В глаза миссис Уоррен читалась неуверенность, но потом она кивнула.

- Я попробую, сэр.

Кестрель вышел и постучал. Миссис Уоррен ответила с той стороны двери:

- Я услышала стук, сэр, и ответила: «Кто там?», а в ответ услышала её голос – высокий, как у девочки, и со смешным таким акцентом – она сказала, что слышала, будто у меня есть комната внаём. Я отперла дверь и открыла чуть-чуть. – Миссис Уоррен так и сделала. – И посмотрела на неё. А потом всё было, как я уже рассказывала сэру Роберту. Мне не понравилось, как он выглядела – такая юная, но одинокая и такая наряженная – но мне нужны были деньги, так что я решила хотя бы дать ей войти и посмотреть, что она скажет.

Она отперла дверь, и Джулиан вошёл.

- Я сперва провела её на кухню. – Она открыла дверь справа от прихожей. Слева тоже была дверь, а у дальней стены – лестница. Должно быть, всего в доме было четыре комнаты – две на первом этаже, две на втором. Кухня оказалась бедной, но чистой – над очагом висел большой котёл, посередине стоял широкий стол, а посуда хранилась в ореховом шкафу. Вдоль стен висела утварь, носившая следы многолетнего мытья, а у камина стояло кресло-качалка, накрытое большой шалью.

Миссис Уоррен описала, как она назвала девушке цены за жильё и стол, а потом провела наверх, показать комнату. Провела она наверх и Джулиана.

- Вот здесь моя комната, сэр. – Сказал миссис Уоррен, указывая на дверь на втором этаже. – А там её. – Она отперла дверь напротив. Комната была маленькой и чистой – там стояла кровать, стол, стул да старый сундук для вещей постоялицы. Яркие ситцевые шторы украшали окна, а на стене висел лист со стихами из тех, что обычно продают на деревенских ярмарках.

Джулиан осмотрелся. Глазу зацепиться было просто не за что. Никаких признаков того, что жертва была здесь всего несколько дней назад. Миссис Уоррен была очень хорошей хозяйкой – все подметено и выскоблено так, что от возможных улик не осталось и следа. Джулиан почувствовал, что терпит поражение. Чего он сюда пришёл? Зачем досаждают миссис Уоррен и тратит своё время впустую?

Миссис Уоррен повторила свой рассказ о том, как показывала гостю комнату, как та выглянула в окно и спросила, в какой стороне Беллегард.

- Потом она начала распаковывать свои вещи, а я спустилась приготовить ужин. За едой мы не говорили, а потом она поднялась наверх и собралась лечь... – Тут хозяйка остановилась. – Вот оно что, сэр. Вот что получается, когда я так волнуюсь. Совсем забыла об этом.

- О чём, миссис Уоррен? – Джулиан проговорил это совершенно спокойно. Сейчас нельзя тревожить её, выказывая нетерпение.

- Когда она надевала ночную сорочку, что поняла, что потеряла такую побрякушку, что носила на шее. Похожа на раковину, но серебряная. Боже, она в была в таком отчаянии, когда поняла, что она пропала! Прибежала ведь вниз как есть, в ночной рубашке, крича, что потерялось самое ценное, что в неё есть, и что она должна немедленно это найти. Я спросила, дорогая ли это вещь, потому что мне пришло в голову, что обвинить в краже могут и меня, а я даже не знаю, о чём речь. Она носила эту штуку под платьем, вот я её и не видела. Она сказала, что вещица эта не имеет никакой ценности, кроме как для неё. Её подарил ей кто-то, кого она любила, и кому пришлось оставить её, когда она была ещё маленькой.

- Она не сказала, кто это был?

- Нет, сэр. Я сперва подумала, что это был знак любви такой, о чём и сказала, так она сразу встала на дыбы и говорит, что в этой любви нет ничего постыдного. Это была любовь чистая и покорная, дочерняя. Вот что она сказала.

- Она именно так и сказала – дочерняя?

- Да, сэр. Должно быть, это был подарок от отца или матери, она толком не объяснила. Она ведь всё металась по комнате, заламывала руки и лопотала на своём заграничном. И всё искала эту свою вещицу. Всё, что я смогла – это не позволить её выбежать наружу в ночь. Я сказала: «Будьте терпеливы. Мы обшарим весь дом и найдём её». И нашли, сэр, очень скоро нашли под кроватью. Ленточка порвалась и этот талисманчик упал и закатился туда.

- Она сказала что-нибудь о том, кто ей это подарил?

- Нет, сэр. Даже не говорила, мужчина это был или женщина. Но сейчас я вспомнила ещё кое-что. Она сказала, что было бы ужасно потерять эту вещицу совсем теперь, когда они скоро снова встретятся – она и тот, кто подарил её эту раковину.

- Снова встретятся. – Медленно повторил Джулиан.

- Да, сэр. Но она не сказали ни где, ни как, так что я не знаю. Со мной она не поделилась.

- А что было после того как раковину нашли?

- Она поцеловала её и прижала к груди. Должно быть, тот, кто её подарил, был для этой девушки всем. У неё ведь были безделушки и подороже, но я не видела, чтобы она так к ним относилась.

- Вы напомнили мне – на её теле мы не нашли одной серёжки. Вы такую не находили?

- Что вы, сэр, думаете, если бы я нашла, то утаила бы? Я не стану брать чужое, сэр!

- Я не это имел в виду. – Поспешно ответил Джулиан. – Но вы были под таким давлением, что легко могли забыть об этом.

- Я не находила серёжку, сэр. Ну она и ворона!

Миссис Уоррен добавила, что девушка снова надела украшение на шею, поменяв порванную ленту и ленточку от чепца.

- Она умело обращалась с иголкой. Никогда не видела, чтобы работали так быстро и получалось так хорошо.

Больше миссис Уоррен было нечего рассказать. Перед тем как Джулиан ушёл, она застенчиво предложила ему попробовать вино из первоцвета, что сама готовила. Кестрель согласился, хотя не думал, что ему понравится и оказался прав. Не кривя душой, он поблагодарил женщину за помощь и уехал.

Гипотезы переполняли его разум. Серебряная раковина, подаренная девушке, кем-то, к кому она относилась с дочерней преданностью. Кто-то, кого она не видела годами, но ожидала вскоре снова повстречать. В Беллегарде? Если так, то не потому ли её убили, чтобы не допустить этой встречи? Или она приняла смерть от рук того, кого так любила?

Джулиан поехал в деревню повидать Брокера и узнать, не выяснил ли Синдерби что-то новое. В Олдертоне было тихо – воскресенье – и лишь молодые парочки гуляли по главной улице. Появление Джулиана вызвало обычное волнение. Он так привык, что на него пялятся с почтительного расстояния, что вздрогнул от неожиданности, когда кто-то подошёл близко и окликнул:

- Мистер Кестрель, сэр!

- Мистер Фелтон. Добрый день.

- Просто Дик, сэр. Как идёт расследование? Нашли того, кто кокнул девицу? «Кокнул» – так преступники говорят вместо «убил». Я читал об этом в книжке про ищеек с Боу-стрит. А они приедут сюда? Что угодно бы отдал, чтобы увидеть настоящих ищеек!

- Расследование продвигается достаточно терпимо, но мы ещё не нашли убийцу. «Кокнул» звучит достаточно сильно, но я скорее неравнодушен к «пристукнул» или «порешил». И, насколько я знаю, сэр Роберт не собирается приглашать ищеек с Боу-стрит.

Глаза Фелтона расширились – в них читалось уважение.

- А вы не так просты, сэр.

- Спасибо. Ты ничего больше не вспомнил об убитой?

- Нет, сэр. – Фелтон мрачно пнул камешек. – Я надеялся, что смогу вернуться в дом

сквайра и увижу, как ищут преступника – может быть, даже как-нибудь помогу. Вот дайте срок, я подрасту, скоплю немного денег, поеду в Лондон и сам стану ищейкой. Вот это настоящая жизнь – не то, что ходить за чужими лошадьми весь день и полночи. – Он бросил взгляд на «Синего льва».

- А ты не слишком занят на своей работе, чтобы помогать в расследовании?

- Что? А у вас есть что мне поручить, сэр? Потому что у меня есть брат – он подёнщик, а работы сейчас нет, и он мог бы подменить меня во «Льве» на несколько дней, если я понадоблюсь для важной полицейской работы.

- Я ещё не знаю, понадобится ли ты. Если я дам тебе поручение, что надо выполнить, не поднимая шума, ты не растреплешь своим друзьям? – Порой слова, что употребляет Брокер бывают полезны.

- Я буду нем как могила, сэр! Я ни слова не скажу, даже если головорезы будут грозить, что поджарят меня заживо!

- Не думаю, что до такого дойдёт. Но я рад, что могу рассчитывать на тебя, если мне понадобится помощь со стороны.

Фелтон заверил, что ему можно доверить всё, что угодно. О уже успел понять, кто таков мистер Кестрель. Эта ищейка с Боу-стрит удивительно ловко выдаёт себя за джентльмена.

У Синдерби были новости. Он нашёл человека, что видел девушку в день убийства после того как она ушла от миссис Уоррен.

- Это Фред Морли, он сын одного из арендаторов сэра Роберта, что работает на ферме к югу от Беллегарда. Фред ехал на конскую ярмарку ранним утром в пятницу по главной дороге на Уитфорд и видел девушку, когда проезжал Олдертон.

- Что она делала?

- Стояла на дороге, сэр, и разговаривала с Блиссом. Это такой старый торговец-попрошайка – он немного не в себе, но руки золотые. Он в деревне часто бывает. В этот раз, наверное, пришёл из-за конской ярмарки.

- Да. Я видел его там. – Кестрель вспомнил морщинистого старика в лохмотьях, потасканной одежде и его красочный лоскутный мешок.

- О, ну тогда вы знаете, кто это. Так вот, Фред сказал, что видел, как Блисс говорит с девушкой и показывает ей дорогу. Фред сперва подумал, что старик тычет пальцем в него, но подъехал поближе и понял, что тот просто указывал направление.

- Если так, стало быть Блисс показывал в сторону Беллегарда.

- Именно так, сэр.

- Морли не слышал, о чём они говорили?

- Нет, сэр. Когда он подъехал поближе, девушка заметила его и испугалась. По крайней мере, тут же поспешила уйти с дороги, а Блисс стоял и смотрел то на неё, то на Фреда, будто не знал, что делать.

- И что было дальше?

- Это всё, что Фред рассказал. Он удивился, что это за девушка такая – одна, хорошо одетая – и говорит с Блиссом! Но он спешил на конскую ярмарку, и побоялся, что стоит ему остановиться, как Блисс вцепится в него и попытается выудить монетку или продать какой-нибудь хлам. Так что Фред просто проехал мимо – вот и всё.

- Думаю, теперь нужно расспросить Блисса.

- Легче сказать, чем сделать, сэр. Никто не видел его с утра пятницы, когда он бродил по ярмарке со своим мешком. Должно быть, туда он и шёл, когда девушка спрашивала дорогу. Я не думаю, что он много знает, и это хорошо, потому что найти его будет непросто. Если он ушел из этих мест после ярмарки, то может быть где угодно.

- А у него нет какого-то обычного маршрута?

- Он появляется везде, где начинается ярмарка, или свадьба, или любой праздник, где люди могут потратиться. Сейчас я иду доложить сэру Роберту, а потом, если он позволит, буду расспрашивать про Блисса. Надеюсь, он быстро вернётся, если услышит, что тут предлагают награду за сведения об убитой. Он на всё готов, если за это обещают деньги и не сулят риска.

- Есть у него в округе какие-нибудь любимые места, с которых можно начать поиски?

- Мы бы знали, если бы он был поблизости от Олдертона, сэр. Он не скрывается – наоборот, вечно у всех на виду, клянчит деньги или суёт свои поделки. Я посмотрю на старой мельнице после того как поговорю с сэром Робертом. Когда Блисс появляется в округе, спит он обычно там.

- Старая мельница – это у ручья к северо-западу от Олдертона? – Джулиан вспомнил, что вчера видел это сооружение в угольях.

- Точно так, сэр. Мы не используем её с тех пор, как построили новую, и она теперь в плачевном состоянии. Приход всё хочет её снести, но всё не получается, и там бывает появляются цыгане и другие бродяги.

- А недавно там кто-нибудь останавливался?

- Насколько я знаю, сэр, нет. Может быть, только Блисс переночевал там перед ярмаркой.

Джулиан подумал, что пока Синдерби ходит с докладом к сэру Роберту, он мог бы сам побывать на старой мельнице и всё осмотреть. Кестрель подумал, что стоит сказать об этом констеблю, но говорить не стал. Если там найдётся что-нибудь интересное, он сможет рассказать об этом сэру Роберту.

По правде говоря, Джулиан уже пожалел о том, что обещал сэру Роберту делиться всем, что узнал. Он чувствовал, что не может доверять никому из Фонтклеров, а инстинкт твердил, что надо действовать в одиночку. Если ради этого придётся бесчестно утаивать факты – так тому и быть.

Прежде чем покинуть Олдертон, Джулиан заглянул к Брокеру, что теперь делил свою тесную гадкую камеру с похитителем овец. Кажется, эти двое неплохо ладили. Овцекрад вызвал у Брокера огромное уважение и любопытство – сам-то никогда не крал ничего крупнее бумажника, и уже точно – ничего живого.

Оставив лошадь в «Синем льве», Джулиан пешком отправился к старой мельнице. Собирался дождь. Воздух становился тяжёлым и влажным, а солнце медленно, но верно таяло за мертвенно-белой дымкой. Джулиан подумал, что будь он поумнее, то не пошёл бы сюда в том же костюме, в котором ходил в церковь. Сюртук, пошитый идеально по фигуре, рубашка с высоким воротничком и накрахмаленный шейный платок – не лучший выбор для прогулок по дождём и осмотра заброшенных зданий.

Он пересёк главную дорогу и добрался до протянувшегося вдоль неё ручья. Трава здесь росла изобильно – пышными пучками, будто чья-то лохматая шевелюра. Кестрель отыскал

мостик, по которому проходил вчера. На той стороне ручья была старая мельница – ветхая, побитая непогодой, с подъёмниками, превратившимися в гнезда для толстых голубей.

Внутри мельницы было холодно и затхло. Окна не давали достаточно света, но щели в дощатых стенах и крыше помогали разогнать полумрак. Когда глаза привыкли к темноте, Джулиан разглядел голый грязный пол и частично огороженное пространство, где стояли колёса и механизмы. Кое-где на полу не хватало досок, и была видна сырая земля. Стены тоже были грязными и затянуты паутиной. Хриплое, монотонное воркование подсказывало, что второй этаж захвачен голубями.

Джулиан шагал осторожно, опасаясь затоптать следы в грязи. Тут было полно отпечатков. Большинство оказались слишком размыты, чтобы можно было определить очертания, но Кестрель предположил, что тут побывало, по меньшей мере, два человека – у одного ноги были больше, чем у второго. Несколько половиц оторваны и отложены в сторону, а на оголённой земле явно устраивали костёр – там были уложенные в круг камни, и пепел с угольями внутри этого кольца. Джулиан снял перчатки и потрогал золу – холодная. Должно быть, огонь разводили вчера или несколько дней назад – точнее не сказать. Ещё здесь кто-то спал – это было понятно по грязи на полу.

Кестрель продолжил осмотр. У одной стены нашлось немало следов, пересекавших друг друга, отчего их форму и размеры было не определить, и не ведущих никуда – будто бы человек просто ходил вдоль стены туда и обратно какое-то время. С одной стороны этой цепочки следов, отпечатки ног сменялись одним пятном грязи – будто ходивший сидел, опираясь на стену – а на ней тоже осталось пятно. То, что это место такое грязное – просто подарок небес; мерзкое месиво запечатлело все передвижения не хуже свежеснеженного снега. Но что он может вывести из своих наблюдений? Только то, что кто-то – скорее всего, Блисс – спал тут несколько дней назад, и ещё по меньшей мере один человек тоже бывал здесь.

И тут Джулиан заметил это – блеск металла в щели между полом и стеной. Он отодвинул половицу и просунул туда руку. Пальцы сомкнулись на чём-то маленьком и холодном. Серёжка в виде золотой капли с аквамарином.

Итак, убитая была здесь. Скорее всего, это она ходила тут кругами и сидела у стены. Он вспомнил грязь на её платье и шали. Достав монокль, Кестрель внимательно осмотрел место, где могла сидеть девушка. Его дотошность была вознаграждена – за щепку, торчащую из стены, цеплялся длинный золотисто-рыжий волос. Джулиан осторожно снял его, завернул вместе с серёжкой в носовой платок и спрятал добычу в карман.

Прежде чем покинуть мельницу, Джулиан решил заглянуть и на второй этаж. Но лестница была такой гнилой, а паутина – такой густой, что было очевидно – наверх уже давно не ступала нога человека. Кестрель вздохнул с облегчением, поняв, что ему не придётся тревожить голубей. Он вышел из мельницы, щурясь от солнечного света.

Интересно, почему девушка была здесь? Она пошла сюда, покинув дом миссис Уоррен? Не похоже. Блисс будто бы указывал на восток – к Олдертону и Беллегарду, а не на север, где находилась эта мельница и ручей. Та часть дороги, где Фред Морли видел девушку и Блисса, была недалеко. Морли сказал, что она поспешила уйти с дороги, когда увидела, что он приближается – может быть, ей попала мельница и она устроила тут убежище? Густая трава у ручья могла оставить те зелёные пятна на подоле. А мельница близко к угольям, через которые можно попасть в Беллегард. Если она так стремилась проникнуть в дом, то почему пошла на мельницу, ходила тут кругами, сидела у стены? Чего-то ждала – нужного

времени, сообщения, спутника? Быть может, она не сама нашла это место. Блосс мог показать ей его. Морли не знал, говорил ли с ней Блосс после. Конечно, сам Блосс отправился на ярмарку, но сперва он мог привести девушку на мельницу. Если так, он мог быть и тем, кто показал ей как добраться до Беллегарда через уголья. Все говорят, что ради денег он готов на всё, а девушка явно могла хорошо ему заплатить. Это может объяснить, почему он не появлялся в Олдертоне после ярмарки. Мог узнать или заподозрить, что с девушкой произошло что-то неладное и лучше ему исчезнуть, прежде чем выяснится, что он ей помогал. А уж если он узнал, что она была убита, то встревожился бы ещё больше. Или наоборот – пришёл бы делиться сведениями, чтобы получить награду?

Всё это лишь предположения. Ясно одно – Блосса надо найти и найти быстро.

Глава 22. Джулиан проверяет теорию

По дороге в Беллегард, Джулиан боролся с сомнениями – стоит ли рассказывать сэру Роберту об открытиях на старой мельнице. Если узнают, что он скрывает улики, судья может отлучить его от расследования – а, быть может, и заподозрить в преступлении. Даже поднимаясь, чтобы переодеться к ужину, Кестрель не принял решения.

На втором этаже его поджидала остроносая девушка.

- Прошу вас, сэр. Я – горничная мисс Крэдок. Госпожа велела дожидаться, когда вы вернётесь и узнать, не будете ли вы добры встретиться с ней в музыкальной комнате.

Джулиан поблагодарил её и спустился вниз. По хитрой улыбке горничной, он мог понять, что она думает о тайной интрижке между ним и мисс Крэдок. Хью явно тоже успел додуматься до этого. Очень неловко, но, возможно, не так плохо для Мод. Такой романтик как Хью вряд ли будет расположен влюбиться в девушку, что ему навязали. Он бы хотел ухаживать за своей возлюбленной, бороться за неё и преодолевать препятствия. Нет сомнений, соперник – очень хорошее препятствие.

Мисс Крэдок ходила по музыкальной комнате, сплетая и расплетая пальцы.

- Надеюсь, вы не против того, что я попросила Элис ждать вас. Я подумала, что вы захотели бы со мной встретиться здесь, если бы знали, что я хочу рассказать.

- Я захотел бы встретиться с вами где угодно, даже если бы вам было вовсе нечего рассказывать.

- Вы так добры ко мне, а я так жестоко испытывала ваше терпение, скрывая то, что может помочь расследованию! Я говорила вам, что должна как следует подумать, и я подумала. Я решила. Я должна рассказать вам всё.

Проклятая честность вынудила Джулиана сказать:

- Вы же знаете, моё участие в расследовании... неофициально. Строго говоря, вам нужно рассказать всё сэру Роберту.

- Я думала об этом. Но это касается его сестры – где она была во время убийства. А все Фонтклеры так верны друг другу. Я думаю, сэр Роберт хочет всё сделать правильно, но не представляю, что он сможет быть беспристрастен. Мне очень жаль говорить такое об отце Хью, но я не могу довериться ему. Я говорю с вами.

- Так рассказывайте же.

Они сели на диван. Девушка начала исповедь:

- Я кое-что утаила, когда рассказывала сэру Роберту о том, где была в тот день. Я и правда ходила на пикник с мисс Притчард, Джози и Пиппой. Но я умолчала, что, вернувшись

без четверти шесть, я пошла в комнату отца. Я хотела спросить его, можно ли пригласить мисс Притчард в Лондон на праздники. Я как раз хотела постучать, как услышала за дверью голоса. Мистер Кестрель, там была леди Тарлтон. Он лгала, когда утверждала, что весь день провела у себя.

- Вы знаете, что она там делала?

- О чём-то спорила с отцом. Боюсь, я подслушивала их. Я не хотела, но меня так поразило её присутствие. Она говорила, что сожалеет о чём-то и корит себя за это уже больше двадцати лет.

Их глаза встретились – в них читалось ожидание чего-то дурного.

- И что он сказал в ответ?

- Я была так поражена, что не разобрала, что сказал отец и ответила леди Тарлтон. Я уже стала отходить от двери, как папа крикнул. Это было ужасно! Он сказал, что в ней нет честности и прямоты – лишь чудовищная, всепожирающая гордость, что губит на своем пути. Он сказал, что репутация для неё – всё, и что нет ничего, чем она не готова была бы пожертвовать ради неё, и что они оба знают это. А потом он сказал: «Ты знаешь, на что вы, Фонтклеры, похожи? На спелый плод, что хорош на вид, но уже сгнил изнутри. Я лишь хочу, чтобы весь мир мог увидеть то, что увидел я, когда пришёл и застал тебя...» Я не знаю, что он хотел сказать дальше, потому что она закричала «Довольно!». И предупредила отца, чтобы он говорил тише. Потом сказала, что больше не выдержит. И добавила: «Если ты расскажешь хоть кому-то ещё... Ты можешь подумать, что это пустые угрозы, но ты не знаешь – и даже представить не можешь – как я тебя ненавижу. Ты думаешь, я не посмею предать тебя. Посмотрим, мистер Крэдок, посмотрим!»

Мод вздрогнула, возвращаясь из мира воспоминаний, и поднесла ладонь ко рту. Джулиан взял её за другую руку и сжал её в своих.

- Они сказали что-нибудь ещё?

- Я не знаю. Я услышала, что идёт к двери и убежала. Заперлась в своей комнате. У меня кружилась голова. Всё, о чём я могла думать – отец знает, что-то постыдное о леди Тарлтон – что-то, о чём она сожалеет уже больше двадцати лет. Быть может, этой тайной он и шантажирует Фонтклеров. Но почему он сам был так зол и рассержен? И что значили её слова о предательстве? Всё, что я смогла придумать – это рассказать вам. Вы знаете мир лучше меня. Вы можете понять, что значил этот разговор. Я хотела рассказать вам ещё в день убийства, когда вы вернулись после прогулки, но вы уже поднялись переодеться. Потом я рассказала отцу, что подслушивала, а он велел не говорить никому. Он сказал, что это может навлечь на Фонтклеров нечто ужасное. Я ничего не понимаю! Я не хочу навредить Фонтклерам или выставить отца лжецом. И я испугалась того, что леди Тарлтон как-то связана с убийством, пусть он и сказал, что это не так. О, нет, мистер Кестрель, я ни на миг не подумала, что папа может убить кого-то! Наверное, он смог бы убить того человека, что напал бы на него, но не юную девушку. Она ведь едва ли старше меня.

- Я понимаю. – Но Джулиан задумался обо всех оказавшихся в тюрьме должниках Крэдока и всех соперников, что он уничтожил. Остановится ли такой делец перед хладнокровным убийством?

- Это всё, что я хотела рассказать. – Закончила Мод. – Я не перестаю думать о ваших словах – вы сказали, что важным может оказаться всё, что угодно. Я подумала, что из-за моего молчания могут повесить невиновного – а если бы я смогла спасти его? Я бы никогда себя не простила.

- Вы всё сделали правильно. Обещаю, я буду держать всё, что услышал от вас, в тайне, и раскрою её только, если это окажется совершенно необходимо. Но, возможно, мне придётся говорить об этом с леди Тарлтон, чтобы узнать у неё, где она в самом деле была в тот день.

- А если она вам ничего не расскажет?

- Она расскажет, в конце концов. Я не дам её покоя, пока она не заговорит.

Переодеваясь к ужину, Джулиан прокручивал в голове всё, произошедшее за день – от визита к миссис Уоррен до разговора с Мод. Он как будто вытаскивал бумаги из разных ящиков стола, сверял их друг с другом, сравнивал, искал закономерности и несоответствия. С обострившимся интересом он вспомнил то, что рассказывал ему Гэй в ночь перед убийством. В теорию, что складывалась в его голове, удивительно стройно укладывались все факты. Она могла оказаться и ошибочной, но она могла быть инструментом или оружием. Конечно, даже намекать леди Тарлтон на свои подозрения – всё равно, что подносить факел к бочке пороха. Но если для того, чтобы добиться правды, придётся устроить взрыв, он на это готов.

Возможность поговорить с ней с глазу на глаз выдалась лишь после ужина, когда джентльмены присоединились к дамам в гостиной. Леди Тарлтон отошла в оконную нишу, и Кестрель последовал за ней.

Он заговорил – тихо, но не шёпотом, который бы привлёк лишнее внимание.

- Леди Тарлтон, я хочу поговорить с вами о кое-чём очень важном. Быть может, пройдём в другую комнату – например, библиотеку?

- Какая наглость! Нет, я никуда не пойду с вами, мистер Кестрель! Вы думаете, я горничная, чтобы ходить туда-сюда ради вашего удобства?

- Я думал, что вы захотите поговорить приватно. Но если это не так, я готов сказать вам всё прямо здесь.

- Я и знать не хочу, что вы собираетесь говорить! – Прошипела она.

- Боюсь, у вас нет выбора. Я хочу знать, что вы делали в комнате мистера Крэдока в день убийства. И, Богом клянусь, я получу ответ.

Леди Тарлтон резко выдохнула, а её рука метнулась к горлу.

- Библиотека? – Переспросил Джулиан.

Она закрыла глаза и резко кивнула. Кестрель взял небольшой подсвечник, и они вышли.

В библиотеке было темно и тихо. Джулиан поставил канделябр на стол и повернулся к леди Тарлтон.

- Что заставило вас думать, что я была в комнате этого человека? – Надменно потребовала она ответа.

- Я знаю это.

- Если вам сказал это мистер Крэдок – он лгал. Когда Роберту придётся выбирать между моим словом и его, вы увидите, что будет.

- Я знаю об этом не от мистера Крэдока. Кое-что подслушал ваш разговор с ним.

- Нет. – Она вцепилась в Джулиана, едва не оторвав лацканы его сюртука. – Кто подслушивал нас? Что вам известно?

- Только то, что вы были в комнате мистера Крэдока и ссорились с ним. Я не знаю, о чём вы говорили – но надеюсь, что вы сможете объяснить.

Леди Тарлтон повисла на Кестреле, не отрывая от него безумного взгляда расширенных глаз.

- Так вы не знаете... Вы не знаете...

Он мягко освободил лацканы от её рук и подвёл женщину к креслу.

- Могу я предложить вам стакан воды... или скорее вина?

- Ничего не нужно. Кроме объяснений! Почему вы заставляете меня переживать этот ужас? Что вам нужно от меня?

- То же, что и ото всех в этом доме – правды о ваших передвижениях в день убийства. Вы сказали, что не покидали своей комнаты. Теперь я знаю, что это не так. Я хочу знать, когда вы покинули её и где были, кроме комнаты мистера Крэдока, долго ли пробыли в его комнате и почему вообще отправились туда.

- Почему я отправилась туда – вас не касается!

- Если это имеет отношение не убийству...

- Не имеет!

- Я не могу знать этого, пока вы мне не расскажете.

Она откинула голову.

- Узнайте, если сможете, мистер Кестрель! Я не скажу вам ни слова. Я была в комнате мистера Крэдока – пусть так. Почему бы вам не спросить вашего загадочного осведомителя о том, что я там делала? Я не верю, что этот ваш шпион что-то знает или что это знаете вы. Покажите же себя с худшей стороны! Расскажите Роберту – расскажите всем! От меня вы не услышите ничего. Но когда всё это закончится – когда ваш слуга-убийца будет осужден и повешен – тогда мне будет что сказать! Весь Лондон узнает, что вы пытались сбросить груз своей вины на одного из нас. Это будет конец для вас, мистер Кестрель! Ваш вышвырнут из приличного общества – от вас отвернётся даже прислуга!

Разговор разворачивался совсем не так, как хотелось, но Джулиану было некого в этом винить, кроме себя самого. Леди Тарлтон была женщиной и была так потрясена, что Джулиан вёл себя мягко, когда нужно было надавить. Теперь она сама перешла в

наступление, а стало быть, ему нужно вести контратаку. Кестрель раздувал в себе гнев и давил рыцарские инстинкты.

- Если вы не расскажете мне то, что я хочу знать, – проговорил он, – мне придётся делать выводы самому. И когда я приду с ними к сэру Роберту, я ими с ним поделюсь.

- Что вы хотите сказать? Какие выводы?

- Это расследование похоже на китайскую мозаику. У вас есть гора разрозненных фактов, а вы пытаетесь сложить целую картинку. Вот что я сделаю. Соберу картинку какой получится, даже будь она неправильной от начала и до конца. Юная леди-иностранка оказалась в Олдертоне три дня назад. Её было около двадцати. У неё рыжие волосы и голубые глаза. – Он расхаживал туда и обратно, пока говорил, но сейчас остановился и вперил взгляд в свою собеседницу. Её рыжие волосы выбивались из пучка. Её голубые глаза не отрывались от него.

- Вечером она прибыли в Олдертон и спросила у миссис Уоррен, где находится Беллегарл. Она сказала миссис Уоррен, что скоро встретит кого-то, кого очень любит – кого-то, что вынужден был оставить её в раннем детстве. Этот человек подарил её украшение в виде серебряной раковины, что она носила на шее – та самая безделица, к которой вы так не хотели притрагиваться. Предположим, что человек, которого она так хотела увидеть, находится в Беллегарде. Предположим, что этот человек – её мать.

Леди Тарлтон окаменела. Уголки её рта задрожали. Руки сжались в кулаки.

- А теперь я расскажу одну семейную историю. Мистер Крэддок был конюхом в Беллегарде около двадцати лет назад. Вы – пылкой и неугомонной наездницей. Если Крэддок был грумом, что сопровождал вас в поездках, вы могли надолго оставаться с ним наедине вдаль от Беллегарда. В какой-то миг вы потребовали, чтобы сэр Роберт прогнал его. Никто не знал, почему. Крэддок всё ещё зол на вас, и вы платите ему ненавистью. Но вы чувствуете в кое-что ещё – вину и горькое сожаление. Вы сказали ему: «Я корила себя за это больше двадцати лет». И ещё один важный факт. Ещё в молодости вы совершили поездку на континент против желания семьи. Вы воспользовались затишьем в войне с Францией – должно быть, Амьенским миром. Это было в 1802 году – около двадцати двух лет назад.

- Что... На что вы намекаете?

- Вы оставили свою дочь во Франции, леди Тарлтон?

Она вскочила из кресла и вперила ему в лицо. Он не моргнул.

- Сочту, что вы предпочли не отвечать.

- Как вы смеете! Как вы смеете! Нет! Это не так! Эта несчастная девчонка – не моя дочь! Как вы могли подумать такое? – Она отшатнулась от Кестреля, вся дрожа. – Вы нашли крупницу – одну крупницу! – правды. Мистер Крэддок в своей несравнимой наглости однажды попытался воспользоваться своим положением. Мы ехали через уголья, я спешила на небольшой поляне – да, мистер Кестрель, поляне, которой он дразнил меня вчера! Он начал вести себя вольно – слуга, которому я доверяла сопровождать меня, которому я выказывала всяческое благоволение, намного больше того, чем он заслуживал! К счастью для моей репутации, о причинах его увольнения не было сказано вслух ничего. Если бы стало известно, что такое существо, как Крэддок посмел дотронуться до меня, это бы осквернило меня навсегда. Какой-то грум с конюшни! А я – Фонтклер! Конечно, мистер Крэддок никогда этого не простил. Он так пыжится, что просто не видит расстояния между мной и собой. Он и правда подумал, что я отвечала на его «чувства»! Вам стоило бы его видеть – самодовольного, хвастливого гордеца – подумавшего, что если служанки падают к нему в

объятия, то Кэтрин Фонтклер последует их примеру! Я лишила его этих иллюзий! Он ненавидел меня и моего брата все эти годы, а теперь судьба дала ему шанс отомстить. Он собирается выдать свою мышку-дочь за Хью, чтобы смешать свою кровь с нашей. Я никак не могу остановить это – никак! Вот почему я пошла в его комнату. Ничто иное не могло заставить меня зайти туда и рискнуть встретиться с ним наедине. Я знала, что он поехал проехаться и надеялась уехать до того, как он вернётся, но мне не повело. Он вернулся и застал меня.

- Чего вы надеялись добиться от него в его комнате?

- Я должна это сказать, верно? Я не скажу – можете продолжать ходить, копать и вынюхивать наши постыдные тайны... Нет! Я не позволю вам и дальше меня унижать! Я решила, что я отдалась конюху и родила от него дочь. Быть может, вам пришло в голову, что я убила свою дочь, чтобы скрыть свой позор! Что же, вы ошиблись! Это не я поставила нашу семью на грань позора и отдала в руки Крэддока. Джеффри, Джеффри – вот преступник в нашей семье! Но не просто убийца, мистер Кестрель! Убийц всего лишь вешают. А предателей душат и четвертуют, а их имущество отходит короне. Вот что случится с Джеффри, если бы мы не сговорились с Крэддоком, чтобы скрыть его вину. И если бы не позор, что это навлечёт на нашу семью, я бы посмотрела на его казнь и не пролила ни слезинки!

Глава 23. Расплата

- Полковник Фонтклер совершил предательство? – Ошеломлённо спросил Джулиан.

- Во время Пиренейской войны. – Неожиданно собравшись с духом, леди Тарлтон опустилась в кресло и расправила юбки. – Вы, конечно, знаете, что он служил под началом Веллингтона в Португалии и Испании. Не раз награждён за храбрость на поле брани. Ещё несколько месяцев назад мы все гордились его достижениями. Мы видели в нём достойного наследника героев, что рождались в нашей семье. Мы не знали, что он угодил в лапы бонапартистскому шпиону – существу по имени Габриэль Дешам. Они повстречались после осады Бадахоса. Она пряталась в церкви – в церкви! – и он взял её под свою защиту. После этого он виделся с ней где мог и когда мог. И писал ей письма – всего около полудюжины. В них он сообщал сведения – сведения, которые та потом продавала французской армии! Он помогал врагу во время войны, мистер Кестрель! Просто чтобы сохранить благосклонность какой-то шлюхи! Я с трудом могу поверить, что он мой брат, что он – Фонтклер! Он думал, что это никогда не станет явным. Он потерял связь с этой женщиной после того как получил увечье и больше десятка лет ничего от ней не слышал. Но на свете есть возмездие, мистер Кестрель, и Бог счёл нужным явить её нам и тому, кто заслужил его. В этом апреле, сразу после совершеннолетия Хью, в Беллегард приехал Крэддок и потребовал разговора с Джеффри, Робертом и мной. У него были письма Джеффри, и он угрожал придать их огласке, если Роберт не согласится на брак Хью и дочери Крэддока. Милая месть, не так ли? Я отвергла его много лет назад – теперь он хочет выдать свою дочь за моего племянника – сделать её матерью следующего поколения Фонтклеров. Вообразите, как его радовало держать над нашими головами этот дамоклов меч! Мы всегда гордились подвигами наших предков, а теперь пали так низко! Меня удивляет, что Джеффри всё ещё жив. Если бы у него осталась хоть капля чести, он бы покончил с собой, чем стал бы терпеть унижение и жалость. Но он цепляется за свою недостойную жизнь – более того, он умолял Роберта

согласиться на условия Крэдока, чтобы спастись от обвинений и бесчестья. Конечно, Роберт согласился – уверена, что не ради Джеффри, а для того, чтобы защитить фамильную честь и передать наше имя потомкам незапятнанным.

Джулиан вспомнил свой первый вечер в Беллегарде. Джеффри тогда вышел из гостиной, услышав, как леди Тарлтон говорит о подвигах предков. Неудивительно. Каждое её слово должно было ранить его, подчёркивать разницу между былой славой и грозящим ему позором.

- Но как письма полковника Фонтклера попали в руки Крэдока?

- По обстоятельствам, что некоторые сочтут совпадениям, но которые я называю расплатой. Среди всех отвратительных предприятий Крэдока есть несколько ломбардов в Сити. Он был в одном из них и увидел чёрно-золотую женскую шкатулку для украшений в японском стиле. Тот, кто заложил её, не стал выкупать и управляющий выставил её на продажу. Крэдок же решил подарить её своей дочери. Осмотрев шкатулку, он обнаружил двойное дно. Заглянул туда – и нашёл письма. Во всяком случае, такую историю рассказал он сам.

- И эта шкатулка раньше принадлежала этой женщине – Габриэль Дешам?

- Я не знаю. Джеффри сказал, что не помнит у неё такой шкатулки, но почему мы должны верить хоть чему-то из его слов – выше моего понимания.

- Кто заложил шкатулку?

- Мы не знаем.

- И вы не хотите найти его? Если это была сама мадемуазель Дешам, она может быть в Англии. Полковник Фонтклер может купить молчание мистера Крэдока, но стать жертвой нового шантажа с её стороны.

- Мы подумали об этом. Мы не дураки, мистер Кестрель. Мы спросили Крэдока, кто заложил шкатулку, но он сказал, что управляющий этого не знал. Он ничего не запомнил об этой сделке.

- Разве закон не обязывает залогодержателей записывать имена и адреса каждого кто сдаёт им что-либо?

- Этот ростовщик потерял записанные имя и адрес. Так сказал Крэдок. Мы не могли пойти и расспросить его сами. Нельзя было показывать, что нас интересует шкатулка или тот, кто принёс её в ломбард. Я не думаю, что это была Дешам. Зачем ей сдавать шкатулку со своими же письмами внутри? Они ценные – она могла дорого продать их самому Джеффри. Скорее всего, она уже мертва или шкатулка была у неё украдена. Должно быть, она попала в руки того, кто, либо не знал про письма, либо не оценил их важность. Но стоило Крэдоку их прочесть, как он понял, чего они могут стоить, и как их можно использовать против нас. Теперь вы понимаете, почему я пошла к нему в комнату, когда его там не было? Я надеялась на невозможное – на то, что он мог взять их с собой в Беллегард. Я ждала в своей комнате до пяти часов – тогда все слуги должны были уже ужинать, и я прокралась в его комнату и обыскала её. Меня отталкивала его одежда, бритвенные принадлежности, постельное бельё – но я искала везде. Если бы я смогла заполучить эти письма, угроза была бы уничтожена. Мы бы вышвырнули его из Беллегарда также как сделали это много лет назад – и его дочь вместе с ним.

Теперь расскажу вам про мои ножницы – это ведь вас так интересует. У Крэдока в комнате был несгораемый ящик. Я попыталась открыть его, но он был заперт. Я была уверена, что письма там, и меня сводило с ума то, что я не могу их достать. Я попыталась

утащить его с собой, но он оказался слишком тяжёл. Тогда я попыталась взломать замок лезвием ножниц, но у меня не получилось. Наконец, я ударила ножницами по крышке, надеясь вскрыть его. Тогда и порезала палец. И именно в тот миг появился Крэддок! Просто представьте моё унижение! Быть пойманной в его комнате за обыском его вещей!

Джулиан подумал, что эта история звучит правдиво. Царапины на ножницах вполне могли появиться от того, что ими лезвиями пытались вскрыть несгораемый ящик или его замок. А представить, как леди Тарлтон в ярости бросается на ящик и ранит себе палец было ещё проще. Он понимал, почему она лгала раньше – ей пришлось бы объяснять, что она искала в комнате Крэддока, а так могла выйти наружу история с письмами полковника Фонтклера. Крэддок поддержал её ложь, чтобы сохранить в тайне свой рычаг давления – власть шантажиста иссякает, когда секрет, что он угрожает выдать, становится известен всем. У Крэддока и Фонтклеров были разные стремления, но цель одна – скрыть преступление Джеффри любой ценой.

- Крэддок вернулся с прогулки в двадцать минут шестого. – Сказал Джулиан. – И, если верить моему осведомителю, вы оставались в его комнате даже полчаса спустя. О чём вы говорили всё это время?

- Кто ваш осведомитель?

- Я хотел бы сохранить его или её имя втайне от вас.

- Не сомневаюсь, что это какой-то нечестный слуга. Если я узнаю, кто это был, он будет уволен без рекомендаций. Подслушивать у дверей!

- Леди Тарлтон, – тихо сказал Джулиан, – за что вы себя корите больше двадцати лет?

Она бросила на него резкий, опасливый взгляд и через мгновение сказала:

- Я всегда хотела, чтобы Крэддок был наказан за то, что позволит себе вольности в отношении меня. Но мы с Робертом решили замолчать это, чтобы сохранить мою репутацию. Конечно, я была ни в чём не виновна, но это не спасло бы от скандала. Злонамеренные люди могли бы сказать, что я поощряла Крэддока. Потому Роберт дал ему рекомендацию и расплатился в обмен на то, что Крэддок никому не будет рассказывать, почему ему пришлось покинуть Беллегард. Позже я пожалела, что мы так мягко с ним обошлись. Он почти что попытался принудить меня. Он должен был быть арестован. За это милосердие я и корила себя все эти годы.

Джулиан поднял брови, но сделал никаких замечаний.

- В вашей ссоре с Крэддоком вы грозили предать его, если он что-то о вас расскажет. О чём шла речь?

- Я не хотела, чтобы он рассказал моей семье, что поймал меня за обыском. Мне и без этого было плохо. Я сказала – я пригрозила предать огласке, что он шантажирует нас письмами Джеффри. Он не поверил, что я решусь на это. Он знал, что я не хочу, чтобы позор Джеффри стал общеизвестен. – Её глаза сузились. – Что ещё слышал ваш шпион?

- Мистер Крэддок сказал, что вы пожертвуете ради своей репутации чем угодно. Он сказал, что хочет, дабы весь мир узнал то, что узнал он, когда пришёл и застал вас... где?

- В своей комнате, за попытками вскрыть несгораемый ящик. – Нетерпеливо ответила она. – А как вы думаете где? В вашей комнате, над трупом девушки?

В том-то и корень проблемы, уныло подумал Джулиан. Связано ли всё, что он сейчас услышал, с убийством? Что же, по крайней мере, он узнал, чем Крэддок сумел подчинить себе Фонтклеров. И поскольку между шантажом и убийством легко выстроить связь, и Джеффри Фонтклеру, и Марку Крэддоку предстоит многое объяснить.

Вернувшись в гостиную, Джулиан попросил сэра Роберта о разговоре с глазу на глаз. Они вернулись в небольшой кабинет в задней части главного дома, где две ночи назад все обитатели дома осматривали тело убитой. Интересно, захочет ли кто-нибудь когда-нибудь снова сесть на этот диван?

- Днём у меня был Синдерби. – Сказал сэр Роберт. – Он рассказал мне, что Морли видел Блисса вместе с убитой. Он сказал, что уже рассказывал и вам.

- Да. Блисса ещё не нашли?

- Нет. Один из особых констеблей ведёт расспросы. Найти его будет несложно. Он слишком стар и у него нет ни лошади, ни экипажа, чтобы быстро исчезнуть. Кроме того, он привык часто останавливаться, просить подавание и навязывать свои товары. Впрочем, не думаю, что от него мы узнаем что-то полезное. Кажется, он лишь раз поговорил с девушкой и указал ей направление

Джулиан подумал о серёжке и прядке волос, что он завернул в бумагу и спрятал в коробочку от зубного порошка у себя в дорожном несессере. Эти улики указывали на нечто большее, чем случайная встреча и минутный разговор на улице. Но Кестрель не мог убедить себя рассказать сэру Роберту об изысканиях на старой мельнице.

- Именно о рассказе Морли я и хочу поговорить. – Сказал он. – Я сожалею, что поднимаю столь болезненную для вас тему, но леди Тарлтон рассказала мне о письмах полковника Фонтклера. – Он повторил её рассказ о шантаже Крэдока и её попытке взломать несгораемый ящик.

Сэр Роберт выслушал это с неожиданным спокойствием.

- Мне стало немного легче от того, что вы тоже об этом знаете. – Тихо сказал он. – Нам было всё сложнее скрывать тайну Джеффри от вас. Порой я думал не стало ли это убийство нашим наказанием за то, что мы скрывали вину моего брата. Как раз в тот миг, когда мы больше всего хотели избежать внимания, это преступление вывело на свет каждое наше действие, мысль и чувство. Будто стало насмешкой над нашими тайнами и угрозами Крэдока. Мистер Кестрель, мой брат – преступник, а я – судья. Я скрывал его преступление, и оправданий этому нет. Если вы решите предать это огласке – вы поступите как подобает британскому подданному, и я первым одобрю такое решение!

«Непросто же такому человеку лгать ради своего брата, выносить шантаж бывшего слуги и скрывать сведения, что могут стать ключевыми в расследовании. – Подумал Джулиан. – Нет сомнений, отчасти он и правда хочет спасти шкуру своего брата, но куда больше им двигает желание сохранить своё имя незапятнанным. Он думает о своих предках и о потомках. Для него это важнее справедливости».

Вслух он сказал:

- Единственное преступление, что заботит меня – это убийство, что было совершено два дня назад. Если письма полковника Фонтклера не имеют к нему отношения, это не моё дело.

- А вы думаете, что письма и убийство могут быть связаны?

- Это очень вероятно. Вы не спрашивали вашего брата и мистера Крэдока, нет ли связи между убитой и Габриэль Дешам или письмами?

- Нет, именно об этом я не спрашивал. Боюсь, я отверг саму эту идею.

- Понимаю. Но думаю теперь мы должны спросить их об этом.

- Конечно, вы правы. – Сэр Роберт позвонил, и послал слугу пригласить к ним

полковника. – Мистер Кестрель, я не верю, что мой брат как-то причастен к убийству. Он был отважным солдатом, но он не жесток от природы. Его грехи – слабость и безответственность. В мистере Крэддоке я не уверен. Но обещаю вам – если окажется, что убийство как-то связано с преступлением моего брата, ничто на земле не заставит меня скрывать его и дальше. Я уже почти что предал правосудие, скрывая эти письма. Дальше я зайти не могу.

- Я хотел бы я описать вам, какова она была! – Джефффри беспомощно развёл руками. – Она могла убедить любого мужчину сделать, что угодно. Это... будто колдовство. Она могла мучить человека, пока он не сойдет с ума. В ней никогда нельзя было быть уверенным. Даже в моих объятиях она казалась отстранённой. Смеялась надо мной, должно быть. Думала о ком-то другом. Отчасти дело было в самой войне. Она выматывала даже самых стойких из нас. Я сражался уже несколько лет, бой за боем – сегодня преимущество у нас, завтра – у французов. Стояла изнуряющая жара, земля была жёсткой, а припасы подвозили через раз. Испанцы были похожи на диких зверей, а наши солдаты не сильно от них отличались. Я был измотан и скучал. И тут появилась эта женщина. Я никогда не встречал никого, кто сделал для меня то же, что она. Но я никогда не рассказывал ей ничего важного! Я не продавал своих солдат и не сдавал их французам! Она узнавала от меня лишь мелочи – то, что французы всё равно бы узнали. Мы редко встречались, а когда её не было рядом, я боялся, что она где-то с другим. Я сходил с ума от ревности. Я решил, что она будет верна мне, если я буду и дальше делиться с ней тем, что знаю. Но я не передавал её ничего важного, вы должны мне поверить! Но эти письма... я предчувствую, что если он выплывут сейчас, это будет очень скверно.

Мрачное, патрицианское лицо сэра Роберта исказилось в отвращении. Он явно слышал всё это прежде.

- Ни мистери Кестрелю, ни мне не нужны твои объяснения. Мы лишь хотим знать, может ли быть связь между письмами и убийством.

- Я не представляю такой.

- Эта девушка не может быть как-то связана с мадемуазель Дешам? – Спросил Джулиан.

- Каким образом?

- Убитая была иностранкой. Она могла оказаться её родственницей или камеристкой.

- Я ничего об этом не знаю. – Пробормотал Джефффри.

- Когда вы в последний раз слышали о ней? Я имею в виду – о мадемуазель Дешам.

- Я потерял её след, после того как французов вытеснили за Пиренеи. Я был ранен и меня отправили в Англию. Габриэль могли убить – как и многих французов в Испании. Но она могла и бежать во Францию. С тех пор я ничего о ней не слышал. Я почти сумел забыть её, но появился Крэддок и сказал, что у него мои письма.

- Вы никогда не думали, как они уцелели? – Спросил Джулиан.

- Я пытался не думать об этом. Возможно, Габриэль сохранила их. Она бы никогда не позволила чему-то так легко ускользнуть от неё, если это можно обратить в деньги. Но будь я проклят, если знаю, как письма попали в ту шкатулку.

Джулиан задумался.

- Если Габриэль умерла, кому могло достаться её имущество?

- Я не знаю.

- Она когда-нибудь упоминала, что у неё есть семья?

- Нет. – Он заёрзал в кресле и бросил несчастный взгляд на сэра Роберта. – Что будет теперь?

- Мы с мистером Кестрелем продолжим искать связь между убийством и твоими письмами. Ты должен понять – если она найдётся, я больше не буду тебя защищать. Вся история будет предана огласке.

- А если её не найдётся? – Джеффри переводил опустошённый взор с брата на Джулиана.

- Я могу заверить вас, полковник, я нимало не заинтересован ни в чём, что касается вашей семьи, но не связано с убийством.

Джеффри с трудом поднялся

- Если вы закончили со мной, я пойду.

- У меня есть ещё несколько вопросов. – Остановил его Джулиан. – Вечером в четверг мы с леди Тарлтон встретили вас и леди Фонтклер в оружейной. Она сказала вам «Это глупо и неправильно. Пообещай, что больше не будешь думать об этом». О чём шла речь?

Красное лицо Джеффри побагровело ещё больше.

- Я думал, что могу просто зарядить один пистолет... И покончить со всем. Сесилия заставила меня пообещать, что я не буду этого делать. Она сказала, что я выкажу больше храбрости, не пожелав так убежать. И добавила, что моя смерть не заставит Крэдока отступить. – Он замолчал, а потом хрипло спросить. – Что-то ещё?

- Мне интересно, если у вас привычка носить с собой нож.

- У меня есть складной нож. – Расширив глаза, с запинкой ответил Джеффри.

- Он был у вас при себе в день убийства?

- Я... я не помню.

Сэр Роберт отошёл в стороны, будто действительно не мог больше смотреть на полковника.

- Если вы удовлетворены, мистер Кестрель, думаю, мы можем позволить моему брату идти.

Джеффри дёрнулся к двери, потом повернулся и жалобно спросил:

- Вы расскажете Гэю о моих письмах и всём прочем?

- Мы не посвящали в это Гэя. – Пояснил Джулиану сэр Роберт. – Джеффри не хотел, что он это знал, и я счёл, что нет нужды отягощать его таким знанием.

- А Хью?

- Ему мы рассказали. Мы не имели права просить его согласиться на условия Крэдока, не объяснив, что стоит на кону.

- А мисс Фонтклер?

- Ей ничего не сказали. Изабель гордится нашей семьей и её наследием, и я хотел освободить её от такого знания.

Джеффри отвернулся и медленно пошёл прочь. Сэр Роберт с каменным лицом посмотрел ему вслед, а потом позвонил лакею и приказал ему сообщить мистеру Крэдоку о том, что хотел бы с ним поговорить.

Глава 24. Манёвры

- Итак, она рассказала вам о письмах, так? – Спросил Крэдок. – Не знаю, чего она

хотела этим добиться. Быть может, думала выставив меня в дурном свете, она сможет обвинить меня и в убийстве. Но она дорого заплатит, если письма будут преданы огласке. Фонтклеры смогут отказаться от брака, но это слабое утешение в сравнении с гибелью полковника. Я не осознавал, что она ненавидит меня настолько, что готова пожертвовать собственным братом, чтобы досадить мне.

- Это не менее странно, чем то, что вы готовы пожертвовать своей дочерью, чтобы досадить ей.

- Что вы имеете в виду? – Резко спросил Крэддок.

- Я имею в виду, что как бы Фонтклеры с вами не обошлись, мисс Крэддок ни в чём не виновна, и я думаю, она заслуживает большего чем быть орудием возмездия в руках собственного отца.

- Не вмешивайся не в свои дела, мальчишка! Я этого не потерплю. Знаю я, какую игру ведёшь ты – хочешь сорвать брак между моей дочерью и Хью Фонтклером, чтобы самому получить Мод и несколько сотен тысяч фунтов её приданного. Ты спелся с ней с того мига, как приехал сюда – не думай, что я этого не замечал. Что ж, тебе лучше прямо сейчас узнать то, что позже я скажу и Мод – она не получит ни полпенни из моих денег, если выйдет за кого-то кроме Хью Фонтклера.

- Мой дорогой сэр, я и не думаю покушаться ни на ваши дукаты, ни на вашу дочь. Но я очень высокого мнения о мисс Крэддок и не могу безмолвно смотреть как её отдают замуж против воли благодаря шантажу, что будет отравлять её отношения с мужем и семьей до самой смерти.

- Я не принуждал её давать согласие. Этот выбор она сделала сама.

- В неведении. Она не знала, что стоит на кону и как сильно она повредит Фонтклерам, если откажет Хью.

- Ей и не нужно было ничего знать! Я нашёл ей отличного мужа – из хорошей семьи, с хорошим характером, своими деньгами – больше ей ничего не нужно было знать. Это завидная партия – ни один отец не мог бы желать лучшего! Как я устрою такой брак – это уже моё дело.

- На вашем месте, – заметил Джулиан, – я бы тоже стыдился рассказывать дочери об этом.

- Ради Бога, сэр, это уже слишком! – Он замахнулся кулаком.

Джулиан напрягся, готовясь отразить удар. Но между ними встал сэр Роберт.

- Мистер Крэддок, вы вынуждаете меня напомнить вам, о том, что в моей власти будет арестовать вас за нападение, совершённое в моём присутствии. Что же до вас, мистер Кестрель, будьте добры помнить, что я пригласил сюда мистера Крэддока не для того, чтобы бы ссорились с ним, но лишь чтобы позволить вам расспросить его о возможной связи между убийством и письмами моего брата.

Крэддок бросил на Джулиана тяжёлый, подозрительный взгляд.

- Что вы хотите знать?

Услышав вопросы, Крэддок рассказал, как обнаружил письма, когда пришёл проверить, как идут дела в ломбарде.

- Это было в марте, три месяца назад. Шкатулка мне понравилась. Я подумал, что Мод она тоже понравится. Ворп – Сайлас Ворп, он управляет тем ломбардом – сказал, что выставил шкатулку на продажу около месяца назад, потому что она у него уже год, а владелец не выкупил её и не платил процентов.

Крэддок объяснил, что осмотрел шкатулку и обнаружил тайник с письмами.

- Я прочитал их – милая помесь слезливых любовных записочек и военных сведений.

Мне едва не сделалось дурно. Сперва я хотел отнести их в правительство и газеты. Но так случилось, что я совсем недавно читал в светской хронике о совершеннолетию Хью Фонтклера. Я подумал, что найду этим письмам лучшее применение. Остальное вы знаете.

- Вы не хотели узнать, кто заложил эту шкатулку? – Спросил Джулиан.

- Конечно, хотел. Я спросил Ворпа, но он не смог ответить.

- Он не записывал имён и адресов своих клиентов?

- Он не смог найти документы на эту шкатулку. Этот человек так же туп как его клиенты. Я держу его у себя, потому что он – рохля и делает то, что скажут, и я не думаю, что он обманывает меня – или не больше, чем другие подчинённые.

- Если он потерял документы, как он мог знать, что шкатулку заложили уже больше года назад и пришло время продать её?

- Он делает бирку для каждой вещи в ломбарде – там указано, сколько за неё заплачено и когда её можно выкупать. Я говорил Ворпу, что у него слишком много бумажек – это уже не первый раз, когда он теряет документ. Я сказал, что если такое повторится, он может собирать вещи.

- Он запомнил что-нибудь о том, кто закладывал эту шкатулку?

- Нет. Я же говорил вам – у него жира больше чем мозгов. Но буду честен – клиенты бывают у него каждый день. Нельзя требовать, чтобы он вспомнил того, кто был у него больше года назад.

- А он знал о письмах?

- Насколько я знаю – нет. Я ему не сказал.

- Вы можете предположить, кто заложил шкатулку?

- Нет. Но кто бы это не был, он не знал о тайнике или думал, что его содержимое ничего не стоит.

- Да. – Протянул Джулиан. – Леди Тарлтон сказала так же.

- Я всё ещё хочу узнать, почему она рассказала вам про письма.

Джулиану было любопытно, как Крэддок себя поведёт, поэтому он сказал:

- Я думаю, она хотела, чтобы я перестал забрасывать её вопросами о том, что произошло между вами двадцать лет назад.

- Вы повсюду суёте свой нос, а? Что происходило между мной и леди Тарлтон, вас не касается!

- Я согласен – нет нужды ворошить прошлое. – Вступил сэр Роберт. – Тогда всё было тщательно расследовано...

Крэддок издал краткий смешок.

- Я выслушал вас. – Настаивал сэр Роберт. – И вам нечего было сказать в свою защиту.

- Я не стал опровергать обвинения вашей сестры, потому что не нужно было гадать, чтобы знать, кому вы поверите – ей или мне.

- Вы обвиняете мою сестру во лжи?

- Да. Она лгала.

- Вы никогда не пытались навязать её своё внимание?

- Она лгала. – Твёрдо повторил Крэддок.

- Я не буду отвечать на подобное обвинение.

- Конечно, нет. Я знаю, что не настолько джентльмен, чтобы ссориться с Фонтклером

на равных.

- Нам вовсе не стоит ссориться, если уж скоро мы будем связаны браком Хью. Мы должны выказывать друг другу хотя бы видимость уважения.

- Если всё о чём вы просите – это видимость, я готов. – Крэддок повернулся к Хью. – Что вы собираете делать теперь, когда знаете, что полковник Фонтклер – изменник?

- Я намерен выяснить, имеет ли это отношение к убийству. Если нет, то это не моё дело.

- Я думаю, вы расскажете Мод о письмах?

- Нет, если не придётся. Я думал, вы могли бы сделать это сами.

Крэддок мрачно на него посмотрел.

- Отлично. Я ей скажу. Но не думаю, что она сможет переубедить меня. Пока эти письма у меня, я не выпущу Фонтклеров из рук. И если они захотят нарушить до уговор – тем хуже для них!

Он вышел. Сэр Роберт вздохнул.

- Нам лучше пойти спать. Утром будет дознание.

- Одну секунду. – Джулиан рассказал судье как побывал у миссис Уоррен и что вытянул из неё. Всё равно это может всплыть завтра на дознании, и ему не придётся отвечать за то, что он утаил это. О своих находках на старой мельнице он так ничего и не рассказал. По пути в кровать Кестрель вспомнил Дика Фелтона и его готовность помочь расследованию. Это был наблюдательный парень – возможно, у него талант к такой работе. Как бы то ни было, Джулиан это проверит. У него появилась работа для будущей ищейки с Боу-стрит.

В зеркале, что стояло у леди Фонтклер на туалетном столике, появилось отражение сэра Роберта. Он появился и дверях, прошёл внутрь и сел на стул, что всегда стоял здесь для него. Камеристка осторожно вышла из комнаты.

Судья пришёл рассказать жене про то, что Кестрелю теперь известна тайна Джеффри и о последних подвижках в расследовании. Кроме того, он хотел полюбоваться на неё с распущенными волосами – это всегда вызывало у него трепет. Пока он говорил, леди Фонтклер вынимала из прически шпильки одну за другой, и волна тёмных волос медленно ниспадала вокруг её шеи и плеч. Свет свечей превращал несколько седых волос в сверкающие серебряные нити.

Она слушала внимательно, время от времени задавая вопросы. Когда он закончил, леди Фонтклер некоторое время молчала.

- Кажется, мистер Кестрель убеждён, что тайна Джеффри и это убийство связаны. – Наконец сказала она.

- Он подозревает, что это так.

- Он думает, что Джеффри – убийца?

- Уверен, его развлекает такая возможность.

- Но, Роберт, мы с тобой знаем, что это не так!

- Любовь моя, я не уверен, что знаю это. Не теперь, когда я знаю, что Джеффри делился сведениями с врагом во время войны, я больше ему не доверяю.

- Ты не можешь верить, что он мог хладнокровно убить юную девушку!

- Да, я не верю. Но я мне могу сказать – уже не могу – что это невозможно.

- Дорогой, у тебя на плечах будто бы тяжесть всего мира. – Она поднялась, встала у мужа за спиной и стала укачивать его голову на своей груди. Сэр Роберт закрыл глаза. – Ты

знаешь, что не обязан принимать подозрения мистера Кестреля близко к сердцу. Он беспокоится о том, что его слуга сейчас в тюрьме, и это подгоняет его. Я не могу винить его в этом. Та темница – ужасное место. Роберт – ты знаешь, я не хочу вмешиваться в судейские дела...

Он обернулся.

- В чём дело, дорогая?

- Похоже, что доказательств против слуги мистера Кестреля почти нет. Стоит ли дальше держать его в тюрьме?

«Как это похоже на неё. – Подумал сэр Роберт. – Её дом окружает столько проблем, он она всё равно готова позаботиться о незнакомце и слуге».

- Завтра я либо отпущу его, либо обвиню в убийстве. Я не могу удерживать человека больше трёх дней без суда.

- И что же ты решил?

- Я пока не решил. Я всё ещё ничего не узнал от Джона Ривза – это особый констебль, что отправился по пути, которым ехала эта девушка. Если она прибыла из Лондона, то она и Стоукс могли быть знакомы.

- В Лондоне живёт очень много людей. Это очень расплывчатая связь.

- Конечно. Я признаю, доказательств против Стоукса почти нет. Проблема в том, что их почти нет и против кого бы то ни было.

- Мистер Кестрель поручился за него, а он по похож на человека, что готов взять в камердинеры первого встречного. И, Роберт, я немного наблюдала за Стоуксом перед убийством – как и за всеми, кто останавливается в нашем доме, даже слугами – и он показался мне очень приятным молодым человеком. Я не могу поверить, что он кого-то убил.

- Ты правда считаешь его невиновным?

- Да, всем сердцем. – Её огромные глаза серьёзно смотрели на судью.

- Что же, если дознание не выявит никаких свидетельств против Стоукса, я прикажу его отпустить.

- О, я так рада!

Она протянула руки к мужу. Он обнял её в ответ, поцеловал её в губы, щёки, шею. Они женаты уже больше двадцати лет, но он всё ещё испытывал трепет от того, что на – его жена, что нечто столь прекрасное, яркое и доброе может принадлежать ему. Он подумал о страсти Джеффри к Габриэль Дешам и содрогнулся. Каково это – быть невольником безжалостной интриганки, женщины, который ты не можешь доверять!

Наконец, она, раскрасневшаяся и улыбающаяся, отстранилась от него и скользнула на своё место перед столиком и снова взялась за расчёску.

- По крайней мере, бедному мистеру Кестрелю больше не нужно будет обременять себя расследованием. Ведь он ввязался в него лишь потому что беспокоится о своём слуге.

- Я думаю, он заинтересовался им не только поэтому.

- Он очень умный молодой человек, а у умного молодого человека должны быть развлечения. Но я уверена, что он найдёт себе более безопасный способ провести время, чем раскрывать убийства.

На следующее утро Мод удалось поймать Джулиана одного перед завтраком.

- Я хотела поблагодарить вас за то, что убедили отца рассказать мне про письма полковника Фонтклера.

Он пожал плечами.

- Я думаю, он сказал вам, потому что решил, что вы имеете право это знать.

- Я думаю, что кто-то убедил его решить так. – Ответила Мод.

На это Джулиан ничего не ответил.

- Эта тайна будет предана огласке? – Спросила девушка.

- Это зависит от того, связана ли она с убийством.

- А вы думаете, что это так?

- Очень похоже.

- По крайней мере, если тайну сохранить не удастся, отцу больше нечем будет шантажировать Фонтклеров. То, что он сделал – это ужасно! Это унижительно, и для Фонтклеров, и для меня. Я найду способ остановить это. Я хотела бы, чтобы леди Тарлтон нашла письма, когда обыскивала его комнату. Но отец сказал, что их там не было. Он вовсе не брал их с собой в Беллегард.

- А он не упомянул, где они?

- Нет. Я спросила, но он не захотел говорить. Я думаю, они должны быть дома – в шкафу у него в кабинете. Это стальной шкаф, который он купил, чтобы хранить важные бумаги. Замок делал лучший мастер в Лондоне, а ключ отец носит на цепочке на шее, вместе с другими важными ключами, и никогда не снимает его, даже ночью. Если письма и правда там, то их никак не достать. Но должно же быть что-то, что могу сделать! Должно быть!

Дознание длилось всё утро и добрую часть дня. Оно проходило в «Синем льве», в большой задней комнате, где собирались члены местных клубов и устраивали танцы. Сейчас здесь яблоку негде было упасть от набившихся олдертонцев и соседей. Джулиан заметил трёх молодых людей – поджарых, в испачканной городской сажеей одежде и со следами чернил на пальцах. Они попеременно бросали окрест острые взгляды и строчили что-то в блокнотах. Убийство явно привлекло внимание лондонских газет.

Джулиан свидетельствовал первым – он описал, как обнаружил тело в своей кровати. Эта история уже была широко известна, но её публичный пересказ вызвал шумиху. После него МакГрегор рассказал о способе убийства и предполагаемом времени смерти.

Дик Фелтон и миссис Уоррен оказались неудобными свидетелями. Фелтон развлекался вовсю и цедил то, что знает, так медленно, как только мог, а миссис Уоррен была столь напугала, что едва могла вымолвить слово. Синдерби рассказал о том, что предпринял для расследования. Среди собравшихся раздался тревожный ропот, когда стало явно, что из Беллегарда ничего не пропало и нет никаких признаков взлома. Люди не могли не понять, что теперь самые обычные мотивы убийства исключаются.

Тень подозрений неминуемо падает на Фонтклеров. Как и предсказывал МакГрегор, коронер не стал вызывать их как свидетелей или расспрашивать где они были во время убийства. Он говорил о них с глубочайшим уважением и горько сетовал на то, что семья оказалась втянута в столь скорбное происшествие. Он явственно надеялся установить, что преступником будет слуга мистера Кестреля. Но доказательств, хоть как-то связывающих мистера Стоукса с жертвой не было. Присяжным пришлось вынести вердикт – «преднамеренное убийство, совершенное неизвестным лицом или группой лиц».

После дознания Джулиан затерялся в толпе, намереваясь избежать хищных лондонцев с блокнотами. Он заметил Дика Фелтона, подошёл к нему и предложил поговорить с глазу на глаз.

Фелтон вывел Кестреля на пустующий задний дворик зеленщика, что был соседом «Синего льва».

- У вас для меня работа, сэр? – Нетерпеливо спросил парень. – Полицейская работа, я хочу сказать?

- Да, есть работёнка, которую нужно сделать.

- Я – ваш человек, сэр! Я готов на всё.

- Ты знаешь бродягу Блисса?

- Конечно, знаю! Так это он это сделал, сэр – он убийца?

- Сомневаюсь. Но мне нужно найти его. Синдерби пытается это сделать, но он не понимает, насколько важен Блисс – в отличие от меня. Ты говорил, что можешь ненадолго отлучиться из «Синего льва». Попытаешься найти для меня Блисса?

- Я смогу! Расспрошу про него по всем окрестным деревням. Я выслежу его как индеец. – Его лицо вытянулось. – Только вот я могу оставить «Льва» всего на несколько дней. Мой брат, что мог бы меня подменить, начнёт работать на ферме уже под конец недели.

- Используй эти несколько дней и посмотри, что выйдет. Быть может, ты успеешь найти Блисса или хотя бы понять, куда он мог деться.

- А что делать, если я его найду?

- Попытайся убедить его прийти сюда и ответить на несколько вопросов. Скажи ему, что я в долгу не останусь – я слышал, ничто не чарует его так, как звон монет.

- Это точно, сэр, за деньги он что угодно сделает.

Джулиан поморщился, вспомнив свои надежды на то, что пребывание в деревне облегчит жизнь его кошельку.

- Если ты найдёшь его или нападёшь на его след, я в долгу и перед тобой не останусь. И оплачу все расходы, найдёшь ты его или нет. Честная сделка?

- Да, сэр!

- И ещё кое-то. Сможешь ты привести своего брата на своё место так, чтобы ни он, и никто другой не узнал, что ты работаешь на меня?

- Не беспокойтесь, сэр. Я их всех надурю. Значит дело строго секретное?

- Именно.

- Тогда я могила, сэр. Ни слова не развоню. «Раззвонить» – это так преступники говорят, но вы ведь тоже это знаете, сэр? – Хитро спросил Дик.

Джулиан начал догадываться о том, что подозревает этот парень. Он улыбнулся – интересно, что бы сказали на Сент-Джеймс-стрит, узнав, что Джулиана Кестреля приняли за ищейку с Боу-стрит. В свете ищеек считали настоящим бичом и просто помехой – вечно вламываются в игорные дома, срывают дуэли, мешают джентльменам развлекаться. Впрочем, подумал Джулиан, если сыновья достойных людей знают, как раскрывать преступления, почему бы им не присоединится к ищейкам забавы ради – в конце концов, платят же они за то, чтобы выйти на бой против настоящих боксёров или взять в руки вожжи дилижанса.

Ближе к вечеру вернулся Джон Ривз – особый констебль – и явился на доклад к сэру

Роберту. Джулиан узнал о его визите, когда тот уже ушёл, и немедленно встревожился. Почему не послали за ним и не пригласили послушать? Он отправился к кабинет сэра Роберта.

- Мистер Кестрель. – Поприветствовал его судья. – Я как раз собирался разыскать вас. Вы будете рады узнать, что я приказал Синдерби отпустить вашего слугу. Я не верю, что у нас есть основания обвинять его.

- Очень рад слышать это. Спасибо.

- Вам стоит благодарить леди Фонтклер. Она была очень обеспокоена судьбой мистера Стоукса и говорила в его пользу, как и в вашу.

- Это очень мило с её стороны. – Медленно проговорил Джулиан. Конечно, он был рад, что Брокер на свободе, но что-то в поведении сэра Роберта вызывало у него мурашки.

- Я вынужден просить вас и вашего слугу пока что оставаться поблизости – вы можете понадобиться, чтобы свидетельствовать в суде или отвечать на иные вопросы. Но в этом нет никаких трудностей – вы всё так же наш гость, и я надеюсь, вы останетесь и дальше, несмотря на этот печальный случай.

Сэр Роберт встал из-за стола, показывая, что разговор окончен. Но Джулиан спросил:

- Я слышал, что вернулся Ривз. Он что-нибудь обнаружил?

- Вы собираетесь и дальше участвовать в расследовании, мистер Кестрель? Но ваш слуга теперь на свободе. Теперь главная причина, что связывала вас с этим делом, устранена.

«Точно. – Подумал Джулиан. – Вы очень ловко устранили её – по настоянию леди Фонтклер».

- Даже если Брокер вышел из тюрьмы – он будет под подозрением, пока не найдут настоящего убийцу. До тех пор люди будут сплетничать и о моей роли в этих событиях. Если дело не будет раскрыто, и я, и Брокер останемся с этим пятном на всю жизнь.

- Неужели вы думаете, что я оставлю это дело прежде чем предам убийцу правосудию?

- Я думаю, что вы сделаете всё, что можно ожидать от человека, каждый поступок которого может погубить людей, которых он любит больше всего.

- Я знаю, вы полагаете, я не могу быть беспристрастным. Не буду лгать – я сам боюсь того же. Именно поэтому я согласился, чтобы вы в этом участвовали и заставляли меня рассматривать возможности, что иначе бы отбросил. Но теперь мне не нужна такая совесть. Расследование больше не в моих руках.

- Я не понимаю.

- Ривз проследил путь убитой от Олдертона до одного лондонского постоялого двора. У неё не было ни компаньонки, ни горничной – она путешествовала одна и делала всё сама. Он не узнал, зачем она приехала. Нашлось очень мало людей, что видели её или говорили с ней. Если она и называла кому-то своё имя, никто его не запомнил. У меня нет выбора, кроме как дать объявление в Лондон в надежде, что она там жила или имела знакомых, и предложить награду за сведения.

- Тогда Боу-стрит обязательно примет участие.

- Да. Вы можете представить, как мало я этого хочу. Профессиональные полицейские обязательно докопаются до писем Джеффри, узнают, как Крэддок их использует – и, в отличие от вас, без сомнений предадут огласке всё, что обнаружат. Но я ничего не могу поделать. Расспросы предстоит вести в Лондоне – иначе личность девушки не установить, а без этого не обойтись. Я не вижу способа избежать Боу-стрит.

Джулиана вмешательство ищет радовало ещё меньше. Если Боу-стрит влезет в

расследование, кто-то из ищек может узнать Брокера, и его преступное прошлое выплывет наружу. Это может дать сэру Роберту основания обвинить камердинера в убийстве. Пребывание Брокера на свободе рискует оказаться слишком коротким.

Глава 25. Старый друг Брокера

Брокер пришёл в ужас от того, как обращались с гардеробом его господина, пока он сидел в тюрьме.

- Я бы никогда не стал так жечь утюгом. – Качая головой, сказал он, глядя на одну из рубашек Джулиана. – Посмотрите, что стало с воротничком.

Джулиан не обратил на это внимания. Брокер посмотрел, как господин ходит по комнате туда и обратно, и спросил:

- Вас что-то беспокоит, сэр?

- Сэр Роберт сказал, что расследование перемещается в Лондон. Стало быть, в дело почти наверняка вступят ищейки с Боу-стрит.

- Думаю, под конец они точно появятся. – Кивнул Брокер. – Но если они вцепятся в меня, я скажу, что вы ничего не знали, когда брали к себе. Наплету им, что убедил вас, будто я человек честный.

- И выставишь меня дураком. – Со смешком ответил Джулиан.

- Вы должны позволить мне прикрыть вас, сэр – зачем идти ко дну обоим?

Позвонили к ужину. Джулиан, несмотря на протесты Брокера, принялся переодеваться.

- Ты же знаешь. – Заметил он, хмурясь. – Твоё имя наверняка всплывало в газетах, когда там писали о дознании. Если лондонские полицейские их читали, они могут «вцепиться», как ты говоришь, в тебя ещё до того, как вообще начнут расследование.

- Необязательно, сэр. Они знают меня как Брокера, меня так называли, когда я карманничал. Они могут вовсе не знать имени «Стоукс».

- Слава Богу, что на дознании тебя всегда величали «Стоуксом». – Джулиан состроил печальное лицо. – Теперь мне нельзя будет называть тебя этим прозвищем. Они так тебе подходило.

- Мне оно всегда нравилось больше чем фамилии, сэр. Имени нужно что-то говорить о том, кто его носит, вот что я скажу.

- А за меня говорил костюм, о котором ты так печёшься – леди Тарлтон сравнила меня со зловещим чёрным вороном. Что же, могло быть и хуже. Представь, если бы я совал нос в их дела, нося красное, как малиновка с Боу-стрит, или имя вроде «Сайлас Ворп»^[43].

Брокер моргнул.

- Откуда вы знаете мистера Ворпа, сэр?

- А ты его знаешь?

- Да, это же Опарыш, сэр.

- Прошу прощения?

- Так мы его называли с моими приятелями. Если бы вы видели его, то поняли бы, почему Опарыш. Он толстый, весь белый и мягкий, да ещё и лысый как бильярдный шар.

- Откуда ты его знаешь?

- Ну, между мной и вами, сэр, он был нашим мешком. Как это будет... скупщиком.

- Скупщиком краденого?

- Да, сэр. Он обычно всё сбывал через ломбард почти по-белому. Иначе, тот малый, что

владеет ломбардом, вышвырнул бы его вон, а лавка Опарышу была нужна, чтобы выглядеть богато. Вообще-то у него ещё была своя хибарка, где он скупал у нас товар, но порой мы тащили добычу ему прямо в ломбард – разные мелкие вещи, вроде промокашек или луковиц, которые надо быстро с рук сбыть. Он их брал и никогда не задавал вопросов. И никогда не давал честную цену, но что тут поделаешь? Поймай нас с таким уловом, тут же посадили бы на пансион^[44].

- Ты знал, что владелец этого ломбарда – Крэддок?

- Нет, сэр. – Брокер был здорово удивлён.

- Он думает, что Ворп – совершенный глупец, но честный.

- Ну так он дважды неправ, сэр. Мистер Ворп не глуп и не честен. Он всё замечает, мистер Ворп. И память у него удивительная – поглядит на луковицу или шандал или ещё какой наш улов и сразу вспомнит, откуда он у него, будто это было вчера.

- В самом деле? Брокер, я думаю, самое время поведать тебе, что я узнал, пока ты был... в пансионе. Но это – строго между нами. – Он рассказал, как Крэддок заполучил письма Джефффри и как шантажировал Фонтклеров.

- Чего я не понимаю, – закончил он. – так это, почему мистер Ворп, что, по твоим словам, помнит всё и вся, ничего не мог сказать о том, кто заложил ему эту шкатулку.

- Наверное, он был уверен, что она краденая, сэр, и не хотел сдавать вора. Он же с нас кормился, сэр. Никто ему ничего не будет носить, если узнают, что он растрепал имена своих ребят.

- Ты осознаёшь, что говоря о ворах, всегда называешь их «мы»? Ты всё ещё считаешь себя одним из них, верно?

- Непросто с этим расстаться, сэр. Я хочу сказать – когда ты в семье, то ты будто в другом мире – там, где все члены семьи – твои друзья, а все остальные – враги. Но я не скучаю по этому, сэр, и не хочу к этому возвращаться. Да чтоб мне ослепнуть, если хочу!

- Я верю тебе.

- И ещё, сэр, я думаю, что мистер Крэддок мог бы заставить мистера Ворпа расколоться, если бы надавил. Но мистер Ворп всегда строит из себя дурака. – Брокер многозначительно качнул головой. – Скорее всего, мистер Крэддок поверил, что у того и правда глухо с тем, чтобы вспомнить про шкатулку.

- Брокер, – задумчиво протянул Джулиан. – а Ворп знает, что ты бросил воровство?

- Не знаю, как бы он мог об этом узнать, сэр. Он, конечно, меня не видел почти два года, но может быть думает, что я угодил в казённый дом или записался в мореходы – то есть, думает, что выслали за море, я имею в виду.

- А он знает тебя как Томаса Стоукса или только как Брокера?

- О, только как Брокера, сэр.

- Стало быть, даже если он читал в газетах об убийстве, он никак не сможет связать его с тобой.

- Скорее всего нет. Вы что-то задумали, сэр?

- Да. – Сказал Джулиан, его глаза засветились. – Да, задумал.

В гостиной, где все собрались перед ужином, мисс Крэддок спросила Джулиана о том, как идёт расследование.

- Я ещё не говорил этого сэру Роберту, – ответил Кестрель. – но завтра я собираюсь

поехать в Лондон и расшибаться в лепёшку там.

- Забавно. Я тоже завтра собираюсь в Лондон. – Она покраснела и заторопилась объяснить. – Мне нужно много всего купить перед свадьбой и уехать из Беллегарда после всего, что случилось, на несколько дней. Я хотела устроить мисс Притчард небольшой отпуск, и леди Фонтклер разрешила ей поехать со мной – ради приличия и для компании. Отец не поедет – думаю, он хочет остаться тут, чтобы следить за Фонтклерами и расследованием. – Она остановилась, чтобы перевести дыхание. Джулиан подумал, что она назвала ему решительно все возможные причины для своего путешествия, кроме настоящей. – Вы должны позволить мне пригласить вас в наш экипаж. – Добавила она. – Это новое четырёхместное ландо, очень удобное. Если погода будет хорошей, мы сможем откинуть верх.

- Это будет прекрасно. Спасибо.

Про себя он подумал, что путешествовать в одиночку вышло бы намного быстрее. В компании двух дам странствие может затянуться на весь день – не получится гнать лошадей и придётся останавливаться на каждом постоялом дворе, чтобы все подкрепили силы чашечкой чая. Но всё же он решил ехать вместе с Мод. Он подозревал, что она затеяла какую-то сложную игру и ей может потребоваться помощь.

Вошёл сэр Роберт, и Джулиан извинился, сказав, что должен поговорить с ним до ужина. Мод смотрела, как Кестрель отходит в сторону с сэром Робертом – эти двое вместе вышли из гостиной.

Хью наблюдал за мисс Крэддок и Кестрелем. Он не мог отвести взгляд от парочки, что разговаривала, склонив головы друг к другу. Отчасти им руководила ревность, отчасти – желание понять мисс Крэддок, которая становилась для него всё более мучительной загадкой.

Сегодня днём они ездили верхом – вдвоем – но эта прогулка оставила Хью ещё более сбитым с толку и неудовлетворённым. Кажется, они никогда не станут близки. Они много говорили, но она всегда держалась с вежливой, сводящей с ума отстранённостью. Она очаровывала его тысячей способов, не пытаясь делать этого и даже не замечая. Он страстно желал заглянуть в её сердце, но оно было закрыто для него. Теперь его терзали сомнения в том, не завладел ли ключом Джулиан Кестрель.

Теперь Мод ходила у окна, сцепив руки в замок. Хью призыв всю свою храбрость и подошёл в ней.

- Мне понравилась наша сегодняшняя поездка.

Она обернулась к нему и улыбнулась так, что у него перехватило дыхание. Но уже миг спустя она опустила глаза и ответила:

- Мне тоже.

- Я вам мешаю? Вы хотели бы, что я держался подальше? Я знаю, что обручение со мной не было вашим выбором. Я не хотел бы навязывать вам своё внимание, если вы хотите побыть одна. Если бы я знал, что у вас на уме, я бы смог порадовать вас – но я не знаю, а потому лишь беспокою.

- О, нет! Вы так добры ко мне! После того как я мой отец так обошёлся с вашей семьей, мне стыдно слышать от вас такие слова. Я не виню вас, если вы меня ненавидите.

- Я никогда бы не был столь несправедлив! Вы не в ответе за то, что сделал ваш отец.

Вы никогда не поступите низко, подло или бесчестно.

Краска залила её лицо.

- Почему вы не смотрите на меня? Пожалуйста, не теряйтесь! Я не виню вас, никто ни в чём вас не винит. Это чудовищно несправедливо, что вы угодили в этот узел! Если бы мы познакомились как другие пары...

Она глядела на Хью, её глаза блестели, а рот – приоткрылся. Он схватил её руку в свои.

- Мисс Крэдок... Мод... Моя мать говорила мне, что завтра вы уезжаете на день или два в Лондон. Почему я не могу поехать с вами? Мы можем по-настоящему узнать друг друга – вдали от вашего отца и моей семьи. Если мисс Притчард поедет с нами, а я остановлюсь в нашем городском доме, никто не сможет подумать ничего дурного.

- О, но я... Я не хочу отнимать вас от семьи... как раз, когда произошло убийство и... всё прочее. Это очень короткая поездка, мы будем ходить по магазинам всё время, я уверена, вы заскучаете...

- Я понимаю. – Сухо ответил он, отпуская её руку. – Простите, что поставил вас в столь неловкое положение. Если вы находите моё общество столь неподходящим, я больше не буду его навязывать. – Он откланялся и повернулся – но медленно, надеясь на невозможное. Но в горле Мод так пересохло, что она не могла вымолвить и слова. Да и что бы она сказала? Он никогда не поверит, что она не осмеливается поехать в Лондон с ним ради его же блага.

Джулиан рассказал сэру Роберту, что собирается в Лондон, чтобы получить сведения от личного осведомителя.

- Я не могу сообщить вам, кто это, но если вы позволите мне потратить на это несколько дней, я могу привести очень важные сведения. И, конечно, я буду наводить справки осторожно и не привлеку полицейских.

- Мистер Кестрель, почему вы не можете предоставить правосудию вести это дело?

- Вы имеете в виду – предоставить правосудию топтаться на месте, когда я могу всё ускорить?

- Нет. Нет. – Сэр Роберт отошёл к окну и уставился в него невидящим взором. – Я не настолько глух к чувству долга, чтобы препятствовать тому, что может помочь делу. Конечно, мистер Кестрель, вы можете ехать.

За ужином вели бессвязные разговоры о будущей поездке Мод. Джулиан упомянул, что собирается в Лондон по делам и поедет с ней. Хью вздрогнул и посмотрел на Мод и Кестреля, будто говоря «Я мог бы догадаться!» Остальные бросили на Джулиана неловкие взгляды, но если и предположили, что «дела» Кестреля связаны с расследованием, то ничего не сказали. Фонтклеры вообще редко заговаривали об убийстве в его присутствии. Этим и другими способами они спланировали свои ряды, защищаясь от него.

После ужина сэра Роберта и леди Фонтклер позвали к Филиппе, которой после убийства стало дурно спать. Всем остальным вечер в гостиной казался нескончаемым. Крэдок сидел в углу и писал письма. Джеффри ерзал в кресле. Кэтрин ходила туда-обратно. Гэй бродил по саду и курил. Изабель молча расшивала свадебные туфли Мод. Хью был подле неё и с ненатуральным оживлением говорил об искусстве, о поместье – о чём угодно, в чём не могла поучаствовать Мод. Мисс Крэдок ютилась в оконной нише со своей корзинкой для

рукоделия и носовым платком. Джулиану удалось убедить её сыграть с ним в триктрак.

Наконец, настало время отходить ко сну. Лакей подносил свечу каждому, кто выходил из гостиной. Крэддок, уходя вместе с Мод, отвёл Джулиана в сторону.

- Просто помни – если Мод выйдет за кого-то против моей воли, я не дам за ней ни шиллинга. Так что если ты решил увезти её с собой и жениться в Шотландии, подумай-ка ещё раз^[45].

- Прошу тебя, папа! – Мод с мольбой в голосе взяла его под руку. Ради неё Джулиан сдержал гнев – лишь поклонился и ушёл. Чтобы не случилось стычки, он дождался, пока Крэддоки уйдут наверх и лишь потом отправился в свою комнату сам.

Он поднялся по главной лестнице. Свет свечи метался по стене. В доме было очень тихо, но до странного тревожно. Кестрель почти чувствовал, как Беллегард дышит, будто живой. Кратчайший путь от лестницы до его комнаты лежат через большой зал – им он и отправился.

При свете свечи эта комната выглядела фантастически. Сверкала позолота, птицы и цветы на потолке казались живыми. Лунный свет серебром лился через готические окна и бросал бледные тени на мраморный пол. Джулиан понимал, почему Филиппа сказала, что тут можно встретить привидение...

И он его встретил. На противоположной стороне комнаты виднелась неподвижная женская фигура. Она была маленькой и худой – в точности как убитая девушка. Джулиан сильно вздрогнул, но взял себя в руки.

- Кто здесь?

- Т-ш-ш-ш-ш-! – Она подошла, мягко шурша юбками по полу.

Он поднял свечу.

- Леди Фонтклер.

- Я должна поговорить с вами, мистер Кестрель. Пожалуйста, не уезжайте завтра в Лондон.

- Боюсь, я должен. Простите.

- Вы не понимаете, какой вред можете причинить. Вы можете обнаружить что-то, что покажется вам неопровержимым доказательством того, что убийца – кто из нас. Но вы не знаете нас, мистер Кестрель. Как вы можете предполагать, что мы могли сделать, а что нет? Никто из нас – ни один из членов моей семьи – никого не убивал. Я знаю их. Я знаю их всех.

- Я понимаю ваши чувства. Я так же верил в моего слугу, когда его обвинили. Конечно, камердинер – это не то же, что и родственник – не считая того, что кроме Брокера, у меня нет семьи – но суть одна.

- Но он теперь на свободе. Вам этого недостаточно? Почему вы и дальше этим занимаетесь?

- Вы поэтому позаботились о том, чтобы Брокера выпустили – чтобы у меня не было предлога искать убийцу?

- Я надеялась, что у вас достанет доброты оставить нас в покое, когда ваш слуга будет вне опасности. Позвольте Роберту заниматься всем самому. Он судья. Он знает, что делать.

- У меня есть сведения, воспользоваться которыми могу только я. Потому я и еду в Лондон – потому что должен.

- И я никак не могу вас переубедить? – Она подошла ближе, положила руки ему на плечи в легком, нежном, почти соблазнительном прикосновении. Джулиан был будто бы околдован. Лунный свет, эта зачарованная комната, её прекрасное и такое близкое белое

лицо, окутывающий её аромат духов....

Он снял её руки со своих плеч.

- Я всем сердцем хотел бы поступить так, как вы просите. – Вежливо сказал он. – Но это невозможно. Если вы решите, что мне не следует более находиться в Беллегарде, я пойму. Сэр Роберт просил меня оставаться поблизости, но я уверен, что в «Синем льве» для меня найдётся комната.

- Нет. – Она отстранилась, качая головой. – Мой сын пригласил вас. Он доверил вам быть его шафером, а мой муж – вести расследование. Не мне прогонять вас из Беллегарда. И какой из этого толк? Если вы найдёте в Лондоне что-то может повредить... кому-либо... то будете вы дальше гостить у нас или нет – неважно. Колёса того, что зовут правосудием не остановятся.

Перед тем как мистер Крэдок лёг в постель, Мод принесла ему чашку ромашкового чая.

- Миссис Кокс позволила мне сделать его самой. – Сказал она.

Он взял чай, но не отвёл от дочери пронизывающего взгляда.

- Ты не проведёшь меня, девочка моя.

- Не проведу? – Тихо переспросила она.

- Ты пытаешься задобрить меня, чтобы я не догадался, что ты что-то замышляешь. Но я тебя знаю. Скажи мне – ты собираешься сбежать с Кестрелем?

- Нет, отец. Между мистером Кестрелем и мной нет ничего. Я даже не знала, что он тоже собирается в Лондон, когда решила поехать. Но раз мы отправляемся в один день, было бы грубо не предложить поехать с нами в экипаже.

- Этот человек не принесёт тебе добра, Мод. Ему нужны твои деньги.

- Пожалуйста, не беспокойтесь. Я не верю, что мистер Кестрель хочет жениться на мне, и если бы даже захотел, я бы не дала согласия. Это правда.

Крэдок неожиданно прижал к себе дочь и поцеловал в лоб.

- Ты умная девочка, Мод. – Пробормотал он и резко отвернулся, а потому не увидел её печального и виноватого лица.

Глава 26. Теней воздушных имя и жилище^[46]

На следующее утро Джулиан, Мод и мисс Притчард отбыли в Лондон в роскошном ландо Крэддоков. Брокер и горничная Мод – Элис – ехали позади в более скромном экипаже вместе с большей частью багажа. Элис не могла решить, сделало пребывание в тюрьме Брокера зловещим или романтичным, и потому немало сбивала его с толку, то флиртуя, то едва ли не забиваясь в угол. Он утешал себя воспоминаниями о Молли Дейл, что очень тепло встретила его возвращение в Беллегард прошлым вечером. Девушка пригласила его выпить с ней эля в одной пустующей кладовой.

- Я могу остаться совсем ненадолго. – Сказала она, но никуда не ушла. В итоге Брокер почти не спал и отбывал в Лондон очень сонным, но счастливым.

Джулиан спросил спутниц о девицах Фонтклер, которых не видел с самого убийства.

- Мисс Джоанна была ужасно расстроена, когда обо всём услышала. – Рассказала мисс Притчард. – Мисс Филиппа приняла это гораздо лучше – засыпала всех вопросами, хотела

знать почему это и почему то, до тех пор пока мне не пришлось сказать ей, что юной леди не подобает быть столь любопытной.

- Не лучше ли, если он будет проявлять живой интерес, чем бояться?

- Но теперь она боится, сэр. Или, во всяком случае, стала задумчивой. Сидит в одиночестве, смотрит в никуда, не ест, не слушает уроков...

- О, бедная Филиппа! – Воскликнула Мод. – Могу я как-то ей помочь? Я была бы рада поговорить с ней, когда мы вернёмся в Беллегард.

- Очень мило с вашей стороны, мисс Крэдок. Это никак не повредит и может помочь – никогда не знаешь наверняка.

Вскоре голова мисс Притчард склонилась, и из-под её чепца начало раздаваться лёгкое, подобающее леди посапывание. Джулиан же прошептал Мод:

- Кажется, вы решили отказаться от моих услуг странствующего рыцаря.

- Что заставляет вас так думать?

- Вы едете в Лондон, замышляя некое деликатное дело и не думаете рассказать мне, какое, не говоря уже о том, что позволить мне помочь.

- Я бы рассказала вам, но не могу. Только я могу сделать то, что нужно. И я не хочу делить вину с кем-то ещё, если что-то не удастся. – Она с улыбкой повернулась к нему. – Вы тоже не рассказали мне, что за дела у вас в Лондоне.

- Это совершенно иное. Ваш интерес к моим делам может быть просто любопытством, а мой к вашим – это совершенная необходимость. Я приносил вам обет и обязан убивать драконов в вашу честь.

- Вам не нужно беспокоится. Это не очень большой дракон. И, если мне правда понадобится ваша помощь, я попрошу её. Обязательно.

Путешествуя без лишней спешки путники прибыли в Лондон ближе к вечеру. Экипаж остановился перед квартирой Джулиана на Кларджес-стрит. Мод сказала, что возвращается в Беллегард послезавтра и будет счастлива ехать вместе с ним, если он к этому дню закончит свои дела. Кестрель поблагодарил и вошёл в дом.

Он с удовольствием прогулялся бы по Грин-парку, чтобы размять ноги, но сейчас лучше было не показываться на публике.

- Меня ни для кого нет дома. – Сказал он Брокеру. – Если я начну принимать визитёров, то у меня отбою не будет от расспросов об убийстве. – Он подошёл к окну и задёрнул шторы, чтобы его нельзя было увидеть с улицы. – Как хорошо вернуться. Я скучал по уличному шуму и гаму. Деревенская тишина и покой ужасно действуют на нервы. Ни звука, кроме пения птиц, а ведь они начинают голосить ни свет, ни заря! Ещё одна предрассветная симфония, и я бы швырнул в них кочергой.

Брокер считал, что утренние птичьи трели звучат очень мило – в такое расположение духа привела его Молли.

- Я подумал, сэр, что как распакую вещи и приведу квартиру в порядок, мне стоит побывать на рынке и купить кое-какое тряпье на завтра. Я не могу идти в таком виде.

- Да, в самом деле. Я уже представляю тебя в пиратской повязке на голове и серьгой в ухе, но думаю для английского вора это слишком красочно.

На дверями одной лавки недалеко от Стрэнда красовалась вывеска с тремя золотыми шарами. Внутри – длинная узкая комната, мебель в которой была нагромождена так, будто

кто-то собирался разводить костёр. Вдоль стен стояли столы, заваленные мелкими предметами – книгами, лампами, фарфоровыми статуэтками, дорожными несессерами. Вещи побольше – трости, кочерги – торчали из проходов. Ценности, вроде часов или ювелирных украшений, были заперты в шкафах. Сайлас Ворп не доверял людям. Свет, что пробивался через одно грязное оконце, иссякал, не в силах освятить противоположный конец комнаты. Там горела масляная лампа, отбрасывая зловещие отсветы на большое белое лицо ломбардщика.

Ворп зевнул. Сегодня дела шли ни шатко, ни валко. С утра у него успела побывать лишь молодая парочка – они ходили под руку и то и дело натыкались на товар. Собираются пожениться, но будут бедны – решил Ворп. Они с тоской глядели то на одну вещь, то на другую, но не тратили ни фартинга. Он был прав. Наконец, парочка собралась выходить – всё так же под руку. Только что появившийся в дверях молодой человек, приподнял шапку и шагнул в сторону, позволяя им пройти.

Ворп бросил взгляд на молодого человека, и по его лицу расплылась широкая улыбка.

- Глазам своим не верю! – Воскликнул он глубоким, благозвучным голосом. – Брокер!

- Привет, мистер Ворп! – Брокер прошел дальше, ловко огибая выставленный товар. – Выглядите очень важно, должен сказать. Дела идут хорошо?

- Мой дорогой мальчик, я едва удерживаюсь на плаву. Всё так же как прежде – кое-как свожу концы с концами. Но ты – где ты был все эти годы? – Он наклонился над конторкой и сочувственно прошептал. – Таскал кандалы?^[47]

Брокер придал лицу умильно-жалостное выражение.

- Я хотел бы не вспоминать об этом, если вы не против. Хочу оставить это позади.

- Конечно, мой мальчик, конечно. Такое случается порой даже с лучшими из нас. Лучше двигаться дальше, а? – Он снова понизил голос. – У тебя нет ничего, о чём я бы мог позаботиться? Потому что сейчас самое время, потому что тут ни одного покупателя, что могли бы... отвлечь моё внимание.

Брокер воровато оглянулся, потом полез в карман и достал серебряную табакерку.

- Гляньте-ка на это, мистер Ворп.

- Весьма недурно, весьма. Жаль на такие вещи очень небольшой спрос.

Они немного поторговались – Брокер ныл, Ворп с сожалением качал головой.

- Я хотел бы дать больше, мой мальчик, я хотел бы. – Говорил он. – Но времена сейчас тяжёлые, ты же понимаешь, и на серебро меньше охотников, чем прежде.

Наконец, они договорились. Брокер сунул деньги в карман и уже собирался было попрощаться с Ворпом, как будто что-то вспомнил.

- Мистер Ворп, есть кое-что, что я хочу знать, и подумал, что вы могли бы мне это рассказать.

- Конечно, я был бы рад помочь, если смогу. В чём дело?

- Ну... – тихо сказал Брокер, – есть одна коробка для побрякушек, чёрно-золотая, японская. Я слышал, её заложили здесь. Вы знаете что-нибудь об этом?

- Честное слово, сколько интересного в этой шкатулке. Должно быть, она стоит куда больше, чем я представлял. Боюсь, у меня её больше нет. Главный забрал себе.

- Ну и ладно. Мне нужна-то не сама шкатулка, а то, кто её заложил.

- Я понимаю. – Ворп хитро улыбнулся. – Если бы я был парнем твоих лет, я бы тоже её искал. Она и правда была лакомым кусочком.

Брокер скрыл своё ликование под адресованной Ворпу заговорщической улыбкой.

- Так можете рассказать мне о ней? Я ищу её с тех пор, как вышел из тюрьмы.

- Что ж, я желаю тебе удачи, мой мальчик, но я ничего про неё не слышал с тех пор как другая девушка спрашивала меня про неё несколько недель назад.

- Если вы начнете с самого начала... – Предложил Брокер.

- Когда я впервые видел этих двоих, ты хочешь сказать? Да уже больше года тому – ты ведь знаешь мою память на лица. Между тем, тебе стоит поблагодарить меня – юная леди, на которую ты положил глаз, не попала в руки закона. Главный расспрашивал про эту шкатулку и то, откуда она у меня. Я был здорово удивлён – не думал, что она краденая. Но, конечно, когда Главный начал задавать вопросы, я понял, что юная леди... хе... где-то нашла эту вещицу. А раз так – мой рот на замке. Я сделал вид, что не ничего не помню – я даже подделал запись в книге. Такова моя преданность тебе и твоим собратьям по ремеслу.

- Ну вы и ловкач, мистер Ворп.

- Спасибо, мой мальчик. Теперь, дай-ка подумать... Должно быть, это было в феврале того года – тогда у меня побывали две юные дамы, потому что в этом феврале истёк срок выкупа шкатулки. Одна из девушек – её звали Луиза – была светловолосая, крепко сбитая, некрасивая – бедняжка. Другая – та, что и поверила шкатулку моим заботам – ну, мне не надо её тебе описывать, раз ты уже поддался её чарам.

Брокер быстро сообразил.

- Но как же я могу быть уверен, что это та самая деваха?

- Не глупи, мальчик мой, кто же ещё? Должен сказать, она будто настоящая французская статуэтка. Одобряю твой вкус.

- Французская? – Теперь Брокер мог рискнуть. – Маленькая такая, рыжая, глазищи голубые?

- Именно так. По-английски она почти не говорила. Вторая девушка, Луиза, была её переводчицей. Очень неприятная особа эта Луиза и совершенно неуместно настойчива, когда речь идёт о цене.

Ворп рассказал, что говорила с ним почти одна Луиза. Француженка оказалась очень пугливой и застенчивой. Он дал её расписку, а она назвала своё имя и адрес – мисс Эми Филдс, живёт на Паддл-стрит, недалеко от лавки Ворпа.

- Эми Филдс. – Повторил Брокер. – Звучит как-то не по-французски.

- Да. Но разве многие в твоём деле пользуются настоящими именами? Я должен был догадаться, что это – твоя коллега, но её спутница Луиза выглядела такой честной. Я не мог вообразить, чтобы она была в сговоре с преступницей. Должно быть, эта хорошенькая подружка и втянула её в ваше дело. Потому что месяц или два назад она снова приходила и спрашивала, не видел ли я мисс Филдс. Эми будто бы исчезла без следа.

Как объяснил Ворп, Луиза думала, что её подруга приходила выкупать шкатулку. Он сказал, что не видел мисс Филдс с прошлого февраля, а шкатулка была продана пару недель назад.

- Я думаю, лучше было не упоминать, что её забрал Главный. – Пояснил он. – Эта Луиза казалась очень волевой девушкой, что могла доставить неприятностей.

- Вы всегда разбирались в людях, мистер Ворп. Вы же знаете жизнь, как никто.

- Мой дорогой мальчик, твои похвалы подавляют меня.

- Так эта деваха – Луиза – где она живёт?

- Мне показалось, что эти юные леди жили вместе – на Паддл-стрит.

- Спасибо, мистер Ворп. Я знал, что вы мне поможете.

- Тебе не терпится пойти и продолжить поиски прямо сейчас. Не могу винить тебя. Как славно быть молодым и влюблённым. Дай мне знать, если найдешь её. А если ещё какие-нибудь маленькие побрякушки попадут тебе в руки, я надеюсь, ты позволишь мне избавить тебя от них.

- Я знал! – Джулиан мерил шагами парадную комнату, как зверь – клетку. – Я знал, что есть связь между убийством и письмами! Интересно, откуда же эта Эми Филдс достала шкатулку? Она могла быть служанкой или знакомой Габриэль Дешам – и тогда могла найти или украсть её. Кажется, о тайнике она не знала. Но если она ничего не ведала, ни о полковнике Фонтклере, ни о его тайне, то как оказалась в Беллегарде, да ещё убитой?

- Удивительное дело, сэр. – Покачал головой Брокер.

- Другая девушка, Луиза, может что-то знать. Ты сказал – Паддл-стрит?

- Да, сэр. Я был там после мистера Ворпа, и спрашивал о белобрысой девахе по имени Луиза. Кажется, она живёт и работает в заведении у своей матери – «Э. П. Хоулэнд, модистка». Я сходил и туда, поглядел, но там было закрыто.

- Я всё равно схожу – посмотрим, может быть, смогу найти её или кого-нибудь, кто знает, где она.

Брокер подал ему шёлковый цилиндр, перчатки и трость.

- Чуть не забыл, сэр. Вот бобы, что я получил за вашу табачницу. Мистер Ворп не был щедр – он никогда не бывает щедр – но эта сделка его задобрила.

- Значит, жертва того стоила. Я всё равно её не использовал. Мне подарила её одна знакомая маркиза, перепутав с другим англичанином, что нюхал табак. Ему она вручила пюпитр, что предназначался для меня. Он не играл, но на него оказалось очень удобно вешать шляпы. – Он надел перчатки. – Эми Филдс. – Протянул он, будто пробуя имя на вкус. – Интересно, настоящее ли это имя. Оно явно не французское... О Боже всемогущий, я просто болван.

- Сэр?

- Это не прозвище – это перевод. Если перевести «Филдс» на французский, получится «Дешамс».

Паддл-стрит была одним из самодостаточных лондонских мирков. Здесь был собственный зеленщик, свой цирюльник, торговец канцелярией и паб. У каждой лавки было маленькое полукруглое окно, в котором красовался предмет, говоривший о том, чем занимается владелец – сапог, старая книга, аптекарская ступка с пестиком. В окошке «Э. П. Хоулэнд, модистки» была выставлена голова из папье-маше с выцветшими чёрными глазами, розовыми щеками и в ситцевом чепце.

Джулиан толкнул дверь, но она оказалась заперта. Он заглянул в окно. Лавка была тускло освещена, но Кестрелю удалось разглядеть два небольших рабочих стола и пару простых деревянных стульев. Большой стол был завален отрезами ткани, лентами и искусственными цветами. Несколько голов, вроде той, что торчала в окне, демонстрировали готовые чепцы, а скелетоподобные соломенные основания ещё нескольких лежали рядом, ожидая обработки.

Внутри никого не было. Джулиан постучал, но никто не отозвался. Несколько прохожих

бросили на него любопытные взгляды. Таких щёголей в этих местах видели нечасто. Он постучал ещё раз, погромче и, наконец, услышал внутри шаги. Лавка может и была пуста, но этажом выше кто-то был. Шаги приблизились к двери. Она открылась – на пороге стояла молодая женщина.

Она была коренастой и здоровой, но усталой – глаза покраснели, под ними залегли тени. Пряди волос – такие бледные, что почти белые – выбивались из-под домашнего чепца. У неё был вздёрнутый нос и круглые, ясные светло-голубые глаза.

- Мы закрыты... – Начала была она, но, к удивлению Джулиана, оборвала сама себя. – Могу я что-нибудь сделать для вас, сэр? – Её тон позволял предположить, что она не может и вообразить, что может сделать для него.

- Я ищу юную леди по имени Луиза.

- Я Луиза. Луиза Хоуленд

- Рад знакомству, мисс Хоуленд. Моё имя Джулиан Кестрель. У меня есть для вас важные новости. Могу я войти?

- Ну... Я думаю, да. Моя мать болеет, но сейчас спит. Если она проснётся, я пойду к ней наверх.

Она провела его внутрь лавки.

- Так в чём дело?

- Я думаю, вы когда-то знали юную леди по имени Эми Филдс.

Её глаза загорелись.

- Вы знаете что-то об Эми? Где она?

Он поколебался, не зная, как помягче сообщить новость.

- О, я поняла! – Взорвалась она. – Вам стоит стыдиться себя – стыдиться! Как вы смеете смотреть в лицо христианке после того, что вы сделали!

- Мисс Хоуленд...

- Почему вы не оставили её в покое? Она была хорошей девушкой, изо всех сил пыталась жить достойно, несмотря на то, чему её учили и что мать у неё была – что твоя кошка! Как вы могли воспользоваться такой слабой девушкой как она! А теперь вы приходите сюда и хотите, что я исправил всё, что вы с ней сделали. Ну что же, я пойду и уведу её подальше от вас и вам подобных, чтобы она могла снова жить со мной и Матерью – мне всё равно, чем она занималась. Где она? Что вы сделали с ней?

- Мисс Хоуленд, я никогда не знал мисс Филдс. Я никогда даже не видел её – при жизни.

- Эми мертва? – Тихо спросила Луиза.

- Да. Мои соболезнования.

- Как она умерла?

- Её убили.

- Что? Кто-то убил её? Кто это был? Почему?

- Это именно то, что хочу знать и я.

Он рассказал Луизе об убийстве – как он нашёл тело в своей комнате в Беллегарде, как его камердинер был обвинен в этом преступлении. Кестрель старался меньше говорить о Фонтклерах и ни слова не сказал про письма Джеффри. Он чувствовал, что не должен распространять эту историю шире, чем это могло помочь.

Девушка достала платок и неуклюже высморкалась.

- Я слышала об убийстве в доме какого-то сквайра. Люди всё болтают об этом

последние несколько дней. Но я ухаживала за Матерью, и у меня не было времени узнать всё подробно или почитать газету. Я никогда не думала, что жертвой может быть Эми. Вы слышите о жутких преступлениях, но никогда не думаете, что это может случиться с кем-то знакомым. Вы не думаете, что она была... я хочу сказать... что убийца, он не...

- Нет. Нет. Этого ей переживать не пришлось.

- Хорошо. Эми не вынесла бы. Она была очень робкой. Боялась мужчин.

- Но сперва вы предположили, что я – её любовник.

- Я не знала, почему ещё джентльмен вроде вас может спрашивать про неё. А когда такая хорошенькая девушка как Эми вдруг куда-то пропадает, задумаешься, а не замешан ли тут мужчина. Но это не похоже на Эми – это меня и озадачивало. Она не из тех, кто бегают за кавалерами. Она всегда была очень робкой, но с мужчинами – особенно. Её мать была шлюхой, что спала с мужчинами за то, что они могли ей дать. Эми не хотела быть такой.

- Её мать звали Габриэль?

- Да, именно. Я никогда её не видела. Она умерла ещё до того, как Эми приехала в Англию – и к лучшему, скажу я, хоть это и не по-христиански. Эми никогда не рассказывала о том, как дурно мать с ней обращалась, но тут и так всё ясно. Потому она и не может сама о себе позаботиться. Она так привыкла подчиняться матери, что никогда и слова в свою защиту никому не скажет. Будь зверёк, у которого должен быть панцирь, но его нет, а потому она такая мягкая, пугливая и ранимая.

Кестрель встал и сделал несколько шагов в сторону. Он узнал то, что хотел – но, Боже правый, это было мучительно. Насколько легче было думать об убитой девушке как о загадке, части головоломки – как о не совсем человеке.

- Как вы познакомились с мисс Филдс?

- На самом деле она не Филдс. Мы назвали её так, потому что её французскую фамилию не выговоришь, но Эми сказала, как она переводится. Но «Эми» – это настоящее имя, хотя она произносила его почти как «Ами».

- *Aimee*. Это значит «любимая».

- Ну что же, любимой она была только мной и Матерью. Едва ли кто-то заботился о ней, пока она не оказалась у нас. Она никогда не знала своего отца, а её мать – ну, я уже сказала, кто она. Я думаю, поэтому-то Эми так и прикипела к своему полковнику. Он был единственным из мужчин её матери, кто был добр к ней.

Джулиан вздрогнул.

- Какому полковнику?

- Она не называла его имя – боялась, что повредит его в неприятности. Её мать втянула этого полковника в какие-то тёмные дела, когда была война в Испании – сделала то ли шпионом, то ли контрабандистом, то ли что-то в этом роде. Эми тогда была совсем ребёнком и ничего не понимала. Она всё время рассказывала о нём – как он приносил ей сладости, называл ласковыми именами, рассказывал про Англию. Эти мелочи для Эми значили всё. Она изголодалась по любви. А когда она с матерью покинула Испанию, то годами не видела этого полковника, но никогда его не забывала. Эми и приехала в Англию после смерти матери, чтобы быть поближе к нему. Она грезилась, что он возьмёт её к себе, сделает её своей дочерью. Она всегда хотела узнать, где он живёт и попытаться увидеть его, но не смела. Боялась, что он припомнит ей, как её мать использовала его.

Она замолчала. В позеленевших глазах мистера Кестреля появился угрожающий блеск, а лицо стало жёстким и суровым.

- Интересно, – тихо проговорил он, – мог ли полковник узнать её, спустя столько лет?

- Эми продумала, как показать ему, кто она. У неё был подарок от него – серебряная такая штука в виде морской раковины. Она всё время носила её на шее. Говорила, что если он не узнает её, она покажет эту раковину, и он всё поймёт.

Глава 27. Подсказка в газете

Итак, Джеффри всё время знал, кем была убитая. Даже если Ами так изменилась за двадцать лет, и он её не узнал, он не мог не понять, кто перед ним, когда увидел серебряную ракушку, что сам ей подарил. Он и есть полковник Ами. Не может быть двух английских полковников, что оба были любовниками Габриэль и оба передавали сведения армии Бонапарта в Испании. Если потребуются больше доказательств того, что Джеффри намеренно лгал, можно вспомнить, как он сказал, что у Габриэль нет семьи. Зачем ему скрывать, что у неё была дочь, кроме как чтобы скрыть то, что эта дочь и есть убитая?

Самая очевидная версия была такой – Ами, терзаясь от давнего желанья снова увидеть Джеффри, нашла его в Беллегарде, а полковник, уже надломленный угрозами Крэддока, убил её в припадке гнева или ужаса.

«Но почему в моей комнате? – Спрашивал себя Джулиан в тысячный раз. – И как он мог встретиться с ней в доме так, что их никто не видел? Или они все лгали – сомкнули ряды, чтобы защитить одного из своих?»

Кестрель придержал воображение. Не смысла складывать мозаику, пока ещё не нашел всех кусочков.

- Расскажите мне, как вы познакомились с мисс Филдс. – Попросил он Луизу.

- Это было в прошлом феврале – около дня святого Валентина. Мы с Матерью заработались допоздна, когда пришла Эми и спросила, не ли у нас работы. Мы пожалели её – у неё не было тёплой одежды, и она была так худа, что за пазухой бы и мышьяк не согрела. Мы пригласили её войти и дали поесть. Она плохо говорила по-английски, но мы сумели понять, что она приехала из Италии, где умерла её мать. Мы захотели помочь ей. Было понятно, что походи она по улицам ещё немного, и она пропадёт. Ей придётся, просто чтобы не умереть с голоду. Это со многими девушками случается.

- Я понимаю.

- Работу мы ей дали, и оказалось она недурно владеет иглой, так что мы взяли её в нашу лавку. Тогда, перед тем как Мать заболела, дела шли куда лучше. – Она тоскливо посмотрела

на столы и недоделанные чепцы. – С клиентами она общалась не очень хорошо – по-английски говорила скверно, была застенчива и так и не научилась толком считать мелочь. Всё больше шила в задней комнате. Шляпки ей давались особенно хорошо – она очень быстро и умело их отделявала.

Джулиан кивнул, вспомнив, как миссис Уоррен хвалила умения девушки.

- Что вы знаете о чёрно-золотой шкатулке для драгоценностей, что она заложила?

- Это была шкатулка её матери. Одна из немногих вещей, что остались у Эми от неё.

Очень много пришлось продать, чтобы покрыть долги. Эми была нужна тёплая одежда, а у нас не было денег, чтобы заплатить ей за работу вперёд. Шкатулка выглядела дорого, а Эми не была к ней привязана. Тогда я предложила заложить. В ломбард мы пошли вместе – я не хотела, чтобы её обдурил какой-нибудь жадный ростовщик.

- Она когда-нибудь сожалела о шкатулке или собиралась её выкупить?

- Я не думаю, что её волновало, увидит ли она её снова. Хотя после того как она убежала, я приходила в тот ломбард – просто узнать, вдруг Эми там появлялась. Нет. Да и шкатулки у ростовщика больше не было.

- Когда она убежала?

- Это было полтора месяца назад, под конец апреля. Но я думаю, то что подтолкнуло её бежать, произошло ещё в марте. Тогда она начала странно себя вести.

- Как?

- Стала совсем пугливой, рассеянной. Бывало сидит, задумавшись, а заговори с ней – вскакивает, будто виновата в чём. Она не подавала виду, что с ней что-то не так, но я тогда знала её уже больше года, и знала неплохо. Как-то раз в конце апреля, она пошла отнести клиенту чепец – по крайней мере, она так сказала, когда уходила. Тогда она занималась доставкой – подучила английский и стала не такой робкой. Эми вышла и лавки с картонной коробкой в руках, и больше мы её не видели. Я прождала её несколько часов, потом поднялась наверх – мы спали в одной комнате – и нашла письмо от неё. Чепчик, что она якобы собиралась унести заказчику лежал там на кровати, а некоторые из её вещей пропали. Она унесла их в той коробке вместе чепца.

- А что было в том письме?

- Я вам покажу.

Оставшись один, Джулиан оглядел маленькую заднюю комнату, где Ами работала. Здесь было темно, пусто и затхло. Интересно, на что живут Луиза с матерью, если их лавка закрыта? Судя по поношенному платью и рваному переднику Луизы, дела их плохи.

Она вернулась с письмом Ами в одной руке и старой, пожелтевшей газетой – в другой. Джулиан взял протянутое ему письмо. Оно было написано аккуратным, детским почерком.

Дорогие Луиза и мисис Хоулэнд

Вы были очень добры ко мне, и мне жаль покидать вас, не сказав до свидания. Пожалуйста не думайте про меня плохо. Я не хотела уходить, но я должна. Сейчас это для меня самое важное. Пожалуйста, простите вашу Ами и не нужно волноваться обо мне. Я молю Бога, чтобы увидится с вами снова.из з

Ами

Я оставила вещи, которые не смогла взять. Пожалуйста, оставьте их, я дарю их вам.

- А что она оставила? – Спросил Кестрель.

- Своё лучшее платье и шляпку. Ещё передник и шаль. Она взяла с собой только одежду, что была на ней, несколько носовых платков, шляпку да всякие мелочи, вроде расчёски. О, и ещё чётки. Она была паписткой, хотя мы с Матерью всегда пытались отвести её от этого.

- Когда её нашли мертвой, на неё была дорогая шаль, шёлковые туфельки и золотые серёжки.

На глазах Луизы заблестели слёзы.

- Боже, прости её. И прокляни того, кто её соблазнил, кем бы он ни был! Я никогда не думала, что с ней это случится. Она не была одной из ваших вертихвосток. Она была скромной, мистер Кестрель. Она хотела быть хорошей.

- Эти вещи мог подарить и не любовник. – Мягко указал Джулиан. – Тот, кто убил её, мог сперва пытаться откупиться от неё или дарить подарки, чтобы завоевать её доверие.

- От чего ему откупаться? Она никому не могла навредить.

О, она могла, подумалось Джулиану. Она могла повредить одному человеку – одной семье – и очень сильно. Конечно, если она была так предана полковнику Фонтклеру как это описывает Луиза, она бы никогда не выдала его тайну, он-то мог в это и не поверить. Он мог испугаться, что она столь же бессовестна, как её мать.

- Посмотрите ещё и это. – Она протянула Кестрелю газету. Это была «Морнинг пост». – Я нашла её у Эми под подушкой после того как она убежала. Я тогда обыскала всё, что могло бы подсказать, куда она пошла. Не знаю, почему она сохранила это. Я прочитала её всю, но не нашла ничего, связанного с ней.

Джулиан снял перчатки и развернул газету. Двадцать третье августа тысяча восемьсот двадцать четвертого года.

- Она сбежала через пять дней. Не знаю, где она достала газету. Мы не покупали её, но кто-то из клиентов мог оставить в лавке. Эми любила листать газеты, хотя почти не читала. Она любила книжки только с картинками – про моду и всё прочее.

- Если вы не возражаете, я прочту.

Луиза кивнула.

- А я пока посмотрю, как там Мать. О, могу я предложить вам что-нибудь – чашку чая?

- Нет, спасибо. – Он подумал, что Хоулендам сейчас не нужны лишние расходы.

Девушка поднялась наверх, а Кестрель взялся за газету. В ней было всего четыре полосы, но узкие колонки вмещали много слов. Дебаты в парламенте. Новости из-за рубежа. Светская хроника. Реклама концертов, портних, докторов. Что-то ведь здесь привлекло внимание Ами – впечатлило или привело её в восторг так, что она спала с этой газетой под подушкой. Ответ бросился ему в глаза на третьей полосе. Здесь, среди пикантных сплетен из жизни общества было объявление о помолвке дочери Марка Крэддока Мод с Хью Фонтклером.

Но и что с того? Допустим, Ами просто листала газету и наткнулась на эту заметку. Наверняка догадалась, что жених – это родственник её обожаемого полковника. Но неужели одно имя «Фонтклер» вызвало такое желание увидеть Джеффри, что она бросила всё и отправилась его искать?

Хотя такая версия звучала убедительно, у неё хватало дыр. Газета была датирована пятью днями до побега Ами, а Луиза сказала, что девушка пребывала в нервном состоянии несколько недель. И зачем вообще убегать? Джеффри жил в Лондоне. Найдя его адрес, она

могла просто ему написать или нанести визит – не нужно было самой отрезать себя от единственного дома. Но, возможно, она и не собиралась делать ничего столь опрометчивого. Быть может, в те пять дней между объявлением в газете и побегом она встретила с Джеффри, и он убедил её сбежать.

Да – Джеффри мог взять её под крыло, думая, что купит её молчание подарками и вниманием. Она была так предана ему, что пошла бы куда он скажет, сделала бы всё, что он пожелает. Что открывает ход отвратительным версиям. По всей Сент-Джеймс-стрит говорили, как полковник Фонтклер любит совсем юных девиц. Быть может, после Габриэль Джеффри опасался умных, светских женщин. Ами была красива и почти одна во всём мире. Воспользоваться её любовью было проще некуда.

Но если Ами и была любовницей Джеффри, что означает её разговор с миссис Уоррен? Она говорила, что в её любви к человеку, что подарил ей ту серебряную ракушку, нет ничего постыдного. Это была чистая и покорная, дочерняя любовь – она так описала её. И – вот проклятие! – она ведь сказала кое-что ещё. Она говорила миссис Уоррен, что это украшение – единственное напоминание о человеке, что подарил его ей. Если Джеффри где-то держал её прошлые полтора месяца и осыпал, то нарядами, то золотыми серьгами, эти слова лишаются смысла.

Джулиан ещё раз поглядел на объявление о помолвке. Джеффри тут не упомянут. Жених указан как Хью Фонтклер, сын сэра Роберта Фонтклера, баронета из Беллегарда. Какие чувства могли вызвать у Ами эти имена? Могла ли она знать и помнить имена родственников Джеффри? Луиза сказала, что Ами хотела увидеть полковника, но боялась, что он будет ненавидеть её за то, как с ним обошлась её мать. Быть может, она надеялась вызывать сочувствие кого-то из членов семьи, что мог бы вступить за неё?

К кому из Фонтклеров она могла обратиться? Во-первых, это зависело от того, кто из них был в Лондоне, когда объявили об обручении Хью. Был сам Хью, конечно – тогда-то Джулиан с ним и познакомился в том игорном притоне. Родители Хью, скорее всего, тоже были в городе – быть может, и Изабель тоже. Джеффри, Гэй и леди Тарлтон – все приехали в Лондон на сезон. Ами могла достаточно легко выяснить, где они живут. У всех мог быть мотив убить Ами, осознав, что в её власти погубить Джеффри и очернить имя Фонтклеров.

Есть и ещё одна возможность – имя Марка Крэддока тоже стояло в объявлении. Трудно придумать, почему Ами могла обратиться к нему. Он не представлял для неё интереса – если, конечно, она не знала, что письма Джеффри к её матери, попали к нему. Но откуда ей это знать? Она ведь не знала о том, что письма лежали в шкатулке – иначе бы она не заложила её. И как она могла связать ломбардщика и Крэддока? Даже для Брокера, что хорошо знал Ворпа, стало откровением то, что ломбардом владеет Крэддок.

Но допустим, что Крэддок откуда-то узнал о существовании Ами. У него были причины убрать её с дороги. Он одержим идеей выдать дочь за Хью, а сделать это мог, лишь угрожая предать огласке письма Джеффри. Но если секрет полковника выдаст кто-то другой, письма не будут стоять и бумаги, на которой написаны. Бесчестье Фонтклеров ему не нужно. Ему нужна их покорность.

Вернулась Луиза, и Джулиан показал её объявление.

- Вы не помните, мисс Филдс когда-нибудь упоминала Фонтклеров или Крэддочков?

- Нет. Но она была убита в доме Фонтклеров, а здесь говорится, что кто-то по фамилии Фонтклер собрался жениться. Это ведь не совпадение?

- Я был бы поражён, если бы это было совпадением.

- Я начинаю сомневаться, что этим Фонтклерам можно доверять.

- Я сомневаюсь в этом уже некоторое время.

- Хотела бы я попасть в этот Беллегард и убедиться, что Эми достойно похоронили. Но я не могу бросить Мать.

- Как она?

- Чувствует себя немного лучше. Я рассказала ей про вас и спросила, не может ли она что-то рассказать про Эми. Но ей нечего добавить.

- Прошу, передайте ей мои наилучшие пожелания. Я сожалею, что не имел удовольствия встретиться с ней сам. – Он надел шляпу и будто ненароком вытащил банкноту из кошелька. – Вот.

Луиза жадно посмотрела на деньги, но покачала головой и убрала руки за спину.

- Нам с Матерью не нужна благотворительность.

- Не нужна. Но вы – свидетельницы. Это вознаграждение.

- Я думала, свидетели получают награду, только если из-за них преступника поймают и накажут.

- Моя дорогая мисс Хоуленд, свидетелю платят за отнятое у него время и доставленные неудобства. – Солгал он.

- О. Я этого не знала. – Луиза осторожно протянула руку и взяла деньги. Ей не удалось сдержать тихий звук облегчения. В первый раз она улыбнулась.

- Сделаете для меня кое-что? – Попросил Джулиан. – Прошу вас, пока что храните в тайне то, кто был убитой в Беллегарде девушкой. В схватке с Фонтклерами мне нужны свободные руки.

- Вы увидите, как свершится правосудие?

- Клянусь честью.

- Вы не позволите этим Фонтклерам запугать вас, перекупить или замять смерть Эми?

- Я клянусь, что не брошу это дело, пока убийца не предстанет перед судом.

- Тогда я сделаю, как вы просите, если вы потом расскажете мне, как вы справились.

- Обязательно.

- Потому что если вы не справитесь, я буду сама искать его, даже если придётся перевернуть всю страну.

Джулиан поверил ей.

Мод, мисс Притчард и Джулиан договорились выехать в Беллегард утром следующего дня. Ландо и следовавшая за ним повозка слуг прибыли к квартире Кестреля. Погода стояла тёплая и приятная, так что крыша на экипаже Мод уже была сложена. Когда Джулиан сел внутрь, его взгляд упал на большую, громоздкую книгу у неё на коленях.

Мод покраснела и крепче обхватила книгу руками.

- Это Библия моей матери. Она передавалась в её семье из поколения в поколение. В ней вся их история – браки, рождения, смерти. Её передают старшему сыну, но ни у мамы, ни у меня нет братьев, поэтому она перешла ко мне.

- Кажется, она не в лучшем состоянии. – Он посмотрел на потёртую кожаную обложку и сломанный корешок.

- Я говорила то же самое, сэр. – Вставила мисс Притчард. – По крайней мере, мисс Крэдок, вам стоит уложить её в багаж. Боюсь, что вы не сможете в целости донести её до

Беллегарда.

- Я хорошо о ней позабочусь. Я боюсь укладывать её в багаж – я слышала, как часто сумки воруют в дороге. А эта книга мне очень дорога.

«Но зачем вообще вести её в Беллегард?» – Подумал Джулиан. Он приподнял бровь, и девушка снова покраснела.

«Спрашивать бесполезно. – Говорили её глаза. – Я хотела бы посвятить вас в это, но не могу».

Глава 28. Бойся своих желаний

Джулиан вернулся в Беллегард ближе к вечеру и попросил встречи с сэром Робертом, но оказалось, что он уехал на встречу с кем-то из местных властей, чтобы обсудить ремонт дорог и вернётся лишь после ужина. Джулиан решил не встречаться с Джеффри без судьи. Это может лишь предупредить полковника об опасности и даст возможность придумать новую ложь или изобрести объяснения.

Вместо этого, Кестрель решил встретиться с доктором МакГрегором. Последний раз он говорили ещё тогда, когда Джулиан ничего не знал о письмах полковника и шантаже Крэдока. Он уже успел заскучать по проницательному уму доктора и его беззастенчивой прямоте, и с любопытством ждал, что тот скажет обо всех его открытиях. МакГрегора можно было посвятить в тайну Джеффри – ведь сэр Роберт говорил, что если этот секрет окажется связан с убийством, цепляться за него дальше будет нельзя.

Джулиан попросил оседлать коня и вывести к парадным дверям. Спускаясь вниз, в холле он встретил Изабель, стоящую возле одного из окон. На ней было светло-серое – под цвет глаз – платье с высокой талией и длинными рукавами, собранными в буфы. В таком платье её чёткий, яркий профиль на фоне окна выглядел как сошедшим с картин Гирландайо или Боттичелли. Кестрель замер в восхищении.

- Добрый день, мистер Кестрель. Надеюсь, поездка в Лондон вас развлекла.

Джулиан подошёл ближе.

- Там всё как обычно. – Пожал он плечами. – Слишком много людей и слишком мало свежего воздуха. Никогда не мог понять, почему мне не хочется жить где-то ещё. Вы часто бываете там?

- Нет, почти нет. Дядя Роберт и тетя Сесилия не любят город.

- Я думаю, они всё равно поехали туда в апреле, когда Хью обручился с мисс Крэдок.

- Да. – Она подняла брови.

- Вы ездили с ними? – Спросил он так беспечно, как только мог.

- Да.

Итак, Изабель была в Лондоне, когда Ами сбежала от Хоулендов. Что если Ами, увидев объявление о помолвке Хью, нашла городской дом Фонтклеров и столкнулась там с Изабель? Если она хотела найти заступника перед тем как встречаться с Джеффри, она могла довериться девушке-ровеснице. Что бы сделала Изабель, узнав, что эта француженка знает унизительную тайну Джеффри, которая может погубить его и обесчестить дом Фонтклеров? Она могла пойти на отчаянные меры. И она достаточно умна, чтобы задумать сложное убийство и достаточно хладнокровна, чтобы исполнить его.

Изабель посмотрела на Джулиана – на её лицо падал солнечный свет. Мысли Кестреля ушли в сторону. Он представил, как прижимает её к себе – ощущает её стройное тело в своих

руках, её мягкие груди у своей груди. Он смотрел на её губы, так спокойно сомкнутые и думал о том, как они...

- Почему вы так глазеете на меня? – Спросила она.

- Я глазею? Я не хотел.

- Я думала, что вы ищете на моем лице признаки вины.

- Вы ошибаетесь, мисс Фонтклер. Я смотрел на вас, как и почти всегда, по совершенно личным причинам.

- Я всё гадаю, вы флиртуете со мной лишь для собственного развлечения или потому что думаете, что так можете от меня что-то узнать.

- Всё чего я добился, флиртуя с вами – это доказал, что во мне хватает английской упорности продолжать вести бой, как бы не были малы мои шансы.

- Я уже говорила вам, что не думаю о себе, как о крепости, которую мужчинам нужно брать приступом. Я лишь хочу, чтобы они оставили меня в покое.

- И нет ни одного человека, за которого бы вы хотели выйти замуж?

- Нет. – Она чуть качнула головой.

- Даже ваш троюродный брат?

Она вздрогнула и перестала дышать.

- Что за предположения, мистер Кестрель! Если вам необходимо задавать оскорбительные личные вопросы, я прошу вас ограничиться темой убийства!

Он быстро пошла прочь. Джулиан ещё долго смотрел её вслед.

«Боже, надеюсь, это не значит того, что я думаю». – Подумал он.

- Ты был в Лондоне? – Фыркнул МакГрегор. – При этом что убийство так и не раскрыто, и ничего не ясно? Что там стряслось – леди Такая-то-или-Сякая-то давала бал, ты не мог пропустить?

- Я ездил, чтобы узнать кое-что об убийстве. Я думал, вы знаете.

- Откуда мне? Ты и словом не обмолвился о том, что задумал. Тебе и в голову не пришло, что меня это может заинтересовать.

- Мой дорогой друг, я изнываю от желания рассказать всё, что узнал. Но я хочу сделать это в уединённой обстановке, где нас не смогут прервать в любой миг. Когда вы всё услышите, то поймёте, почему я был вынужден действовать один.

Он рассказал МакГрегору всё о тайне Джеффри, о том, как благодаря Ворпу узнал, кем была убитая, и о собственном визите к Луизе Хоулэнд. Когда он закончил, доктор потрясённо покачал головой.

- Это ужасно. Я не хочу верить в то, что кто-то из Фонтклеров – убийца. Я видел, что улики ведут к ним, но не мог принять этого. Я не видел мотива. Но теперь – Боже, помоги им – теперь глупо отрицать, что преступник – кто-то из них.

- Мне жаль.

- Это не твоя вина. Ты лишь принёс дурные вести. И сделал правильно, ничего не скрывая. – Он нахмурился. – Но кое-чего я не понимаю. Как ты вытянул имя и адрес девушки из этого Ворпа, если он не сказал их даже Крэддоку?

- Неужели вы не позволите мне, подобно фокуснику, оставить в секрете суть трюка?

- Кажется, это в твоём стиле.

- Ну, будет вам. На самом деле, сведения из Ворпа вытянул мой камердинер, но я

предпочёл бы не объяснять сэру Роберту, как ему это удалось.

- Я всегда знал, что с твоим слугой что-то не так. Он был не просто попрошайкой, когда ты взял его к себе, а?

- Он был вором. Не каким-то головорезом, а человеком искусства, наделённым талантом и изобретательностью – проще говоря, карманником.

- Что же, ради Бога, заставило тебя нанять слугой карманника?

Джулиан понял, что историю придётся рассказать полностью.

- Как-то вечером, пару лет назад, только вернувшись из Италии, я прогуливался со своим другом у Ковент-Гарден, а этот чумазый парень натолкнулся сперва на него, а потом на меня. От него несло спиртным, так что я решил, что он вдрызг пьян, но всё же сунул руку в карман и понял, что часы пропали. Мой друг стал звать сторожа, но вы же знаете, что половина лондонских сторожей спит в своих будках, а остальные – восьмидесятилетние старики и калеки в придачу. Во мне разыгралась кровь, и я решил схватить своего вора сам.

Он ведь только притворялся – воры называют это «потешиться пьяным» – а потому как понял, что к чему, так припустил как заяц. Обогнул угол и запетлял по узким улочкам. Я раз двадцать почти потерял его, но в конце концов догнал и остановил, метнув ему в голову трость. Мне удалось свалить его наземь, и мы начали бороться среди грязи и гниющих овощей. Я как раз думал скрутить его, когда подоспели мой друг со сторожем. Часы вернули, а большего я и не хотел – свой шанс схватить вора я воплотил в жизнь. Тогда я был бы рад прекратить своё знакомство с этим парнем, но сторож сказал, что преступника надо доставить судье, так что мы потащили его на Боу-стрит. Наш пленник был очень вежлив, никого не проклинал и не молил о милосердии – поимка была одной из опасностей его ремесла. Мне это понравилось. Спокойствие перед лицом опасности – мало что восхищает меня больше.

Это, конечно, не значило, что я хотел его отпустить. Но похвалы, в которых рассыпался судья, набили мне оскомину. Я ничего не имею против ненавязчивых добрых дел, но не перевариваю такого морализаторства. Когда он закончил свою проповедь о том, какой я пример для всего британского общества, я был так подавлен, что чуть было не пошёл топиться. В итоге я отказался выдвигать обвинения. Судья почувствовал ко мне отвращение, но поделать ничего не мог.

Я уже собирался идти домой и сокрушаться о том, что мой славный вечерний костюм безвозвратно погублен, но этот вор пристал ко мне и очень вежливо благодарил. Он не извинялся за то, что крал мои часы – я увидел в этом определённую честность. Красть было его ремеслом, так что извиняться и говорить, что произошла ошибка, было бы просто абсурдным. Но он не смог удержаться и спросил, почему я помог ему. Мы разговорились и одно потянуло за собой другое – прямо как в любовных делах. С тех пор он служит у меня.

- Откуда тебе знать, что он не крадёт у тебя?

- Неоткуда. – Пожал плечами Джулиан. – Кто может сказать, почему иногда доверяешь человеку, имея все причины для обратного?

МакГрегор кивнул, подумав о том, как сам начал доверять Кестрелю, которого сперва счёл пустоголовым франтом, если не хуже.

- Итак, теперь ты думаешь, что убийца – полковник Фонтклер?

- Я поставил бы на него. Но убить её мог любой из Фонтклеров, чтобы не дать разгласить тайну.

- Ты не думал, что она могла их шантажировать?

- Сомневаюсь. Мисс Хоулэнд говорила, что Ами очень предана полковнику Фонтклеру и совсем не такова, какой была её корыстная и беспринципная мать. Но Фонтклеры не могли этого знать и это понимать. Они уже стали рабами Крэдока, и кто бы не убил Ами, он мог сделать это, решив, что хватит и одного чужака, посвящённого в тайну.

- Тогда чудо, что убийца не попытался расправиться и с Крэдоком. Зачем останавливаться на девушке?

- Необязательно убивать Крэдока, чтобы обеспечить его молчание. Его можно купить. И как только его дочь выйдет за Хью, он сам будет защищать имя Фонтклеров. Кроме того, смерть Крэдока не вернула бы семейству письма, а расследование его смерти могло вытащить их на свет. У Ами же не было никаких доказательств против полковника – лишь то, что она знала, а от таких свидетельств можно избавиться, отняв её жизнь.

Они обсудили то, насколько вероятна была встреча Ами с кем-то из Фонтклеров в Лондоне.

- Подумайте, как соблазнительно было бы убить её! Она знает секрет полковника Фонтклера. Она хочет увидеться с ним и, возможно, готова слепо поверить тому, кто пообещает ей устроить встречу. И она одна во всём мире. Она могла просто исчезнуть, и никого бы это не беспокоило.

- Но она не исчезла. Она была жестоко убита, а её тело оставили так, что на него легко можно наткнуться.

- Отчасти да, выглядит так, будто всё было совершено импульсивно. Возможно, преступник готовился убить её, но не так и не в то время. Она могла сказать или сделать что-то, из-за чего он напал немедленно.

- Но потом уложил в кровать – это уже выглядит как насмешка. – Указал МакГрегор. – Для этого нужно быть в трезвом уме.

- Или полностью утратить его. Самым разумным было бы немедленно смыть кровь с рук и бежать. За то время, что убийца потратил, укладывая жертву в кровать и закутывая её, мы могли поймать его с поличным. Это преступление полно противоречий. Интересно, участвовал ли в нём лишь один человек?

- О чём ты говоришь?

- Позвольте привести пример. Предположим, Ами как-то узнала, что Крэдок шантажирует полковника Фонтклера письмами. Она едет в Лондон, упрашивает и увещевает Крэдока прекратить. Он пытается купить её молчание – это объясняет то, откуда у неё взялись деньги в те полтора месяца между её исчезновением с Паддл-стрит и появлением в Беллегарде. Крэдоку удаётся купить её – или он так думает. Но Ами втайне приезжает в Беллегард, надеясь расстроить его планы. Полковник неожиданно встречается с ней лицом к лицу, паникует и убивает её.

- Если её подкупал Крэдок, то и убить её мог тоже Крэдок.

- Если и так, он должен был проверить это молниеносно. Он вернулся в дом лишь в двадцать минут шестого и сразу поднялся в свою комнату, где, как мы теперь знаем, ссорился с леди Тарлтон. Впрочем, он всё же мог столкнуться с Ами возле своей комнаты, затащить её в мою и убить. Но так остаётся нерешённым вопрос того, как она попала в дом.

- О, только не начинай эти рассуждения о ходах-выходах сначала! Мы думали об это уже десятки раз и ни к чему не пришли! – МакГрегор принялся мерить шагами комнату перед своим словом – судя по состоянию ковра, это была многократно хоженная дорожка. – Ты знаешь, до сих пор, если я и предполагал, что убийство совершил кто-то из Фонтклеров, то

подумал бы на Гэя. Но в свете того, что я сейчас узнал от тебя, это уже не так. Ты говоришь, что полковник держал эту историю с письмами в секрете от сына. Если Гэй ничего об это не знал, то и мотива у него не было.

- Да, полковник умолял сэра Роберта не говорить Гэю, и Гэй возмущался тем, что от него что-то скрывают. Но откуда там знать, что это и правда так? Быть может, полковник всё рассказал сыну, а тот лишь изображает неведение.

- Ты самый подозрительный человек, что я когда-либо встречал.

- Мне лгали на каждом углу. Разве могу я быть неподозрительным? После самого полковника, сильнейший мотив сохранить его интрижку с Габриэль втайне – именно у Гэя. Я думаю, что он действительно привязан к своему отцу, но даже если это не так – вспомните, что имущество предателя отходит королю. Вы сами говорили, что Гэй вечно нуждался в деньгах. Он бы не обрадовался тому, что его наследство испарилось.

- Я не вижу выхода, Кестрель. Любой мог убить её. И нам не узнать – кто именно.

- Вероятно, я смогу вытянуть что-нибудь из полковника Фонтклера, намекнув, что знаю, кем была убитая. – Он взглянул на часы. – Мне лучше пойти. Я расскажу вам, что произойдёт.

Джулиан вернулся в Беллегард и поднялся к себе переодеться к ужину. Вновь выйдя в коридор, что вёл к его комнате, он услышал странные звуки – тихие, приглушённые рыдания, будто кто-то плакал, не желая быть услышанным. Плач доносился из большого зала – с той стороны коридора, напротив его старой комнаты. Джулиан поспешил туда, чтобы узнать, что происходит.

В углу на полу сидела Филиппа и рыдала, прижимая руки ко рту. В этой огромной, изукрашенной комнате она выглядела совсем маленькой и одинокой. Увидев Джулиана, девочка икнула, сглотнула и уставилась на него своими большими тёмными глазами.

Кестрель растерялся. Что, черт возьми, делать с плачущей одиннадцатилетней девочкой?

- Мне послать за вашей матерью?

- А это обязательно? Нам не велено быть в этой части дома. Нам с Джози нужно оставаться в нашем крыле и не докучать гостям.

- Тогда почему вы здесь?

Она вновь заплакала. Боже мой! Джулиан бросил взгляд по коридору, но оттуда никто не спешил на помощь. Он решил просто сделать всё, что в его силах. Кестрель подошёл ближе, опустился на пол рядом с ней и протянул ей платок.

- Вытрите нос. – Посоветовал он. Совет был принят.

- Ну а теперь – что вызвало это бурю?

- Я знаю, кто виноват в убийстве.

- Кто? – Джулиан вздрогнул.

- Я!

- Простите меня, но в это трудно поверить.

- Я не хочу сказать, что это я убила.

- О да, я довольно быстро исключил вас из списка подозреваемых.

- Вы смеетесь надо мной, но вы не понимаете. Я слышала, что слуги говорят. Они говорят, признак убитой девушки поселился в доме. Я думаю, это должна быть моя вина! Я

рассказывала вам, что хотела бы, чтобы в Беллегарде был призрак. Помните, в первый вечер, когда вы приехали. Я показывала вам эту комнату и пожалела, что в ней нет привидения. Быть может, уже есть! Люди же говорят – бойся своих желаний, ведь они могут исполниться.

- Вы, должно быть, считаете ангелов очень глупыми, раз они так истолковали ваше желание.

- Так я не думала. – Она наклонила голову, размышляя. – Но всё же они могли решить, что я зла, раз не хочу, чтобы кто-то попал на небеса и почил с миром.

- Я не сомневаюсь – они понимали, что вы не желаете такой участи никому. Вы лишь говорили, что если кто-то уже стал призраком, и ему больше нечем заняться, вы бы хотели, чтобы он побывал в Беллегарде.

- Да, именно это и я имела в виду! В этом ведь нет ничего плохого, правда?

Кестрель сделал вид, что тщательно это обдумывает.

- Нет. – Сказал он наконец. – Думаю, нет.

- Мне стало гораздо лучше. Я больше не буду желать призраков – ни Оливье Фонтклера, ни кого-нибудь другого. Помните, я рассказывала вам о нём – это тот самый, что был замешан в заговоре Бабингтона. Я надеюсь, что он попал на небеса, даже если и умышлял против королевы. В конце концов, заговор Бабингтона так ни к чему и не привёл. Его очень быстро раскрыли, и он не успел причинить никакого вреда.

- Я мало помню о том, что тогда происходило. Не был ли это заговор в пользу Марии Стюарт... – Он остановился, а потом медленно спросил. – А почему Оливье Фонтклер поддержал Марию Стюарт?

- Потому что она была католичкой. Мы были католиками. Вы не знали?

- Нет. – Тихо сказал он, а в глазах его появился блеск. – Я не знал.

- Конечно, мы это скрывали. Тогда приходилось это скрывать или королева Елизавета могла объявить вас предателями. В англиканство наша семья обратилась при Карле I, но никто не знает, когда точно – во время Гражданской войны погибло много документов. Я рада, что мы больше не паписты. Я бы не хотела учиться в монастыре, как молодые леди во Франции.

Кестрель не ответил. В его голове начала выстраиваться теория. Он всё равно что прыгал во тьму – если бы эта гипотеза была лошадей, он бы не поставил на неё с полной уверенностью. И всё же он решил попробовать. Ему хотелось заручиться поддержкой кого-то из Фонтклеров, но он не мог доверять никому из них.

Филиппа встала, расправляя юбку.

- Мне нужно вернуться в классную до того, как Притчи придёт проверить, там ли я. Спасибо за то, что были таким разумным. Вы почти единственный взрослый, кто не говорит со мной, как с ребёнком.

- Это от того, что я не знаю, как говорить с детьми.

- Нет, вы знаете. Так же как со взрослыми, только нужно больше объяснять.

Он подождал, пока девочка скроется из виду, потом отправился к своей старой комнате и подёрнул дверь. Закрыто. Сэр Роберт запер её, чтобы никто ничего не трогал на месте преступления.

- Я опять опоздаю на ужин. – Подумал Джулиан, поправляя шейный платок. – Это должно порадовать леди Тарлтон. – Она только и рада метать в меня молнии.

- Она та ещё мегера, это точно, сэр. Я слышал, что про неё говорят в людской. Ни одна камеристка не держится у неё больше месяца – так она их мучает. Одну она ударила аж до крови и выбила зуб.

- Очень жестокая женщина.

- Жестокая достаточно, чтобы пристукнуть ту деваху, да, сэр?

- Возможно. – Задумчиво проговорил Джулиан.

- О чём-то тревожитесь, сэр?

- Я бы полжизни отдал, чтобы часок провести в своей старой комнате одному. Но сэр Роберт держит её закрытой, а я не могу попросить у него ключ, не объяснив, зачем, а объяснять я не хочу.

- А ключ не у сэра Роберта, он у мистера Роулинсона. Майкл так сказал.

- Брокер, мне не нравится это ангельское выражение твоего лица. Что ты задумал?

- Ну, сэр, Майкл говорит, что мистер Роулинсон носит ключ в кармане для часов. И я думаю, если вы очень бы хотели... – Он заговорщически понизил голос.

- Ты понимаешь, какие неприятности ждут нас обоих, если тебя поймут?

- Значит мне нужно быть начеку и не попадаться, так ведь, сэр?

- Я знал, что рано или поздно ты найдешь предлог что-то украсть. По-моему, тебе не терпится заняться своим старым ремеслом с того дня, как я послал тебя к Ворпу.

- Я не хочу возвращаться в дело, сэр, да сгнить мне в Ньюгейте! Но дело-то в том, что пальцы у меня что надо. Я хочу сказать, у меня талант. – Он размял кисти рук. – А когда у кого есть талант, даже если его сам Дьявол даровал, он всегда хочет пускать его в ход снова и снова.

Джулиан посмотрел на своего камердинера, поражённый до глубины души. Это всё равно, что держать зверя. Ты можешь приручить его, научить его жить в мире людей, но его природу это не изменит. Брокер может быть и самая добрая душа на земле, но он родился и вырос хищником. И, вероятно, если собираешься держать зверя при себе, время от времени надо выпускать его поохотиться.

- Что если Роулинсон заметит пропажу ключа? – Спросил он.

- Я мог бы срезать его, сэр, отпереть дверь, а потом пихнуть обратно ему в карман так, чтобы он ничего не узнал.

- Ты можешь вернуть ключ на место незаметно?

- Это почти то же самое, что стащить, только действовать надо тише.

- Наверное, так. Хорошо. Я позволяю тебе сделать это, но Бога ради, будь осторожен. Я не для того ухищрялся, скрывая твою старую профессию, чтобы сэр Роберт догадался обо всём сейчас.

Глава 29. Двойная верность

Джулиан спустился к ужину, но вместо того, чтобы пойти сразу в гостиную, он прошёл через служебный коридор и людскую к чёрной лестнице. Слуги проводили его любопытными взглядами, а Молли Дейл немного последила за ним. Кестрель на несколько минут поднялся в кабинет Роулинсона, потом спустился и исчез в приёмной. Молли решила, что он мог выйти через заднюю дверь, чтобы покурить в саду перед ужином. Но очень скоро Джулиан вернулся, и табаком от него не пахло.

«Ну он и продувная бестия». – Решила Молли, видя как безмятежно гость шагает в

гостиную.

Сэра Роберта в доме всё ещё не было, так что во главе стола сидел полковник Фонтклер. Выглядел он не лучшим образом. Его обычно румяное лицо посерело, а глаза налились кровью. Леди Фонтклер тоже была будто бы очень напряжена. Она оставалась неизменно любезна до всеми, но её очарование и весёлость будто бы ослабли, а тревожность – усилилась. Кэтрин была раздражительна, Крэдок – мрачен. Изабель была как всегда изящна и загадочна.

Гэй много пил. С самого дня убийства он оставался удивительно трезв, но сейчас самоконтроль ему изменил. Вино развязало парню язык и заставило забыть об осторожности – быть может, потому он и не пил всё это время? – и Фонтклер-младший принялся расспрашивать Джулиана о том, что он делал в Лондоне. Кестрель парировал его вопросы ничего не значащими замечаниями о моде, развлечениях, скачках и разорениях.

После ужина напившийся Гэй едва не начал буйнить, но полковник заставил сына взять себя в руки и потащил в гостиную к дамам. За ними последовали остальные джентльмены. Леди Тарлтон вынудила полковника и леди Фонтклер составить её партию в вист. Она неохотно приняла четвёртым игроком Крэдока, но заявила, что играть с ним в паре не собирается. Леди Фонтклер поспешила составить ему пару, и началась весьма несчастливая игра.

Молодые люди переместились в музыкальную комнату. Джулиан попросил Изабель сыграть, но та сказала, что будет работать над туфельками Мод.

- Я должна посвящать всё время им, чтобы успеть до свадьбы.

- Пожалуйста, не беспокойтесь так. – Умоляла Мод. – Ещё много времени.

Изабель посмотрела на неё как на незнакомое животное – странное, не очень интересное и определённо не опасное.

- Я говорила вам, что должна закончить их до конца вашего пребывания здесь, мисс Крэдок. Я собираюсь выполнить это обещание. – Она села, открыла корзинку для рукоделия и посмотрела на Джулиана. – Я слышала, вы и сами отличный музыкант, мистер Кестрель. Быть может, вы будете добры поиграть для нас?

Джулиан подчинился. Из-за фортепиано он наблюдал за остальными, делая вид, что поглощён музыкой. Пока Хью бродил вокруг мисс Крэдок, набираясь храбрости, чтобы поговорить, Гэй пододвинул к ней стул и принялся оживлённо болтать – его лицо было близко к Мод, а голос – низким и интимным. Это была заметная перемена в Гэе, что не так давно описывал Мод, как «серую мышку, чертовски скучную и безжизненную». Впрочем, это было до того, как Джулиан сблизился с ней, а Хью – взглянул на неё другими глазами. Джулиана никогда не переставало поражать, как ведомы оказываются люди – как они готовы менять свои вкусы и предпочтения, просто наблюдая за другими и рабски им подчиняясь.

Мод явно претило такое внимание, но она старалась не показывать этого. От Гэя несло спиртным, а то, как он смотрел на неё, напоминало кота, что забавляется с сочной мышью. Джулиан подумывал о том, чтобы прийти на выручку, но потом решил, что это скорее дело Хью. Но тот всё ещё оставался в стороне и метал в Гэя возмущённые взгляды.

«Да сделай же ты что-нибудь, Бога ради. – Подумал Кестрель. – Если я буду сражаться за неё во всех битвах, то могу и сам на ней жениться» – В этот миг Джулиан услышал, как из соседней комнаты доносится голос сэра Роберта. Он закрыл фортепиано и незаметно вышел поговорить с ним.

- Мистер Кестрель. – Сказал сэр Роберт. – Я как раз собирался спросить о вас. Я знаю, что вы предполагали вернуться сегодня, так что сам закончил свои дела так быстро, как только смог, чтобы прибыть домой и услышать то, что вы захотите рассказать. Пройдёмте в мой кабинет?

- Я думаю, будет лучше, если с нами пойдёт полковник Фонтклер.

Джеффри поднял испуганные глаза. На миг в глазах сэра Роберта отразился такой же ужас, но он быстро прогнал любые эмоции со своего лица.

- Будь так добр, Джеффри.

Полковник с трудом поднялся на ноги. Джулиан заметил – и уже не впервые – насколько сильнее становится его хромота, когда он расстроен.

- Что происходит? – Потребовала объяснений леди Тарлтон.

- Мистер Кестрель собирается рассказать мне о своём расследовании в Лондоне.

- Я знала! – Выкрикнула она. – Я знала, что он поехал в Лондон вынюхивать то, что можно использовать против нас!

- Мистер Кестрель поехал в Лондон по моей просьбе и с моего одобрения. А теперь, если ты извинишь нас, Кэтрин...

Они вышли. Леди Тарлтон бросилась к окну. Крэддок сидел, сгорбившись, положив руки на колени и нахмурившись. Леди Фонтклер выскользнула из комнаты. Мягко, на почтительном расстоянии, она последовала за мужем, Джеффри и Джулианом в кабинет.

В кабинете оказалось темно. Окно было открыто, камин не зажжён. В комнату врвался ветер, отчего шторы дожали, а пламя свечей – трепетало. Полковник немного поёжился и тут же зашагал к креслу. Сэр Роберт сел напротив брата. Джулиан встал между ними.

- Я позвал вас сюда, – обратился он к Джеффри, – потому что хочу в присутствии сэра Роберта спросить, что вы знаете об Ами Дешам.

Джеффри закрыл глаза и уронил голову на руки.

- Кто такая Ами Дешам? – Спросил сэр Роберт.

- Ами Дешам – это юная леди, чьё тело я нашёл в своей комнате.

- Так вы узнали, кто она? Но... Но ведь фамилию Дешам носила женщина, что... – Он оборвал себя и перевёл взгляд на сгорбившегося, безмолвного брата. – Ты всё время знал, кто она!

- Я знал, что она – дочь Габриэль. Я не знаю, откуда она взялась здесь, Роберт, и не знаю, как она умерла.

Тихо вошла леди Фонтклер. Сэр Роберт ещё был слишком потрясён услышанным, чтобы обратить на это внимание.

- Ты говорил, что у Габриэль нет семьи.

- Я знаю. Я боялся рассказывать про Ами.

- Ты признаёшь, что это – дочь Габриэль? И ты думаешь, мы поверим, что ты непричастен к её смерти?

- Это правда, Роберт, клянусь! Я ни разу не видел Ами с тех пор, как французов выдавили из Испании вплоть до того, как ты привёл нас всех посмотреть на её тело. Конечно, я узнал её. Узнал украшение, которое сам подарил когда-то ей – серебряную ракушку. Это символ святого покровителя Испании^[48]. Я купил его у цыганки на рынке. Это просто дешёвая безделушка, но я знал, что любой дорогой подарок Габриэль заберёт себе.

Кажется, ей – то есть, Ами – она понравилась. Она была очень набожна.

- Почему ты сразу не сказал нам, кто она? – Нетерпеливо спросил сэр Роберт.

- Я не мог! Я был единственным, кто знал её. Вы бы подумали... именно то, о чём думаете сейчас! Все бы решили, что убийца – я, ведь я больше всего выигрывал от её смерти! Но я не убивал её, я заботился о ней когда-то, и никогда бы не причинил ей вреда. Я был потрясён, что узнал, что жертвой стала она! Я не мог и вообразить, как она оказалась здесь и что делала в комнате Кестреля. Сесилия подтвердит! – Он с жадностью повернулся к леди Фонтклер. – Я был потрясён, разве нет? Я едва смог поверить, что это Ами.

Лицо сэра Роберта побелело. Он медленно повернулся на ногах и прямо посмотрел на жену.

- Ты знала, кто убитая? И ничего мне не сказала?

- Роберт, не смотри на меня так! – Она подошла к нему и положила руку мужу на предплечье. – Джеффри рассказал мне на следующий день после убийства, что жертва – дочь Габриэль. Ему нужно было с кем-то поделиться. Ему был нужен совет. Я больше всего хотела в тот же день прийти к тебе и всё рассказать, но не могла взваливать на тебя ещё одно бремя. Я знала, что ты почувствуешь, что должен разобраться, виновен Джеффри или нет, и вся история с Габриэль и письмами будет предана огласке. Да и какая разница, если я знала... если я знала, что Джеффри невиновен?

- За двадцать пять лет брака я ничего от тебя не скрывал. Я полностью тебе доверял – ты и представления не имеешь! Как ты могла сговориться с Джеффри?

- Всё было не так. Джеффри доверился мне, я не могла предать его. И я знаю твоё чувство справедливости. Я боялась, что ты не проявишь к нему никакого сочувствия, а обойдешься с ним по всей строгости закона. Я должна была защитить его. Я не могла позволить, чтобы его подозревали в убийстве, которого он – я уверена! – не совершал.

- Я понимаю. Тебе нужно было выбирать между верностью мне и Джеффри, и ты выбрала его. Быть может, в глубине души ты сожалеешь, что не выбрала его ещё двадцать пять лет назад?

- Нет, нет! Ты не понимаешь. Джеффри был в опасности – он нуждался во мне больше тебя. Ты силён, уверен, храбр. Джеффри не таков. – Она посмотрела на полковника Фонтклера как мать на любимое, но непослушное дитя.

- В отличие от тебя, – холодно произнёс сэр Роберт. – я не могу принять на веру невиновность Джеффри. Он был изменником, а теперь стал лжесвидетелем. Ты не можешь вечно стоять между ним и правосудием.

- Что ты собираешься делать? – Пробормотал Джеффри.

- То, что я должен был сделать с самого начала. Я напишу другому судье и попрошу его взять расследование. И когда он это сделает, я расскажу ему всё – о Габриэль Дешам, её дочери, о письмах – всё. – Он мрачно посмотрел на брата. – Мой последний приказ как судьи – не покидай приход. Теперь ты главный подозреваемый в убийстве. Будь благодарен, что тебя не посадят под замок как слугу мистера Кестреля, свидетельств против которого было куда меньше.

Он повернулся к Джулиану и с усилием произнёс.

- Мистер Кестрель, благодарю вас за всё, что вы узнали. Вы позволили мне достойно похоронить её по настоящим именам – это меньше, что я могу сделать. – Он повернулся и зашагал к дверям.

Леди Фонтклер, легко всхлипнув, бросилась ему вслед и схватила мужа за руку. Тот

освободил её.

- Я не хочу, чтобы ты сейчас висла на мне. Я хочу побыть один.

Джулиан тактично вышел из кабинета вслед за сэром Робертом, не подчёркивая это даже кратким пожеланием спокойной ночи. Он решил, что уже достаточно поздно, чтобы пойти к своей старой комнате. У Брокера было несколько часов, чтобы сотворить чудо.

Едва начав подниматься по главной лестнице, он услышал позади шаги. Прямо к нему через холл шагал Гэй – немного пошатывающийся, краснолицый и очень веселый.

- Я всегда говорил это! Хью мне не поверит, но я знал, что Изабель подтвердит мою правоту! Даже она не может сдерживать свои чувства вечно!

- О чём вы говорите?

- Сегодня Изабель как никогда вышла из себя. Жаль, что вы пропустили – следующего раза ждать лет двадцать. Мы все были в музыкальной, когда вы ушли, Изабель вышивала эти дурацкие свадебные туфли и вдруг уколола палец. Она уронила одну туфельку, и мисс Крэддок подскочила, чтобы поднять её. Но Изабель схватила её сама и, клянусь чем угодно, она бы готова ударить мисс Крэддок. «Дайте мне! – крикнула она. – Оставьте меня в покое!» Мисс Крэддок убежала как кролик. А Хью всё уверен, что Изабель хочет быть для него лишь сестрой! Она ненавидит мисс Крэддок за то, что она отнимает его у неё. Я всегда ему это говорил.

Джулиан ответил не сразу.

- Я надеюсь, теперь мисс Фонтклер стало лучше. – Наконец сказал он.

- Да кто её знает. Она взлетела наверх в свою комнату, и я тех пор я её не видел. У мисс Крэддок был припадок сочувствия, и она пошла вслед за ней. Она такая милая. Раньше я так не думал. И она готова слушать вас, не перебивая и не пытаюсь говорить самой. – Он зевнул. – Пора спать. Может, сегодня и правда посплю.

- А вчера не удалось?

- Нет. Можете записать это в перечне улик, если считаете важным. Но готов побиться от заклад, никто из нас не может спать спокойно с самого убийства. Мы все беспокойны как кошки. Кроме вас, конечно. – Он неприятно улыбнулся. – Вас ничто не тревожит. Можно подумать, вы всю жизнь находили трупы в своих кроватях.

Джулиан ничего не ответил, лишь поднял брови.

«Я и правда становлюсь полицейским больше чем джентльменом, – подумал он. – раз уж пытаюсь вытянуть нечто важное из пьяного».

- А может быть и находили. – Продолжал Гэй. – Кто знает, чем вы занимались до того, как появились в Лондоне пару лет назад? Может, у вас было десять жён, а вы убили их одну за другой, и похоронили на дне морском^[49]. – Он наклонился так близко, что Джулиан почувствовал, как от его дыхания несёт спиртным. – Может быть, вся эта охота на убийцу – просто ерунда. Может быть, вы сделали это сами, а теперь потешаетесь над нами.

- А вы считаете, что убийца будет потешаться? Он скорее станет ломать голову над тем, как скрыть свою вину. Может быть, он даже станет обвинять других людей, чтобы отвести подозрения от себя.

- Кестрель, я не... Я...

Джулиан подождал.

- Расскажите мне. – Предложил он. – Я помогу вам, чем смогу.

- Мне нечего вам рассказывать! Кроме того, что я чертовски устал и иду спать!

Он поспешил прочь – его походка стала удивительно уверенной. Порой страх умеет удивительно быстро отрезвлять.

Джулиан поднялся наверх. Его сердце бешено колотилось, когда он заворачивал в коридор, где была его старая комната. Кестрель огляделся – вокруг никого – и зашагал к месту преступления.

Что же, за дело. Он толкнул дверь. Открыта.

- Брависсимо, Брокер. – Прошептал он, ступил за порог и закрыл дверь за собой.

На следующее утро Джулиан поднялся без единой жалобы на ранний час. Он чувствовал, как его переполняет энергия и жажда деятельности. Теперь он знал об убийстве больше, чем вчера. Вопрос в том, как воспользоваться обретенным знанием. Кестрель обдумывал это, завязывая шейный платок в строгом стиле, что именовался *trone d'amour*. Брокер, что чистил бритвенный прибор хозяина, зевнул уже в четвертый раз.

- Надеюсь, я не помешаю тебе уснуть. – Заботливо произнёс Джулиан.

- Простите, сэр.

- Ну ты и дьявол. Выглядишь очень довольным собой.

- Не понимаю, о чём вы, сэр.

- Вот как? – Спросил Джулиан, его глаза смеялись. – Бьюсь об заклад, что Молли Дейл знает. Может, спросить у неё?

Брокер был избавлен от необходимости отвечать – пришёл Майкл и сообщил, что у задней двери ждёт Дик Фелтон, что хочет ещё перед завтраком перемолвиться словом с мистером Кестрелем.

- Боже мой, – воскликнул Джулиан. – Я почти забыл про Фелтона. Скажите ему подождать меня у лип. Я сейчас спущусь туда.

Фелтон сидел на краешке фонтана, болтая ногами и насвистывая. Этот звук помог Джулиану найти его среди деревьев. Увидев Кестреля, парень вскочил на ноги.

- Спасибо, что пришли так быстро, сэр. Мне надо вернуться во «Льва» до того, как придёт почта, иначе я бы не явился сюда так рано.

- Ты нашёл Блисса?

- Нет, сэр, не нашёл. Простите. Я шёл за ним вслед. Он направлялся на север – я узнал от людей, что встречали его. Я шёл по пятам, но мне пришлось вернуться раньше, чем я настиг его. Мой брат больше не мог делать мою работу во «Льве».

- Я понимаю. По крайней мере, мы знаем, что он ушёл из Олдертона живым. Я немного боялся, что мы найдём его на дне мельничного ручья или в деревенском колодце.

- О, он жив-здоров. У меня есть доказательства. – Он поднял с земли громоздкий свёрток из коричневой бумаги и протянул Джулиану.

- Что это?

- Это его мешок, сэр – тот самый, с которым он бродил, сшитый из разноцветных лоскутов. Я купил его у жены зеленщика в Литтл-Финчли. Это деревня недалеко от Питерборо, Блосс там проходил за день или два до меня. Кажется, она заметила этот мешок, и он ей понравился, так что Блосс продал его. Я не сразу уговорил её уступить мешок мне. Пришлось отдать почти все деньги, что вы мне дали, и построить ей глазки. Но я решил, что вы захотите его получить, так что вот он. Забавно думать, что Блосс теперь без своего мешка.

Это всё равно, что представить его без головы.

- Возможно, потому он и продал его – чтобы его было труднее узнать. И, быть может, он решил бросить жизнь бродячего торговца.

- Но как же он может... О, я понимаю, сэр! Вы думаете, кто-то заплатил ему, чтобы он поскорее проваливал из Олдертона.

- Вполне возможно. Ты говорил кому-нибудь, что я посылал тебя за Блиссом?

- Ни единой живой душе, сэр. Я сказал, что иду на север к своему другу, что заболел.

- Хорошо. Пока что придержишься этой истории. Ты знаешь, тебе и правда стоит предложить свои таланты на Боу-стрит.

- Вы замолчите за меня словечко, сэр?

- Я думаю, что должен быть честным. Я не служу на Боу-стрит.

- О, это точно! – Фелтон подмигнул. – Только не вы.

Джулиан сдался.

- Давай рассчитаемся. – Он потянулся за кошельком.

Фелтон немного задержался, смутив Джулиана клятвами вечной верности и предложениями расшибиться в лепёшку, если это потребуется. В конце концов, он всё же убежал, и Кестрель вернулся в дом, пряча свёрток под мышкой, насколько это было возможно. Уже у себя он распаковал его и принялся разглядывать. Мешок был пуст и не очень чист.

- Вам стоит держать его подальше от своих костюмов, сэр. – Предупредил Брокер. – Там может быть моль.

- Моль или не моль, этот мешок может стоить больше, чем всё, на что был способен мой портной. – Кестрель объяснил, чей это мешок и где он его достал. – Но дело в том, что сегодня у меня есть пара козырей, которых не было вчера.

- Что вы собираетесь делать, сэр?

- Я не готов выкладывать все карты на стол. Так что единственное, что пока остаётся – блефовать.

Глава 30. Блеф

Ближе к полудню Джулиан поехал в Олдертон, надеясь перехватить МакГрегора по пути от одного пациента к другому. Он поведал доктору о разговоре с Джеффри, своём тайном посещении комнаты и мешке Блисса.

- Разрази меня гром, – ответил МакГрегор, – быстро же вы сработали! – Он покачал головой. – Я не могу поверить, что леди Фонтклер скрывала такой секрет от мужа. Я не могу поверить в то, что она на это способна. Вы говорите, сэр Роберт теперь передаст дело другому судье?

- Да, некоему Айресу. Он написал ему вчера вечером. Утром пришёл ответ – мистер Айрес согласен взяться за расследование, но говорит, что в Беллегард сможет приехать не раньше, чем завтра. Это даёт мне нужное время. У меня есть план.

- Помилуй Бог!

- Я не знаю, к чему это кассандрово выражение лица. Я думаю, мои планы в последнее время развивались весьма успешно.

- Не будь так уверен. Вспомни, гипотеза о том, что леди Тарлтон – мать убитой девушки, провалилась с треском.

- Это гипотеза была очень уж вольной. – Признал Джулиан. – Но она достигла цели. Я спровоцировал леди Тарлтон и узнал от неё о письмах полковника Фонтклера.

- Я не думаю, что оскорбление уважаемой дамы – это поступок, которым можно хвалиться!

- Я знаю, и я не хваюсь. Если это вас успокоит, для меня тот разговор не прошёл безболезненно. Они не упускает ни одного случая уязвить мои манеры, ценности и происхождение, кто бы её не слушал.

- Ну, женщина, столь гордая, как леди Тарлтон, должна была просто встать на дыбы, услышав обвинение в том, что носила внебрачного ребёнка.

- Это верно. Но почему я думаю, что это недостаточное объяснение? Почему я всё ещё думаю, что у её ненависти должна быть иная причина?

- Какой она может быть?

- Может быть, она не была так равнодушна к Крэддоку, когда он оказывал ей знаки внимания двадцать лет назад. Она может чувствовать вину в том, в чём я её обвинил, даже если она никогда этого не совершала, и никогда не простит мне того, что я сую свой нос в величайший позор её жизни. Она боится меня, но почему – я не понимаю.

МакГрегор покачал головой.

- Всё это выше моего понимания. Расскажи лучше о своём плане.

Джулиан рассказал.

- Сэр Роберт знает, что вы затеваете? – Спросил МакГрегор.

- Нет. Я счёл, что лучше не говорить никому в Беллегарде. Но мне всё-таки нужен соратник. Поэтому я пришёл к вам.

- Ко мне? Что я могу?

- Как я понимаю, сегодня вы придёте на ужин.

- Да. Я всегда ужинаю в Беллегарде по пятницам.

- Ужин – это единственное время за весь день, когда все Фонтклеры и Крэддоки будут вместе. Я хочу прибыть в гостиную последним и поэтому приду почти в семь. Я хотел бы, чтобы вы не дали никому покинуть гостиную раньше. Если кто-то уйдёт или не появится вовсе, сообщите мне, и я перенесу свой опыт на более позднее время.

- Я сделаю это. Неделю назад мне бы и в голову не пришло, что я буду готовить ловушку для Фонтклеров. Но помоги нам небеса – если леди Фонтклер могла дурить голову сэру Роберту, значит доверять вовсе нельзя никому!

- Они все лгали о чём-то или ком-то. Любопытно, не так ли, на какие низменные поступки готовы люди, чтобы защитить свою честь? Это всё равно, что платить долги частью капитала, с которого получаешь проценты. Это отваживает кредиторов и спасает капитал, но он сам уменьшается и будет уменьшаться, до тех пор, пока не перестанет быть достойным защиты.

Весь день Беллегард выглядел нормально. Джулиан видел в этом руку леди Фонтклер. Оттолкнутая сэром Робертом, вынужденная выдать тайну Джеффри, она всё так же поддерживала беззаботные беседы и заботилась о каждом. Это помогало большей части семейства не осознавать, насколько близки они к катастрофе. Насколько мог сказать Джулиан, никто, кроме леди Фонтклер, полковника и его самого не знали о решении сэра Роберта передать следствие – а значит и фамильные тайны – другому судье.

Часы для Джулиана тянулись ужасно долго. Ближе к концу дня он отправился в музыкальную комнату в поисках того единственного, что могло успокоить его и отвлечь мысли. Он сидел на фортепиано всего несколько минут, как вошла мисс Крэддок.

- Пожалуйста, не останавливайтесь. – Попросила она. – Я люблю слушать.

- Я думаю, вы больше захотите поговорить. – Он закрыл инструмент и подошёл к ней.

- Что-то скоро произойдёт, верно? Я чувствую это.

- Я думаю, мы близко к разгадке. Большого сказать не могу.

- Я понимаю. Я просто надеюсь, что это не будет болезненно для Фонтклеров. – Она вздохнула. – Думаю, скоро они освободятся от меня и отца.

- Да, похоже, что тайна полковника Фонтклера тем или иным путем выйдет наружу. Тогда ваш отец утратит свою власть над Фонтклерами, а вы, если захотите, сможете вернуть Хью его слово.

- Вы же знаете, что не захочу. Но у меня нет выбора – это единственный правильный поступок. Но какой же тяжёлый! Никогда больше его не увидеть, знать, что он женится на другой! Как вы думаете, это может быть Изабель? Я знаю, его семья хочет их брака – леди Тарлтон позаботилось о том, чтобы я узнала об этом в первый же день в Беллегарде. А Изабель ненавидит меня за то, что я встала между ней и Хью. Я не осознавала этого до прошлого вечера, когда она так себя повела. Она почти оскалилась! Это было ужасно. Я будто разрушаю её жизнь.

- Насколько я слышал, – Джулиан старательно выдерживать нейтральный тон, – женитьба Хью и мисс Фонтклера была лишь идеей леди Тарлтон. Они не были обручены.

Эти разумные слова не достигла Мод. Она быстро впадала в уныние.

- Изабель могла бы быть ему такой хорошей женой! Она могла бы говорить с ним об искусстве и музыке, она знает всё о Беллегарде и том, как быть супругой настоящего джентльмена. И она так элегантна и грациозна! Она будто не касается ногами земли, когда ходит! По сравнению с ней я чувствую себя такой обычной – как ситец рядом с шёлком. Она... она та молодая леди, о которых мужчины пишут стихи. Никто не напишет стихом о ком-то вроде меня.

Джулиан продекламировал, будто бы ни к кому не обращаясь:

И я в блаженный этот миг

Все существо её постиг:

И каждый вздох её груди,

И жизнь, и смерть в конце пути,

И мощный дар повелевать,

Любить, предвидеть и страдать.

Я вижу женщину во всём

Её величии земном,

И все же — дух, что полон той

Почти небесной чистотой

[50]

.

Глаза Мод наполнились слезами. Она слепо потянулась к Кестрелю и спрятала лицо у него на плече. Джулиан обнял её за талию. Внезапно в комнате появился Хью.

- Что это? – Прошипел он.

Мод подняла голову. Её лицо покраснело, причёска была в лёгком беспорядке.

- О! Мистер Фонтклер.

- Надеюсь, я вам не помешал! – Свирепо произнёс Хью. Джулиан поднялся на ноги так спокойно, как смог. Он знал, что обстановка вышла неловкая, но не мог не оставаться серьёзным.

- Мисс Крэддок была очень тронута стихотворением, которое мы обсуждали.

- О, в самом деле! – Крикнул Хью. – Вам стоит придумать что-то получше!

- Возможно, нам стоит поговорить об этом где-нибудь ещё. – Джулиан заметил, что Мод начинает тревожиться.

- Там и тогда, когда вам будет угодно! – Ответил Хью, гадая как пройдёт его первая дуэль и представляя, как возвращается мрачным триумфатором с дымящимся пистолетом или благородно гибнет на поле чести со словами прощения на устах.

- Вы же не собираетесь ссориться? – Сбивчиво заговорила Мод. – Зачем? Я не понимаю.

- Это вас не касается, мисс Крэддок. Я думаю, мистер Кестрель отлично меня понимает.

- На самом деле нет. – Признался Джулиан. – Если бы я не был гостем в вашем доме, то подумал бы, что вы собираетесь вызвать меня на дуэль, но не могу представить, чтобы вы так могли нарушить кодекс чести.

Хью был раздосадован. Хозяину действительно не следовало вызывать гостя, каковы бы не были причины – хотя со стороны Кестреля было довольно жалко прятаться за такой формальностью.

Джулиан не был устыжён тем, что уклонялся от поединка. Ему нравился Хью, как бы глупо он себя не вёл, и он совсем не хотел стрелять в него. К счастью, Хью сменил тактику.

- Мистер Кестрель, я хотел бы поговорить с мисс Крэддок наедине. Будьте добры, оставьте нас.

Джулиан вопросительно посмотрел на Мод. Та собрала всю свою храбрость и кивком отпустила его. Кестрель склонил голову в ответ и вышел.

Хью собрался. Мод ещё никогда не видела его таким похожим на сэра Роберта.

- Мисс Крэддок, вместо того, чтобы делать выводы из вашего поведения... В общем, я думаю, что будет честно позволить вам объяснить всё самой.

- Что?

- Я хочу сказать, что если вы как-то можете объяснить своё поведение, то я готов это услышать.

- О чём вы говорите?

- О, Бога ради! – Выкрикнул Хью, топнув ногой. – Вы знаете, о чём я говорю! Вы выставяете меня на посмешище, и я требую объяснений!

- Простите меня, мистер Фонтклер, но я... я думаю, что единственный, кто выставляет вас на посмешище – это вы сами!

Хью открыл было рот, но смог сделать лишь несколько яростных выдохов.

- Мисс Крэдок, я знаю, что наша помолвка была устроена не вами и тем более – не мной, но я думаю, ради простого приличия, вам стоит менее очевидно показывать свою склонность к Кестрелю в этом доме! Вы не отходили от него с тех пор, как он появился в Беллегарде, вы не могли и двух дней прожить без него, так что потащили его в Лондон, а теперь я видел, как вы чуть ли нет теряли сознание в его объятиях!

- Как вы можете? Мистер Кестрель – мой друг! Он никогда бы не подумал ни о чём другом, и я бы никогда этого не хотела.

- Простите, но это уж чересчур! Если вы так ведёте себя со своими друзьями, то позволю себе сказать, что вы слишком дружелюбны в вопросе простых приличий, не говоря уже о чести!

- Чести! Чести! Отец был прав – ваша семья больше ни о чём и не думает!

- Вы и правда не понимаете. Вас не учили ценности того, что нельзя посчитать в фунтах, шиллингах и пенсах.

- Я могла догадаться, что рано или поздно вы будете попрекать меня тем, что я – дочь торговца.

- Я не попрекаю вас. Но я просто думаю, что мы должны понять различия между нами. Быть может, среди людей вашего круга прилично льнуть к одному джентльмену, когда обручена с другим. Но у нас это не так.

- Ну так вам не стоит беспокоиться, что я стану для вас проблемой! Потому я теперь никогда за вас не выйду!

- Какое облегчение, мисс Крэдок! А что бы вы сделали, если бы я не дал вам такого повода разорвать эту пародию на помолвку? Вышли бы за меня, а потом стали ещё более близкими друзьями с Кестрелем?

- О! – Она прижала ладони по рту и выбежала из комнаты.

Хью в ужасе смотрел ей вслед. Как он мог такого наговорить? Он просто обезумел. Он почувствовал, что понимает, что такое одержимость дьяволом. Он должен сказать ей, что не имел в виду ничего из этого, что сам не знал, что говорит. Он бросился к её комнате и застучал в двери. Открыла Элис и уставилась на него. Это ведь спальня её молодой госпожи! Все знали, что в свете царят не очень строгие нравы, но жених и муж – совсем не одно и то же, и мистер Фонтклер должен это понимать.

- Мисс Крэдок переодевается к ужину, сэр, и никого не может принять! – Выпала Элис и захлопнула дверь у него перед носом.

Он принялся шагать назад и вперед по холлу, представляя мисс Крэдок плачущей, униженной и несчастной – и ещё больше влюблённой в Кестреля, который бы никогда не повёл бы себя с ней как варвар и негодяй. И – Боже мой! – что сделает Крэдок, когда узнает, что помолвка расторгнута? Исполнит ли он свою угрозу? Хью чувствовал ужасный стыд.

Одно он знал точно. Даже если Мод никогда не пожелает выйти за него – а он именно этого и заслуживал – он должен будет встать перед ней на колени и молить о прощении за те чудовищные вещи, что наговорил. И будь, что будет. Хью отправился переодеваться к ужину, страдая как юный Вертер перед самоубийством.

Хью спустился в гостиную рано, надеясь застать мисс Крэддок одну. Но она появилась, когда почти пробило семь, и всё общество уже собралось – всё, кроме Кестреля, которого Хью высматривал. Молодого человека задержали отец и МакГрегор, из разговора с которыми было очень трудно выпутаться. Наконец, он направился к мисс Крэддок, но тетушка Кэтрин заступила ему путь.

- Мистер Кестрель опять опаздывает к ужину?

- Я не знаю, тетушка. – Ответил Хью, глядя на Мод и думая о ней.

- Должно быть, опять ищет улики, как низкая, недостойная ищейка с Боу-стрит, какой он в душе и является.

- Очень жаль, что вы такого мнения об ищейках. – Раздался голос Кестреля. – Я начал немало уважать их работу.

Джулиан появился в дверях гостиной, но видна была лишь правая часть его тела. Он продолжает стоять так, пока на него не оказались обращены взгляды всех собравшихся. Наконец, он вошёл внутрь, таща перекинутый через левую руку ужасный лоскутный мешок.

Гэй вскочил с кресла.

- Где вы это взяли?

Взгляд Джулиана рыскал по комнате, но теперь остановился на Гэе.

- Это принадлежит Блисссу, бродяге-торговцу.

- Но как вы... – Гэй оборвал себя и понял, что на него смотрят удивлённые глаза всех собравшихся. Он снова сел, нащупывая кресло спиной, будто в оцепенении. – Я думал, он уже ушёл. Я думал, его не найти.

- Я послал Дика Фелтона поискать его.

- Вы ничего не говорили об этом, мистер Кестрель. – Возмутился сэр Роберт.

- Я говорю теперь. – Джулиан обращался к сэру Роберту, но не отрывал глаз от Гэя. – И теперь я начистоту выложу всё, что узнал за последние двадцать четыре часа.

Гэй задрожал.

- Почему вы смотрите на меня так? Таким взглядом можно с ума свети. – Он снова вскочил со кресла. – Вот что, если вы знаете что-то, то говорите! Просто скажите! Я... Я отвечу. Да не молчите вы, Бога ради! Если Блисс наплёл что-то обо мне, я хочу знать что.

Вместо того, чтобы ответить, Джулиан запустил руку в жилетный карман, достал маленький клочок жёлтой ткани и протянул его Гэю.

- Что это? – Тот даже отшатнулся.

- Я думаю, тот лоскуток был оторван от подола платья убитой. Он зацепился за зазубренный камень на лестнице, где я его и нашёл.

- Какой лестнице? – Спросил сэр Роберт.

- Тайной лестнице, что ведёт из моей старой комнаты, где нашли тело, к задней двери в крыле прислуги.

Комнату заполонил возбуждённый гул. Гэй дёрнулся назад, будто его ударили.

- Блисс не мог рассказать вам о проходе! Я никогда не говорил ему... Когда? Я не могу вспомнить...

- Гэй! – Рывкнул полковник. – Что ещё за лестница, что за проход?

- Насколько я знаю, в Беллегарде нет никаких тайных ходов или лестниц. – Обеспокоено сказал сэр Роберт.

- Но знаете вы, верно? – Спросил Джулиан у Гэя. – Не сомневаюсь, вы сможете

рассказать нам всё. Та комната была вашей, когда вы были мальчишкой. Вы нашли проход, и никому о нём не сказали. А неделю назад вы провели по нему девушку по имени Эми Филдс в мою комнату.

Гэй не отрывая глядел на Кестреля. Потом из его горла начали вырываться сдавленные звуки, что оказались жутким смехом. Начал смеяться, он уже не мог прекратить. Он рухнул обратно в кресло, твердя «Вы дьявол, Кестрель! Сущий дьявол!»

Джефффри со стуком бросил свою трость и закрыл лицо руками. Леди Тарлтон открыла рот, но сказать на этот раз ей было нечего. Хью подошёл к Мод и встал рядом с ней, словно защищая. Изабель склонила голову, чтобы никто не видел лица. Марк Крэддок скривил губы и смотрел на Гэя с невыразимым презрением.

Сэр Роберт закрыл глаза. Его лицо было пепельно-серым. Леди Фонтклер подошла к мужу и положила руки ему на плечи. Он невидяще протянул руки и накрыл её ладони своими.

- Итак, – сказал Гэй, чей смех утих, но глаза всё ещё оставались бешеными, – полагаю, Блосс вам всё рассказал.

- Я не говорил с Блоссом. – Ответил Джулиан. – Фелтон не смог найти его. Всё, что он нашёл – вот это. – Он показал на мешок.

- Хотите сказать... это всё, что у вас есть? – Гэй схватился за мешок, и смех снова скрутил его. – Вы хотите сказать, если б я только придержал язык... Нет, это правда смешно! Умереть со смеху можно, а? Один проеденный червями мешок какого-то попрошайки затянул петлю у меня на шее. Да ладно. Я даже рад, что всё вышло наружу. Вы не знаете, в каком аду я прожил эту неделю – нужно было сохранять спокойствие, узнавать, что этот дьявол вынюхал про Эми, но не показывать лишнего любопытства. Что теперь – суд и казнь? О, Боже. – Он перестал смеяться. Его охватила дрожь. Гэй вжался в спинку кресла и обвёл всех полными ужаса глазами.

- Я всё ещё судья, ведущий это дело. Я выслушаю твоё признание, а Роулинсон запишет. – Мрачно сказал сэр Роберт.

- Я хочу присутствовать, Роберт. – Сказал Джефффри. – Ты должен позволить мне быть с ним.

- Хорошо. Я думаю, мистеру Кестрелю тоже лучше пойти с нами – у меня есть вопросы к нему. Доктор, я надеюсь, и вы поможете нам, как беспристрастный свидетель.

- Но, дядя... – Начал Гэй.

Сэр Роберт повернулся к племяннику.

- У тебя сейчас нет слова! Ты сможешь говорить в свою защиту – если тебе есть что сказать в оправдание этого... этого зверства... когда будешь делать признание. Я надеюсь, ты сделаешь признание. Я не могу заставить тебя, но обращаюсь к тебе и к тому уважению к имени и семье, если они у тебя остались, и прошу сделать признание, чтобы избавить нас от унижительного суда.

- Послушайте же, дядя, Бога ради – и вы все! – Гэй подался вперед, вцепился в подлокотники кресла. – Да, я притащил Эми в дом. Да, я оставил её в комнате Кестреля. Но я не буду признаваться в убийстве. Потому что я – клянусь Богом, ты должен мне поверить! – я её не убивал!

Глава 31. Гнездо тайн

Гэй рассказывал свою историю в старой комнате Джулиана. Сэр Роберт решил устроить этот допрос здесь, чтобы Фонтклер-младший мог точно объяснить, что произошло неделю назад, а Кестрель – показать, где именно находится тайный проход, и как он работает.

Вечером комната казалась околдованной. Тускнеющий солнечный свет будто осыпал её золотом. Но теперь её потрясающая красота была навеки связана с дурными воспоминаниями. Здесь стояла кровать, на которой нашли Ами – заботливо закутанную, как спящего ребёнка. Здесь стоял умывальник, где убийца – Гэй? – смыл кровь со своих рук и, возможно, с оружия. Стул с прямой спинкой, на котором сидел Гэй сейчас, был тем самым, на котором Ами оставила шаль и чепец. На спинке виднелась царапина, совпадающая с царапиной на стене. И, наконец, на той же стене, прямо у Гэя на головой, были пять слабых пятнышек крови, очень похожих на отпечатки чьих-то пальцев.

Джефффри сел рядом с сыном, сэр Роберт – напротив них. Джулиан остался стоять между тремя Фонтклерами – так он смог видеть их лица. МакГрегор мерил шагами комнату, наклонив голову, как бык, что сейчас бросится на врага. Джулиан заметил, что доктор держался поблизости от двери – возможно, боялся, что Гэй попытается дать дёру. Роулинсон, такой же незаметный, как всегда, сидел за столом у оконной ниши и был готов записывать.

- Вы узнаете всё с самого начала, – заговорил Гэй, – иначе просто ничего не поймёте. Но всё равно можете мне не поверить. Но, клянусь, я расскажу всё как было. Я познакомился с Эми в марте этого года. Увидел её на Флит-стрит с картонной коробкой в руках. Она шла вдоль стены, опустив голову, но я разглядел её лицо достаточно, чтобы захотеть взглянуть ещё. Я подошёл и попытался поговорить с ней, но она испугалась и поспешила прочь. Не остановилась и даже не взглянула на меня – пока я не сказал своё имя. Это её остановило. Она была так потрясена, что я спросил, не знает ли она кого-то из моей семьи. Она ответила, что не знает, но слышала, что мы – старая семья, важные персоны в свете и так далее. Стала расспрашивать о нас – как нас зовут и где мы живём. Когда я понял, что её привлекло имя «Фонтклер», то решил разыграть эту карту по полной. Я ведь с самых первых слов был очарован. Вы не знаете, какой она была – вы никогда не видели её живой, я имею в виду. У неё была привычка широко раскрывать глаза и глядеть на тебя из-под ресниц. Это так отвлекало. Я должен был заполучить её. Не помню, когда ещё так сильно желал какую-то девушку.

- Она интересовалась вашим отцом? – Спросил Джулиан.

- Не думаю. – Гэй нахмурился. – Ну, может быть. Я подумал, это потому что он – ветеран войны. Эми была француженкой, но, кажется, не держала обид за ту войну. Быть может, она была роялисткой – не знаю, она никогда на этом не останавливалась. Она сказала своё английское имя – Эми Филдс. Настоящего я не знал. Никогда не спрашивал.

Мы встречались довольно часто. Она находила предлоги покинуть лавку, где работала, и мы говорили на улицах, в пабах, даже в церквях. Я вечно пытался затащить её в экипаж или привести в какой-нибудь дом – ну, вы понимаете – но у меня никогда не выходило. Мы гуляли и разговаривали, но она не позволяла и пальцем к себе притронуться. Говорила, что не хочет поступать дурно и губить шансы хорошо выйти замуж. Эми сказала, что никогда не имела дела с мужчинами. Наверное, это было правдой. Чёрт побери, это была правда.

Он подвинул стул, облизал пересохшие губы. МакГрегор с каменным лицом подал ему стакан воды. Гэй, что явно рассчитывал на что-то покрепче, безропотно выпил.

- Я волочился за ней около месяца и уже начал думать, что игра не стоит свеч, как

произошло то, что всё изменило. Эми увидела объявление о помолвке Хью с мисс Крэддок в «Морнинг пост». Она спросила об этом меня. Я ответил, что знаю только то, что Хью собрался жениться на дочке богатого мещанина, что раньше был у нас конюхом, и что вся семья расстроена. Я не собирался подавать ей каких-то идей, но всё равно подал. Я мог читать Эми, как открытую книгу. Она думала – «если Хью может жениться на ком-то, кто ниже его по положению, то почему так не могу выйти замуж я?»

В общем, я понял, что делать. Я сказал, что женюсь на ней – не сразу, а когда семья отойдет от потрясения от свадьбы Хью. Да, само собой, я не собирался жениться. Она должна была это понимать! Как я мог связать себя с этой французской пташкой – без денег, без связей? Но она поверила, и потому я смог забрать её с собой.

Джулиан вспомнил, что Луиза говорила о Ами и её полковнике, и эти слова зазвучали намного трагичнее: «Она грезила, что он возьмёт её к себе, сделает её своей дочерью». Как она могла отвергнуть шанс стать ему всё равно что дочерью через замужество за его сыном?

Гэй продолжал:

- Я убедил её покинуть ту шляпную лавку и позволить мне найти ей дом получше. Но Эми вбила себе в голову, что мы должны держать нашу связь в тайне. Она боялась, что моя семья никогда не примет её как мою жену, если узнает, что она была моей любовницей. Она не хотела появляться на людях вместе со мной, встречаться с моими друзьями или их подругами – она твёрдо решила быть затворницей, пока мы не поженимся.

Я устроил её в дом, которым владеет женщина, которую я знаю, как Дафну Бейн. Она управляет несколькими... заведениями, полными юных леди, но кроме того, имеет домик рядом с Хэмпстедом^[51], где прячется, когда обстановка накаляется. Я убедил Эми оставаться там. Это очень тихое место, так что Эми не стоило бояться, что кто-то увидит, как я прихожу к ней. Сперва её скрытность была очень к месту. Эми никогда никуда не выходила, не виделась ни с кем, кроме Дафны, а потому не могла мешать мне или ревновать к другим женщинам. И она никогда не просила денег или дорогих подарков. Я купил ей кое-какие платья да побрякушки, хотя не думаю, что она ценила что-то из этого больше чем ту серебряную раковину, что носила на шее. Она никогда её не снимала. Один раз я попытался убедить её сделать это. Сказал, что раз это был подарок от другого, не нужно носить его сейчас. Но Эми ответила, что это символ какого-то святого, и она носит его на удачу.

В общем, она жила в том доме месяц – может быть, полтора – но тут меня пригласили в Беллегард, чтобы познакомиться с Крэддоками. Я подумывал, не взять ли Эми с собой – найти ей домик по соседству, в котором я смогу незаметно её навещать. Но когда я сказал об этом, Эми впала в панику. Вы могли бы подумать, что пытаюсь затащить её в самые чёрные глубины Ада. Она ни в какую не хотела оказаться вблизи Беллегарда или моей семьи.

- Возможно, она боялась, что ваш отец увидит и узнает её. – Предположил Джулиан. – Она не могла не понимать, что семья попытается остановить эту свадьбу, как только узнает, кто она такая – и кем была её мать.

- Почему? Кем была её мать? – Гэй тупо посмотрел на Кестреля, потом повернулся к Джеффри. – Что ты знаешь об Эми?

- Я знал её и её мать когда-то, очень давно.

- Как ты мог... О, Боже мой, Эми ведь не моя сестра?

- Нет, нет!

- Слава Богу! У меня и без этого положение невесёлое!

- Пока что забудь, что твой отец был знаком с мисс Филдс. – Вступил сэр Роберт. –

Продолжай.

- Мы с Эми страшно поругались. Я сказал, что с меня довольно этих тайн, и если она боится, что нас с ней увидят вместе, мне лучше откланяться и будь она проклята. Она заплакала – она часто плакала, Бог знает, откуда в ней бралось столько слёз, но они никогда не заканчивались – и сказала, что готова поехать ко мной куда угодно, но не в Беллегард. Кончилось тем, что я рывкнул, что между нами всё кончено, и выскочил из комнаты. Я не хотел бросать её – совсем не хотел – но решил напугать, вынудить подчиниться. Она подчинилась, и как! Она была так напугана, что приехала сюда из Лондона, чтобы помириться со мной.

Загвоздка была том, что Эми не могла придумать, как поговорить со мной, чтобы об этом не узнала вся семья. Она всё ещё хотела держать всё в секрете. На следующий день после того как приехала, Эми утром вышла из дома и встретила на дороге Блисса. Они поговорили, она поняла, что старик знает эти места и решила передать мне весточку через него. Блисс сказал, что я, наверняка, появляюсь на конской ярмарке, и он меня там найдёт. Думаю, старый чёрт сам хотел туда пойти – он никогда не упускает случая попоколачиваться в таких местах.

Когда он увидел меня на ярмарке, то не смог передать сообщение – я тогда был с Хью и Кестрелем, а Эми настояла, чтобы он говорил со мной только с глазу на глаз. Блисс следил за мной и подошёл, как только я остался один. Объяснил, что Эми здесь, что она послала его за мной. Он пока что устроил её на старой мельнице. Я был рад услышать, что девушка побежала за мной, но уже устал от скрытности. И не хотел, чтобы за мной посылали, как за лакеем, а Блисс ещё и смеялся украдкой. Так что я сказал ему, что не могу уйти с ярмарки, но если Эми так хочет со мной поговорить, то пусть подождёт, когда у меня будет на неё время. Я дал ему монету и велел передать ей, чтобы оставалась на мельнице, пока я не приду.

Тут Гэй повернулся к Джулиану.

- Я ведь почти признался вам и Хью по пути с ярмарки. Жаль, я не сделал этого – тогда бы вы знали, что всё происходило так, как я сейчас рассказываю.

- Что же вас остановило?

- У меня появилась идея. Хотел бы я, чтобы мои мозги сгнили до того, как она пришла мне в голову, но тогда я показался себе ужасно умным. Я вспомнил, что после обеда Хью позвал вас осмотреть поместье, и решил провести Эми в вашу комнату по тайному коридору.

- Наконец-то мы дошли до этого. – Сказал сэр Роберт. – Давно ты знаешь в тайном коридоре в эту комнату?

- С тех пор, как был мальчишкой. Я наткнулся на него случайно, а когда понял, что это, то решил, что буду единственным, кто знает про него. Я же всегда искал способы тайком выбираться из дома по ночам. Не выношу, когда меня держат взаперти – никогда не выносил.

Он осёкся и побледнел. Все понимали, о чём подумал Гэй – возможно, впереди его ждёт более суровое содержание взаперти. Джулиан не испытывал сочувствия. Куда бы Гэя не запихнули до суда, это всё равно будет лучше той норы, где Брокер просидел три дня из-за того, что Гэй молчал.

- Я не могу поверить в неизвестный мне тайный коридор с этом доме. – Сказал сэр Роберт.

- У меня есть мысль. – Вступил Джулиан. – Ещё с самого убийства, я ломал голову над

тем, как девушка оказалась в доме, да ещё в моей комнате, никем не замеченная. Тайный коридор не приходил мне в голову, ведь сейчас такие проходы делают просто для развлечения – себя или гостей – и не скрывают. Но когда мисс Филиппа сказала мне, что при королеве Елизавете ваша семья была католической, я начал гадать, не было ли в доме тайной комнаты или коридора, где заезжий священник мог бы прятаться от властей. Но я не представлял, как про эту комнату мог знать убийца, но не знать никто другой. Но потом я вспомнил ещё кое-что, о чём рассказала мисс Филиппа. Она говорила, что пишет семейную хронику, но это трудно, потому что много бумаг сгорело при пожаре, что случился во времена Гражданской войны. Я подумал – что если тогда погибли и чертежи дома? Наброскам, что показывали мне вы, сэр Роберт, едва ли пятьдесят лет, и вы говорили, что эта часть дома мало изменилась со времен королевы Елизаветы. Значит, в этой комнате мог быть тайник, про который не знал никто из вас, потому что сведения о нём пропали во времена Гражданской войны.

Кестрель подошёл к стене, что примыкала к крылу прислуги. Остальные собрались вокруг.

- Я рассудил, что если в комнате есть потайная дверь, то она будет в этой стене. Ваш кабинет, Роулинсон, прямо с другой её стороны, а под вашим кабинетом – задняя приёмная. Я помню, как ваш кабинет показался мне намного меньше, чем на чертежах. Теперь я знаю, почему – потому что, кто бы не выполнял те чертежи, он не знал о тайном проходе между кабинетом и этой комнатой. Вот эта часть заинтересовала меня больше всего. – Он подошёл к тому месту, где стена под прямым углом сходилась с оконной нишей – там, где виднелись едва заметные на тёмном дубе, пять маленьких отпечатков крови. – Здесь пятна крови и рядом стоял стул, на который девушка положила шаль и чепец. Я оглядел всю панель, ища способ открыть путь, но не нашёл ни единой щели, где можно было бы спрятать пружину. Тогда я стал искать вот здесь.

Он сказал на резную деревянную панель в оконной нише.

- Эта резьба составлена из символов святых. Я заметил это в первую же ночь, что провёл здесь, но тогда не придавал этому значения. Теперь я понял, что при королеве Елизавете эта комната могла предназначаться для священников. Они могли приходить в дом под видом обычных гостей, но символы здесь напоминали об их истинной сущности. Я пробовал то и это и, наконец, нашёл запор – вот он.

Джулиан указал на резьбу слева – два скрещённых ключа, символ святого Петра. В точке, где ключи пересекались, виднелось небольшое углубление. Кестрель с силой надавил на него. Со стороны стены раздался долгий, низкий скрежет – будто протестующий стон. Миг спустя, панель, что составляла прямой угол с оконной нишей – та самая, на которой была кровавые отпечатки – медленно отворилась наружу. Из темноты ударил поток холодного воздуха и запах сырости и грязи.

Мужчины заглянули внутрь. Когда глаза привыкли к мраку, им удалось разглядеть помещение футов десять площадью. Каменные ступени спиралью спускались вниз. Джулиан вспомнил, как сам прошлой ночью спускался по эти неровным ступенькам. Тогда он оставил потайную дверь открытой и припёр стулом – у него мурашки побежали по спине, когда он представил, как она захлопнется и запрет его в этом холодном, сыром месте. Кто знает, есть ли выход внизу? Но он был. Кестрель объяснил, что, спустившись по лестнице, нашёл дверь, что вела в заднюю приёмную в крыле прислуги.

- Итак, священник мог сбежать из этой комнаты по потайной лестнице, попасть в крыло

слуг и уйти оттуда через огород – или через липовую рощу. Деревья легко скроют любого, кто будет убегать из дома.

Всем не терпелось осмотреть потайную дверь и узнать, как работает пружина, что её открывала. К облегчению Джулиана, никто не подумал спросить, как он вчера попал в комнату, чтобы узнать секрет. Он не смог бы объяснить, откуда взял ключ.

- Как ты нашёл проход? – Спросил полковник своего сына.

- Как-то ночью я влезал через окно и случайно схватился за панель в нужном месте. И из-за этого стена застонала и повернулась. Как же это сбило меня с толку! Я спустился по лестнице и понял, куда она ведёт. Я понял, что больше не придётся лазать через окно – я смогу незаметно выскальзывать из дома, когда захочу. А ещё получилось, что я знаю о доме то, чего не знает больше никто, что показалось мне очень забавным. Так что я сохранил этот секрет. Я уже не пользовался этим ходом, когда вырос, потому что уже не жил в этой комнате – тетя Сесилия превратила её в гостевую, а вся семья стала жить в новом крыле.

Так или иначе, я решил провести Эми сюда через этот проход. Кестрель уедет с Хью, все слуги будут на ужине, так что мне ничего не помешало бы. Чем больше я об этом думал, тем больше меня забавляла идея привести юбку в семейный дом, так чтобы никто ничего не узнал. Полко... мой отец едва не сорвал этот план в последний миг. Я был в библиотеке и ждал, когда уедут Хью и Кестрель. Их лошадей подвели в полчетвёртого, и я понял, что надо спешить за Эми, но тут вошёл мой отец и спросил, не хочу ли я сыграть роббер в пикет. Времени на это не было, но отец был таким печальным, что у меня не хватило духу прямо ему отказать. Я сказал, что хочу спать и думаю подняться к себе и вздремнуть. Я почти поднялся наверх и подождал, пока на горизонте не станет чисто. А потом выскользнул через парадную дверь и помчался напрямик к старой мельнице. Но мой отец всего этого не знал! – С жаром добавил он. – Когда я сказал, что иду наверх поспать, он мне поверил.

- Не беспокойся сейчас об этом, мальчик мой. – Сказал Джефффри.

- Я буду. – Настаивал Гэй.

- Что произошло дальше? – Поторопил сэра Роберт.

- Я пришёл на мельницу в четыре или около того. Эми была там. Блосс тоже. Он прилип к ней как репей. Наверное, решил, что из нас двоих можно выжать больше денег, чем из покупателей трубок из кукурузных початков на ярмарке. И, Боже мой, он ведь оказался прав!

Эми до смерти боялась, что я не приду. Когда я пришёл, она повисла на мне и умоляла простить. Я спросил, хочет ли она доказать, что сожалеет – она сказала, что хочет. Тогда я рассказал свой план – проникнуть в Беллегард. Конечно, Эми заспорила, но я сказал, что если она готова снова поссориться со мной, то есть проще прямо сейчас уезжать в Лондон. Она начала лить слёзы, причитать и взывать к Пречистой деве, но согласилась.

Я провёл её через угодья – самым прямым путём до Беллегарда. Она была рада отсутствию любопытных глаз, но дорога далась ей тяжело. Её одежда совсем не подходила для этого. Тропки там извилистые, и я часто прокладывал нам путь напрямик. Когда мы добрались до дома, Эми уже трясло от волнения. Я протащил её через липовую рощу – Кестрель прав, за этими деревьями вообще ничего не видно – и мы проскользнули в заднюю дверь, никем не замеченные, а потом зашли в тайный коридор – его можно открыть и со стороны приёмной. Я узнал, как это сделать много лет назад, ещё когда разобрался с механизмом наверху. У нас не было свечи, так что идти приходилось на ощупь. Там ведь кромешная тьма, даже днём. Мы вошли в комнату Кестреля...

- Ударив раскрывшейся дверью по этому стулу. – Предположил Джулиан, указывая на стул и на стену.

- Да, так и было, сейчас я вспомнил. Откуда вы узнали?

Джулиан показал одинаковые царапины на стене и спинке.

- Сначала мы подумали, что стул ударился о стену во время борьбы. Но поскольку в этом деле всё не такое, каким кажется, оказалось, это стена ударила по стулу.

Гэй опустил на кресло у камина. Он выглядел больным – бледный и истощённый, но неспособный отдохнуть. Все пододвинулись ближе, с нетерпением ожидания окончания истории.

- Мы вошли внутрь. Эми вытерла грязь с обуви перед тем как ступить на ковёр и меня убедила. Женщины порой беспокоятся о таких глупостях! Но наконец-то всё было в порядке. Эми страшно заинтересовала комната – она будто забыла, что кто-то может войти и поймать нас. Но это продолжалось недолго – вскоре она начала просить меня увести её обратно. Я не хотел уходить так быстро. Я хотел... Я имею в виду... Здесь была кровать... Мне очень стыдно за себя.

- Продолжай. – Мрачно велел сэр Роберт.

- Мы чертовски крупно поскандалили! Она сказала, что если кто-то застучает нас, она просто умрёт. Сказала, что больше не может здесь оставаться. Да-да, я знаю, о чём вы все думаете, но вы не правы! Я был зол. Признаю. Но я не убивал её. У меня появилась другая мысль. Я решил, что запру Эми в комнате Кестреля и уйду. Я знал, что она нипочём не сможет открыть потайную дверь – она не знала, как сделать это с этой стороны. Пусть бы переволновалась до смерти из-за своей тяги к секретности! А ещё это была бы хорошая шутка над Кестрелем. Я представлял, как он приезжает домой и обнаруживает в своей комнате пребывающую в истерике женщину – а она уже потеряла голову, начала плакать и причитать. Я сказал Эми, что нет смысла держать её присутствие в тайне, если она собирается рыдать на весь дом.

В общем, я оставил её там. Запер дверь, оставил ключ на столе в коридоре и ушёл. Я слышал её плач, даже когда спускался. Да, это мерзкий способ обращаться с женщиной, знаю. Но в мне будто дьявол вселился – и я сделал это. Это всё.

МакГрегор пристально глядел на Гэя.

- Значит, тогда ты видел её в последний раз?

- И Бог мне свидетель, тогда она была жива.

Глава 32. Правосудие

Слушавшие Гэя обменялись озадаченными взглядами. Пока Гэй говорил, все испытывали чувство мрачного облечения – так или иначе, преступление раскрыто. Но если он рассказал правду, загадка никуда не делась. Убийца опять ускользнул.

Джулиан задал вопрос, пытаясь сузить круг подозреваемых.

- В котором часу вы заперли её в комнате?

- В четверть шестого. Я помню, как посмотрел на свои часы.

- Что было потом? – Спросил МакГрегор.

- Всё то, что я рассказывал дяде Роберту, когда он расспрашивал меня после. Я пошёл к себе, позвонил камердинеру, переоделся. Когда я спустился в гостиную, то очень удивился, что ещё никто не нашёл Эми. Но потом услышал, что ужин отложили, потому что у дяди Роберта какое-то срочное дело с Кестрелем. Наконец-то её нашли – так тогда подумал я. Но мне никто ничего не говорил. Никто мне и слова не сказал. Я начал думать, что Эми сделала вид, что не знает меня и наврала, что проникла в дом сама. Я решил придержать язык и посмотреть, что будет. Чем дальше, тем менее смешной мне казалась своя шутка, и я знал, что дядя Роберт снимет мне голову с плеч, если узнает, что я тайно привёл в его дом свою пташку. Так что я просто ждал. Раскладывал пасьянс, чтобы занять чем-то руки – никогда

раньше я так не волновался. Я начал гадать, что случилось с Эми, и я думал... – Слова застряли у него в горле. – Я думал, что смогу загладить свою вину, когда увезу её из Беллегарда...

Послушайте, я же не бесчувственный! Когда я узнал, что она мертва, я не мог смириться с этим. Сперва я подумал, что Эми наложила на себя руки, и если так, то виноват в этом я. Потом я узнал, что её убили – Боже мой, тут я вовсе не знал, что и думать! Я не мог представить, кто мог это сделать. И всё ещё не могу. Но знаю одно – если бы я признался, что привёл её в дом, убийцей тут же сочли бы меня. Так что я сделал вид, что ничего не знаю. Это было непросто. Когда я увидел её тело... Ну, вы видели, что у меня чуть не случился припадок, и я убежал.

Тогда я и понял, какая удача, что Эми так скрывала нашу связь. Я мог надеяться, что никто никак не сможет заподозрить меня. Конечно, нужно будет заплатить Дафне, и это будет недешево. Но если бы я раскошелился больше, чем она могла бы получить, выдав меня, она бы придержала язык. Любви у ней с Боу-стрит не было – Дафна предпочла бы вовсе не иметь с ними дела, если бы могла.

Оставалось только избавиться от Блисса. Я знал, где его найти – он сказал, что если у меня будут ещё поручения, то я могу приходить на старую мельницу. И когда весь дом улёгся спать, а за окном началась эта проклятая буря, я отправился к Блиссу. Когда я пришёл, он спал – тогда мне хватило и полминуты, чтобы понять, почему люди совершают убийства. Я мог просто пробить ему череп, и он больше никогда бы не открыл рта, чтобы навредить мне. Не знаю, оказался я недостаточно плох или недостаточно храбр, чтобы сделать это. Я разбудил Блисса, дал ему все деньги, что нашлись, в обмен на обещание проваливать и никогда никому слова не говорить про Эми и меня. Конечно, когда я увидел у Кестреля этот проклятый мешок, то решил, что Блисса нашли и разговорили, так что потерял голову. Теперь я рассказал всю правду, клянусь. Думаю, я скрывал улики – это преступление, но это хуже этого я ничего не сделал.

Повисла тишина. Её нарушил Джулиан, спросил:

- Как вы прокладывали себе с Эми путь через уголья?

Во глаза Гэя вспыхнула тревога.

- У меня не было ножа, если вы об этом! Когда я сказал «прокладывал путь», я имел в виду, что обламывал ветки и раздвигал кусты.

- Ты рассказал нам всё о своей последней ссоре с мисс Филдс? – Спросил сэр Роберт. – Они требовала от тебя жениться на ней? Угрожала тебе?

- Угрожала мне? Как бы она могла?

- Ты говорил, что ничего не знал о связи между мисс Филдс – точнее, мадемуазель Дешам – и своим отцом?

- Вы все намекаете, что между Эми и моим отцом что-то было, но чтоб мне лопнуть, если я понимаю. – Гэй повернулся к полковнику. – О чём они говорят?

- Я надеялся, ты никогда не узнаешь. – Тихо сказал Джеффри. – Но я расскажу тебе. Я расскажу тебе всё.

Сэр Роберт поднялся и холодно посмотрел на Гэя.

- На мой взгляд, свидетельств достаточно, чтобы посадить тебя под замок. Но я оставляю это на усмотрение судьи, что займётся этим делом завтра. А пока что я сделаю то же, что и со слугой мистера Кестреля, когда подозревал его. Роулинсон, будьте добры, проводите Гэя в ваш кабинет и запирайте там. Потом приходите в мой и составьте показания, что он сможет

подписать.

- Неужели обязательно запирать? – Взмолился Джеффри.

- А ты думаешь, я возьму с Гэя слово – слово джентльмена! – что он не попытается сбежать?

Гэй вздрогнул и отвёл взгляд.

- Могу я пойти с сыном? – Спросил Джеффри.

- Хорошо. Но предупреждаю – если он попробует сбежать, я поймаю его и притащу обратно, даже если для того придётся поднять шум и крик на всё графство.

Гэй вышел – его конвоировали Джеффри и Роулинсон. Стоило дверям за ними закрыться, как МакГрегор выпалил:

- Простите, сэр Роберт, я знаю, что он ваш племянник – но как вы можете верить в тот вздор, что он наплёл?

- Я верю. – Сказал Джулиан.

- Веришь? Ты веришь? – МакГрегор сузил глаза.

- То, что рассказал Гэй, очень на него похоже – запереть девушку в комнате в «наказание» для неё, и чтобы подшутить надо мной. Это объясняет и запертую дверь. Если бы она была мертва, когда Гэй уходил, зачем ему запирать комнату?

- Чтобы запутать нас. – Предложил доктор. – И это сработало – вы корпели над этим с самого начала.

- Он должен был сохранять на диво холодную голову, чтобы придумывать загадки для нас, когда у его ног лежала убитая девушка. А мы знаем, что Гэй подобным не отличается – скорее, он эту голову должен был мгновенно потерять. И кроме того – почему он не спрятал тело в тайном коридоре?

Сэр Роберт и МакГрегор неуверенно посмотрели друг на друга.

- Конечно, ему пришлось бы избавиться и от окровавленных простыней и прочего, – размышлял вслух Джулиан. – но пропавшее одеяло и покрывало вызовут куда меньше волнения, чем найденный труп. Сам факт, что тело оставили так, чтобы его кто-то нашёл, говорит в пользу Гэя. Только он знал про тайный проход. Он легко мог спрятать труп там и избавиться от него позже, во время любой ночной вылазки.

- Быть может, тогда он не смог снова открыть проход. – Предположил сэр Роберт.

- Он открывается довольно легко – мне нужно было только понять, что нажимать, а сам Гэй проделывал это много раз. Но вы знаете, это навело меня на интересную мысль... – Он замолчал. Решение не просто нашлось – оно всё равно, что бросилось ему в лицо.

- Что за мысль? – Нетерпеливо спросил МакГрегор. – Кестрель, с тобой всё в порядке? – Добавил он, уже изменившимся тоном.

- Да, доктор. – Джулиан выдохнул. Не время для деликатности. Он должен закончить то, что начал. – Как вы объясните эти пятна крови на панели, что ведёт в тайный коридор?

- Возможно, Гэй пытался отпереть дверь, после того как убил Эми, но не смог! – Нетерпеливо отозвался МакГрегор. – Толкнул панель, отсюда и отпечатки!

- На панель не нужно давить. – Тихо поправил его Джулиан. – Пружина скрыта в оконной нише. А Гэй это знал.

- Тогда как объясняете их вы?

- Я думаю, что девушка была убита кем-то, кто знал, что проход существует, но не знал, как попасть туда. Отпечатки выглядят так, будто кто-то тщетно пытался открыть эту дверь.

- Но откуда убийце вообще знать про проход? – Возразил сэр Роберт.

- От девушки. Представьте себе – кто-то входит в комнату и видит Эми. Конечно, первое что придёт в голову – спросить, как незнакомка сюда попала. А девушка отвечает – я прошла через проход в стене, что открывалась вот здесь.

- Но святые небеса, – воскликнул МакГрегор, – так мы возвращаемся к тому, с чего начали! Любой, кто нашёл её, мог догадаться, что она – дочь той француженки и убить её, чтобы сохранить тайну полковника.

- Нет. – Джулиан покачал головой. – Не любой, доктор. Конечно, ничто не мешает нам и дальше придумывать сложные теории. Кто угодно мог лгать, люди могли обеспечивать друг другу алиби. Но если мы предположим, что все подозреваемые говорили правду – исключив из своих слов признание в убийстве – то мы знаем, кто был убийцей. Подходит лишь один человек.

Сэр Роберт и МакГрегор смотрели на него, боясь спросить и страшась предположить.

- Конечно, – тихо продолжал Джулиан, – доказать это будет непросто. Но я не думаю, что нам придётся утруждать себя доказательствами. Когда обвинят Гэя, настоящий убийца сознается сам.

- Спасибо, что согласились встретиться со мной здесь, мистер Кестрель. Я должна отдать это кому-то на хранение, и поскольку вы играете главную роль в расследовании, то я выбрала вас. А ещё с вами легко об этом говорить. Вот. Это моё признание. Я написала его, когда обвинили Гэя. Здесь всё, что вы или власти хотят узнать об убийстве.

Джулиан едва взглянул на пачку бумаг в своей руке.

- Мне жаль.

- Кажется, вы не удивлены.

- Я был почти уверен, что это окажетесь вы. Я надеялся, что ошибусь.

Изабель чуть улыбнулась.

- Иногда вы намекали, что питаете ко мне нежные чувства. Я надеюсь, это не так. Потому что, как ни странно, я ничего не имею против вас, и мне не хочется видеть, как вы страдаете. Я хотела быть пойманной, чтобы иметь роскошь во всём признаться и принять наказание. Но я должна была думать о своей семье и том бесчестье, что это навлечёт. Конечно, как только Гэй был обвинён, я не могла больше молчать. Я бы заговорила, даже если бы это был кто-то другой. Даже ради блага семьи, я бы не позволила невиновному страдать за моё преступление. Поверьте мне, я не так низка.

- Я верю.

Она немного отошла от Кестреля. Даже сейчас его глаза с болезненным восхищением задержались на изящных, стройных изгибах её тела и блестящем водопаде волос. Пальцы девушки рассеянно скользили по столешнице. Она и Джулиан были в библиотеке, где Изабель захотела с ним встретиться после допроса Гэя.

Она задумчиво спросила:

- Как вы думаете, Гэя бы признали виновным, если бы я не призналась?

- Не знаю. Я не верил в его виновность, когда услышал всю историю.

- Я знала, что вы умны. Я знала с самого начала, что если кто-то и сможет загнать меня в угол, это будете вы. Как вам удалось?

- Я просто сверял время. Гэй сказал, что запер девушку в четверть шестого, а значит, она была убита между четвертью шестого и без двадцати шесть. Это полностью исключает

полковника Фонтклера – он с пяти до шести вечера уезжал, и никак не мог вернуться в дом незамеченным. Если только не прибегнул к секретному проходу, но он говорил, что ничего о нём не знал, и я ему верю – любой, кто знал бы об этом тайнике, спрятал бы труп там. Сэр Роберт, леди Фонтклер, леди Тарлтон и Крэдок были в доме между четвертью шестого и шестью, но никто не мог оказаться в нужном месте в нужное время. Никто, кроме Гэя, не знал про девушку, никто не смог намеренно искать её, чтобы убить или по любой другой причине. На неё можно было лишь случайно наткнуться в промежуток между четвертью шестого и шестью, а это, скорее всего, были вы.

Кестрель остановился. Их разговор был таким невыразимо странным. Он так спокойно рассказывал Изабель как раскрыл её, а она слушала, зная, что стоит в шаге от гибели, от вечного разрыва с обществом, от утраты всех надежд. Но она смотрела на него так выжидающе, так интересовалась его объяснениями... Кестрель понял, что девушка уже давно попрощалась со счастьем и обществом. Если раньше она и боялась последствий своего преступления, этот страх уже прошёл. Он продолжил.

- Леди Фонтклер сказала, что не покидала оранжерею между четырьмя и шестью часами. Сэр Роберт был с ней, но один раз выходил за книгой в библиотеку, но при этом не поднимался вверх и не приближался к моей комнате. Да, Крэдок подъехал к парадной двери в двадцать минут шестого и пошёл вверх, но поднявшись по главной лестнице, он должен был направиться к своей комнате в главном доме – моя оставалась у него за спиной. Он надолго задержался у себя, ссорясь с леди Тарлтон. И, конечно, сама леди Тарлтон не бывала в моей комнате – она обыскивала Крэдоккову.

- Тетушка Кэтрин что-то искала в комнате мистера Крэдока? Почему?

- Вы ещё не знаете о письмах, что есть у него?

- Письма, которыми нас можно шантажировать, я думаю. Я понимала, что у него должно быть какое-то средство давления, иначе дядя Роберт не согласился бы на брак мисс Крэдок и Хью. Но нет, я ничего не знаю. Откуда?

- Неважно. Я привык думать, что письма связаны с убийством, а оказалось, что это не так.

- Стало быть, вы исключили всех остальных, и виновная стала очевидна.

- Да. Я знал, что вы были неподалёку от моей комнаты полшестого или около того, когда шли к мисс Крэдок показать свои наброски. Гэй сказал, что когда он уходил, Ами горько рыдала. Я думаю, вы услышали плач и решили проверить.

- Да. Было странно вторгаться в комнату джентльмена, но я подумала, что должна разобраться, в чём дело. Конечно, я была удивлена, увидев, что дверь заперта, но ключ лежал рядом, так что я отперла дверь и вошла. Я бы отдала что угодно, чтобы этого не случилось, чтобы быть где угодно, но не перед той дверью с ключом в руках. Но я была там... Я вошла... Я поговорила с ней... И я убила её тем самым ножом, что показывала вам. Вы знаете, почему я убила её, мистер Кестрель?

- Я думаю, да. Вы можете не говорить об этом, если не хотите.

- Как вы можете знать? Я не думаю, что это понимает хоть кто-то из членов семьи, а у них было больше времени, чем у вас.

- Но я наблюдал за вами очень пристально и старался понять, что происходит в вашей голове. Ваши родственники, должно быть, не изучали вас так тщательно, просто потому что видели каждый день. Они считали, что знают вас. Они и не думали, что вам есть, что скрывать.

- Так вы подозревали меня с самого начала?

- Я не подозревал вас в убийстве. Но думал, что вы нечто скрываете, быть может, защищая свою семью. Так что у меня была причина следить за вами – точнее, у меня появился предлог. Вы же знаете, меня тянуло к вам с первой нашей встречи.

- И вы знаете, что я говорила вам не преследовать меня. Я не знала, какие беды навлеку на любого мужчину, которому небезразлична, но знала, что ничего не испытываю к вам. Надеюсь, вы не влюблены.

- Я мог бы влюбиться, это было бы легко. Вам было достаточно стать чуть мягче, и Бог знает, что бы со мной произошло! Говорят, Пигмалион влюбился в статую, но я не думаю, что это возможно. В ней должен был быть хотя бы намёк на живую женщину. Вы никогда не давали мне увидеть её в вас. Всё, что я знал о ваших чувствах и страданиях, я вычислил, связывая разрозненные факты, будто нанизывал бусины на нитку.

- Какие факты?

- Вы помните, как позволили мне взглянуть в ваш альбом? Я был удивлён, что вы рисовали всех родственников, кроме Гэя. Даже на том листе, где были портреты всех членов семьи, и на которых было видно, как в них проявляются фамильные черты лица, Гэя не было.

- Я рисовала его. По ночам, когда не могла спать, я садилась и рисовала его снова и снова. Мне не нужна была свеча. Потом я прятала эти наброски под подушку, а утром смотрела на них и сжигала. Я всегда боялась, что стоит кому-то увидеть такой рисунок, как он всё поймёт. На этих набросках мои чувства проявлялись так сильно, что бумага горела под пальцами. Но не мог же вам всё подсказать лишь мой альбом?

- Я был не уверен. Я не знал, что думать. Когда я спросил вас вчера, не хотели ли вы выйти за вашего троюродного брата, я и сам едва ли понимал, кого из них имею в виду. Но потом я услышал, как вы набросились на мисс Крэдок, а Гэй решил, что эта вспышка была из-за того, что вы хотите выйти замуж за Хью. Но я сделал другой вывод.

- Я никогда не хотела замуж за Хью. Все так думают, а я позволяю им это. Лучше так, чем если узнают, что это Гэй... Что я всегда... – Она с трудом сглотнула. – Я ничего не имела против мисс Крэдок до вчерашнего вечера.

- Когда Гэю вдруг взбрело в голову любезничать с ней.

- Да. Вы можете решить, что мне уже не стоило об этом думать. Что после того, что я сделала с этой девушкой, я буду так переполнена чувством вины и раскаяния насколько, что уже не смогу ревновать. Но это не так. От этого нет лекарства. Я думаю, что когда умру и буду похоронена, моё сердце всё ещё будет болеть от того, что он улыбается другим и что его губы, его... его тело... принадлежит другой.

Не думайте, что я обожаю его, мистер Кестрель. Не подумайте ни на миг, что он хотя бы нравится мне. Я знаю, что он тщеславный, самовлюблённый, безответственный вертопрах. Вы знаете, каково это – любить кого-то недостойного? Когда вы не можете уважать того, кого любите, вы не можете уважать и себя. Меня утешало то, что он сам об этом не знает. Теперь я потеряла и это – теперь всё будет известно. Но это правильно. Кто я такая, чтобы цепляться за скромность и достоинство? Было время, когда я утешала себя тем, что Гэй ничего не знает о моих чувствах. Если бы он знал, он бы попытался воспользоваться моей слабостью, или – что ещё хуже! – мог бы подумать, что я вовсе не стою его усилий. Мог бы не почувствовать ничего, кроме веселья и триумфа от сознания того, что я – в его власти, как и многие другие. Вы не знаете... Вы не знаете, каково мне было слышать обо всех его

победах! Мне не говорили об этом, это неприлично, но я кое-что слышала, и я знаю, каков он. Я знаю, что у него были любовницы – так много! – и я ненавижу их всех! Я ненавижу их! Этим шлюх!

Она спрятала лицо в ладонях. Сквозь пальцы струились слёзы.

- Но я хуже их всех. Я считаю себя лучше их. Я притворяюсь добродетельной. Но я всегда была готова продать свою душу за то, чтобы быть с ним хотя бы один раз, как самая ничтожная из его женщин!

- Изабель... – Он попытался обнять её, утешить – сделать всё, что угодно, чтобы прекратить эту боль. Она сбросила его руку и отодвинулась. Даже сейчас она отстранялась от него, отстранялась ото всех. Она никогда не изменится. Изабель стояла прислонившись к колонне и упёршись лбом в согнутую руку.

Он осторожно подошёл к ней и молча протянул платок. Она взяла его, вытерла глаза и нос.

- Спасибо. – Произнесла Изабель, бросив на него призрачное подобие своего обычного холодного прямого взгляда.

- Могу я что-нибудь для вас сделать? – Спросил Кестрель.

- Да. Мне нужно немного времени, чтобы подготовиться к встрече с дядей Робертом. Я буду в своей комнате. Вы можете подождать четверть часа, и лишь потом отнести ему моё признание?

Джулиан поспешил сказать, что может. Но потом его настигло понимание. Он мрачно покачал головой.

- Я не могу. Простите.

- Это же мелочь. Вы сами спросили, не можете ли что-то сделать.

- Я не могу этого сделать. Это не мелочь. Я понимаю, почему вы об этом просите.

- Тогда вы должны понимать, что это единственный верный путь. Дядя Роберт не заподозрит, что мы были в сговоре. Вы не могли знать, что у меня на уме. Вы скажете ему, скажете чистую правду, что не знали, что я собираюсь делать.

- Я беспокоюсь не о том, что может подумать сэр Роберт. Здесь и сейчас я говорю вам, мисс Фонтклер, что не могу этого сделать... Изабель, вас могут оправдать. Присяжные часто бывают мягки к женщинам, даже самым расчётливым убийцам.

- И что же будет потом? Я стану камнем на шее всей семьи – изгоем – узником, что считает дни до освобождения! Я не хочу так жить, мистер Кестрель! Я не хочу ждать освобождения, когда могу обрести его сама! Кроме того – это и будет правосудием. Закон может быть снисходителен, но закон слаб и пристрастен. Я – убийца, мистер Кестрель, и временами меня снова и снова захватывают мысли о том, что я была рада... Я была рада убить её! Я заслужила смерть.

- Вы думаете так сейчас. Прошла всего неделя. Вы потрясены. Вы не представляете...

- Я не потрясена. Это не внезапное решение. Я всегда знала, что я сделаю, если буду раскрыта. Если бы я была мужчиной, вы бы не препятствовали мне и позволили мне сделать всё по чести. Вы бы даже одобрили мой поступок.

- Но вы не мужчина, а я – да, и я не позволю вам наложить на себя руки. Позвольте мне пойти с вами к сэру Роберту, позвольте помочь вам пройти через всё, что произойдёт...

Изабель качала головой. Она наклонилась к нему и взмолилась, сжимая его руку в своих:

- Пожалуйста! Я никогда ни о чем не просила прежде. Пожалуйста, умоляю вас! Имейте

сострадание!

- О, Боже! Я хотел бы. Простите.

Она отпустила руку. Её лицо потемнело. В свечном свете оно казалось серым и очень спокойным.

- Тогда сделайте то, что должны. Позвоните слуге и пошлите его за дядей Робертом. Я встречу с ним здесь.

Она отвернулась. Кестрель подошёл к двери и позвонил в колокольчик. С той стороны комнаты, он увидел, как Изабель наклонилась и сняла что-то с пояса платья. Внезапно девушка подняла руку и в свете свечей блеснула сталь.

Он закричал, рванулся к ней, но успел лишь подхватить падающее тело. Нож с перламутровой рукоятью, принадлежавший когда-то её отцу – нож, которым была убита Ами Дешам – теперь был в её груди. Джулиан укачивал девушку в своих объятиях. Он не знал, могла ли она видеть или слышать его. Последних слов тоже не было. Глаза Изабель остекленели, и она умерла.

Глава 33. Семейная Библия Мод

Слуге, что явился на звонок Джулиана, хватило одного взгляда на безжизненную Изабель на руках Кестреля, чтобы опрометью броситься за сэром Робертом и доктором МакГрегором. Когда они, ошарашенные и сбившие дыхание, оказались в комнате, Джулиан рассказал, что произошло и передал судье признание Изабель.

Система начала работать. МакГрегор осмотрел тело Изабель и признал её мёртвой. Сэр Роберт заставил себя прочесть признание, вызвал Синдерби из Олдертона и сообщил, что расследование закончено. Роулинсон выпустил Гэя и Джеффри из своего кабинета и сел записывать показания Джулиана о смерти Изабель. Тем временем, леди Фонтклер собрала семью и сообщила новости, терпеливо повторяя всё тем, кто был слишком потрясён, чтобы принять произошедшее, и утешая тех, кто слишком быстро перешёл от изумления к скорби.

Джулиан испытал всё это в двойном размере. Когда были заданы все вопросы и даны все объяснения, и Кестрель оказался больше не нужен, он вернулся в опустевшую библиотеку, откуда уже унести тело. Кестрель потушил свечи, сел и спрятался в этой темноте и одиночестве, где никто не смог бы увидеть его побелевшее лицо и трясущиеся руки. Прошло немало времени, прежде чем МакГрегор вытащил его оттуда и привёл в гостиную, где усадил за стол и сунул под нос стакан бренди, отмахнувшись от протестов Джулиана, заверявшего, что с ним всё в порядке.

- Вздор! Никто не может пройти через то, через что прошёл ты, и быть и порядке. Меня не обманешь, я же врач. А теперь пей, иначе я привяжу тебя к стулу и волью всё через воротку.

Несмотря на своё состояние, Джулиан улыбнулся.

- А вы жестокий человек, доктор. Я и не подозревал.

- Бываю, если разозлюсь. Будешь ты пить или нет?

Джулиан осушил стакан. Бренди обжёг горло, но оставил за собой успокаивающее тепло. Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Внезапно, больше чем чего бы то ни было Кестрелю захотел пойти в кровать и очень долго спать. Но он знал, что хоть его тело истощено, разум не сможет отдохнуть, пока не разгадает каждую тайну, что стоит за этим убийством. Он не читал признания Изабель и не был уверен, что хочет его прочесть. Но

нужные подробности он мог спросить у МакГрегора – тот кивнул, понимая, что молодому человеку нужно во всём разобраться прежде чем всё забыть.

Изабель пошла за звуки отчаянных рыданий, что доносились из комнаты Джулиана, решив, что с какой-то из горничных случилась истерика. Ами, растерянная и растрёпанная, бросилась к ней, хватаясь за платье и бормоча что-то на французском и ломаном английском. Это была не её вина. Она не хотела влезать в дом через потайную дверь в стене. Гэй заставлял её, она боялась отказываться. Она не хочет его потерять. Он обещал жениться на ней.

Изабель, чьё сердце разрывалось, потребовала Ами сказать, была ли она любовницей Гэя. Ами вся сжалась от стыда, снова разразилась слезами и бросилась лицом на кровать. Изабель стояла над ней, и в руках у неё был пенал. Она засунула туда руку – пальцы сомкнулись на рукояти ножа – вытянула его – и воткнула Ами в спину. Всего один стремительный удар – но волей случая, он оказался смертельным.

- В это трудно поверить даже сейчас. – Признал МакГрегор. – Я никогда всерьёз не думал, что знаю или понимаю Изабель – но совершить такое!

- Я могу поверить ей после того, как поговорил с ней вчера. Она почти обезумела от ревности и разочарования. Эта таимая страсть губила её как яд. Она была как зверь, что убивает, придя в неистовство от боли, голода или страха.

- Довольно опасно жить, играя роль, подавляя чувства. Слишком много самообладания – также плохо, как слишком мало.

- Хотите сказать, это урок для меня?

- Просто мудрые слова. – Улыбнулся доктор.

Он продолжил рассказ. Ударив Ами, Изабель бросила нож на кровать и перевернула убитую на спину. Поняв, что незнакомка мертва, Изабель пришла в ужас от того, что наделала, и как это отзовется её семье. Она принялась ломать голову, как скрыть преступление. Ами сказала, что в стене есть потайная дверь, и Изабель отчаянно пыталась найти её и открыть. Но панель не поддавалась, а медлить было нельзя. Время быстро уходило – Гэй мог вернуться в любой миг, мог приехать и Джулиан. Девушка решила просто оставить тело в кровати.

Она смыла кровь с рук и ножа. Убирать следы откуда-то ещё не было смысла – в комнате уже был труп, так какой толк заботиться об красных пятнах на умывальнике или стене? Но когда Изабель уже была готова сбежать, она ещё раз взглянула на Ами. В ней снова вскипела ненависть. Почему девушку должны будут найти такой – жертвой, достойной жалости и отщечения? Её должны быть найти в мужской постели, как шлюху, которой она и была.

Именно поэтому Изабель закрыла убитой глаза и закутала её. Только после этого она вышла, заперла за собой дверь и положила ключ на тот же столик. Она сочла, что лучше будет оставить после себя всё как было. Изабель вернулась в свою комнату, тщательно осмотрела платье, альбом и пенал, но крови из раны Ами вышло так мало, что многозначительных пятен на убийце не осталось. Тогда Изабель позвонила служанке, переоделась к ужину и спустилась в гостиную.

- Вообразите, чего ей стоило спокойно сидеть в гостиной, ожидая что вот-вот обнаружат труп! – Удивлялся МакГрегор. – Все время гадала, не оставила ли она какой-то улики! Но держалась до самого конца. Она говорила правду всегда, когда могла. Она признала, что была в той части дома между половиной пятого и шестью – даже признала,

что у неё с собой был пенал и нож. Она ведь не знала, что в действительности известно о её передвижениях и потому всегда готовила правду, умалчивая лишь от убийстве.

- Она была необычной женщиной.

- Она была храброй, признаю.

- Как всё приняла семья?

- Когда я видел их в последний раз, мисс Крэддок как раз уводила своего отца, чтобы дать Фонтклерам побыть друг с другом. Им сейчас скверно. Да и кто может их винить? Леди Тарлтон получила самый серьёзный удар. Для неё это было слишком – узнать, что кто-то из Фонтклеров совершил убийство, а потом ещё и самоубийство. Она упала в обморок, стоило ей услышать новости. Я уложил её в кровать. Леди Фонтклер сейчас с ней.

Он встал.

- Мне пора домой. – На самом деле доктор хотел, чтобы Кестрель поспал. – Завтра я приду проведать всех вас.

- Завтра. – Повторил Джулиан. Он даже представить себе не мог, что наступит какое-то «завтра». Разгадка тайны будто бы должна была задернуть занавес над Беллегардом и всеми его обитателями, включая его. – Но ведь ещё не всё. – Медленно проговорил Кестрель. – Я чувствую, что кое-что осталось... Какой-то кусочек этой мозаики все ещё не найден.

- Ты так долго бился с этим преступлением, что теперь не можешь принять то, что оно раскрыто, и всё кончено.

Джулиан был не в том состоянии, чтобы спорить. Он поднялся, чувствуя лёгкое головокружение.

- Получается, убийство было раскрыто, а тайна полковника Фонтклера так и осталась тайной.

- И Фонтклеры могут быть рады этому, хотя утешение слабое.

- Но это значит, что Крэддок всё ещё может их шантажировать. Если они хотят спасти то, что ещё осталось от их чести, им придётся согласиться на этот брак.

Именно об этом сказал и сам Крэддок на следующий день. После завтрака в гостиной собрались все Фонтклеры и их гости, кроме леди Тарлтон, что ещё не могла покинуть своей комнаты. Присутствующие разбились на группки – Гэй был со своим отцом, готовый выпустить клык и вцепиться в Крэддока или кого угодно ещё, кто мог бы угрожать полковнику. Леди Фонтклер и сэр Роберт сидели рядом, держась за руки. Волна ужасных событий вновь сплотила их. Он любил и полагался на неё слишком сильно, чтобы оттолкнуть в такой миг. Хью стоял рядом с родителями, но не отрывал глаз от Мод. Больше чем когда-либо он хотел поговорить с ней наедине – не столько, чтобы извиниться за то, что было вчера – хотя казалось, что с тех прошло лет сто – сколько, чтобы понять, как она переносит трагедию. Но возможности не было – он и сам скорбел по Изабель, и его поддержка нужна была всей семье. Хью лишь надеялся, что ещё не слишком поздно наводить мосты через пропасть, что разделила их с Мод.

Все Фонтклеры уже надели траур. Мод, что не взяла с собой в Беллегард траурного платья, сделала всё что могла, и сейчас носила тёмно-зелёное и чёрную ленту в волосах. На коленях у девушки была потрёпанная старая Библия, что она привезла из Лондона. Она крепко сжимала её в руках и часто дышала. Джулиан подумал, что Мод похожа на ныряльщика, что готовится в броску в ледяную воду.

- Свадьба, конечно, будет отложена на приличествующий срок. – Говорил Крэддок. – Я понимаю это. Вопрос только – на какой?

- Сейчас не время говорить с свадьбах. – Ответил сэр Роберт.

- Мы можем выбрать новую дату, а планы и приглашения – поменять.

- Отец, – сказала Мод, – не будет никакой свадьбы.

- Не испытывай моё терпение, девочка. Свадьба была запланирована, и она будет.

Ничего не изменилось. У меня всё ещё есть письма полковника Фонтклера.

- Нет, их у тебя нет, отец. Я взяла их и отдам полковнику, потому что они принадлежат ему.

Мод открыла семейную Библию. Из прорехи в потёртом кожаном переплете она вынула с полдюжины листов пожелтевшего пергамента. Девушка подбежала к полковнику и положила письма ему на колени.

Крэддок дёрнулся к Джефффри, чтобы выхватить письма. Гэй и Хью дружно вскочили и преградили ему путь. Эта гвардия, закрывшая собой полковника, не позволила Крэддоку подойти ближе. Он встал как вкопанный, сжимая руки в кулаки и тяжело дыша. Его глаза метнулись к Мод.

- Как ты их достала?

- Я... Я взяла их из шкафа в твоём кабинете дома.

Крэддок дёрнул шейный платок и извлёк из-под воротничка железную цепочку с тремя ключами. Он поднёс их к лицу дочери.

- Все ключи у меня! Как ты могла открыть шкаф?

- Один из них не твой, отец. Это ключ от моей шкатулки. Я надеялась, ты не заметишь. У нас все ключи похожи. Я думала, что пока у тебя все три ключа, ты не будешь приглядываться.

- Ты всё спланировала! Украла ключ, вломилась в кабинет...

- Я должна была. Я ненавижу это – ты не представляешь, какой виноватой и лживой я сейчас себя чувствую. Тот ромашковый чай, что я приносила тебе вечером перед поездкой в Лондон... в нём был лауданум^[52]. Я вспомнила, как ты принимал его, когда у тебя разболелся зуб, и заснул так крепко, что мы едва смогли разбудить тебя утром. Когда ты выпил чай и пошёл спать, я вернулась в твою комнату и... и поменяла ключи. Когда мы с мисс Притчард были в Лондоне, она отправилась спать рано, и я пошла в твой кабинет и забрала письма из того стального шкафа. Я не была уверена, что делать с ними. Я очень боялась, что моя служанка их найдёт, если я спрячу их среди одежды. Потому я решила взять с собой мамину Библию. Я чувствую, что она поняла бы меня – это сделано и для твоего блага тоже.

- Моего блага! Что за вздор!

- Да, отец! Я знаю, что ты задумал этот брак, но он не принесёт счастья. Всю жизнь ты будешь знать, что Фонтклеры вынудили тебя сделать что-то неправильное и несправедливое. А когда ты поступаешь так с людьми, ты связываешь себя с ними навсегда и уже никогда не освободишься.

- Ну раз ты так ценишь свободу, – ухмыльнулся Крэддок, – я дарю её тебе! Это последнее, что ты получишь от меня. Слышишь, Мод – с этого дня не приходи ко мне, не стучи в свою дверь, не пиши мне, даже если будешь умирать! Эти люди – твои друзья? Прекрасно. Смотри, чтобы так было и дальше!

Он зашагал к двери, потом повернулся и бросил последний взгляд на Фонтклеров.

- Я уеду как Лондон, как только слуга соберёт мои вещи. Что будет с этой, – он дёрнул головой в сторону Мод, – ваше дело. – И он вышел, хлопнув дверью.

У Мод подкосились ноги. Фонтклеры, будто внезапно ожившие статуи, сгрудились вокруг девушки, усадили её в кресло и поднесли к носу нашатырь. Леди Фонтклер подложила её подушку. Джеффри рассыпался в благодарностях. Гэй сжимал ей руку и явно прикладывал слишком много сил. Сэр Роберт произнёс целую речь.

Хью опустился на колени и пододвинул скамеечку для ног. Это всё, что он мог сделать, не выдавая своих чувств. Но она и не должна думать, что он немедленно и страстно выразит их. Кроме того, Мод была так бледна и опустошена, что подвергать её новым потрясениям сейчас было просто жестоко.

Джулиан незаметно вышел. МакГрегор, что вскоре присоединился к нему, нашёл Кестреля в саду, где тот рассеянно срывал сухие листья и растирал их в порошок.

- Я только что услышал, что мисс Крэддок отдала полковнику его письма. Это очень отважная юная леди. Если у Хью Фонтклера есть мозги, он женится на ней и безо всякого шантажа.

- Не думаю, что его придётся убеждать в этом.

- А девушка... Она ведь тоже не против, я думаю?

- Я в этом не сомневаюсь.

МакГрегор посмотрел на Кестреля более пристально и подметил его сдержанность и бледное, отсутствующее лицо.

- Что ты собираешься делать теперь, когда всё кончилось?

- Ещё не кончилось. Будет дознание по смерти мисс Фонтклер, а я – последний, кто видел её живой, и должен свидетельствовать. Поэтому я всё ещё здесь – если бы у меня бы выбор, я бы уже вернулся в Лондон. Фонтклеры, должно быть, жаждут попрощаться со мной, хотя все очень вежливы и наперебой уговаривают не уезжать. Думаю, будет лишь справедливо, если мне не дадут сбежать под покровом ночи, но принудят остаться и увидеть последствия того, что я сделал.

- Вы не сожалеете о том, что сделали?

- Я не знаю. Изабель мертва. Фонтклеров грызут скорбь и стыд. Неужели было бы так ужасно, если бы преступление никогда не раскрыли? Изабель наказала бы себя сама всей своей жизнью так страшно, как не смог бы никакой закон, и никто невиновный бы не пострадал.

- Послушай-ка, – МакГрегор положил руку Кестрелю на плечо. – Ты так думаешь, потому что ты рядом с людьми, что оплакивают Изабель и видишь последствия её преступления. Для них цена правды оказалась очень высока. Конечно, они без всякой любви отнесутся к тому, кто вытащил её на свет. Помнишь, что Мильтон сказал о правде? Что она похожа на незаконное дитя – оно никому не желанно, и никто не скажет ничего хорошего о том, кто его породил. Но есть люди, вроде меня, которые верят, что правду стоит искать ради неё самой и для таких людей, Кестрель – ты герой!

- Не говорите глупостей! – Воскликнул Джулиан.

- Не умеешь принимать комплименты, а? – Усмехнулся МакГрегор. – По крайней мере, серьёзные. Если бы я сказал, что в восторге от того, как начищены твои ботинки, ты бы расцвёл как павлин, но позволь мне считать, что ты такой же хороший человек, как и джентльмен, и так легко ты от меня не отделаешься.

- Простите, я не хотел быть неблагодарным. Но услышать это сейчас было слишком.

- Не бери в голову. У меня есть идея – почему бы тебе не пожить у меня до конца дознания? Или дольше, если хочешь, но не думаю, что столь умный молодой человек захочет торчать у деревенского доктора в разгар сезона.

- К чёрту сезон. Ничего лучше, чем пожить у вас, не придумать. Спасибо.

- Отлично, это решено. Но не жди роскоши, я живу просто, и не буду менять привычек по твоей прихоти. Я не пью, не курю, не играю в карты и не собираю шумных компаний. Я ужинаю в два, как и раньше, ещё до того, как вошло в моду есть чуть ли не ночью, а каждое утро встаю в шесть. Не думаю, чтобы ты поднялся бы в такой час, даже если бы дом горел.

Джулиан немного пришёл в себя.

- Мне нравится этот час – иногда я не сплю всю ночь, чтобы не пропустить его.

- Играть в кости, пьянствовать и заниматься Бог знает чем ещё, я тебе запрещаю. Как ты можешь прожигать жизнь и тратить дарованные Господом мозги, кутя в клубках и вертясь перед зеркалом...

Продолжая в том же духе, Джулина и МакГрегор добрались до дома последнего. Кестрель обнаружил, что такие лекции ему даже нравятся. Его друзья, что жаловались на тиранов-отцов и ворчливых престарелых тётушек, ничего не знали о том, как скучно жить, если никто тебя не осуждает, и ничто, кроме измученной самодисциплины, не препятствует делать то, что ты хочешь

Мод и Джулиан встретилась в музыкальной комнате – Кестрель как раз собирался покинуть Беллегард.

- Мисс Крэддок, вы великолепны. – Он поцеловал кончики её пальцев.

- Вы говорите глупости. – Зардевшись, ответила она.

- Я серьёзен. Я осознал, что некоторые из моих собственных стратагем были умны, но вы обошли меня. Я уступаю пальму первенства мастеру.

Она улыбнулась.

- Теперь вы понимаете, что я не могла сказать вам, что собираюсь делать в Лондоне. Я боялась, что отец подумает, что вы помогли мне. Он уже... У него уже были глупые мысли насчет... Насчет вас и меня. Простите, если я сказала что-то обидное.

- Я не назвал бы оскорблением подозрения в том, что я завоевал ваше сердце. Я бы назвал это лавровым венком. – Он улыбнулся, глядя ей в глаза.

Её сердце затрепетало. Мод впервые спросила себя, так ли честна она была, когда говорила Хью и отцу, что мистер Кестрель – всего лишь её друг. Если бы она не встретила Хью раньше...

Девушка остановила себя. Она не должна больше так думать. Разделить сердце – все равно что разбить его. Она не выносила двуличности в любви. А ещё она не думала, что мистер Кестрель влюблен в неё или может влюбиться. Она слишком простая, слишком спокойная. А ему нужна женщина, что будет мучить его и ставить в тупик.

Она почувствовала, что снова краснеет, и отвела глаза.

- Отец уехал, как вы знаете. Уехал в Лондон час назад. Фонтклеры были очень добры ко мне. Они пригласили оставаться в Беллегарде столько, сколько я захочу, но я не могу злоупотреблять их гостеприимством. Всё было бы иначе, если я... Если бы мы с мистером Фонтклером ещё были обручены. Но теперь всё кончено. Как вы думаете, смогу я стать гувернанткой? Я знаю, я ужасно молода, но я не вижу другого способа заработать себе на

жизнь. Быть может, мисс Притчард что-то посоветует мне.

- Мисс Крэддок, я думаю, вы сможете стать очаровательной гувернанткой. Но я не думаю, что это случится.

- Жалко, что вы уезжаете. – Сказала Филиппа. – Я вам и половины всего не рассказала.

- Всегда полезно приберечь что-нибудь для следующей встречи. – Указал Джулиан.

- Но эта следующая будет нескоро, ведь так? Мама и папа не хотят ехать в город после всего, что случилось, а вы вряд ли снова приедете к нам.

- Это было бы и правда неловко. – Признал Кестрель. – По крайней мере, пока.

- Я надеялась, что вы будете часто у нас бывать и станете почти что членом семьи. А потом я вырасту, и вы сможете жениться на мне. У меня ведь будет приданое, и я из Фонтклеров.

- Если бы я был вами, я бы ждал мужа, которого будет заботить не только кошелек и родословная.

- Я не думаю, что кто-то возьмёт меня замуж ради меня самой. Я странная, я всегда говорю не то, что надо, и я не такая красивая как Джози. У меня лошадиное лицо. Я слышала, как повариха говорит это.

- А я на днях нашёл три горошины в малиновом десерте, так что думаю, что эта повариха очень уж близорука.

- Как вы думаете, я стану красивой?

- Быть красивой – невелика заслуга. Любая юная леди с яркими глазами и сносными зубами может сказать, что она красива. Лучше быть умной, живой и отважной – чтобы очаровывать умом и пленять остроумием – в общем, быть сияющей Цирцеей среди одинаковых Елен.

- И я смогу?

- Не сомневаюсь. – Он поднял брови. – Я надеюсь, вы не станете подвергать сомнению мои суждения в вопросах вкуса?

- Нет. – Медленно ответила она. – Говорят, вы разбираетесь в таком. – Она задумалась.

– Через семь лет мне будет восемнадцать. Я думаю, вы совсем обо мне позабудете.

- Это вы обо мне позабудете. – Весело сказал он.

- О, нет. – Филиппа покачала головой. – У меня очень хорошая память.

Глава 34. Последний кусочек мозаики

Джулиан привык к жизни у МакГрегора быстрее, чем доктор предполагал. Вставать в шесть утра было за пределами возможностей Кестреля, но обычно к девяти он всё же поднимался. Он нашёл себе немало занятий, которым посвящал то время, что МакГрегор проводил у пациентов. Кестрель изучал книги по анатомии, сравнивал под микроскопом образцы волос и костей, слушал своё сердце через стетоскоп – деревянный цилиндр, один конец которого прикладывают к уху, а второй – располагают на груди.

По вечерам Кестрель играл на клавесине. Его очень удивило, что у МакГрегора есть такой утончённый инструмент. Он был столь изящен и украшен так тонко расписанными панелями, что мог принадлежать только женщине.

- Он был моей жены. – Объяснил доктор. – Давно стоило его продать – теперь он

бесполезен – но я никак не мог решиться расстаться с ним. – Он помолчал и добавил. – Она любила музыку.

- Я не знал, что вы были женаты.

- Не было причин рассказывать. Она умерла больше двадцати лет назад. Её забрала лихорадка, её и нашего сына.

Больше они об этом не говорили. Но каждый вечер Джулиан садился на клавесин и играл час или два, а МакГрегор оставлял открытой дверь в ту комнату, где был, чтобы слышать музыку.

Дознание установило, что Изабель покончила с собой в помрачении рассудка. Присяжным понадобилось всего несколько минут, чтобы вынести это решение. Для Фонтклеров было тяжёлым и одно лишь признание в убийстве. Никто не хотел усугублять её вину и их позор осознанным самоубийством.

Остаток того дня Фонтклеры провели очень тихо. Мод прислушивалась к приглушённым разговорам остальных о том, как печально, что никто из них не был близок к Изабель. Они оплакивали не саму её смерть, но то, что почти не знали её и почти не подозревали о той тоске, что пожирала её.

На следующий день Мод вышла прогуляться по беллегардскому парку с одной из собак – энергичным бело-рыжим сеттером. С утра прошёл дождь, но сейчас через облака уже пробивались солнечные лучи. Игривый ветер трепал края её чепца и подол юбки.

- Ветрено сегодня, не так ли? – Спросил Хью.

Мод обернулась.

- О... мистер Фонтклер. Я не заметила вас.

- Вы бы хотели, чтобы я ушёл?

- Нет. – Она почувствовала робость и смятение. Собака бегала вокруг неё и радостно тёрлась о её ноги. У животных всё так просто.

Хью потрепал собаку по мягким ушам, одновременно пытаясь её успокоить.

- Я хотел поговорить с вами... – Начал было он. Но сеттер бросился к Фонтклеру, пылко виляя хвостом. – Успокойся, Беллона! – Он посмотрел на Мод, разрываясь между смехом и досадой. – Почему бы нам не прогуляться? Её что-нибудь отвлечёт.

Они зашагали вместе, но Беллона продолжала прыгать вокруг них.

- На самом деле, я тоже хотела поговорить с вами. – Произнесла Мод, глядя в землю.

- Хотели? О чём?

- Мне кажется, ваша мать не знает, что мы больше не обручены. На днях она показывала мне дом так, будто когда-то он станет моим. Я не знала, как сказать ей. Вы не сообщили, что я освободила вас от ваших обязательств?

- Я говорил и матери, и отцу, что был непростительно груб с вами, и вы очень правильно поступили, разорвав помолвку. Но ещё я говорил, что хочу вас переубедить.

Мод замерла.

- Пе... переубедить?

- Да. Я не знаю, сможете ли вы простить меня за то, что я тогда наговорил. И не знаю, захотите ли вы стать частью семьи, в которой есть убийца и предатель.

- Мой отец пытался шантажировать вас и вашу семью. Это почти так же плохо.

- Мод, можем мы забыть обо всём и начать сначала? Сейчас не нужно говорить, что вы

согласны выйти замуж – будет достаточно сказать, что хоть немного любите меня.

- Я думаю, я могу это сказать. – Её губы сложились в улыбке.

- О, Мод! – Он схватил её руки и поцеловал, сначала одну, потом вторую. – Я хотел сказать о своих чувствах уже давно – но мне казалось, что вы влюблены в Кестреля.

- Бедный мистер Кестрель. Обычно я говорила с ним о вас.

- Мод, вы говорили... Может ли это быть... О, любовь моя! – Он снова поцеловал её руки.

Беллона, что с беспокойством наблюдала за парой, прыгнула между ними и попыталась запрыгнуть на Хью.

- О, чёрт побери! – Он поднял палку и швырнул её так далеко, как мог. Беллона рванулась за ней. Хью приложил два пальца к подбородку Мод, поднял её лицо и поцеловал в губы.

Беллона вернулась и бросила добычу прямо на ноги хозяина, но Хью не обратил бы внимания, даже если бы это был горящий факел.

- Мод, могу я сказать родителям, что мы с тобой вновь обручены?

- Если ты этого хочешь. – Прошептала она.

Позже, когда они рука об руку возвращались в дом, он сказал.

- Я думал, когда ты не захотела, чтобы я поехал в Лондон с тобой...

- Я хотела, очень хотела. Но боялась, что отец поймёт, что я попытаюсь украсть письма, а если ты поедешь со мной, он может подумать, что ты тоже в этом замешан и навредить тебе.

- Я об этом не беспокоился.

- Я беспокоилась.

Хью вновь остановился и взял её руки в свои. Беллона дёрнула хвостом в знак отвращения и убежала.

Намного позже Хью спросил:

- Ты будешь сильно по нему скучать? Твоему отцу, я имею в виду.

- Иногда. Я была бы несчастна, если бы действительно верила, что больше никогда его увижу. Но я знаю, кто когда-нибудь он меня простит. Больше у него никого нет.

Хью улыбнулся и взял её под руку.

- Быть может, когда у него появится внук.

После того как дознание закончилось, Джулиана уже ничто не держало в Олдертоне. Он хотел сохранить дружбу с МакГрегором, но теперь ему стоило уехать подальше от Беллегарда.

Он слышал (от Брокера, который как-то ухитрился видеться с Молли Дейл), что Мод и Хью воссоединились, но о том, чтобы он стал шафером на их свадьбе уже не было и речи. Его единственная связь с Беллегардом оборвалась, когда сэр Роберт прислал вознаграждение за раскрытое убийство. Для Джулина эти сто фунтов больше походили на тридцать сребреников. Он анонимно выслал половину Луизе Хоулэнд, а вторую половину отдал на нужды приходских бедняков.

В свой последний вечер в Олдертоне Кестрель вышел прогуляться. Было почти девять часов, но дни стояли длинные, и солнце садилось поздно. Небо было фиолетовым и полупрозрачным, как перламутр. Восходила луна, появлялись самые яркие звёзды. Сперва

Джулиан бродил бесцельно, но вскоре зашагал более уверенно, пытаясь убедить себя, что не знает, куда направляется.

Никто не помешал ему войти в беллегардский парк. Конечно, здесь должны быть егеря, но если бы столь большие имения можно было успешно охранять, никто бы не промышлял браконьерством. Он прошёл в дальний конец сада, где цветущие деревья росли в беспорядке, а правильные дорожки сменялись извилистыми тропинками. Пройдя через калитку, он увидел розовую беседку, что чуть выделялась на фоне неба.

Кажется, всего десять дней назад он видел, как в этой залитой солнцем беседке, среди распутившихся роз сидела прекрасная женщина. Сейчас розы закрылись, лунный свет обесцветил их, а эта женщина больше никогда здесь не появится.

Он остановился. Там была женщина, в сумерках он видел её силуэт. Высокая, худая, осанистая – как Изабель. На мгновение его разум помутился. Он не верил в призраков. Но он там был.

Женщина услышала его. Она обернулась, и Кестрель узнал леди Тарлтон. Сердце упало. Леди Тарлтон была последним человеком на земле, которого он был хотел сегодня видеть. Но отступить было поздно – она смотрела на него, явно желая, чтобы он подошёл. Джулиан так и сделал. Он полагал, что она имеет право высказаться. Кроме того, упрёки и укоры одного из Фонтклеров стали бы облегчением. Остальные были к нему так мучительно справедливы и терпеливы! По крайней мере, он мог быть уверен, что леди Тарлтон не выкажет милосердия.

Она сидела среди роз как королева, гордо откинув голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Даже сейчас, при свете луны, он выглядела постаревшей на годы. Рыжие волосы почти целиком поседели. Лицо стало худым и резким. Но глаза остались теми же – полными сверкания и яда, пылающие лихорадочным сиянием – иногда огонь становится таким перед тем как потухнуть.

- Что вы здесь делаете? – Прошипела она.

- Я однажды разговаривал с мисс Фонтклер в этой беседке. Я пришёл сюда подумать о ней.

- Вы были влюблены в неё? Надеюсь, что были! Надеюсь, что вы перенесли все муки ада, зная, что погубили её!

- Мисс Фонтклер была более великодушна ко мне, чем вы предполагаете.

- Вы ищете милосердия, мистер Кестрель? Но оказали ли вы его нам? О, какая ирония – горькая ирония – я ненавижу вас за то, что вы сделали, я буду ненавидеть вас всю жизнь, но вы – единственный человек во всём мире, с которым я могу поговорить. Я совершенно одинока! Я никогда не была так одинока прежде. Лучше быть в компании врага, чем совсем одной.

- Я не понимаю.

- Вы никогда не понимали. Вы пытались, конечно. Как ловко вы выдумали, что та маленькая французская вертихвостка – моя дочь! Вы можете себе представить, чтобы кто-то из моих детей жил и умер столь жалким образом? Моя дочь умерла как римлянка – как римлянка, мистер Кестрель!

- Что... О чём вы говорите?

- Вы были так близки к правде – так близки, но никогда её не нашли. Я уверена в этом. Я бросила вам кость, рассказав о письмах Джеффри. Я знала, что только это отвлечёт вас от вынюхивания того, зачем я ездила тогда во Францию. Да – это был способ скрыть мой

позор! И у меня получилось. Моя семья никогда этого не узнала. И он не узнал – Марк Крэддок. Он мог злорадствовать над тем, что я уступила ему в тот ужасный, безумный день. Но он никогда не знал, что был ребёнок. Я бы скорее умерла, чем позволила ему это узнать!

Я собиралась отдать дочь. Я хотела оставить её какой-нибудь французской семье. Но не смогла. Она была моей, и она была Фонтклером! В ней не было ничего от этого человека, ничего! Но как оставить её при себе, как дать ей её имя и наследие? Это казалось невозможным.

Но моя старая гувернантка, что была со мной во Франции, столкнулась на улице с Саймоном – моим двоюродным братом. Он и его жена только что вернулись с Барбадоса, где занимались плантациями – и, конечно, всё потеряли, как и всегда. Они держались подальше от Англии, потому что у них были слишком крупные долги. Что же, я поняла, как смогу это использовать – они были ниспосланы мне Богом! Никто ничего не знал об их жизни на Барбадосе. Никто бы не удивился, что у них есть дочь, о которой раньше ничего не было слышно. Так что Изабель стала их дочерью. Они вернулись в Англию и растили её как свою. У меня получилось, мистер Кестрель! Я дала ей своё имя, сделав её настоящей, законнорождённой Фонтклер!

Но, конечно, это дорого мне обошлось. Мне пришлось заплатить долги Саймона и назначить ему и жене немалое содержание. Когда я вышла за сэра Бертранда, я смогла брать его деньги, но он постоянно приставал с расспросами, куда они уходят. Но этот дурак Саймон так и не научился жить по средствам. Он и его жена умерли без гроша в кармане, когда Изабель было три года. Тогда я и сэр Берtrand уже жили отдельно, и я отчаянно хотела удочерить Изабель, ведь предполагалось, что она осталась сиротой. Но я не осмелилась! Всё, что я сделала – это защитила её от боли и унижения, что принесла бы ей правда о её рождении. Я не могла рисковать всем, выказывая слишком явную привязанность. Так что я отошла в сторону и позволила Роберту и Сесилии заботиться о ней.

После этого я проводила в Беллегарде столько времени, сколько могла. Никто не хотел меня там видеть, все думали, что злоупотребляю гостеприимством – но это ничего не значило. Я была рядом с моей дочерью – это всё, о чём я думала. Она не знала, что я всегда рядом ради неё. Она никогда не узнала, что значит для меня. Сделать для неё я могла лишь одно. Я никогда не упускала возможности напомнить Роберту и Сесилии, какой хорошей партией для Изабель станет Хью. Тогда моя дочь была бы действительно в безопасности! Даже если бы тайна её рождения раскрылась, никто бы не смог отнять у неё имя «Фонтклер».

Но он всё разрушил! Приехал в Беллегард и принялся угрожать Джефффри и потребовал брака Хью со своей дочкой-простолюдинкой! Вы можете вообразить, как я его ненавидела? Можете вы вообразить, как я обыскивала его комнату, в надежде найти письма и положить всему конец? Когда он застал меня там, я зашла так далеко, что угрожала рассказать Роберту о том, что он сделал двадцать лет назад. Именно об этом мы говорили. Конечно, я никогда бы не смогла исполнить эту угрозу, но он не был в этом уверен. Он достаточно напугался, чтобы солгать, защищая меня, и скрыть то, что днём я была в его комнате. Я знала, что Роберт никогда не позволит Хью жениться на дочери человека, что обесчестил меня – и неважно, что при этом ждёт Джефффри.

По крайней мере, я дала ему почувствовать толику тех страданий, что пережила из-за него! Всё время, что он был в Беллегарде, я страшилась, что он узнает правду об Изабель. Я думала, что сойду с ума в тот вечер, когда она села писать его портрет. Она не должна была

смотреть на него, думать о нём – у них не должно быть ничего общего! Они могли почувствовать что-то общее, а я не могла допустить этого. Она была моей. Я говорю вам – моей! В ней не было ничего от него!

Я была права, что ничего ей не рассказывала. Я была права, можете вы это признать? Это бы разбило ей сердце. Для неё было бы лучше, если бы её отцом оказался Фонтклер – даже такой болван как Саймон был бы лучше, чем слуга, торговец, никто! Я никогда не пойму этого, никогда не прощу себе! Как я могла упасть в объятия такого существа? Слуги из конюшен! Грума!

Джулиан смотрел на неё, но слышал голос Изабель: «Вы знаете, каково это – любить кого-то недостойного? Когда вы не можете уважать того, кого любите, вы не можете уважать и себя».

- Я была права. – Продолжала леди Тарлтон. – Я была права. Как я могла подумать, что убеждённости о том, что Саймон – её отец, может так ей навредить? Когда я в первый раз увидела, как она точит карандаши его ножом, я сказала – не глупи, ты можешь порезаться. Но она ответила, что любит этот нож, потому что других напоминаний об отце у неё почти нет. Если бы... Если бы у неё был простой перочинный ножик... Она бы не смогла... Но откуда я могла это знать! Это не моя вина! Вы погубили её! Вы, а не я!

- Она погубила себя сама. – Только сейчас Кестрель понял, что это правда. С его совести будто сняли тяжкий груз. – Изабель не была чьей-то жертвой, и она понимала это. Она пыталась убедить меня в этом, когда мы говорили в последний раз. Она не винила меня и не винила бы вас в том, что случилось.

- Вы можете простить себя, мистер Кестрель, но я вас никогда не прощу!

Он бы хотел убедить её простить – не его, но саму себя – за рождение Изабель и за её смерть. Но он знал, что любые слова будут лишь пустым звуком.

- Могу я что-нибудь для вас сделать? – Беспомощно спросил Кестрель.

- Я могу просить лишь об одном – забудьте обо всем, что я говорила! Я не хотела рассказывать это вам. Горе толкнуло меня на это. Мне нужно было с кем-то поговорить. Конец исповеди. Пообещайте, что вы никогда не заговорите об этом. Ни с моими братьями, ни с Марком Крэддоком, ни даже со мной. Пообещайте!

- Я обещаю. – Ответил он.

Примечание о «ты» и «вы» для тех, кому интересно

«Прости мне «ты» – это знак доверия, у нас иначе не говорят» - Арагорн, «Властелин колец», пер. А. А. Кистяковского и В. С. Муравьёва (в оригинале этой фразы, само собой, нет)

Несмотря на то, что в английском языке есть местоимение, соответствующее нашему «ты», а значит, возможно и буквальное обращение на «ты», оно давно вышло из обихода и не употреблялось даже в XIX веке, когда происходит действие романа. Тогда использовалось только «you», а старое «thou» осталось лишь в молитвах. Таким образом, при переводе с английского переводчик должен сам решать, как какие персонажи друг к другу обращаются, опираясь на их социальное положение, личные отношения и сложившуюся традицию перевода. Работая над этой книгой, я составил такую систему:

1. Обращением «по умолчанию» остаётся «вы». Все говорят друг другу «вы», если нет каких-либо описанных ниже обстоятельств.

2. На «ты» обращаются в следующих случаях:

а). Господа говорят «ты» слугам низкого и среднего ранга (лакеям, горничным, камердинерам, камеристкам и т. д.). Дворецкому и экономике уже положено «вы»; сэра Роберт, допрашивая Брокера, переходит на «вы», так как говорит уже не как хозяин дома со слугой гостя, а как судья с подозреваемым;

б). Взрослые члены семьи «тыкают» друг к другу и младшим родственникам. Младшие же члены семьи обращаются к родителям и старшим родственникам на «вы», но друг с другом говорят на «ты»; друзья-мужчины, даже близкие, но не являющиеся родственниками, обращаются друг к другу на «вы» и не по именам, а по фамилиям, так же как мушкетёры Дюма, Холмс с Ватсоном или герои Джейн Остин;

в). Вышестоящие обращаются на «ты» ко всевозможным маргиналам. Не просто «людям простого звания», а именно маргиналам – например, даже из уст вежливого Хью и денди Джулиана (не говоря уже о Гэе) выглядит нормальным обращение на «ты» к бродяге Блисссу, но к честной мещанке миссис Уоррен или Луизе Хоулэнд обращение на «ты» уже было бы грубо, и им говорят «вы».

3. Из этих общих правил есть несколько исключений:

а). Марк Крэдок несколько раз называет Джулиана и Хью на «ты» – это грубо и недопустимо, но в тех обстоятельствах он так зол или раздражён, что вежливое «вы» выглядело бы неестественно. Потом приходит в себя и снова говорит «вы»;

б). Хью, который всю книгу даже в мыслях (не то что вслух) называет свою невесту «мисс Крэдок» и обращается на «вы», в конце переходит на «Мод» и «ты» – это подчеркивает, как изменились их отношения. Она также начинает говорить ему «ты»;

в). Кестрель обращается к Дику Фелтону на «ты» – это звучит естественнее, чем «вы» в адрес юноши простого звания, с которым нужно установить доверительные отношения. В их диалоге «вы» от Кестреля смотрелось бы натянуто;

г). Наконец, доктор МакГрегор, что сперва, как и положено, говорит Кестрелю «вы», переходит на «ты», когда начинает доверять Джулиану и беспокоиться за него. Опять же, в устах этого грубоватого и прямолинейного шотландца вежливое «вы» по обращению к другу, которым Кестрель в итоге стал, звучало бы глупо. При этом, сам Кестрель продолжает называть его на «вы» – в их диалогах это создаёт забавный контраст.

notes

Примечания

1

Адвокаты, что готовят дела для представления в суде. Здесь и далее примечания

переводчика.

2

Светский сезон в XIX веке – ежегодный период с февраля по август, на который приходился пик светской жизни, вызванный наплывом в столицу аристократических семейств, чьи главы прибывали, чтобы участвовать в заседаниях парламента, а параллельно с этим все могли бывать на балах, встречаться с друзьями, завязывать новые знакомства и подготавливать браки.

3

Путешествие по европейским странам, что предпринимали молодые отпрыски богатых семейств, завершая своё образование.

4

«Карьера распутника» – серия гравюр английского художника и сатирика XVIII века Уильяма Хогарта, на которых он запечатлел постепенное моральное разложение человека – от растраты наследства и оргий, до тюрьмы и сумасшедшего дома.

5

Хэзард — азартная игра в кости с подсчётом очков, очень популярная в английских игорных домах тех лет.

6

Под «новой модой» Гэй имеет ввиду дендизм – манеру одеваться и держать себя, что ввёл Джордж Браммел, один из главных законодателей моды регентской Англии. Именно при нём вместо вычурных и ярких нарядов мужчины стали носить неброские, но элегантные костюмы, и уделять больше внимания личной гигиене и манерам.

7

Одежду Хью, а позже и Кестреля в оригинале называют просто «coat», что может значить и «пальто», но с учётом эпохи, я решил, что это скорее сокращение от «frock-coat» – сюртук.

8

В оригинале «first-floor», то есть, если буквально, «на первом этаже», но британцы считают этажи со второго, так как первый у них именуется «ground floor» или «street floor», так что по-русски Кестрель живёт на втором этаже.

9

В оригинале там «rapiers», что большинство словарей переводит как «рапиры», но рапира – это облегчённая и скорее декоративная или тренировочная разновидность шпаги, поэтому здесь лучше подойдет более воинственное слово «шпага».

10

Звучит как бред, но что ещё может значить конструкция «Cossack trousers», не знаю ни я, ни один из словарей, к которым я обращался. Может, конечно, Кестрель бывал и в России и

привёз оттуда такой сувенир. Кажется, слово «cossack» также употребляется в значении «буйный, несдержанный», но так у него ещё меньше смысла.

11

Говорят (франц.)

12

Речь, конечно, о часах-«луковицах». Брокер называет их не «watch» или «fob», а «tickers» – жаргонное, уличное словцо, которому нужно было подобрать свой аналог в русском. Сленговые «котлы» и другие «термины» из отечественного криминального жаргона смотрелись бы неуместно в речи англичанина первой половины XIX века, а «луковица» – достаточно нейтрально и понятно, а часы, которые воровал Брокер, наверняка, были именно карманными часами-«луковицами». Ну а «промокашка» – это, конечно, носовой платок, который Брокер именует «wiper» вместо «handkerchief».

13

Заговор предполагал убийство королевы Елизаветы I и возведение на престол бывшей королевы Шотландии Марии Стюарт, что ещё сохраняла права на английский престол. Заговор был раскрыт, участников казнили.

14

В оригинале – screen passage, то есть коридор за перегородкой, что отделяет господскую часть дома от той, где располагаются кухня и помещения слуг. Я не нашёл устоявшегося и краткого варианта перевода этого понятия на русский, так что окрестил его «служебным коридором».

15

Речь о фарфоровой статуэтке.

16

Поскольку хирургам приходилось долго учиться и буквально работать руками, они, в отличие от обычных врачей, не считались джентльменами, отчего вплоть до конца XIX века статус хирургов был намного ниже – вплоть до того, что они могли обедать с прислугой, в то время как врачей общей практики приглашали за хозяйский стол.

17

То есть конструкции оружейника Джозефа Ментона (1766-1834), изобретателя трубчатого ружейного замка.

18

Камин конструкции графа Румфорда (1753-1814) отличается от предшественников тем что лучше обогревает помещение, даёт больше света и выпускает в комнату меньше дыма благодаря изменению геометрии топки и дымохода.

19

В оригинале Гэй вместо «полжизни» говорит «I'd give a monkey to know why» (букв. «Дал

бы обезьяну, чтобы узнать почему»). С одной стороны, это идиома, соответствующая нашему «полжизни бы отдал», но также на жаргоне кокни «обезьяной» (monkey) называют сумму в пятьсот фунтов, но вряд ли Гэй может пользоваться таким лексиконом. Позже такой же оборот употребляет и Джулиан, что ещё один аргумент за простую образность и против пяти сотен фунтов.

20

Филиппа спрашивает о т. н. «Амфитеатре Астлея», которым владел Филипп Астлей (1742-1814), и в котором проходили конные выступления, номера клоунов, жонглёров, дрессировщиков – фактически, «Амфитеатр» был предшественником современных цирков.

21

«Опыт о человеке», Александр Поуп, перевод В. Микушевича.

22

Полиция Великобритании в те времена ещё не была профессиональной, а на должность констебля, который должен следить за правопорядком, приход добровольно или как получится избирал одного из своих членов. Жалованья такой страж порядка не получал. Привычные по фильмам про Шерлока Холмса «бобби» появились только в 1829 году, а синими мундирами и шлемами обзавелись лишь во второй половине XIX века.

23

Что забавно, в оригинале английская идиома звучит «hungry as hunters» – «голодны как охотники».

24

Поэмы Джона Мильтона (1608-1674)

25

В XVIII веке в Англии мировой судья (magistrate) должен был не только выносить приговоры, но и способствовать поимке преступников. Именно судье подчинялся местный констебль – поэтому сэр Роберт и отдаёт приказы Синдерби.

26

Ищейками с Боу-стрит (Bow Street Runners, дословно – «бегуны с Боу-стрит», но вариант «ищейки» также существует) в народе называли организацию сыщиков, созданную Генри и Джоном Филдингами в здании на Боу-стрит, 4 в Лондоне в 1749 году. Фактически, эта была первая профессиональная полицейская служба – в отличие от «ловцов воров», что искали преступников за вознаграждение от нанимателя, «ищейки» получали жалованье от государства.

27

Трупное окоченение (лат.)

28

Один стоун равен 14 фунтам или 6,35 кг.

В оригинале Кестрель говорит «third finger» («третий палец», если дословно), хотя безымянный не является третьим, с какой стороны ни считай. Возможно, это вызвано тем, что большой палец в английском вообще не называется «пальцем» (он не «finger», а «thumb») – такая же история как с этажом, который первый, но второй.

30

«Ньюгейтскими романами» назывались книги, описывающие жизнь преступников в романтическом ключе, что издавались в Англии тех времён. Название пошло от Ньюгейта – лондонской тюрьмы.

31

В оригинале слугу Кестреля зовут «Dipper» – то есть «Ковшик», «Черпак» и, как объясняет это предложение, дано это прозвище было за то, что он, будучи щипачом, ловко запуская пальцы в чужие карманы. Вместе с тем, кличка звучит достаточно адекватно, чтобы, и слуги, и образованные джентльмены вроде сэра Роберта принимали её за фамилию – в прошлой главе к нему прямо обращались «Mr. Dipper». Стало быть, нужно было придумать кличку, которая: 1). Имела бы какое-то касательство к «профессии» вора-карманника и была бы понятна русскому уху; 2). Звучала бы как нормальная английская фамилия; 3). Не была бы совсем трэшовой, вроде «Карманс» или «Щипачкинс». Мне пришло в голову использовать какой-нибудь более или менее прижившийся у нас англицизм, чтобы и понятно было и «английскость» сохранилась. Придумалось «Брокер», ради чего пришлось изменить предложение, где пояснялась суть фамилии, сославшись на роль карманника как «посредника» между владельцем имущества и скупщиком. Я не считаю свой вариант совершенством, так что если придумаете лучше – поделитесь.

32

Чистый лист (лат.)

33

В оригинале Брокер говорит «barking irons» – жаргонное название огнестрельного оружия. Мне вспомнился вудхаузовский «Псмит-журналист», где в переводе бандиты называли револьвер именно «шпалером». Интернет подсказал, что это всё-таки отечественный криминальный жаргон, но слово звучит куда адекватнее «волыны», «ствола» или любого иного «термина», которым можно передать эти «barking irons», так что я решил его использовать.

34

Я просто в восторге от того, как Брокер «не палится» этими «легалым» (nabsman) и «приделать ноги» (lifted), не говоря уже о «луковице» и «шпалере». «Подрезать фитиль» (clip the wick) мне показалось достаточно красочным, чтобы передать как есть.

35

Речь о двух громких нападениях на Ратклифф-хайвей в декабре 1811 года в лондонском Ист-Энде. Было убито семь человек, а сами нападения вызвали широкий общественный

резонанс.

36

Роман Анны Радклифф (1794 г.), почти нарицательное обозначение жанра «готический роман» с непременным мрачным и полным тайн замком. Клише готического романа и конкретно «Удольфские тайны» пародировала ещё Джейн Остин в «Нортенгерском аббатстве».

37

Адвокат, что непосредственно выступает в суде.

38

«Малиновками» называли конных патрульных с Боу-стрит, частью униформы которых был алый жилет, что носили под сюртуком.

39

Фехтовальный термин, означающий признание одним из участников поединка того, что противник сумел его достать, нанёс укол (фр. «toucher» – прикосновение). Впрочем, тут Кестрель говорит не французское «toucher», а английское «a touch», но суть та же.

40

Тут пришлось немного покорёжить предложение – в оригинале она намекает на фамилию Джулиана – «Kestrel» переводится как «пустельга», хищная птица из семейства соколиных, и леди Тарлтон говорит, что для такого хищника у Джулиана очень подходящая фамилия. На русском фамилия «Кестрель» значения не имеет, а переименовывать героя ради одной издёвки – это перебор. Сначала я попытался найти какого-нибудь достаточно одиозного исторического или хотя бы вымышленного персонажа по фамилии Кестрель (или хотя бы по имени Джулиан), с которыми леди Тарлтон могла бы его сравнить, но из подходящих нашёлся только Джулиан Джон – первый из попавших в документы чернокожий пират, но это имя никому ничего не скажет, так что отсылка пропадёт втуне. Решив отказаться от обыгрывания фамилии, я решил хотя бы сохранить «птичью» тему – пусть леди Тарлтон сравнит его со зловещим чёрным вороном, тем более, что чёрные костюмы, что носит денди Джулиан, тогда ещё не были действительно широко распространены, и для леди Тарлтон естественно воспринимать эту относительно новую моду без лишнего уважения.

41

То есть, у ворот перед мостом или дорогой, за проезд по которым нужно было заплатить.

42

Сара Сиддонс (1755-1830) – знаменитая британская актриса.

43

Тут Кестрель ссылается на разговор из восемнадцатой главы, где леди Тарлтон в оригинале сравнивает его с пустельгой (обыгрывая говорящую фамилию), а в переводе – с вороном (ссылаясь на чёрный костюм). В этой же главе, разумеется, упоминания костюма в

оригинале нет, там Кестрель говорит просто: «According to Lady Tarleton, my name suits me famously— a small and rather noisy bird of prey. Well, I could be worse off. Imagine going through life with a name like Silas Vorpe» («Если верить леди Тарлтон, моё имя отлично мне подходит – маленькая и шумная хищная птица. Что ж, могло быть и хуже. Представь, какого жить с именем вроде «Сайлас Ворп»).

44

Речь, конечно, о тюрьме. Брокер называет её «boarding school», то бишь «школа-интернат» или «пансионат» – видимо, в том смысле, что в тюрьме у тебя есть кормёжка и крыша над головой.

45

По закону от 1753 года англиканская свадьба могла совершаться лишь в англиканской церкви, священник которой должен был три недели до непосредственного бракосочетания каждое воскресенье объявлять о грядущей церемонии. Такое оглашение было введено для того, чтобы избежать незаконных или проводимых без ведома семьи союзов. Существовало несколько вариантов обойти это условие – например, жениться в Шотландии, на которую не распространялись английские законы, где вместо церемонии было достаточно одного свидетеля и не требовалось согласие родителей. При этом шотландские браки в Англии считались законными. Именно поэтому Крэддок называет Шотландию, и именно поэтому миссис Беннет в «Гордости и предубеждении» надеется, что её сбежавшая с офицером дочь поедет в Шотландию, а не в Лондон.

46

Цитата из «Сна в летнюю ночь» Шекспира (пер. Ф. И. Тютчева).

47

В оригинале эта фраза звучит намного более странно – «Been polishing the King's iron with your eyebrows, have you?» (досл. «Полировал королевское железо своими бровями?») Под «king's irons» явно имеются в виду кандалы, то есть смысл вопроса – не в тюрьме ли сидел Брокер, а вот что разумеется под «бровями» я не постиг.

48

То есть апостола Якова, он же Сантьяго Матаморос («Святой Яго Мавроборец»).

49

В оригинале Гэй говорит «stuffed them in a sea chest», то есть, если дословно, «запихнули в морской сундук». Эта фраза звучит довольно странно – сперва я предположил, что под «сундуком» тут имеется ввиду рундук Дэйви Джонса, и тогда слова Гэя стоит трактовать как «отправили в рундук Дэйви Джонса», то есть иносказательное «утопили» или «убили и утопили трупы в море». Но все словари наперебой говорят, что «sea chest» – это не более, чем ящик для личных вещей матроса, да и у Дэйви Джонса в оригинале «locker», а не «chest». Тем не менее, упоминание матросского сундучка в речи Гэя мне показалось очень уж странным, и я решил рискнуть, поняв его метафорически. Неудобно получится, если потом эта тема как-нибудь – ха-ха! – всплывёт. Также есть вероятность, что «chest» употреблено

тут в значении «грудь» (а «грудь моря» в таком случае можно метафорически понять как «дно морское») или просторечном «гроб», но такие смыслы вполне укладываются в слова «похоронили на дне морском».

50

У. Вордсорт, «Совершенная женщина», перевод М. Фрейдкина

51

То есть на севере Лондона.

52

Настойка опиума на спирту. В XIX веке такое «лекарство» продавалось свободно как успокоительное и снотворное.